БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

4 2017

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	**ДАНИЛОВ А. Н.** – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместители главного редактора	**ГРИЩЕНКО Ж. М.** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: zhanna0607@mail.ru
	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	**КОБЯК О. В.** – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

Бабосов Е. М.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Бакиров В. С.	Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бурова С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вятр Е.	Европейская высшая школа права и управления, Варшава, Польша.
Галлиев Г. Т.	Институт непрерывного и дополнительного образования, Уфа, Россия.
Гигин В. Ф.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Головаха Е. И.	Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Горшков М. К.	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.
Инглхарт Р. Ф.	Мичиганский университет, Анн-Арбор, США.
Кечина Е. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кизима С. А.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Клингеман Х.-Д.	Берлинский центр социальных наук, Берлин, Германия.
Коростелева Е. А.	Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Курилович Н. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кучко Е. Е.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Лихачёв Н. Е.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Матулионис А.	Институт социологии Литвы, Вильнюс, Литва.
Рубанов А. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Рудь В. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь (зав. редакцией).
Симхович В. А.	Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Соколова Г. Н.	Центр политической и экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Стёпин В. С.	Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Херпфер К.	Венский университет, Вена, Австрия.
Черняк Ю. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Чурилов Н. Н.	Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Шавель С. А.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Щелкова Т. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	**DANILOV A. N.**, doctor of science (sociology), full professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editor-in-chief	**GRISHCHENKO Zh. M.**, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: zhanna0607@mail.ru **ROTMAN D. G.**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	**KABIAK A. V.**, doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

Babosov Y. M.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bakirov V. S.	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Burova S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vyatr J.	European School of Law and Administration, Warsaw, Poland.
Galliyev G. T.	Institute of Continuous and Additional Education, Ufa, Russia.
Hihin V. F.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Golovakha E. I.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Gorshkov M. K.	Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Inglehart R. F.	University of Michigan, Ann Arbor, USA.
Kechina E. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kizima S. A.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Klingemann H.-D.	Berlin Social Science Center, Berlin, Germany.
Korosteleva E. A.	University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Kurilovich N. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kuchko E. E.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V.	Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Likhachyov N. E.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Matulionis A.	Institute of Sociology of Lithuania, Vilnius, Lithuania.
Rubanau A. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rud V. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus (head of the editorial staff).
Simkhovich V. A.	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Sokolova G. N.	Centre for Political and Economic Sociology of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Stepin V. S.	Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Herpfer K.	University of Vienna, Vienna, Austria.
Chernyak Y. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Churilov N. N.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Shavel S. A.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shchyolkova T. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Статьи и доклады

Articles and reports

УДК 316(075.8)

НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ БУДУЩЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А. Н. ДАНИЛОВ [1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассматривается сложная геополитическая ситуация глобальной нестабильности на исходе второго десятилетия XXI в., связанная с распадом Советского Союза, формированием нового идеала цивилизационного развития. Раскрываются драматические последствия «парада суверенитетов», непрочность новых интеграционных образований. Указывается на непредсказуемость глобального будущего и стабилизирующую роль национальных государств в мировой политике. Поднимаются вопросы о том, кто сегодня определяет содержание нового мирового порядка, по чьим лекалам он будет строиться, что станет основой новых геополитических реалий, базой нравственной солидарности человечества, какой идеал будущего мира будет взят за ориентир развития. В данном тематическом контексте формулируются основные уроки истории, не усвоенные мировой властной элитой.

Ключевые слова: трансформационный процесс; парад суверенитетов; национальное государство; глобализация; глобальная нестабильность; новые интеграционные образования; будущее цивилизации.

NEW GEOPOLITICAL REALITIES OF FUTURE CIVILIZATION

A. N. DANILOV [a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

This research paper analyses a complex geopolitical situation of global instability that developed in the world at the end of the second decade of the 21st century, connected with the consequences of the collapse of the Soviet Union, the formation of new ideals of civilization development. It explains the dramatic results of the «parade of sovereignties», vulnerability of

Образец цитирования:
Данилов А. Н. Новые геополитические реалии будущей цивилизации // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 4–12.

For citation:
Danilov A. N. New geopolitical realities of future civilization. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 4–12 (in Russ.).

Автор:
Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:
Alexander N. Danilov, corresponding member of the Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
a.danilov@tut.by

new integration projects. The frightening unpredictability of the global future and the stabilizing role of national states in world politics are described. The question is raised about who is going to define the new world order, whose templates it will be built on, what will become the basis for new geopolitical realities the basis of moral solidarity of mankind, the spiritual basis of the future civilisation, what ideal of the future world is supported and taken as a development guideline. In this thematic context, the author formulates the main lessons not mastered by the world power elite.

Key words: transformation process; sovereign parade; nation state; globalization; global instability; new integration projects.

Введение

Мир замер в готовности принять новый облик. Кризисы один за другим накрывают государства, в мгновения распадаются империи, политические блоки, союзы суверенных государств… Еще вчера благополучные и успешные, они утрачивают стабильность, недавние образцы для подражания буквально на глазах теряют привлекательность. Сегодня совершенно неясно, какой идеал будущего мира взят за ориентир развития. «Сам идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития <…> приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традицию, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно ее трансформируют» [1, с. 187].

Современное развитие показывает, что трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергнуться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и в процессе приспособления к новым требованиям могут вызывать кризис системы и человека. В частности, М. К. Горшков отмечает: «…хотя жизнь россиян за последнее десятилетие в материальном плане улучшилась, их представления об устройстве общества, когда от усилий самого человека мало что зависит, а главную роль играет наличие у него нужных связей и везение, не изменились в лучшую сторону. Можно даже говорить о нарастании разрыва между собственными усилиями людей и материальными результатами этих усилий, по крайней мере в массовом восприятии населения. Вот почему немало россиян настроены достаточно скептически по части своих возможностей реализации жизненной мечты в обществе, в котором они живут, считая его несправедливым и “неправильным”» [2, с. 280].

Глобализация, как ожидали некоторые политики, не стала «могильщиком» национального государства. Порожденные глобализацией надежды и ожидания, с которыми многие встретили свежий ветер перемен, оказались очередными иллюзиями. Распад Советского Союза породил паралич власти и новую несправедливость, горе и страдания ни в чем не повинных людей. Постсоветский мир с обретением бывшими республиками суверенного статуса пришел к совершенно иным, чем ожидалось его инициаторами, последствиям. Реализация собственных национальных амбиций и построение жизни по чужому образцу не дали ожидаемого результата, лишь разворошив давно зарубцевавшиеся раны. Сегодня они, как неожиданно оживший старый вулкан, с новой силой дали о себе знать, неся новым государствам, народам и людям беды и лишения. Вступив в фазу повышенных рисков, мир не стал более безопасным и стабильным.

Пугающая непредсказуемость глобального будущего

Стратегическая нестабильность XXI в. создает пугающий своей непредсказуемостью образ глобального будущего. Чаще всего образ определенной эпохи складывается после ее завершения и определяется ключевым событием, которое освещает дальнейший путь развития и выстраивает в логическую цепочку неизбежность последующих событий, формирующих некий тренд человеческих судеб, поколений нового века. Мы в этом мире не просто современники, свидетели, но и создатели новых утопий и антиутопий, непосредственные участники истории, которым суждено определить облик эпохи в исторической хронике. Ключевым событием определятся и судьбы живущих в ней поколений… И никому не дано избежать его духовного плена.

Ключевым событием наступившего XXI в., с нашей точки зрения, стал распад Советского Союза (1991), который нарушил мировое равновесие и задал тренд дальнейшего противостояния. Распад Советского Союза не был карой Божьей. Его породили человеческий эгоизм, авантюризм, непомерные амбиции политических лидеров. Платой за неразумение, попрание всякой морали, манию величия отдельных политических персонажей стали не только страдания тысяч ни в чем не повинных людей, но и утрата веры в будущее.

Падение «красного полюса» развязало руки худшим политическим и геополитическим инстинктам оставшейся сверхдержавы. США до сих пор полагают, что для обеспечения своего благополучия они должны властвовать над миром или хотя бы осуществлять полный контроль над процессами, формирующими его облик. Конечно, восстановить былое равновесие им не удастся. Трансформация в целом – это определенный выход из тупика, который возник со второй половины XX в. «благодаря» политикам. В мире начался мучительный процесс геополитической перестройки, формирования новых полюсов силы.

По прошествии четверти века мир по-прежнему в поиске своего нового лица, контуры которого лишь фрагментарно проступают сквозь военные столкновения, передел территорий, борьбу за влияние и ресурсы. Новые независимые государства, возникшие на обломках СССР, во многом уже выходят из затянувшегося периода адаптации к новым условиям существования. Очевидно, что теперь уже Запад втягивается в болезненную полосу политической турбулентности.

Как всегда, точен в своих оценках известный политический аналитик и дипломат Валентин Фалин: «В 1990 г. подводилась черта под войной холодной. В ней были свои торжествующие и побежденные. Первым номером среди последних шел СССР, руководство которого предало забвению истину: *мудрость есть распознание пределов возможного, высшая мудрость – это распознание пределов собственных возможностей*. Будут ли свежие победители мудрее? Время покажет. Пока особых причин для оптимизма не приметно. Апеллировать к морали по современным понятиям смешно. За нее сегодня ломаного гроша в базарный день не допросишься. И остается взывать к прагматизму, позаимствовав у Вольтера его сарказм: низвергая памятники, пощадите пьедесталы – они еще могут сгодиться» [3, с. 573].

«Парад суверенитетов» и новые интеграционные образования

Образование новых независимых государств на обломках советской империи быстро выявило неготовность большинства из них к самостоятельному развитию. Исторически «вмонтированные» в некогда хорошо отлаженный механизм великой державы, они ощутили настоящий шок, лишившись поддержки из центра. Но время на раскачку история им предоставить не могла. Оставшиеся в наследство технологии и ресурсы быстро истощились, старые кадры под улюлюканье толпы покидали свои кабинеты. Эйфория «парада суверенитетов» закончилась также внезапно, как когда-то неожиданно началась. Всем хотелось жить как на Западе, во-всяком случае не хуже, чем раньше. Но обеспечить такой уровень, увы, могли не все страны. Трудно было всем, часто трансформационный процесс сопровождался социально-экономическими потерями, политическим противостоянием, протестами, стычками. Где-то были развязаны и вооруженные столкновения, конфликты, в том числе гражданские войны, повлекшие массовую гибель людей. Разрушения породили волны вынужденной миграции населения.

Процесс трансформации был призван обеспечить гарантии от реставрации старой системы, причем как нежелательные рассматривались не только варианты возвращения к прежней идеологии, но и восстановление мощного государства, которое могло бы существенно влиять на геополитические процессы в их экономических, торгово-финансовых, военных, научно-технических и прочих измерениях. Вся сложность развития данного процесса состояла в том, что единой технологии трансформационных перемен не было ни у кого и оптимальную политику преобразований каждой стране приходилось вырабатывать самостоятельно. К тому же сразу появились умелые подсказчики, причем не только доморощенные, но и западные. Они-то и просветили потерявшую всякую бдительность и желание к сопротивлению советскую властную элиту, как быстро и без больших потерь перейти от развитого социализма к современному капитализму. Дошли не многие, но страну развалили окончательно. Все пришлось начинать заново, да и то не сразу.

Как показал недавний опыт, темп и характер изменений политической и экономической системы, а также предрасположенность к той или иной форме интеграционной активности во многом зависят от структурно-экономических, этнокультурных, политических и иных конкретно-исторических черт каждой страны. В условиях реформирования прежней системы люди часто становятся заложниками событий, которыми они не умеют управлять, перманентно находятся в социально-психологическом напряжении. В этом и заключается своеобразие всего процесса перемен.

Усиление взаимосвязи и взаимозависимости государств, их экономик и интернационализация всех сфер общественной жизни являются одними из наиболее характерных особенностей нашего времени. Этот фактор лежит в основе процессов интеграции, формирования региональных межгосударственных сообществ. Новым государствам, образовавшимся после распада Советского Союза, приходится решать проблему своего включения в мировое сообщество. Это можно сделать либо через прямое, непосредственное вхождение, либо через более затяжную совместную интеграцию. Примером может служить Содружество Независи-

мых Государств. Это образование, созданное, как утверждают некоторые аналитики, в качестве площадки для мирного, цивилизованного «развода» некогда живущих в одной дружной «семье» союзных республик, и должно было стать своеобразным плавильным котлом вестернизации постсоветского пространства. По мнению новых западных партнеров, самым страшным грехом для каждой страны, входящей в СНГ, была попытка возрождения Союза. Поэтому вполне закономерно, что стало приветствоваться не единение бывших республик на новой основе, а их все большее отдаление, максимальное проявление непохожести, независимости друг от друга и одновременно лояльности к новым хозяевам, которые посчитали себя победителями в холодной войне.

СНГ, быстро созданный на обломках СССР, с каждым годом только терял свои возможности по преодолению огромного числа противоречий, как внутри ставших в одночасье независимых стран, так и на арене межгосударственных отношений. Многому приходилось учиться на ходу: умению идти на компромиссы, усмирять политические амбиции, преодолевать неприязнь, проявлять терпимость, поступаться малым, чтобы сохранить большее.

С первых лет работы СНГ четко обозначились прогрессирующая линия на укрепление национального суверенитета стран и определение позиции относительно сотрудничества с Россией на основе двухсторонних отношений. Время требовало поиска новых форм развития, которые позволили бы укрепить суверенитет образовавшихся на постсоветском пространстве государств и создать благоприятные политические и социально-экономические условия их развития.

К тому же договоренности, закрепленные в беловежских и алма-атинских документах, в большинстве своем так и остались декларацией о намерениях. Несмотря на предпринимаемые усилия, за прошедшие со времени создания СНГ годы внутри сообщества так и не создана полноценная зона свободной торговли без изъятий и ограничений, не обеспечено свободное движение рабочей силы, капиталов и услуг. С годами только нарастал разрыв хозяйственных связей, усиливался спад производства, до самого низкого уровня упали объем и интенсивность межгосударственного обмена продукцией и услугами. Надежды на быстрый выход на мировой рынок не оправдались. К тому же стал резко снижаться уровень жизни населения стран СНГ. Каждый год над сообществом нависала угроза распада.

Многоступенчатый механизм координации деятельности стран – участниц СНГ постоянно давал сбои. Предложения по созданию новой модели, которая базировалась бы на необходимости защиты национальных интересов государств, взаимовыгодном сотрудничестве, открытости и альтернативности подходов, оставались нереализованными.

Жизнь сама подсказала идею интеграции стран внутри СНГ на разных скоростях. Так, в январе 1995 г. главами России, Беларуси и Казахстана был подписан пакет документов о создании Таможенного союза. Уже к лету была реализована программа первого этапа: отменены ограничения в торговле, установлены общие таможенные тарифы. Вскоре к «союзу трех» присоединился Кыргызстан. Спустя всего три дня после рождения «союза четырех», 2 апреля 1996 г., в Москве был подписан Договор об образовании Сообщества Беларуси и России. «Союз четырех» и «двойка» не только придали новый импульс активизации торгово-экономических и военно-политических связей между странами-участницами, но и породили немало противоречий, а главное – еще раз продемонстрировали миру уязвимость и хрупкость СНГ.

Ранее (в 1994 г.) с внешне вполне благородными целями углубления и ускорения процессов интеграции стран-соседей был создан экономический союз Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. Формирование интеграционных ядер в составе Содружества, где появились европейский и центрально-азиатский векторы, локальные и региональные союзы и блоки, вело лишь к формализму и бюрократии, усложнению и без того достаточно сложных процедур согласования позиций между государствами. Проблемы в СНГ только нарастали.

С другой стороны, появившийся опыт государственного управления, стабилизация национальных экономик в процессе системной трансформации, преодоление недоверия друг к другу, боязни «старшего брата» ставили перед странами необходимость переосмысления, некой «перезагрузки» интеграционного процесса и придания ему статуса конкурентоспособного и респектабельного образования. Таким образованием и стало учреждение Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), с 1 января 2015 г. преобразованное в Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Евразийская интеграция – это демонстрация окрепшими новыми независимыми государствами, прежде всего бывшего Советского Союза, готовности выступить новым геополитическим центром силы, демонстрация независимости и консолидации вокруг возрождающейся России. Конечно, предстоит еще большая работа внутри строящегося Евразийского экономического союза, в состав которого сегодня входят пять государств: Россия, Беларусь, Армения, Казахстан и Кыргызстан. Главы государств подписали соглашение об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2015–2016 гг. и развитии торгово-экономического

сотрудничества с основными партнерами на среднесрочную перспективу. Желание войти в общую зону свободной торговли с ЕАЭС выразили такие авторитетные игроки, как Индия, Израиль, Иран, Вьетнам и Египет. В планах также расширение сотрудничества с китайским проектом экономического пояса «Шелкового пути». Предполагается, что к этому процессу могут подключиться страны Шанхайской организации сотрудничества.

Как и ожидалось, на образование ЕАЭС реакция в мире была разная. Последняя четверть века геополитика была прерогативой исключительно США, которые по принятой схеме рассматривают создание ЕАЭС как попытку возрождения Советского Союза. С одной стороны, глобализация активизировала интеграционные процессы, а с другой – наглядно продемонстрировала, что однополярного мира по модели США выстроить не удастся, попытки вестернизации мира наталкиваются на решительное сопротивление суверенных стран.

Не стоит обольщаться и надеяться, что Запад сам примется за создание некой геополитической альтернативы или будет спокойно наблюдать за тем, как независимые государства выстраивают иную модель развития. Тем более что в планы Запада никак не входит предложить постсоветским странам модель перспективного социального прогресса и приобщения к мировым стандартам на фоне их самостоятельного развития и сохранения национальных особенностей.

Национальное государство в условиях глобальной нестабильности

Новые вызовы требуют от человечества нетривиальных решений. И они, конечно, будут найдены. В свое время историк искусств и реставратор Савва Ямщиков очень точно отмечал: «Наиболее страшным из итогов 25-летнего нашего так называемого “постперестроечного” времени я считаю то, что за это время нас заставили потерять память» [4, с. 21]. Поэт и литературный критик Юрий Кублановский, анализируя причины распада СССР, отмечает: «… подобного разграбления история не знала со времен Византии, причем тогда хищничали пришельцы, а тут – свои. Но еще страшнее – моральное оскудение. <…> И вот по этим чаяниям и надеждам ударили особенно сокрушительно – “рублем”, пропагандой корысти без берегов. <…> Помните, в “Бесах” революционер и прожектер Шигалев говорил: мы дадим право на бесчестие, и тогда все к нам перебегут. Вот тогда, в 90-е, и было дано это “право”. От него все пошло» [5, с. 39]. Все это не могло не привести к распаду СССР, моральному оскудению, новым трагедиям и потрясениям. «Революция приходит не сверху и не снизу – она наступает, когда истончаются все истины», – вкладывает истину в уста своего главного героя писатель Захар Прилепин [6, с. 753]. Уже никто никому не верил… Страна, где преобладают люди, не знающие своей истории и литературы, не увлеченные величием собственной культуры, не может считаться независимой.

Управляемый и безвольный человек – наиболее типичный для современного мира субъект. И человек ли это вообще? Без эмоций, сопереживания, веры, морали, нравственности, с парализованной волей, неспособный к жизни. Такой субъект, внешне похожий на человека, полностью погружен в мир игры. Ему кажется, что у него много жизней и незачем ими дорожить. Культурная среда, в которой формируются новые поколения, наполняется артефактами, которые далеки от реальных смыслов человеческого сосуществования, они искажают, фальсифицируют и виртуализируют историческую правду. Все искажено до неузнаваемости: и традиции, и ценности, и смыслы… Человеческие отношения строятся на выгоде, семья – на расчете, герои подвергаются очернительству, высоконравственные поступки высмеиваются… Поэтому и в своей, славянской, семье разобраться не можем… Интеграция – это когда всем сторонам выгодно!? А если не выгодно, то значит, и не родные, не братские народы? Так можно далеко уйти и, кстати, в разные стороны друг от друга. Разве в семье может быть некая имитация интеграции, видимость родства?.. Кто же так умело нас разводит?

И можно ли строить светлое будущее без реальных ориентиров, представлений о счастье, добре, нравственности в условиях хаоса? Почему Россия, несмотря на зримые успехи, пока так и не стала образцом для подражания постсоветской молодежи? Почему большинство представителей нового поколения склонны видеть свое будущее на Западе и ориентироваться на западный образ жизни? И это при всех проблемах, которые сегодня одолевают Запад. Глобализация растоптала тайну человеческой души, породила новую волну национализма и этнического неравенства. В защите нуждаются наши представления о совести, чести, достоинстве, нравственности. Без богатства внутреннего мира человека наступает эра невежества, ханжества и насилия. Мир технологий манипулирует самым святым, что есть в человеке, – его совестью… Почему же мы так пассивны?

Мы строим общество по чужим лекалам, с «грамотным потребителем» в основе нового мироздания. Но насколько устойчива такая опора? Ведь эти ступеньки человека разумного в потребительском обществе становятся не опорами личной свободы, счастья и благоденствия, а источником эгоизма, агрессии, человеческой нетерпимости друг к другу. Объяснения лежат в области современной морали. Сегодня отклонения от принятых правил человеческой жизнедеятельности и поведения признаются

нормой. В искусстве и культуре сплошь наблюдается отход от прекрасного и высоконравственного. Семья, построенная на любви мужчины и женщины, трактуется как отживший анахронизм. Человеческая жертвенность, подвижничество, проявление героизма осмеиваются и подвергаются остракизму, во главу угла ставится свобода нравов… Такая ситуация ведет мир к хаосу, народы и люди утрачивают способность договариваться, не испытывают потребность в диалоге… В результате у небольшой группы людей появляется реальная возможность безраздельно править миром… Теории, ранее воспринимавшиеся как самые фантастические утопии, могут превратиться в реальность.

Без гуманитарного начала нет человека разумного…

На чем же сегодня держится мир? Что спасает его от гибели? Мы убеждены в том, что это подвижничество человека нравственного, его вера в добро и справедливость, жертвенное служение истинным ценностям. Культурная среда укореняет в человеке многообразие смыслов понимания жизни и постижения его созидательной роли на Земле…

При этом нельзя забывать, что именно развитие культуры, искусства, литературы, гуманитарного знания, науки в целом всегда было эффективным инструментом развития человека, расширения горизонта его ценностных смыслов и представлений, обогащения духовного мира. Научный прогресс всегда шел по пути гуманизации общества. Гуманитарная наука (философия, социология, филология, история, литература и др.) – необходимейшее условие развития человека.

Общественным запросом для современной гуманитарной науки становится построение общества счастливых людей. Но готовы ли мы построить такой глобальный мир, который бы сделал всех людей счастливыми? Пожалуй, нет, а ведь и время, и ресурсы уже на исходе. Преградой выступает человеческий фактор, а именно амбиции вождей, превращающиеся в амбиции стран, разделяющие всех нас на имущих и неимущих, белых и черных, счастливых и несчастных… Но сколько это еще может продолжаться? Прав был гениальный русский композитор и мыслитель Георгий Свиридов: «*Будущее* – пехтерь с сеном, привязанный перед мордой запряженной лошади. Она бежит, бежит, бедная, надрывается из последних сил, но ей не пожрать (вкусить) своего корма: пехтерь с сеном бежит перед нею и она *никогда* его не достанет» [7, с. 516].

С распадом Советского Союза было утрачено равновесие политических сил и мир постепенно стал погружаться в хаос. И обрести это равновесие удастся не скоро. Потребуются годы титанического труда, произойдут новые войны и трагедии, история откроет имена новых победителей и побежденных. Наконец, потребуется желание народов жить в мире и добрососедстве, чего сегодня совсем не просто добиться.

Нежелание видеть очевидное дорого нам стоило в период холодной войны с Западом. Однако мы не можем не признать, что Запад также не видит, куда двигаться дальше, чуть выкарабкивается из одного кризиса, как попадает в другой и тащит за собой весь мир. Не витает ли вновь над планетой страшный символ, начертанный некогда Уильямом Шекспиром, когда безумцы предводительствуют слепцами? Мир вновь меняет очертания. Что для него спасительно? Что губительно? Как устоять в этом смерче событий государствам и народам, потерявшим жизненные ориентиры и ступившим на зыбкий путь поиска своего «нового прошлого». Будет ли надежным и устойчивым такой фундамент? Как поделить некогда общие традиции, ценности, идеалы? Как поступить с героями, общими победами и поражениями? Ведь народ, забывший свою историю, обречен пережить ее вновь…

На наш взгляд, мир будет укрепляться не за счет того, что будут приняты некие общие для всех правила игры, признаны универсальными некие общечеловеческие ценности, а за счет того, что будут уважаться, в том числе и сильными мира сего, национальные интересы, права и достоинства всех народов и граждан, наладится диалог культур. Признание устройства жизни и модели развития сильнейшего в качестве образца – это капитуляция, сдача своих национальных интересов и, таким образом, перекодирование собственных культурных основ, изменение идентификационного кода, потеря будущего. Гегемонию одной страны или группы развитых западных стран исторический опыт как раз отвергает: такая расстановка сил уже продемонстрировала невозможность адекватно реагировать на современные вызовы, справедливо решать проблемы. Да и четверть века постсоветского мира показывает, что ни одна из образовавшихся на обломках былого социалистического сообщества стран не спешит расставаться с обретенным суверенитетом и не готова делиться даже частью своих прав с некими наднациональными структурами.

Особенности трансформации белорусского общества

За последние два десятилетия о Беларуси много писали, больше негативного, через призму определенных политических предпочтений и укоренившихся клише. Такая шаблонность вкупе с пред-

взятостью по отношению к Беларуси, а теперь и к России, подчас мешают увидеть реальные достижения братских народов, их способность мобилизоваться в сложное время, сплотиться вокруг своих лидеров и самостоятельно строить будущее. В Беларуси своевременно была создана сильная вертикаль власти, сохранена социальная направленность политического курса. Трансформационный процесс еще полностью не завершен, предстоит преодолеть последствия мирового финансового кризиса, вывести национальную экономику на новый инновационный этап, модернизировать сельскохозяйственную отрасль, достичь высокого уровня в развитии гуманитарной сферы, науки, образования, культуры. Полным ходом идет трудный процесс формирования национальной идентичности, и это еще раз подчеркивает правильность избранного пути по укоренению белорусской государственности. Он не носит ультимативного, резкого, неприемлемого для белорусского народа характера, но все более в сознании граждан утверждается мысль о ценности суверенитета, ответственности за свою судьбу и судьбу своей страны. И это следует отнести к главным достижениям нашего государства в последние десятилетия.

Белорусской трансформации присущ эволюционный характер преобразований, основанный на ментальности народа и социальной ответственности власти. В Беларуси формируется перспективная модель национальной экономики, которую в самом общем виде можно определить как социально ориентированную рыночную.

Опыт развития нашей страны в последнее десятилетие говорит о необходимости своевременной смены механизмов реализации экономических реформ исходя из конкретных внутренних и внешних обстоятельств. Глобальный кризис, конечно, влияет на условия функционирования национальной экономики, но основа и принципы белорусской модели развития остаются неизменными. Не подвергается сомнению ведущая роль государственного сектора. Основная функция государства как раз и заключается в том, чтобы создать необходимые условия для развития экономики и социальной сферы, обеспечить безопасность граждан, социальную справедливость и общественный порядок, противостоять коррупции и протекционизму. Политическая стабильность является одним из важнейших условий постепенной интеграции Беларуси в мировую экономику, привлечения иностранных инвестиций.

Еще одна особенность белорусской модели состоит в том, что частный сектор может и должен развиваться наряду с государственным, однако не в ущерб общегосударственным интересам. Специфической чертой белорусской модели выступает перманентная приватизация, которая идет постоянно, однако является не самоцелью, а средством найти заинтересованного инвестора, создать эффективного и честного собственника. На первом этапе контрольный пакет сохраняется в руках государства: необходимо убедиться в серьезности намерений инвестора. Беларусь отказалась от обезличенной поточной приватизации, как это было в других странах СНГ.

Нельзя допустить сворачивание сложившейся системы социальной защиты населения страны, углубления социальной поляризации, ухудшения условий жизни слабозащищенных категорий населения. Социальная политика, проводимая в Беларуси, заключается не только в помощи остро нуждающимся гражданам, но и в постоянных инвестициях в здравоохранение, профессиональное, культурное, личностное развитие граждан, т. е. в их будущее и будущее страны. При этом особое внимание уделяется подготовке молодого поколения, в частности его практико-ориентированному образованию.

Реализуемая модель развития отвечает требованиям современности, коллективистским традициям белорусского народа, поддерживает идею создания сильного государства именно через эволюционный путь.

Безусловно, новые риски и вызовы, с которыми сталкиваются страны, требуют своевременных и адекватных действий. Некоторые отступления от принятой модели вполне возможны, но непоколебимыми должны оставаться принципы, которые исключат возможность введения шокового варианта.

Глобальный финансово-экономический кризис свидетельствует о том, что переход к новому состоянию мировой системы уже начался.

Некоторые уроки перемен

Какие же уроки стоит извлечь из трудного опыта перемен, связанных с распадом Советского Союза, чтобы вновь не наступить на те же грабли, не повторить ошибок недавнего прошлого?

Во-первых, надо понимать, что новые государства рождаются не на пустом месте, и совместная история, судьба – это большое преимущество. И не следует легко от него отказываться. Укоренение государственности, осознание населением собственного суверенитета, формирование национальной идентичности – время серьезных испытаний, связанных с предвкушением новой ответственности, стремлением утвердить свое национальное родство, пройти тест на идентичность. Соблазнов на этом пути много: недопустимы национализм, фальсификация истории, предъявление взаимных претензий к некогда единой исторической судьбе, соседям, переоценка недавних общих до-

стижений, побед и поражений, дележка мудрецов, гениев и народных героев. В данном контексте будут уместны слова Ж. Т. Тощенко: «…предметом практически всех исследований в современной социологии было, есть и, уверен, будет изучение состояния и тенденций изменения жизненного мира, воплощенного в реально функционирующем общественном сознании, в реальном деятельностном поведении в условиях определенной социальной среды» [8, с. 8].

Во-вторых, у новых государств должна быть консолидирующая цель в виде идеи, теории, смысла, нравственного примера. Необходим заразительный пример целеустремленной группы людей, ведущих подвижнический, в чем-то жертвенный образ жизни, чтущих традиции и ценящих счастье повседневного бытия. Распад же начинается с сомнений, неверия, переходящего в нигилизм, с борьбы за национальную исключительность. Революции чаще начинаются с внутренних противоречий. Сегодня можно спорить, насколько неизбежными были в конце 1980-х гг. столь кардинальные перемены всего и вся… Сейчас мы видим, что были слепцами, поверив обещаниям, которые так и остались обещаниями, а жизнь, увы, для подавляющего большинства людей лучше не стала. Собственно, созидать никто и не собирался. К власти пришли популисты, не имеющие внятной стратегии развития, программы модернизации, которые только и могли, что клеймить, разоблачать и грабить. Оказалось, всего этого было вполне достаточно, чтобы добиться своих целей.

В-третьих, следует понимать, что народ, потерявший память, страшен. Фальсификация прошлого обрекает его на новые трагедии, бессмысленные сражения и никому не нужные жертвы. За подобным беспамятством чаще всего стоят преступные действия конкретных людей, чинивших государственные перевороты, сеящих зло, раздор, ненависть, насилие и смерть невинных жертв. Сегодня это действия по десоветизации, сносу памятников советским воинам, победителям Второй мировой войны, фальсификация истории. На их фоне в начале XXI в. существенно изменились формы и методы внешнего влияния на государства, не принимающие современного варварства. Нынешние революции стали более изощренными и разнообразными: на смену вооруженному перевороту и грубому давлению пришла «мягкая сила» – влияние через культуру, ценности, образ жизни и т. д. Появились социальные сети, разного рода общественные, просветительские и благотворительные фонды и объединения, в том числе функционирующие на иностранные гранты. Как долго радужными и заманчивыми лозунгами можно обманывать своих граждан, покажет время. Но, к сожалению, обманывать получается. Если же не срабатывают механизмы цветных революций, в ход идет открытая агрессия сильнейшего, с согласия или даже без согласия Совета Безопасности ООН (как это было в Югославии, Иране, Афганистане, Ливии).

В последнее время участились нападки на легальные международные организации: их обвиняют в недостаточной эффективности. Работе этих организаций следует максимально содействовать, а не становиться в позицию критиканства. Только вместе с международными организациями, прежде всего ООН, можно не только уберечь страну от потрясений, но и сделать новые шаги в своем развитии, признавая правоту народа, поддержав живущее в нем стремление к справедливости.

В-четвертых, с распадом Красной империи оказалось разрушено послевоенное равновесие сил, уничтожена сложившаяся система сдержек и противовесов в мировой политике, которую представляла собой биполярная модель мира. Мир постепенно стал погружаться в хаос, а основным регулятором, мировым судьей в глобальном масштабе вновь стала военная сила. Тем самым были созданы идеальные условия для возникновения крупных международных террористических организаций. Сегодня терроризм – главный вызов XXI в., – воспользовавшись хаосом, возникшим с распадом СССР, пустил глубокие корни по всему миру и за относительно небольшой отрезок времени создал разветвленную сеть. Террористические и экстремистские организации, идеология которых строится на религиозном и националистическом фанатизме, пытаются возродить средневековые нормы и ценности, создать свое государство. Люди не желают жить по законам человеческой цивилизации. И никакой управляемый хаос здесь не поможет. Получилось очень сильное и разрушительное оружие… со своим жизненным миром.

В-пятых, общество после распада чаще всего находится на грани полного морального оскудения. Как точен был великий русский писатель Леонид Леонов, записав в своих дневниках: «Падение Рима. Пришлось срыть храмы, убить мудрых, осквернить память святых, растлить молодых – ради какой там крупицы впереди? Трудно было лишь сперва, пока не надломили хребет личного достоинства, – дальше все пошло гораздо легче» [9, с. 643–644]. «Крупица впереди» оказалась очередным блефом, скачком в пропасть. Страна, среди населения которой преобладают люди, ничего не знающие о своей истории и культуре, не в состоянии что-то отстаивать или защищать… Такая страна обречена прозябать на обочине цивилизации. Вывод прост, но трудно исполним в жизни: меньше личностных амбиций власть предержащих, не нужно бояться прослыть консерватором, необходимо иметь гражданское мужество, чтобы говорить правду о прошлом, настоящем и будущем.

Заключение

Крушение Красной империи и последовавшая трансформация государств, образовавшихся на его просторах, – явление глобального исторического порядка, вызвавшее гигантские геополитические смещения. И новый облик мир обретет не скоро. В нынешнее переломное для всей цивилизации время особенно важно вглядеться в глубинную суть процессов трансформации – от них зависит будущее мирового общества. Трансформационные перемены, задуманные Западом как средство закрепления победы над распавшимся Советским Союзом, должны органически вписаться в новый облик мира, каким он рисуется воображению и прогнозам главных облик «архитекторов» перемен. Но насколько этот новый мир органичен? Насколько он жизнеспособен и принесет ли те преимущества, надежда на которые побудила народы поверить новым претендентам на власть и влияние? На эти вопросы ответит новейшая история…

Библиографические ссылки

1. *Стёпин В. С.* XXI век – радикальная трансформация типа цивилизационного развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Международные Лихачевские научные чтения (Санкт-Петербург, 18–20 мая 2017 г.). СПб. : СПбГУП, 2017.

2. *Горшков М. К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) : в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Новый хронограф, 2016. Т. 1.

3. *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М. : Изд-во Центрполиграф, 2016.

4. *Ямщиков С. В.* Выступление // А. С. Пушкин как мировоззренческое явление национальной традиции : сб. ст. Псков, 2009.

5. *Кублановский Ю.* 90-е принесли настоящую катастрофу // Журнал «Свой» (прил. к газете «Культура»). 2016, сент. С. 38.

6. *Прилепин З.* Санькя. М. : Апрель, 2012.

7. *Свиридов Г. В.* Музыка как судьба // Георгий Свиридов / сост. А. С. Белоненко, В. С. Белоненко ; авт. предисл. и коммент. А. С. Белоненко; науч. ред. С. И. Субботина. 2-е изд., дораб. и доп. М. : Молодая гвардия, 2017.

8. *Тощенко Ж. Т.* Социология жизни : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

9. *Леонов Л. М.* Из дневников : собр. соч. : в 6 т. М. : Книж. клуб «Книговек», 2013. Т. 4.

References

1. Stepin V. S. [21st century – radical transformation of the type of civilizational development]. *Global'nyi mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego* [Global world: systemic changes, challenges and framework of the future] : 17th Int. Likhachev Sci. Readings (Saint Petersburg,18–20 May, 2017). Saint Petersburg : SPUHSS (in Russ.).

2. Gorshkov M. K. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russin society as it is (experience of sociological diagnostics)] : in 2 vols. Moscow : Novy khronograph, 2016. Vol. 1 (in Russ.).

3. Falin V. M. *Vtoroi front. Antigitlerovskaya koalitsiya: konflikt interesov* [Second front. Anti-Hitler Coalition: conflict of interests]. Moscow : Publishing House «Tsentrpoligraf», 2016 (in Russ.).

4. Yamshchikov S. V. [Presentation]. *A. S. Pushkin kak mirovozzrencheskoe yavlenie natsional'noi traditsii* [A. S. Pushkin as a worldview phenomenon of national tradition] : collect. of art. Pskov, 2009 (in Russ.).

5. Kublanovskii Y. [The 90s have brought about a true catastrophe]. *Svoi.* 2016. Sept. P. 38 (in Russ.).

6. Prilepin [San'kya]. Moscow : April', 2012 (in Russ.).

7. Sviridov G. V. [Music as destiny]. In: H. S. Belonenko, V. S. Belonenko. *Georgii Sviridov* [Georgiy Sviridov]. Moscow : Molodaya gvardiya, 2017 (in Russ.).

8. Toshchenko Zh. T. *Sotsiologiya zhizni* [Sociology of life]. Moscow : UNITY-DANA, 2016 (in Russ.).

9. Leonov L. M. *Iz dnevnikov* [From the Diaries]: collect. of essays : in 6 vols. Moscow : Book club «Knigovek», 2013. Vol. 4 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 24.11.2017.
Received by editorial board 24.11.2017.

УДК 316.421

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. В. КОЧЕТКОВ[1)]

[1)]*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия*

Прослеживается история возникновения и развития социологии международных отношений как самостоятельной науки. Особое внимание уделено вкладу русских ученых в становление социологии международных отношений. Отмечается, что предыстория русской школы данного научного направления берет начало еще в XIX в. в работах Н. И. Кареева, Л. И. Мечникова, а термин «социология международных отношений» введен в научный оборот русским исследователем В. Ю. Ключниковым в 1922 г. Рассматриваются различные точки зрения на социологию международных отношений. Авторская позиция заключается в том, что отрицать изучение мирополитических реалий с позиций социологии невозможно, поскольку общество может быть как международным, так и национальным. Проведен сравнительный анализ основных положений национальных (российской, китайской и западной) школ социологии международных отношений. Охарактеризованы три основные русские традиции в изучении международных отношений: западничество, державничество и третьеримство. Делается вывод о том, что в условиях кризиса вестфальской системы, а также нарастающей хаотизации и выхода на международную арену новых негосударственных акторов международные отношения все более социологизируются.

Ключевые слова: социология международных отношений; история развития социологии международных отношений; национальные школы социологии международных отношений; западная теория международных отношений; китайская теория международных отношений; русская школа исследования международных отношений.

SOCIOLOGICAL DIMENSION OF INTERNATIONAL RELATIONS

V. V. KOCHETKOV[a]

[a]*Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia*

The article describes the history of the emergence and development of the sociology of international relations (SIR) as an independent science from the moment of its appearance to the present day. Special attention is paid to the contribution of Russian scientists to the development of the sociology of international relations. It is shown that the prehistory of the Russian school of sociology of international relations dates back to the 19th century in the works of N. Kareev, L. Mechnikov, and the term «sociology of international relations» was first introduced into scientific circulation by the Russian researcher V. Klyuchnikov in 1922. Different points of view on the sociology of international relations are considered. The author's position is that it is impossible to deny the study of world political realities from the standpoint of sociology, since society can be international in the same way as the national one. A comparative analysis of the main provisions of national (Russian, Chinese and Western) schools of international relations was conducted. Special attention is paid to the domestic school of sociology of international relations. Three major Russian tradition in the study of international relations – Westernism, Great power nationalism and Treterimstvo are characterized. It is concluded that under the crisis of the Westphalian system, increasing chaos and enter of new non-state actors on the international arena, international relations are increasingly sociological.

Key words: sociology of international relations; history of sociology of international relations; national schools of sociology of international relations; Western theory of international relations; Chinese theory of international relations; domestic school of international relations research.

Образец цитирования:
Кочетков В. В. Социологическое измерение международных отношений // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 13–18.

For citation:
Kochetkov V. V. Sociological dimension of international relations. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 13–18 (in Russ.).

Автор:
Владимир Викторович Кочетков – доктор социологических наук, профессор; заместитель заведующего кафедрой социологии международных отношений.

Author:
Vladimir V. Kochetkov, doctor of science (sociology), full professor; vice-head of the department of sociology of international relations.
socirmsu@gmail.com

Международные отношения – это в конечном счете отношения между людьми. Именно поэтому психологические категории, такие как восприятие, установки, стереотипы, инстинкты, процессы принятия решений, играют важную роль в международных отношениях. Однако в международных отношениях люди взаимодействуют не сами по себе, а как представители определенных групп. Основными группами, в которые объединены индивиды, участвующие в международных отношениях, являются государства (англ. *nation-state*, фр. *État-nation*, нем. *Nationalstaat*). Такими группами могут выступать также правительственные и неправительственные международные организации, транснациональные корпорации, общественные и религиозные объединения, группы гражданского общества. Международные отношения являются социологическими по своей природе и подчиняются законам социологии.

Социология международных отношений имеет более чем полувековую историю. Как о самостоятельной науке о ней впервые заговорил французский социолог Р. Арон. Он считал, что главной особенностью международных отношений является то, что они совершаются под сенью войны [1, p. 32]. Р. Арон противопоставлял упорядоченную внутреннюю политику государств хаотичным международным отношениям и утверждал, что различия сохранятся до тех пор, пока существуют государства. Большой вклад в развитие социологии международных отношений внесли французские социологи Г. Бутуль [2, p. 18], М. Мерль [3, p. 35], Б. Бади [4, p. 64], М.-К. Смутс [5, p. 43], А. Турен [6, p. 85]. Значительная роль в этом научном направлении принадлежит С. Амину – египетскому (франкоговорящему) политологу и экономисту, исследователю глобализации, одному из теоретиков неомарксизма и сторонников мир-системного подхода, исследователю зависимого развития [7, с. 118]. Одним из влиятельных социологов-международников современности является известный американский социолог и философ-неомарксист, один из основателей мир-системного анализа, председатель Международной социологической ассоциации (МСА) И. Валлерстайн [8, с. 371]. В области социологии международных отношений работают ученые Франции, США, Великобритании, Германии, Мексики, Норвегии, Польши, других стран.

Сегодня в России социология международных отношений получила статус академической дисциплины. Во многом это произошло благодаря усилиям П. А. Цыганкова [9, с. 30] и возглавляемой им кафедры социологии международных отношений социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Однако предыстория отечественной школы берет начало еще в XVIII в. Возникновению русской школы исследования международных отношений предшествовали работы Н. И. Кареева [10, с. 336], Л. И. Мечникова [11, с. 150], Я. А. Новикова [12, с. 76], К. М. Тахтарева [13, с. 64], Н. Н. Головина [14, с. 89]. Термин «социология международных отношений» был веден в научный оборот в 1922 г. русским исследователем В. Ю. Ключниковым. Именно он привлекал внимание к социальным закономерностям в мировой политике и показал, что их знание позволит сделать историю рациональной [15, с. 18].

Советский ученый Б. Ф. Поршнев критиковал Р. Арона за географическую ограниченность исследуемых международных систем, построение социологической теории на основе анализа только одной исторической эпохи и сведении сущности международных отношений лишь к войне и дипломатии. Он обращает внимание на то, что Р. Арон построил свою теорию с опорой на работы американских авторов. Б. Ф. Поршнев выделяет три основные формы международных отношений: взаимное обособление от соседей, войну и международную торговлю. Европу он считает не совокупностью государств, а системой, функционирующей в соответствии с определенными законами.

Дальнейшее развитие системный подход получил в работе Ф. М. Бурлацкого и А. А. Галкина [16, с. 154]. Ученые анализируют международные отношения с марксистских позиций как систему связей, образующих мировую политику. По их мнению, в системе международных отношений представлены капиталистические, социалистические и развивающиеся государства.

Д. В. Ермоленко основными проблемами социологии международных отношений считал анализ природы международных отношений, их основные закономерности, соотношение объективных и субъективных факторов, моральное и идеологическое состояние населения и т. п. Ссылаясь в своих работах на западные источники, он считал необходимым проведение социологических исследований внешней политики [17, с. 15].

В 1966 г. благодаря усилиям русских ученых социология международных отношений стала одной из двух тем VI Всемирного социологического конгресса. Следующий, VII, конгресс принял решение о создании в рамках МСА Исследовательского комитета по социологии международных отношений. В 1973 г. в Институте социологии Академии наук СССР был создан сектор социологии международных отношений, а в 1976 г. в Московском государственном институте международных отношений была образована Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа международных отношений под руководством В. Б. Тихомирова, которая разрабатывала компьютерные

программы слежения за международной обстановкой по заказу Министерства иностранных дел и Комитета государственной безопасности СССР.

Предмет социологии международных отношений – международный аспект жизни общества [18, с. 251]. Народы постоянно взаимодействуют друг с другом. Проследить все контакты невозможно, поэтому социология международных отношений исследует наиболее важные и часто встречающиеся. Социологические исследования в рамках данного научного направления призваны выявлять такие закономерности, которые можно использовать для рациональной организации международной жизни. Данные закономерности проявляются только в течение длительного времени, поэтому для их обнаружения необходимы знание истории и системный подход.

В значительной степени социология международных отношений основана на теории международных отношений. По своему происхождению современная теория международных отношений является западной, преимущественно американской. Однако существуют и другие национальные школы, например английская, французская, немецкая, китайская, японская, индийская и русская. Каждая из этих школ объясняет феномен международных отношений исходя из национальных традиций, ценностей, менталитета своей страны. Основными направлениями (каноническими парадигмами) западной теории международных отношений являются политический реализм, либеральный идеализм и марксизм, а также их современные версии: неореализм, неолиберализм и неомарксизм [19, с. 25]. Эти направления основаны на евроцентризме – убеждении, согласно которому западная модель развития общества является лучшей и даже единственно возможной. Решительно критикует евроцентризм Дж. Хобсон [20, p. 351]. По его мнению, все западные модели построены на отождествлении европейского политического опыта с универсальным опытом всего человечества. До 1945 г. западная теория международных отношений строилась на откровенном расизме: все государства делились на цивилизованные, варварские и дикие, колониальные захваты оправдывались цивилизаторским «бременем белого человека». После 1945 г. расизм, воплощенный в немецком нацизме и фашизме, дискредитировал себя, однако сущность западных «универсальных ценностей» от этого не изменилась.

Русская школа изучения международных отношений основана на трех традициях: западничестве, державничестве и третьеримстве [21, с. 8]. Западничество ориентировано на подражание Западу и имеет два направления: конституционализм, уделяющий главное внимание правовому устройству государства, и реформистский социализм, основанный на западной по своей сущности теории К. Маркса [22, с. 528]. Державничество нацелено на сохранение независимой государственности и представлено в сотрудничестве, изоляционизме и наступательности. Третьеримство предусматривает самобытную систему культурных ценностей и также имеет три направления: славянофильство (И. В. Киреевский [23, с. 232], А. С. Хомяков [24, с. 38], братья И. С. и К. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин [25, с. 45]; Н. Я. Данилевский [26, с. 15], К. Н. Леонтьев [27, с. 35], В. И. Ламанский [28, с. 12]), русский коммунизм (В. И. Ленин [29, с. 158]) и евразийство (Н. С. Трубецкой [30, с. 200], П. Н. Савицкий [31, с. 31], Н. Н. Алексеев [32, с. 157]).

Быстрыми темпами развивается китайская школа международных отношений. Ученые перешли от импорта зарубежных теорий международных отношений к созданию собственных. Все современные китайские теории международных отношений основаны на древних учениях. Наиболее распространены три: концепция мирового института «Тянься», принадлежащая Чжао Тиняну [33, p. 235], теория морального реализма Янь Суетуна [34, p. 89] и теория отношений Цинь Яцина [35, p. 87].

Система «Тянься» создана в период династии Чжоу (1046–221 гг. до н. э.). Это открытая сеть, или «мир-дом», состоящий из общего мирового правительства и субгосударств. В системе нет деления на своих и чужих, каждый имеет право участвовать в глобальных процессах. Решение всех политических вопросов зависит от общепризнанной мировой системы, а не от принудительной силы и гегемонии. Система «Тянься», основанная на принципе семейных связей, намного больше подходит для XXI в., чем гегемония или империя, основанные на принуждении. Она отражает подлинно мировой взгляд. Переход от узкого государственно-центричного мышления к «Тянься» имеет принципиальное значение для решения мировых проблем.

Центральная проблема *теории морального реализма Янь Суетуна* заключается в смещении центра мировой силы: сможет ли поднимающаяся держава (КНР) заменить нынешнего мирового лидера (США)? Взгляды древних китайских мыслителей на природу власти отличаются от западных убеждением, согласно которому политическая власть принадлежит к категории «мягкой силы» и должна иметь нравственную основу.

Несколько слов о *«теории отношений» Цинь Яцина.* Понятие «отношения» в китайской культуре занимает то же место, что и понятие «рациональность» в западной. Западные теории международных отношений утверждают, что нормы одного международного общества с трудом принимаются другим. По мнению китайских ученых, это предвзятая точка зрения, так как нормы помещаются

в конфликтные по своей природе категории, которые или побеждают, или устраняют друг друга. В китайской диалектике нормы могут быть интегрированы друг в друга. Так, нормы Запада и Востока взаимодействуют, развиваясь в новых универсальных формах.

Международный аспект имеет и классическая социология. Она изучает международную мобильность (миграцию), международные институты (правительственные и неправительственные организации, общественные объединения, транснациональные корпорации), а также международную стратификацию. Например, в международных отношениях принято стратифицировать страны на ядро, периферию и полупериферию [8, с. 38], разделять богатый Север и бедный Юг [36, с. 224], страны первого, второго и третьего мира [37, с. 325]. В мировой политике возрастает актуальность демографических проблем, которые традиционно изучает классическая социология. В частности, высокая продолжительность жизни и низкая рождаемость в развитых странах приводят к старению населения. А в развивающихся странах наоборот: низкая продолжительность жизни и высокая рождаемость приводят к тому, что среди населения преобладает молодежь трудоспособного возраста. Ввиду отсутствия возможностей и перспектив трудоустройства на родине молодые люди не могут обеспечить себе достойный уровень жизни и вынуждены мигрировать в развитые страны, где велика доля пожилого населения. В результате возникают межкультурные конфликты и беспорядки, подобные тем, что происходят сегодня в странах Евросоюза. Все это является социальной базой терроризма. Может сложиться ситуация, когда молодые мигранты окажутся в Европе в большинстве и не захотят своим трудом обеспечивать пенсии коренным жителям. И если вновь прибывшие мигранты готовы мириться со своим положением, то уже их дети, являющиеся гражданами страны по праву рождения, требуют для себя тех же прав и возможностей, которыми обладает коренное население. Это приводит к тому, что Европа кардинально меняется и уже никогда не будет такой, как прежде.

В международных отношениях важную роль играет идентичность государства – «относительно устойчивые, связанные с конкретной ролью осмысления и ожидания по поводу себя, которые основываются на теориях, коллективно разделяемых участниками по поводу себя и других, и образующих структуру социального мира» [38, p. 38]. В идентичности государства, т. е. в самовосприятии государства, его представлении о международной системе и своем месте в этой системе, конструктивисты усматривают корни национальных интересов. Они считают, что национальные интересы создаются и регенерируются международной социальной структурой. Поскольку идентичность имеет интерсубъективную природу, идентичность государства зависит не только от его собственного представления о себе, но и от мнения других государств о нем.

Далеко не всегда идентичность прямо влияет на мировую политику. Часто ее влияние оказывается косвенным и опосредованным. Различают три пути влияния идентичности на международные отношения. Во-первых, идентичность определяет интерпретацию политической ситуации международными акторами. Во-вторых, идентичность влияет на принятие внешнеполитических решений. Когда политический деятель выбирает между несколькими вариантами решений, он с большей вероятностью выберет тот, который соответствует государственной идентичности. И, наконец, идентичность снабжает политических акторов дополнительными ресурсами [39].

Подводя итоги, необходимо отметить, что долгое время – с 1648 г. – главными акторами международных отношений (в рамках Вестфальской мирополитической системы) являлись государства. Тот факт, что государство является политическим объединением людей, и наделял международные отношения статусом политических. Однако сегодня положение дел изменилось. Все более активными на международной арене становятся новые акторы: международные организации, транснациональные компании, общественные объединения и отдельные индивиды. Кроме того, особую опасность представляют собой международные террористические группировки. Происходит своего рода гибридизация мировой политики, международные отношения все более социологизируются. В мире грядут глобальные изменения, последствия которых сложно предсказать. В связи с этим актуальность социологии международных отношений возрастает.

Библиографические ссылки

1. *Aron R.* Paix et guerre entre les nations. Paris : Calmann-Lévy, 1962.
2. *Bouthoul G.* Sociologie de la politique. Paris : Presses Universitaires de France, 1965.
3. *Merle M.* Sociologie des relations internationales. Paris : Dalloz, 1974.
4. *Badie B.* Culture et politique. Paris : Economica, 1983.
5. *Smouts M.-C.* Forêts tropicales, jungle internationale les revers de l'écopolitique mondiale. Paris : Presses de Sciences Po, 2001.
6. *Touraine A.* Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui. Paris : Fayard, 2005.

7. *Амин С.* Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М. : Европа, 2007.
8. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университет. кн., 2001.
9. *Цыганков П. А.* Политическая социология международных отношений. М. : Радикс, 1994.
10. *Кареев Н. И.* Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб. : типография М. М. Стасюлевича, 1914.
11. *Мечников Л. И.* Цивилизации и великие исторические реки. Географическая теория современных обществ. СПб. : Жизнь, 1898.
12. *Novicow J.* La Politique internationale. Paris: Fèlix Alcan, 1886. 1 vol. in-8 de la Bibliothèque historique et politique.
13. *Тахтарев К. М.* Сравнительная история человеческого общества и общественных форм : в 2 т. Л. : Госиздат, 1925.
14. *Головин Н. Н.* Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж : Изд-во газ. «Сигнал», 1938.
15. *Ключников Ю. В.* На великом историческом перепутье. 5 глав по социологии международных отношений. М. : Вузов. кн., 2001.
16. *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Социология. Политика. Международные отношения. М. : Междунар. отношения, 1974.
17. *Ермоленко Д. В.* Социология и проблемы международных отношений (некоторые аспекты и проблемы социологических исследований международных отношений). М. : Междунар. отношения, 1977.
18. *Кутейников А. Е.* Международные межправительственные организации: теоретико-социологический анализ. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2012.
19. *Цыганков П. А.* Теория международных отношений. М. : Гардарики, 2008.
20. *Hobson J. M.* The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010. Cambridge : Cambridge University, 2012.
21. *Цыганков А. П.* Международные отношения: традиции русской политической мысли. М. : Альфа-М : Инфра-М : РИОР, 2016.
22. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М. : Политиздат, 1978.
23. *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. СПб. : О-во памяти игумении Таисии, 2006.
24. *Хомяков А. С.* Мнение иностранцев о России. Мнения русских об иностранцах : в 2 т. М. : Москов. философ. фонд, 1994.
25. *Самарин Ю. Ф.* Православие и народность. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008.
26. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та : Глаголь, 1995.
27. *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство. М. : Изд-во Сретен. монастыря, 2010.
28. *Ламанский В. И.* Три мира Азийско-Европейского материка. М. : Книга по требованию, 2011.
29. *Ленин В. И.* Три источника и три составных части марксизма // Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Политиздат, 1973. Т. 23. С. 40–48.
30. *Трубецкой Н. Н.* Общеевразийский национализм // Основы евразийства / сост. Н. Агамалян [и др.]. М. : Арктогея-Центр, 2002. С. 200–207.
31. *Савицкий П. Н.* Евразийство. М. : Просвещение, 2004.
32. *Алексеев Н. Н.* Духовные предпосылки евразийской культуры // Русский народ и государство / сост. А. Дугин, Д. Тараторин. М. : Аграф, 1998. С. 142–154.
33. *Zhao Tingyang*. Tianxia Tixi: Shijie Zhidu Zhexue Daolun. Nanjing : Jiangsu Jiaoyu Chubanshe, 2005.
34. *Yan Xuetong*. Shijie quanli de zhuanyi: zhengzhi lingdao yu zhanlue jingzheng. Beijing : Beijing daxue chubanshe, 2015.
35. *Qin Yaqing*. Guanxi yu Guocheng: Zhongguo Guoji Guanxi Lilun de Wenhua Jiangou. Shanghai : Shanghai Peoples Publishing House, 2012.
36. *Лебедева М. М.* Мировая политика. М. : Аспект-Пресс, 2007.
37. Международные отношения после Второй Мировой войны : в 3 т. / Н. Н. Иноземцев (глав. ред.). М. : Госполитиздат, 1962–1965.
38. *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999.
39. *Tsygankov A. P.* Pathways after Empire. National Identity and Foreign Economic Policy in the Post-Soviet World. Lanham : Rowman & Littlefield Publisher, 2001.

References

1. Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris : Calmann–Lévy, 1962 (in Fr.).
2. Bouthoul G. Sociologie de la politique. Parish : Presses Universitaires de France, 1965 (in Fr.).
3. Merle M. Sociologie des relations internationales. Paris : Presses de Sciences, 1974 (in Fr.).
4. Badie B. Culture et politique. Paris : Economica, 1983 (in Fr.).
5. Smouts M.-C. Forêts tropicales, jungle internationale les revers de l'écopolitique mondiale. Paris : Press de Sciences Po, 2001 (in Fr.).
6. Touraine A. Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui. Paris : Fayard, 2005 (in Fr.).
7. Amin S. Virus liberalizma: permanentnaya voina i amerikanizatsiya mira [The virus of liberalism: a permanent war and the Americanization of the world]. Moscow : Publ. house «Evropa», 2007 (in Russ.).
8. Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. Saint Petersburg : Universiteskaya kniga, 2001 (in Russ.).
9. Tsygankov P. A. *Politicheskaya sotsiologiya mezhdunarodnykh otnoshenii* [Political sociology of international relations]. Moscow : Radiks, 1994 (in Russ.).

10. Kareev N. I. [The essence of the historical process and the role of the individual in history]. Saint Petersburg : Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1914 (in Russ.).
11. Mechnikov L. I. [Civilizations and great historical rivers. The Geographic Theory of Modern Societies]. Saint Petersburg : Zhizn', 1898 (in Russ.).
12. Novicow J. A. La Politique internationale. Paris: Fèlix Alcan, 1886. 1 vol. in-8 de la Bibliothèque historique et politique. (in Fr.).
13. Takhtarev K. M. [Comparative history of human society and social forms] : in 2 vols. Leningrad : Gosizdat, 1925 (in Russ.).
14. Golovin N. N. [The science of war. On the sociological study of war]. Parish : Izdatel'stvo gazety «Signal»1938 (in Russ.).
15. Klyuchnikov U. V. *Na velikom istoricheskom pereput'e. 5 glav po sotsiologii mezhdunarodnykh otnoshenii* [At the great historical crossroads. 5 chapters on sociology of international relations]. Moscow : Vuzovskaya kniga, 2001 (in Russ.).
16. Burlatskii F. M., Galkin A. A. *Sotsiologiya. Politika. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Sociology. Policy. International relationships]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974 (in Russ.).
17. Ermolenko D. V. *Sotsiologiya i problemy mezhdunarodnykh otnoshenii (nekotorye aspekty i problemy sotsiologicheskikh issledovanii mezhdunarodnykh otnoshenii)* [Sociology and problems of international relations (some aspects and problems of sociological research of international relations)]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1977 (in Russ.).
18. Kuteinikov A. E. *Mezhdunarodnye mezhpravitel'stvennye organizatsii: teoretiko-sotsiologicheskii analiz* [International intergovernmental organizations: theoretical and sociological analysis]. Saint Petersburg : The Saint Petersburg University's Publ. House, 2012 (in Russ.).
19. Tsygankov P. A. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii* [The theory of international relations] : in 2 vols. Moscow : Gardariki, 2008 (in Russ.).
20. Hobson J. M. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010. Cambridge : Cambridge University, 2012.
21. Tsygankov A. P. *Mezhdunarodnye otnosheniya: traditsii russkoi politicheskoi mysli* [International relations: the traditions of Russian political thought]. Moscow : Alfa-M, Infra-M, RIOR, 2016 (in Russ.).
22. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii* [Capital. Criticism of political economy]. Moscow : Politizdat, 1978 (in Russ.).
23. Kireevskii I. V. *O kharaktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii* [About the nature of the enlightenment of Europe and its relation to the enlightenment of Russia]. Saint Petersburg : Obshchestvo pamyati igumenil Taisii, 2006 (in Russ.).
24. Khomyakov A. S. *Mnenie inostrantsev o Rossii. Mneniya russkikh ob inostrantsakh* [The opinion of foreigners about Russia. Opinions of the Russians about foreigners] : in 2 vols. Moscow : Moskovskii filosofskii fond, 1994 (in Russ.).
25. Samarin U. F. *Pravoslavie i narodnost'* [Orthodoxy and the people]. Moscow : Institute of Russian Civilization, 2008 (in Russ.).
26. Danilevskii N. Y. *Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-romanskomu* [Russia and Europe. A glance at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romanesque]. Saint Petersburg : Saint Petersburg Publ. House Petersburg's Univ., Glagol Publ. House, 1995 (in Russ.).
27. Leont'ev K. N. *Vizantizm i slavyanstvo* [Byzantinism and Slavdom]. Moscow : Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya, 2010 (in Russ.).
28. Lamanskii V. I. *Tri mira Aziisko-Evropeiskogo materika* [Three worlds of the Asian-European continent]. Moscow : Kniga po trebovaniyu, 2011 (in Russ.).
29. Lenin V. I. [Three sources and three components of Marxism]. Complete works : in 55 vols. Moscow : Politizdat, 1973. Vol. 23. P. 40–48 (in Russ.).
30. Trubetskoi N. N. [General Eurasian nationalism]. In: *Osnovy evraziistva* [Fundamentals of Eurasianism]. Moscow : Arktogeya-Tsentr, 2002. P. 200–207 (in Russ.).
31. Savitskii P. N. [Eurasianism: a collection of articles]. Moscow : Prosveshchenie, 2004 (in Russ.).
32. Alekseev N. N. Spiritual preconditions for the Eurasian culture. In: A. Dygin, D. Taratorin (eds). *Russkii narod i gosudarstvo* [Russian people and the state]. Moscow : Agraf, 1998 (in Russ.).
33. Zhao Tingyang. [Tianxia System: An Introduction to the Philosophy of World Institutions]. Nanjing : Jiangsu Jiaoyu Chubanshe, 2005.
34. Yan Xuetong. [The Transition of World Power: Political Leadership and Strategic Competition]. Beijing : Beijing daxue chubanshe, 2015.
35. Qin Yaqing. [Relations and Processes: Cultural Construction of Chinese IR Theory]. Shanghai : Shanghai Peoples Publishing House, 2012.
36. Lebedeva M. M. *Mirovaya politika* [Global politics]. Moscow : Aspekt-Press, 2007 (in Russ.).
37. Inozemtsev N. N. [International relations after the Second World War] : in 3 vols. Moscow : Gospolitizdat, 1962–1965 (in Russ.).
38. Wendt A. [Social Theory of International Politics]. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999.
39. Tsygankov A. P. [Pathways after Empire. National Identity and Foreign Economic Policy in the Post-Soviet World]. Lanham : Rowman & Littlefield Publisher, 2001.

Статья поступила в редколлегию 25.11.2017.
Received by editorial board 25.11.2017.

УДК 327.5

К ВОПРОСУ О НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ: ПОДВОДЯ ИТОГИ

А. А. ПЛАЩИНСКИЙ[1)]

[1)]*Международный университет «МИТСО», ул. Казинца, 21, к. 3, 220099, г. Минск, Беларусь*

Содержатся основные научные результаты исследования проблемы нового мирового порядка. Показано, что историческое стремление отдельных сил к мировой гегемонии, подчинению других народов и установлению контроля над их ресурсами – нового мирового порядка – является одной из глубинных причин международных конфликтов. Попытки трансформации системы международных отношений и установления глобальной системы управления проявились в рамках Первой мировой войны, Второй мировой войны, холодной войны, войны с терроризмом и продолжаются в условиях современной гибридной войны. Обосновывается необходимость создания евразийской конфедерации в целях предотвращения глобального межцивилизационного конфликта. Сделан обобщающий вывод о взаимообусловленности проблемы войны и мира и феномена нового мирового порядка. Данный факт позволяет понять закономерности исторического процесса и, основываясь на знании глубинных тенденций мировой политики, осуществить поиск возможных путей мирного развития человечества.

Ключевые слова: мировая политика; новый мировой порядок; парадигма; война; глобальное управление; евразийская интеграция; альянс; национальная идея.

TO THE PROBLEM OF THE NEW WORLD ORDER: SUMMING UP

A. A. PLASHCHINSKY[a]

[a]*International University «MITSO», 21 Kazinca Street, 3 building, Minsk 220099, Belarus*

This article contains the main scientific results of our research of the problem of the new world order. It is demonstrated that the historical tendency of certain forces striving towards world hegemony, that is suppressing other nations in order to establish control over their resources and, thus establishing the new world order, appears as being one of the root causes of international conflicts. Their attempts of transforming the system of international relations and establishing global governance caused World War I, World War II, Cold War, «War on Terror», which evolved into today's «hybrid war». The necessity of creating the Eurasian Confederation to prevent the possibility of a global inter-civilizational conflict is being justified. Generalizing conclusion has been made concerning the interdependence of the war and peace problem and the phenomenon of the new world order. This fact allows us to understand the general laws of the historical process and, based on knowledge of the deep trends within world politics, to undertake a search for possible ways of peaceful development of themankind.

Key words: world politics; new world order; paradigm; war; global governance; Eurasian integration; alliance; national idea.

Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей.

Ф. М. Достоевский

Введение

Известное выражение классика, приведенное в качестве эпиграфа, вполне достоверно раскрывает богоборческую сущность процесса установления нового мирового порядка. Политологический анализ поставленной проблемы требует использования соответствующей мировоззренческой

Образец цитирования:
Плащинский А. А. К вопросу о новом мировом порядке: подводя итоги // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 19–25.

For citation:
Plashchinsky A. A. To the problem of the new world order: summing up. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 19–25 (in Russ.).

Автор:
Александр Алексеевич Плащинский – кандидат политических наук, доцент; первый проректор.

Author:
Alexander A. Plashchinsky, PhD (political science), docent; deputy vice chancellor.
a.plashchinsky@mail.ru

и научно-методологической основы. Такой анализ необходим для понимания глубинных тенденций мировой политики. Как справедливо считает А. Н. Данилов, «в нынешнее, переломное для всей цивилизации время особенно важно вглядеться в глубинную суть процессов трансформации – от них зависит будущее мирового общества» [1, с. 466].

Однако до настоящего времени системное исследование нового мирового порядка не проводилось. Данный феномен представлен в научных трудах фрагментарно. В работах зарубежных и отечественных ученых, занимающихся исследованием теории мирового порядка и внешней политики США, рассматриваются только отдельные аспекты указанной проблемы. Большинство ученых связывают понятие «новый мировой порядок» с доминированием США в период после распада СССР. Такой подход является не вполне обоснованным.

Во-первых, термин «новый мировой порядок» использовался в трудах зарубежных ученых уже в начале XX в. Во-вторых, концепции «мировой порядок» и «новый мировой порядок» не являются тождественными. В-третьих, в содержательном отношении понятие «новый мировой порядок» шире, чем концепция постбиполярного миропорядка.

Термин «новый мировой порядок» не использовался в трудах советских ученых. Поэтому зарубежная научная мысль опередила отечественные исследования по выбранной тематике фактически на целое столетие. В практическом отношении такое отставание предоставило США преимущество в стратегическом планировании внешней политики. На протяжении многих десятилетий «фабрики мысли» США осуществляют проектирование будущего мироустройства, руководствуясь идеей нового мирового порядка. Такой подход позволяет нацеливать внешнеполитическую мысль США на формирование определенных событий.

Либеральная модель миропорядка, продвигаемая США, не рассматривалась учеными как многогранный феномен. Парадигма, которая лежит в основе внешней политики США, придает ей стратегический характер и направляет ресурсы страны на трансформацию системы международных отношений. Данное обстоятельство вызывает расхождения во взглядах специалистов, трудности в понимании мировой политики, ее глубинных тенденций и закономерностей.

В целях усовершенствования понятийного аппарата теории мирового порядка изучение выбранной научной проблемы целесообразно осуществлять в широком хронологическом ключе, с использованием панорамного подхода и не ограничиваясь временными рамками постбиполярного периода.

Сущность парадигмы нового мирового порядка, ее мировоззренческие, концептуальные и доктринальные основы

Парадигма нового мирового порядка является комплексным многоплановым феноменом. Она проявляется в форме широкомасштабного исторического и геополитического процесса, направленного на достижение мировой гегемонии – установление тотального контроля над развитием человеческой цивилизации.

Мировоззренческой основой парадигмы нового мирового порядка является идея «нового порядка веков». Ее истоки восходят к периоду Древнего Египта. После провозглашения независимости США данная идея была инкорпорирована в американскую политическую систему и внешнюю политику. С тех пор «большая идея» нового мирового порядка обеспечивает взаимодействие организаций транснациональных элит, в том числе Совета по международным отношениям, Бильдербергского клуба, Римского клуба, Трехсторонней комиссии, задействованных в продвижении либеральной концепции глобального управления.

Концептуальной основой либеральной парадигмы во внешней политике США выступают идейно-политические концепции «американской исключительности» («либеральной исключительности») и «предначертанной судьбы», которые позиционируются как право США расширять модель либеральной демократии на весь мир под предлогом защиты либеральных ценностей. Именно в этих целях в стратегическом планировании внешней политики США используется «образ врага».

Доктринальной основой парадигмы нового мирового порядка в мировой политике послужили следующие доктрины: мировой революции, мирового правительства, нового мирового порядка, глобального управления. Несмотря на разный идеологический и ценностно-мировоззренческий характер обозначенных доктрин, их реализация отражает процесс трансформации системы международных отношений и попытки установления мировой гегемонии.

Основополагающей идеей глобалистов во внешнеполитическом истеблишменте США является создание всемирного государства и мирового правительства – нового мирового порядка. Аналогичной точки зрения придерживается А. Н. Данилов: «Будущее мира наиболее влиятельные силы представляют в форме мирового правительства, контролирующего все основные проявления жизни сообщества государств» [2, с. 7].

С позиции глобалистов, причинно-следственная взаимосвязь между мировыми событиями («большая картина») предстает как процесс эволюции

человечества от архаичных времен до современных процессов глобализации и создания наднационального института глобального управления в будущем. Идея нового мирового порядка является проектом-сценарием будущего. Она выступает одновременно целью, политической программой и идеологией, способствующей формированию событий в указанном направлении.

Проектирование системы глобального управления

Проектирование системы глобального управления осуществляется в рамках проектных разработок ведущих «фабрик мысли» США, а также организаций и фондов транснациональных элит, задействованных в формировании событий и повестки дня мировой политики.

Субъектом международных отношений, проецирующим парадигму нового мирового порядка на международную арену, выступает англо-американский истеблишмент. Именно он является проводником либеральной парадигмы. Его способность формировать события мировой политики обусловлена в первую очередь значительными финансово-экономическими ресурсами США и их союзников[1].

Первая мировая война послужила первой попыткой создания системы глобального управления. Столкновение Российской империи и Германии планировалось англо-американским истеблишментом в целях ослабления европейского центра силы, доминировавшего в мировой политике более пяти столетий. В рамках проекта «Расследование» (1917–1919) планировался послевоенный миропорядок, в первую очередь раздел Российской империи на ряд независимых государств, а также создание Лиги Наций, которая стала первой институциональной формой системы глобального управления.

Вторая мировая война являлась второй попыткой установления нового мирового порядка. Американские промышленные корпорации и финансовые институты способствовали приходу Гитлера к власти в Германии и началу войны. Основы послевоенного миропорядка, в том числе создание ООН, планировались в рамках проекта «Исследования войны и мира» (1939–1945).

Холодная война стала третьей попыткой установления геополитического контроля США в Евразии, которая требовала устранения СССР как единственного центра силы, препятствовавшего созданию «мира по-американски». Проектирование либеральной парадигмы в этот период осуществлялось главным образом в рамках проектов Совета по международным отношениям, направленных на разработку концептуальных категорий доктрины глобального управления и моделей нового мирового порядка.

После окончания холодной войны идеи установления нового мирового порядка продвигались в рамках Гарвардского проекта и Хьюстонского проекта, геополитической целью которых выступали дальнейшее ослабление российского центра силы и дефрагментация России.

Перманентная война как инструмент установления нового мирового порядка

Процесс установления нового мирового порядка является долгосрочным планомерным процессом. Его цель и движущие силы остаются неизменными на протяжении веков. В рамках данного процесса осуществляется проецирование либеральной парадигмы и соответствующей ее ценностно-мировоззренческой модели (матрицы) на международную арену. Таким образом происходит трансформация системы международных отношений.

В широком смысле война, как международно-политический феномен, является инструментом установления нового мирового порядка, направленным на перераспределение мировой власти и ресурсов в целях институционализации мирового правительства. Первая мировая война, Вторая мировая война, холодная война, война с терроризмом, кибервойна и современная гибридная война имеют причинно-следственную взаимосвязь, обусловленную процессом установления нового мирового порядка.

В контексте создания системы глобального управления Первую мировую войну, Вторую мировую войну и холодную войну следует рассматривать как масштабные геополитические проекты, реализованные англо-американским истеблишментом и направленные на послевоенное переустройство системы международных отношений.

[1]Первоначальное накопление финансово-экономической мощи государств «коллективного Запада» произошло в результате разграбления Византии в XIII в.; вывоза большевиками золотого запаса Российской империи на Запад, преимущественно в США и Великобританию, после окончания Первой мировой войны; революции 1917 г. и Гражданской войны в России. После окончания холодной войны СССР практически полностью лишился своего золотого запаса в ходе «рыночных реформ», осуществленных под руководством Вашингтона. Последствия реформ 1992–1998 гг. в России в материальном выражении превзошли последствия Второй мировой войны.

«Война с терроризмом», как эволюционная форма внешнеполитической стратегии США, расширила геополитическое влияние Вашингтона на Ближнем Востоке. Она способствовала радикализации ислама и хаотизации международных отношений. Кибервойна направлена на установление контроля в информационном пространстве. В целях манипуляции общественным сознанием используются новейшие информационно-коммуникационные технологии и различные средства воздействия на подсознание и психику, в том числе через социальные сети.

В настоящее время трансформация системы международных отношений осуществляется в рамках гибридной войны. Гибридная война обусловлена последствиями установления «мира по-американски», серией цветных революций и смен режима, осуществленных при поддержке США. Одним из ее проявлений является так называемая консциентальная война – война за сознание людей, изменение традиционной системы ценностей и мировоззрения.

Наличие «образа врага» в системе стратегического планирования внешней политики США раскрывает метафизический (мессианский) характер процесса установления нового мирового порядка. Он проявляется в форме борьбы «добра» со «злом» – «свободы» и «демократии» с противостоящими политическими режимами. «Образ врага» необходим для реализации силовой политики и экстраполяции либеральной модели на мировую арену.

Таким образом, процесс установления нового мирового порядка – это перманентная война. Ее цель – всемирная власть – остается неизменной на протяжении веков. Тактические изменения претерпевают формы и методы стратегии геополитических центров силы, вовлеченных в данный процесс и направленных на достижение мировой гегемонии.

Два сценария будущего: глобальный хаос или создание сбалансированного миропорядка

С позиций диалектического подхода формирование и развитие парадигмы нового мирового порядка отражает принцип единства и борьбы противоположностей и проявляется в рамках противоборства двух фундаментальных исторических и геополитических тенденций.

Первая тенденция, геополитическим императивом которой является принцип «разделяй и властвуй», характеризуется установлением наднациональной системы глобального управления – всемирной власти. Начиная с периода доминирования Британской империи в XIX в. и заканчивая периодом холодной войны, движущей силой данной тенденции является англо-саксонская цивилизация.

Вторая тенденция основывается на принципе единства в многообразии мира. На современном этапе данная тенденция проявляется в форме евразийской интеграции. Она задействует традиционные культурно-исторические и духовно-нравственные ценности суверенных государств и является альтернативой глобализации. В XX в. ее геополитическим выражением являлся Советский Союз.

Обозначенные тенденции проецируют два диаметрально противоположных сценария будущего мироустройства. Первый – предполагает реализацию проекта нового мирового порядка. Это глобалистский проект англосаксонской цивилизации. Он основан на либеральной ценностно-мировоззренческой модели и реализуется США и их союзниками главным образом посредством политики «с позиции силы». Такая политика ведет к дальнейшей экспансии глобального хаоса и росту международной напряженности.

Второй сценарий предполагает создание сбалансированного миропорядка, основанного на консервативном мировоззрении, принципах международного права и мирного сосуществования. В настоящее время данная тенденция представляет собой проект «большой Евразии». Его главной движущей силой является Россия как геополитический центр силы восточнославянской цивилизации. Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что «большая Евразия – это не абстрактная геополитическая схема, а, без всякого преувеличения, действительно цивилизационный проект, устремленный в будущее» [3].

Футурологический анализ процесса преобразования миропорядка позволяет сделать вывод о том, что каждая из обозначенных тенденций предполагает трансформацию системы международных отношений от традиционных государств-наций до наднациональной системы глобального управления. Основная проблема ее функционирования заключается в идеологической (смысловой) и ценностно-ориентационной основе глобального управления.

Наиболее вероятными сценариями в среднесрочной перспективе являются единая Евразия, объединенная на конфедеративной основе, или институционализация мирового правительства. Вот почему на современном этапе транснациональные элиты продвигают тезис о необходимости создания новой платформы глобального управления взамен системы ООН. Аргументы в пользу институционализации мирового правительства выдвигаются под предлогом решения глобальных проблем современности: изменения климата, борьбы с терроризмом, транснациональной преступностью и др.

Расширение «мирового зла» и его сдерживающая сила

В широком смысле процесс установления нового мирового порядка имеет антихристианскую (антирусскую) направленность. На протяжении новой и новейшей истории данный процесс направлен в первую очередь на ослабление и подчинение России как сдерживающего центра силы («катехон»), геополитического препятствия «миру по-американски»[1].

Основная цель «большой стратегии» США заключается в геополитическом контроле территории Евразии. Реализация этой цели требовала дефрагментации Российской империи посредством Первой мировой войны, а затем СССР. После окончания холодной войны данная стратегическая цель остается неизменной.

Механизм реализации внешнеполитической стратегии США включает три составляющие: информационно-идеологическую, экономическую и военно-политическую. Функционирование данного механизма требует перманентного наличия «образа врага», якобы угрожающего либеральным ценностям. Использование «образа врага» в стратегическом планировании внешней политики США мобилизует общественное мнение и направляет ресурсы на установление системы глобального управления.

Информационно-идеологическое влияние нового мирового порядка расширяется вследствие ценностно-мировоззренческой трансформации традиционных государств, распространения «массовой культуры» и либеральных «ценностей». Военно-политическое измерение нового мирового порядка выражено в перманентной геополитической и военной экспансии США под лозунгом расширения «свободы» и «демократии». Расширение НАТО, американской системы национальной противоракетной обороны, военных баз и лабораторий имеет высокий конфликтный потенциал. Силовое переустройство системы международных отношений по либеральному образцу противоречит основным принципам мирного сосуществования, закрепленным в международном праве. Экономическое измерение либерально-капиталистической парадигмы основано на гегемонии доллара США в мировой финансово-экономической системе.

Ценностно-ориентационный раскол, обусловленный процессом установления нового мирового порядка и характерный для многих современных государств, непрекращающиеся социальные, внутриполитические и международные конфликты, техногенные катастрофы и эпидемии, с одной стороны, и новейшие технологии воздействия на массовое сознание, с другой стороны, планомерно подготавливают общественное мнение к выбору новой системы глобального управления взамен системы ООН. Именно поэтому США предприняли очередную попытку реформирования системы ООН.

Единственная альтернатива – евразийская конфедерация

Анализ парадигмы нового мирового порядка позволяет обосновать необходимость формирования новой многополярной системы международных отношений, которая идет на смену постбиполярной системе.

После распада СССР либерально-капиталистическая модель нового мирового порядка, основанная на идее мировой гегемонии, создает угрозу мирному развитию человечества. Последствиями реализации концепции «мира по-американски» в мировом масштабе являются, среди прочего, глобализация терроризма, активизация спящих ячеек религиозных экстремистов, поток беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, региональные очаги нестабильности, возникшие вследствие цветных революций и серии смен режимов, а также другие факторы. Таким образом процесс установления нового мирового порядка поляризует мир по линии «ислам – христианство» и создает предпосылки для глобального международного конфликта по сценарию столкновения цивилизаций.

Системный кризис американоцентричной системы международных отношений заключается в неспособности США в одностороннем порядке разрешить проблемы мирового развития. Нарастание центробежных тенденций в системе международных отношений как на глобальном, так и на региональном уровне, появление новых центров силы в лице Китая и государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) обусловливают необходимость поиска альтернативы либерально-капиталистической модели «мира по-американски».

Единственной альтернативой дальнейшей смене режимов на пространстве бывшего СССР является объединение евразийских государств на конфедеративной основе, при котором они полностью сохраняют суверенитет, но для координации согласованных действий в сфере внешней и внешнеэкономической политики и безопасности передают часть национальных полномочий совместным органам власти. Предпосылкой для создания евразийской конфедерации в настоящее время является Союзное государство Беларуси и России,

[1]Изначально таким центром силы послужила Византийская империя.

а также ЕАЭС. Цель конфедеративного объединения – создание справедливого мирового порядка, нового баланса сил и, таким образом, предотвращение глобального межцивилизационного конфликта.

Создание евразийской конфедерации предполагает реализацию общеевразийской стратегии. В целях ее разработки целесообразно учредить на межправительственном уровне Союзного государства Беларуси и России, а также государств ЕАЭС, БРИКС и ШОС соответствующую координационную и аналитическую структуру, способную концептуально формировать международную повестку дня и, таким образом, влиять на события (по аналогии с Советом по международным отношениям США).

В глобальном масштабе необходимо адаптировать к задачам евразийской интеграции систему ООН и именно в таком ключе обсуждать вопрос ее реформирования.

Авторитетный белорусский ученый-государственник С. Н. Князев констатирует: «Противостоять давлению США сможет только та группа государств, которая, опираясь на экономическую, политическую и военную мощь, сможет составить при этом конкуренцию в информационно-ценностной сфере, стать эталоном определенного образа жизни [4, с. 112]. Он также считает, что «единственным противовесом политике США является образование региональных территориальных союзов, которые постепенно “выжмут” США (прежде всего в виде военных баз) из стран их размещения, т. е. лишат возможности США к быстрому развертыванию вооруженных сил вблизи горячих точек» [4, с. 113].

Идеологическая основа евразийской конфедерации

Консолидация евразийских государств возможна на основании смыслообразующей национально-государственной идеи как определенного проекта будущего. В современных условиях такая идея может носить наднациональный характер. Необходимо восстановить парадигму мышления народного единства, в первую очередь постсоветских государств, перед лицом современных вызовов и угроз. Как заявил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, «мы с россиянами один народ, равно как и украинцы, мы из одного древа, мы – славяне, и мы всегда будем вместе» [5].

Идеологическая основа евразийской конфедерации предусматривает справедливую модель общественно-экономического устройства и требует наличия соответствующих мировоззренческих образов. Однако ее реализация возможна лишь в том случае, если государства-участники будут проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, избавленную от принципа либерализма. Либеральный принцип свободы (как вседозволенности) подвергает эрозии традиционные ценности и ослабляет доктрину государственного суверенитета.

Несмотря на тактические шаги США и их союзников по нормализации отношений с Республикой Беларусь, стратегическая цель Америки по переформатированию постсоветского пространства остается неизменной. В таких условиях необходимо дальнейшее укрепление белорусско-российского сотрудничества и развитие евразийской интеграции. Миру нужна новая парадигма развития.

С геополитической точки зрения национальной идеей Беларуси на современном этапе может выступать обозначенная нами идея евразийской конфедерации, реализуемая по принципу «интеграции интеграций». Кроме того, требуется определение таких мировоззренческих образов, которые смогут консолидировать общество перед лицом настоящих и будущих вызовов (например, образ Беларуси как сильной и процветающей ветви на древе восточнославянской цивилизации и т. п.). Дальнейшая философская и мировоззренческая разработка «белорусской мечты» возможна, в том числе в рамках деятельности общественных организаций.

В условиях неизбежного нарастания конкуренции и противоречий между США и Китаем – двумя основными полюсами развития мировой экономики на современном этапе – геополитическое значение Беларуси возрастает в качестве связующего цивилизационного моста между Востоком и Западом. Исходя из новых геополитических реалий, функциональным смыслом национальной идеи Беларуси представляется содействие взаимовыгодному сотрудничеству ключевых геополитических центров силы в Евразии. Будущее сильной и процветающей Беларуси неразрывно связано с созидательной мировоззренческой идеей, способной сбалансировать мир.

Заключение

Нельзя не заметить, что сегодня «мир замер в ожидании нового прочтения истории, утверждения нового мирового порядка в большой шахматной игре. Наступает время великих предчувствий…» [6, с. 71]. Можно констатировать взаимообусловленность проблемы войны и мира, с одной стороны, и феномена нового мирового порядка, с другой. Обратной стороной проблемы нового мирового порядка является проблема войны и мира. Данный факт позволяет не только по-новому осмысливать исторический процесс, но и осуществлять поиск возможных путей мирного развития человечества.

Библиографические ссылки

1. *Данилов А. Н.* Неусвоенные уроки новейшей истории // Вестн. РУДН. Серия : Социология. 2017. Т. 17, № 4. С. 460–467.
2. *Данилов А. Н.* Социология власти: теория и практика глобализма. Минск : Университетское, 2001.
3. *Путин В. В.* Выступление на Международном форуме «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/54491 (дата обращения: 30.09.2017).
4. *Князев С. Н.* Международно-правовые особенности деятельности ООН в условиях глобализации // Труд. Профсоюзы. Общество. 2017. № 3 (57). С. 110–114.
5. Александр Лукашенко провел заседание Совета Безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-provodit-zasedanie-soveta-bezopasnosti-respubliki-belarus-8247 (дата обращения: 06.02.2017).
6. *Данилов А. Н.* Глобальный хаос в бесполюсном мире: на пути к новому миропорядку // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачёв. науч. чтения (Санкт-Петербург, 18–20 мая 2017 г.). СПб. : СПбГУП, 2017. С. 68–71.

References

1. Danilov A. N. Unlearned lessons of contemporary history. *Vestnik Ross. Univ. druzhby narodov. Seriya : Sotsiologiya*. 2017. Vol. 17, No. 4. P. 460–467 (in Russ.).
2. Danilov A. N. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i praktika globalizma* [Sociology of the power: theory and practice of globalism]. Minsk : Universitetskoe, 2001 (in Russ.).
3. Putin V. V. [Performance at the International forum «One belt, one way»]. URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/54491 (date of access: 06.02.2017) (in Russ.).
4. Knyazev S. N. [International legal features of activity of the UN in the conditions of globalization]. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo*. 2017. No. 3 (57). P. 110–114 (in Russ.).
5. [Alexander Lukashenko has held a meeting of the Security council of Republic of Belarus]. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-provodit-zasedanie-soveta-bezopasnosti-respubliki-belarus-8247 (date of access: 06.02.2017) (in Russ.).
6. Danilov A. N. [Global chaos in the apolar world: on the way to new world order]. *Global'nyi mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego* [Global world: system shifts, calls and contours of the future] : XVII Int. Likhachevsky Sci. Readings (Saint Petersburg, 18–20 May, 2017). Saint Petersburg : Univ. of the Humanit. and Soc. Sci., 2017. P. 68–71 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 29.11.2017.
Received by editorial board 29.11.2017.

УДК 316(438)091

NEW AND OLD AUTHORITARIANISM IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE

JERZY VYATR [a, b]

[a]*The European Higher School of Law and Management, 21/29 Grodzieńska Street, Warsaw 03-750, Poland*
[b]*University of Warsaw, 26/28 Krakowskie Przedmiescie Avenue, Warsaw 00-927, Poland*

The third wave of democratization, unlike the first and the second, has not been followed by the reverse wave. However, in several countries (Russia, Belarus, Turkey, Hungary, Poland) democratically elected leaders interpret democracy narrowly, as the rule of majority only. Other conditions for democratic government (the rule of law, protecting human rights) are ignored. Such system of government differs from the authoritarian model (as defined by Juan J. Linz), and can best be called «new authoritarianism». Poland is a special case because, while after the presidential and parliamentary elections of 2015 authoritarian practices became common, the hold on power by the ruling party («Law and Justice») is relatively weak. Future development of Polish politics depends mostly on the next parliamentary (2019) and presidential (2020) elections.

Key words: authoritarianism; democracy; election; leadership; parties; rule of law.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАРОГО И НОВОГО АВТОРИТАРИЗМА

ЕЖИ ВЯТР [1), 2)]

[1)]*Европейская высшая школа права и управления, ул. Гродзенска, 21/29, 03-750, г. Варшава, Польша*
[2)]*Варшавский университет, пр. Краковское Предместье, 26/28, 00-927, г. Варшава, Польша*

Отмечается, что третья волна глобальной демократизации, в отличие от первой и второй, не сопровождалась обратной волной. Однако в ряде стран (Россия, Беларусь, Турция, Венгрия, Польша) лидеры, избранные демократическим путем, трактуют демократию узко, как правило, только как правление большинства, а другие условия демократического правления (верховенство права, защита прав человека) игнорируются. Такая система правления отличается от авторитарной модели (как ее определил Х. Дж. Линц) и может называться новым авторитаризмом. Высказывается мысль о том, что Польша в данном отношении является особым случаем, поскольку удержание власти правящей партией («Право и справедливость») является относительно слабым несмотря на то, что после президентских и парламентских выборов 2015 г. авторитарная практика стала распространенной. Делается вывод о том, что развитие польской политики зависит в основном от следующих парламентских (2019) и президентских (2020) выборов.

Ключевые слова: авторитаризм; демократия; выборы; лидерство; партии; верховенство права.

Old concerns and new experiences

Huntington was not alone in his concerns. In 1991, Adam Przeworski in a comparative analysis of political and economic reforms in Latin America and in some European post-communist states, expressed his worry that radical economic reforms might result in massive social malaise and, consequently, undermine

Образец цитирования:
Ежи Вятр. Сравнительный анализ старого и нового авторитаризма // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 26–33 (на англ.).

For citation:
Jerzy Vyatr. New and old authoritarianism in a comparative perspective. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 26–33.

Автор:
Ежи Вятр – доктор социологии, почетный ректор[1)], почетный профессор[2)].

Author:
Jerzy Vyatr, doctor of sociology, honorary rector[a], honorary professor[b].
zhanna0607@mail.ru

the newly established democratic governments [1]. The importance of social and economic issues for the survival of young democracies was also stressed in the comparative study of democratization [2]. In early 1990s, I have participated in two international teams established with the eye on the analysis of conditions conducive to the consolidation of new democracies and on the identification of potential dangers [3; 4]. In both, we came to the conclusion that the greatest danger for democratic consolidation lied in the potential social conflicts resulting from radical economic transformation. Seen from this perspective, the formerly communist states of East and Central Europe were more vulnerable, since they faced a combination of political and economic transformation on the scale absent in Latin America or in Southern Europe (Portugal, Greece and Spain) in the 1970s. This, however, was not the only problem. In early 1990s, I identified three main sources of authoritarian danger facing post-communist countries: socio-economic conflicts, nationalism and religious fundamentalism [5]. All three were present in the post-communist countries, but their respective strength depended on the nation-specific conditions.

There was also populist rejection of the «rule of elites» as the newly established democracies were perceived by less privileged strata. «Some disappointed groups – wrote the Polish sociologist and politician Hieronim Kubiak – began to perceive democracy not as "power of the people, for the people and by the people" but as power of political elites, by elites and for elites» [6, p. 63]. In the aftermath of the democratic upheaval, which had brought the communist regimes to their end, such feelings have been a fertile ground for populist rebellion against the new, democratic elites.

We are now in position to test the hypothesis of the «third reverse wave» against the political experience of last twenty-five years. Compared to the earlier reverse waves, the last years of the twentieth century and the first part of the present can be seen as relatively successful. No «old democracy», existing prior to the beginning of the third wave of democratization, turned into a nondemocratic regime and a great majority of new democracies in Latin America and Europe avoided the reverse wave. Economic tensions, resulting mostly from growing economic inequalities, produced populist movements but they did not cause an anti-democratic upheavals. An international economic collapse has not materialized, in spite of the financial crisis of 2008. Contrary to the pessimistic scenarios based on the historical analogies, the lack of democratic traditions and the perseverance of authoritarian traits in the political cultures in many of the new democracies, have not prevented them from consolidating their democratic institutions. The recent experience of the «Arab Spring» which had begun in 2011 has been much less positive. All Arab states where dictators had been overthrown, except Tunisia, either fell into the state of civil war, or reversed to authoritarian rule.

There has been an important difference between the way in which the third wave of democratization changed the political situation in Latin America and in Southern Europe and the results of the collapse of the communist regimes. In Latin America and in three South European countries the removal of dictatorship resulted in the establishment of democracies, which with the passing of time reached the state of consolidation. While in some of them (for instance Brazil) new democracies have been plagued by corruption scandals and witnessed removal from power democratically elected presidents, the rules of democracy have not been broken.

The same cannot be said about the formerly communist states. Some of them from the very beginning switched from the dictatorship of the communist party to authoritarian dictatorship, frequently with former head of the republican communist party as powerful president. This was the case particularly in the majority of the former Soviet republics in Asia. In several post-communist states the collapse of the old regime resulted in prolonged chaos and /or ethnic wars. This was particularly true about some of the former Yugoslav republics (Serbia, Croatia, and particularly Bosna-and-Herzegovina) as well as Russia and three post-soviet republics in the Caucasus. With the passing of time most of these states reached a degree of internal consolidation, but not necessarily fully democratic system of government. The third group of post-communist states is composed of those in which democratic governments have been established instantly after the collapse of the communist system, or very soon after. This category included all Central European states, including the three Baltic republics (Estonia, Latvia, and Lithuania), forcibly annexed by the Soviet Union in 1940 and always remaining a foreign body within the Soviet state. In addition, there have been countries where the collapse of the communist rule produced mixed results, including prolonged instability (Albania, Belarus, Ukraine).

These contrasts can best be explained by referring to the specific historical and cultural identity of Central Europe. The region can best be defined as composed of the group of countries which belong to the Western civilization (with Western Christianity as the dominant faith) and which had become parts of the Soviet empire during and because of the World War II. During the cold war comparative studies of communist systems stressed the impact of historical heritage and cultural identities on the character of Central European communist regimes [7]. The way in which communists came to power also played a role. In none of the Central European countries communists won power

on their own and in most they were a weak minority before the war (Czechoslovakia being the main exception). This historical background explains both the strength of opposition to the communist regimes and the relatively strong position of the reformists within the ruling parties, particularly if compared with the situation in the Soviet Union. This does not mean that the Central European nations owe their success to history alone, but history seems to be the most powerful explanatory factor.

With the passing of time two different processes produced growing political differences between post-communist states. One was the consolidation of democratic forms of government and its expansion to some countries which at the beginning lagged behind. Serbia and Croatia – the two post-Yugoslav republics which in the first years after the collapse of communism were governed by nationalistic leaders (respectively, Slobodan Milošević and Franjo Tudjman) are now considered consolidated democracy. The same can be said about Albania, after the stormy 1990s where election of 1996 was stolen and the new regime kept using arbitrary arrests against the opposition. On the other hand, however, in some post-communist states a new type of authoritarianism emerged combining strong position of the popular supreme leader with the maintenance of contested elections and the existence of political opposition. The Russian Federation under Vladimir Putin is the best example of this new phenomenon, but she is by no means the only case.

Neither is this phenomenon limited to formerly communist states. Turkey under President Recep Erdogan is in many ways similar, even if her past has been different. Authoritarian tendencies grow in several African and Asiatic new democracies. In his lecture delivered during the 24th World Congress of Political Science, senator Peter Anyang' Nyong'o of Kenya spoke about «constitutional coups d'etat in various African autocracies where elections are held mainly to legitimize the ruling regimes on their own terms while undermining the very tenets of democracy» [8, p. 18]. What we are dealing with cannot be reduced to the specific conditions of post-communism. Even in some old democracies recent political developments (for example, election of Donald Trump in the United States, strong showing of Marine Le Pen in the French presidential election, strong position of the populist party in Austria and of Geert Wilders in Holland) suggest that there exists a potential for the «escape from freedom» to use Erich Fromm's formula. The danger of authoritarian retreat from democracy is, however, considerably smaller in those countries where democracy exists for several generations and is entrenched in the democratic political culture.

This is not meant as an expression of naïve optimism. Future is uncertain and students of politics, as well as political practitioners, should seriously consider the worst case scenarios. The main question is: do we face a retreat from democracy to authoritarianism and what kind of authoritarianism?

Authoritarianism as an analytical concept

More than fifty years ago the American political sociologist with Spanish background Juan J. Linz presented a sophisticated conceptual analysis of two different types of dictatorships: totalitarian and authoritarian. While it was well understood that totalitarianism was a special type of dictatorship, the specific features of which had been defined by Carl Joachim Friedrich and Zbigniew Brzeziński [9], authoritarianism remained a residual category including a variety of non-totalitarian dictatorial regimes.

At the Round Table of the Committee on Political Sociology Linz presented a paper on the authoritarian regime in Spain [10]. His main contribution was to formulate the comprehensive definition of authoritarianism, which he kept using in his later studies [11]. The explicit intension of this analysis was to do away with the simplified dichotomy of democratic versus totalitarian regimes, within which «failure to reach the totalitarian stage might be due to administrative inefficiency, economic underdevelopment, or external influences and pressures» [10]. Instead, he suggested that we should see authoritarianism as a separate type of nondemocratic regime, distinctly different from the totalitarian dictatorship.

«Authoritarian regimes – wrote Juan J. Linz – are political systems with limited, not responsible political pluralism; without elaborate and guiding ideology (but with distinctive mentalities); without intensive nor extensive political mobilization (except some points of their development); and in which a leader (or occasionally a small group) exercises power within formally ill-defined limits but actually quite predictable ones» [10].

Authoritarian regime defined this way is less rigid and usually less oppressive than the totalitarian regime but they have at least one common characteristics: neither of them is based on free and fair election and neither accepts honest competition between independent political forces.

The concept of authoritarianism helped to clarify the nature of nondemocratic regimes. It also served as a useful tool I the analysis of changes taking place in some totalitarian regimes, which – under pressure from below or due to the reformist tendencies within the regime (or both) were losing their totalitarian character and moved in the direction of authoritarian regime. Poland after 1956 has been the often quoted example.

In last two or three decades we have been confronted with developments which call for further terminological discussion. Ever since the third wave of democratization scholars have been puzzled by the phenomenon, which could hardly be explained in terms of democratic-authoritarian-totalitarian divide. Democratically elected leaders behave like dictators but manage to maintain high level of public support and do not deny their citizens the right to vote in strongly contested elections. The Argentinian political scientist and president of the International Political Science Association Guillermo O'Donnell proposed the term «delegative democracy» [12], and Fareed Zakaria suggested that we call such systems «illiberal democracies» [13].

My own preference is to use the term «authoritarian regime» but with distinction. What we are confronted with is a *new authoritarianism,* which shares some characteristics with the old model but differs from it in some essential aspects.

First, new authoritarian regimes are based on basically free elections, in which rulers receive and renew their mandate in open competition. The political opposition not only exists but have the possibility to compete in election. Support for the regime is so strong that there is no need to steal the election; at the worst, there might be some manipulation with the results, but not to the extent which would make elections meaningless.

Second, political pluralism exists and is reflected in the existence of political parties and associations as well as in the media. The regime controls public media, but there is plenty of room for independent channels, including the internet.

Third, new authoritarianism uses coercive measures but does it in less flagrant way than old authoritarianism, except in condition of acute crisis, like in Turkey after the abortive coup d' etat of 15 July, 2016.

Fourth, in most of the authoritarian regimes of the past, the armed forces were either in power or constituted a very important part of the ruling bloc (like in Spain, 1939–1975). New authoritarianism is based on civilian control of the armed forces, and – while supported by the military – does not depend on them for staying in power.

It is a new form of government, but a version of authoritarianism, nonetheless. The key difference between new authoritarianism and democracy is in the sphere of the rule of law. Independent judiciary, effectively protecting the rights of citizens is a necessary condition for truly democratic system. Without it, government enjoying support of the majority can become as oppressive as the one which is based on sheer force [14]. New authoritarianism may enjoy support of the majority but as long as it does not respect the rule of law, it cannot be considered a democracy, even an «illiberal» one.

The road to power

Old authoritarianism was mostly the product of violence. Dictatorships were products of military coups (like the Polish coup in 1926 or the Chilean coup of 1973) or of civil wars (like the Spanish war of 1936–1939). While they had support of a part of society, they almost never tested their public support in open and fair election. The rare exception was Poland, where parliamentary election of 1928 (two years after the coup) was basically fair and resulted in the defeat of the ruling party. Because of the previously introduced amendments to the Constitution, the electoral defeat has not led to the change of regime and the new election (of 1930) was flagrantly rigged.

Massive coercion was the trade mark of old authoritarian regimes, even if they have not reached the level of violence practiced by the totalitarian regimes of Germany, Soviet Union or China. Nonetheless the magnitude of state coercion in some authoritarian regimes has been frightening. More than thirty thousand people perished during the Argentinian authoritarian regime of late 1970s and early 1980s, and over three thousand people were killed on orders of the military junta in Chile after the coup of September 1973. Not all authoritarian regimes were equally blood thirsty, however. During authoritarian rule in Poland (1926–1939) political opponents were frequently put in jail or in a concentration camp but relatively few lost their life.

The new authoritarian regimes come to power in democratic elections. In most cases, the victors had not been in power prior to the election and, therefore, cannot be accused of manipulating the results. Vladimir Putin's first victory in presidential election (2000) was different in this aspect, since he had become the acting president due to the resignation of his predecessor Boris Yeltsin, when Vladimir Putin served as Prime Minister. There is no doubt, however, that overwhelming popular support for him was genuine. In this sense, genuine democratic support is the distinctive characteristics of new authoritarian regimes.

There are various, nation-specific, reasons for such support. In Russia, it was mostly the reaction of the population to the prolonged crisis of the state, the deteriorating economic situation and flagrant corruption [15]. In Belarus, Alexander Lukashenka's election of 1994 was mostly due to the longing for Soviet-style stability and the chaotic state of the Belarusian democratic forces. In Turkey, the electoral victories of the «Justice and Development» party (AKP) in parliamentary elections of 2002, 2007 and 2011, as the election of its leader Recep Erdogan as president of the republic in 2014, have their roots in the opposition of the conservative, mostly provincial, sectors of the population to the secular, modernizing heritage of kemalism, more or less faithfully followed by the traditional democratic parties. In Hungary, the impressive electoral victory

of Fidesz in the parliamentary election of 2010 came in conditions of the economic crisis and in the atmosphere of universal condemnation of massive corruption under the previous (Socialist) government. What all these developments have in common is the democratic way in which state power came to the hands of authoritarian leaders. Moreover, they not only came to power in a democratic way, but have confirmed their title to rule in consecutive elections.

In the new authoritarian regimes, this road to power – based on free expressed public will – allows the representatives of the regime to define it as democratic. If democracy is understood exclusively as the government of the people», new authoritarian regimes can proclaim themselves democracies. In Russia, the term «sovereign democracy», invented by Vladimir Surkov, has been adopted by the ruling party to justify the existing system [15]. The president of Turkey Recep Erdogan refers to his country as «majoritarian democracy». Unlike the authoritarian leaders of the past (for instance Marshall Józef Piłsudski in Poland), contemporary autocrats do not reject democracy but give it a special meaning. Their understanding of «democracy» restricts it to the expression of the «will of the people», leaving aside the rule of law and the protection of human rights.

Political consolidation

The crucial problem for new authoritarian regimes is how to consolidate the new system. In democracy, parties are used to the fact of political rotation. Since they respect the rules of democracy, they do not fear electoral defeat, knowing that with the passing of time they would have their second chance. The authoritarian leaders are in a different position. The more they consolidate their hold on state power by legal or extra-legal means, the more reasons they have to fear defeat. Therefore, they have strong interest in fortifying they political position so that their removal from power would be very difficult, if not impossible.

The crucial elements in this process are three. First, they have to establish political control over the judiciary to prevent independent courts from questioning their power. This is being done by a combination of new laws and of buying support of some of the judges. In extreme cases (like in Turkey after the coup of 2016) massive arrests and dismissals are used to pacify the judiciary.

Second, they have to put their hand on mass media, particularly those which give them access to the less educated strata. Television – much more than the printed media – is particularly important since it is the primary source of political information for the less educated. It is true that today, with the free access to internet, it is more difficult to establish full control over the exchange of information and of opinions, but the extent to which internet is being used varies depending on education as social status.

Third, the new authoritarian regimes buy support of the poorer strata by adopting populist social and economic strategies of redistribution. Even if, as it is the case in Russia, they tolerate or even support oligarchs, they make systematic effort to improve the economic situation of the poorer strata – something that many of the previous liberal governments neglected.

In addition to these three policies, common for all new authoritarian regimes, there have been nation-specific policies reflecting specific conditions of various countries.

Lukashenka's unexpected victory in the presidential election of 1994 was mostly due to the post-Soviet nostalgia, remarkably strong among the Belarusians, many of whom felt themselves lost in the situation created by the rapid collapse of the USSR. His long tenure has been marked by the preservation of the Soviet heritage, both in the institutional structures and in the symbolic sphere. Consecutive elections show the effectiveness of this strategy.

In Russia, the crucial factor is the enormous popularity enjoyed by Vladimir Putin is the belief of Russian population that during his rule – and because of his assertive foreign policy – Russia is in the process of regaining her position as a great power. Russian political scientists have documented this phenomenon in public opinion surveys, including the impressive increase of support for Vladimir Putin and for his party United Russia after the annexation of Crimea in March 2014 [16, p. 15]. A recent poll, conducted by the American Pew Research Center in February 2017, showed that 87 percent of Russian respondents trusted president Putin and that close to sixty percent believed things in Russia were going in the right direction, while in 2002 only about twenty percent saw things in this way (Gazeta Wyborcza, 21 June, 2017). Because of Russians' traditional concern with issues of national security these findings are not a surprise.

In Turkey, Recep Erdogan and his moderately Islamic party AKP owe the coming to power and then the consolidation of their rule to the rejection of the secularist policies of the earlier governments. Secularism has been one of the key principles of kemalism, protected by the constitution and seen as part of the legacy of the founder of modern Turkey. There has always been, however, opposition to it among the conservative, less educated (and poorer) strata, particularly outside the big metropolitan cities. Carefully playing this card, Recep Erdogan has been able to mobilize those who considered themselves ignored by the liberal elite.

In Hungary, Fidesz exploited the shortcomings of the Socialist government (in power since 2002), particularly its poor economic performance and massive corruption. In this, it was helped by the fact that the Hungarian socialist party had its roots in the former communist party, while Fidesz had been built on the

base of the youth wing of the democratic opposition prior to 1990. In addition, Victor Orban skillfully exploits the national feeling of frustration, which had been a permanent element of Hungarian nationalism since the Trianon Peace Treaty of 1920, in which Hungary lost provinces inhabited by one-third of the ethnic Hungarians.

Each case is different, but they have one common trait. New authoritarianism appeals to the real or imagined worries of the less privileged strata. Populist campaigns against the better – off serve very well in the struggle against the liberal elites, which mostly come from and are supported by the better educated and more affluent sectors of the population.

New authoritarianism is not a passing phenomenon. While things may change in individual countries, there is no reason to believe that the contemporary authoritarian regimes will disappear in the nearest future.

This forecast is based on the analysis of the social base of new authoritarianism. The economic and social structures of contemporary capitalist societies produce massive frustration among those who have not been able to join the ranks of the beneficiaries of the capitalist system. In societies which adopted this type of economic system recently, feeling of frustration is particularly strong.

There are also non-economic reasons for the durability of new authoritarianism, particularly the cultural ones. Political cultures of nations presently ruled by new authoritarians have always favored strong personal leadership and identification with the national symbols. Authoritarian regimes have no monopoly for strong leadership and on the use of national symbols, but they can use both to perpetuate themselves.

Nothing is eternal in politics. The present authoritarianism will, sooner or later, encounter problems and, perhaps, crises. The continuous presence of consolidated democracies may serve as reminder that there is a different road, particularly if the main democratic states manage to free themselves from the orthodoxy of neo-liberal economic thinking and return to the tradition of socially concerned welfare state. In any case, however, it is not the scenario for the nearest future.

Poland: a special case?

The case of Poland is interesting for two reasons at least. First, with her past – as the first state where the non-communist government came to power – Poland was seen as the model of democratic transition. The first twenty-five years of transformation were considered – both in Poland and abroad – a success story. On the eve of the presidential and parliamentary elections of 2015, the majority of commentators believed that the ruling Citizens Platform could not lose.

They were wrong mostly because they underestimated the psychological consequences of social malaise. Ten years ago, I suggested that «social malaise is the strongest in those countries were expectations were the highest» [17, p. 160]. Remarkably good economic performance of Poland – even during the world financial crisis – combined with relatively high level of economic inequality, made a large part of Poles angry with the existing system of government and ready to cast their votes for an alternative. Economic inequality in Poland, measured by the Gini index (32,4 in 2012) is approximately on the average level for the EU countries. However, Polish society has not been prepared for the relatively high level of inequality, if compared with the more egalitarian social structure under the previous system. When high inequality is combined with news of the economic success, less fortunate members of society tend to believe that they have been victims of the unfair, or even criminal, practices of the privileged stratum. This feeling creates a fertile ground for demands of change. «Law and Justice» provided such alternative. It promised new policy of «good change»: more sensitive to the needs of the underprivileged and guided by traditional national and religious values. In 2015, it worked. Two years later it is clear that Polish politics has changed. What is less obvious is the durability of this change.

Has Poland become already an authoritarian regime? Has democracy failed? Will the «god change», proclaimed by the «Law and Justice» party during the election of 2015, transform Polish state and society for many decades to come?

These are questions often asked, both in public debates and in private conversations. It is important to look for objective answers, free of value judgements. By this, I do not mean that the recent trends in Polish politics should not be subject to criticism (which I have voiced many times), but that when attempting to predict the future we should avoid the danger of wishful thinking.

«Law and Justice» party in many ways resembles Hungarian Fidesz or Russian United Russia party. It has vague, but essentially conservative, ideological orientation, it is dominated by the supreme leader and it is committed to the populist concept of democracy, by which it simply means the rule of the majority, unrestricted by law.

During its two years in power (since its victory in the presidential and parliamentary elections of 2015) it went a long way to consolidate its hold not only over the state apparatus, which has been fully politicized, but also over public media and the courts. The struggle for political control of the judiciary has not yet ended, but the «Law and Justice» scored some important points, particularly by changing the composition of the Constitutional Tribunal. Because of its policy of establishing party control over the judiciary the Polish

government has become subject to the special procedure instigated by the European Union.

There have been other events indicating that Poland was moving in the authoritarian direction. Purges in the military and in the police eliminated a large part of experience cadres. Official propaganda castigates the opposition as «enemies of the state» or even «agents» of foreign powers. Extreme right-wing nationalist organizations enjoy support of the state administration. Prominent public figures, including some former presidents of the Constitutional Tribunal have already declared Poland an autocratic state.

All these developments justify a pessimistic assessment of the state of democracy.

Yet, it is by no means obvious that what has been happening in Poland since late 2015 equals the establishment of the authoritarian state. There are several reasons to believe that the present political process will not result in authoritarian consolidation.

First, the political support for «Law and Justice» in the last parliamentary election (2015) was barely 37 %, which gave it the absolute majority only because the United Left running as a coalition failed to pass the eight-percentage threshold. Had it been registered as a single party, its results (7,5 %) would have deprived the «Law and Justice» of the parliamentary majority. Unlike the Russian, Turkish or Hungarian ruling parties, the «Law and Justice» does not have the parliamentary majority necessary for changing the constitution as is not likely to win one. Even more important is the fact, that during the two years after last election the ruling party failed to increase its political support. Most of the surveys credit it with less public support than the one received in 2015.

Second, strong movements in opposition to the authoritarian policies of the government emerged, protesting against the attacks on the judiciary, as well as against the proposals to strengthen the anti-abortion legislation – already one of the most restricting in Europe.

Third, the ruling party has antagonized the majority of intellectual and cultural elites, whose influence on the public opinion should not be ignored.

Fourth, «Law and Justice» follows the policy of confrontation with the European Union – in a country where the overwhelming majority declares its strongly pro-European sentiments. The prospect of a deepening rift between the Polish government and the European Union will almost certainly weaken public support for the ruling party.

Fifth, the «Law and Justice» has a serious problem with its leader Jarosław Kaczyński. He is in full control of his party but, for variety of reasons, he is one of the most unpopular politicians of Poland. Public opinion surveys regularly show that he is not trusted by the majority of respondents. Contrary to the authoritarian leaders of Russia, Hungary or Turkey, he is considerably less popular than his party. One of the consequences is that in elections Law and Justice» puts other people on the ballot for top position, including the presidency of the Republic and the post of the Prime Minister. In spite of his unquestionable position, Jarosław Kaczyński is not – and never was – a political asset for his party.

All these factors combined make the Polish new authoritarian regime unstable. In fact, it can best be defined as the authoritarianism *in statu nascendi*. The jury is out on its ability to become a consolidated authoritarian regime. Two years before the parliamentary election and less than three before the presidential it is too early to predict the outcome. This in itself is important. In the consolidated authoritarian states predicting the electoral victory of the ruling party is very easy. In Poland, it is not.

This makes Poland a very interesting case for comparative analysis. From the recent history of other countries we know how the new authoritarian regimes come to power. The attempt to establish such regime in Poland – if it fails – can show, how such process can be stopped and reversed.

References

1. Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1991.

2. Bresser Pereira C. L., Maravall J. M., Przeworski A. Economic Reforms in New Democracies: A Social-Democratic Approach. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993.

3. Przeworski A. Sustainable Democracy. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995.

4. Jahn E., Wildenmann R. Stability in East Central Europe? Stabilitat in Ostmitteleuropa? Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 1993.

5. Wiatr J. J. Democracy versus a New Authoritarianism in Eastern Europe. In: R. Kilminster, I. Varcoe (eds). *Culture, Modernity and Revolution: Essays in Honour of Zygmunt Bauman*. London ; New York : Routledge, 1996. P. 201–214.

6. Kubiak H. Democracy and the Individual «Will» in Democracy: Its Principles and Achievements. Geneva : The Inter-Parliamentary Union, 1998.

7. Shoup P. Comparing Communist Nations: Prospects for an Empirical Approach. In: K. Roger (ed.). *The Behavioral Revolution and Communist Studies*. New York : The Free Press, 1971. P. 15–47.

8. Anyang' Nyong'o. When Elections Fail Twice or More, Can 'Losers' Accept the 'Victors' as Legitimate? *Participation*. 2016. Vol. 40, No. 1. P. 18–20.

9. Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1956.

10. Linz J. J. An Authoritarian regime: Spain. In: E. Allardt, Y. Littunen (eds). *Cleavages, Ideologies and Party Systems: Contributions to Comparative Political Sociology*. Helsinki : The Acad. Bookstore, 1964. P. 291–341.
11. Linz J. J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. Boulder : Lynne Rienner Publishers, 2000.
12. O'Donnell G. Delegative Democracy? *J. Democr.* 1994. Vol. 5, No. 1. P. 60–62.
13. Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. New York : W. W. Norton, 2007.
14. Maravall J. M., Przeworski A. (eds). Democracy and the Rule of Law. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003.
15. Shlapentoskh V. Russian Civil Society: Elite Versus Mass Attitudes in the Democratization of Russia. In: J. V. Ciprut (ed.). *Democratizations: Comparisons, Confrontations, and Contrasts*. Cambridge ; London : The MIT Press, 2008. P. 165–196.
16. Shestopal E. New Trends in Russian Political Mentality. Lanham : Lexington Books, 2006.
17. Wiatr Jerzy J. Democratizations in Central Europe: Comparative Perspectives. In: J. V. Ciprut (ed.). *Democratizations: Comparisons, Confrontations, and Contrasts*. Cambridge ; London : The MIT Press, 2008. P. 145–164.

Received by editorial board 22.11.2017.

Знать, чтобы предвидеть...

To know so that to foresee...

УДК 316.334.2(476)

РЫНОК ТРУДА МАЛОГО ГОРОДА В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Г. Н. СОКОЛОВА [1)]

[1)]*Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь*

Анализируется рынок труда малого города сквозь призму его социального содержания, которое не фиксируется статистикой. Обосновано, что за благоприятными показателями уровня занятости и безработицы по республике скрываются значимые региональные различия рынков труда малых городов. Рассмотрены уровень общей безработицы и уровень жизни населения как характеристики региональных рынков труда.

Ключевые слова: рынок труда малого города; моногород; занятость; регистрируемая безработица; нерегистрируемая безработица; уровень жизни населения; регионы.

LABOUR MARKET OF SMALL CITY IN THE REGIONAL CONTEXT OF THE REPUBLIC OF BELARUS

G. N. SOKOLOVA [a]

[a]*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The labour market of a small city through a prism of its social maintenance, which is not fixed by statistics, is analyzed. It is proved, that behind favorable indicators of employment and unemployment level in the Republic of Belarus take the place important regional distinctions of labour markets in the small cities. Level of general unemployment and population standard of living as characteristics of regional labour markets are considered.

Key words: labour market of a small city; a mono-city; employment; registered unemployment; not registered unemployment; population standard of living; regions.

Образец цитирования:
Соколова Г. Н. Рынок труда малого города в региональном контексте Республики Беларусь // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 34–43.

For citation:
Sokolova G. N. Labour market of small city in the regional context of the Republic of Belarus. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 34–43 (in Russ.).

Автор:
Галина Николаевна Соколова – доктор социологических наук, профессор; заведующий отделом экономической социологии Центра политической и экономической социологии.

Author:
Galina N. Sokolova, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of economic sociology, Centre of Political and Economic Sociology.
gnsokolova@tut.by

Актуальность исследования

Республика Беларусь – страна малых городов с численностью населения не менее 6 тыс. и не более 20 тыс. человек. Малые города составляют около 80 % от всех городов республики. Совместно с окружающими их аграрными районами они представляют собой буферные зоны между крупными областными и районными центрами. Их рынки труда неоднородны по структуре, на их равновесное состояние оказывают влияние социально-экономические, географические и социально-культурные особенности регионов, в которых они расположены. В данном контексте выделяется несколько специфических групп малых городов: города, расположенные в составе Минской агломерации и в зонах влияния больших городов; города, расположенные на основных осях развития – международных коммуникационных коридорах; города – туристско-рекреационные и природоохранные центры; приграничные города; моноотраслевые города; города в зоне радиоактивного загрязнения. Каждая из приведенных групп характеризуется своей спецификой, уровнем занятости и безработицы, сферами занятости.

Рынки труда малых городов являются важным сегментом белорусского рынка труда. В рамках совокупного рынка труда Беларуси можно выделить промышленные и преимущественно сельскохозяйственные рынки труда; многофункциональные рынки труда крупных городов и монопрофильные рынки труда малых и средних городов; по степени развития – развитые, отсталые и депрессивные рынки труда. По данным республиканского социологического исследования (2016), занятость в малых городах Беларуси характеризуется традиционностью форм: почти 90 % населения трудится по найму и 95 % работает полный рабочий день/неделю. Несмотря на преобладание контрактной формы найма (по трудовым контрактам работает более 70 % респондентов), занятость у одного работодателя нередко приобретает скорее постоянный, нежели временный характер: в среднем жители малых городов имеют длинный трудовой стаж (11 лет) у одного нанимателя, который характеризует стабильность их занятости. Вместе с тем почти 2/3 работающих респондентов из малых городов не удовлетворены размером оплаты своего труда. Что касается угрозы безработицы, то большинство (более 70 %) работающих жителей малых городов уверены в сохранении своего рабочего места, а доля тех, кто опасается потерять работу, составляет не более 10 % [1, с. 72–106].

Исследования прошлых лет показали, что для малых городов и населенных пунктов характерно превышение числа ищущих работу над количеством свободных рабочих мест. Одна из причин этого явления – территориальная неравномерность размещения промышленных предприятий и рабочей силы, которая выступает также фактором дисбаланса профессионально-квалификационной структуры локальных рынков труда. По данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (2016), более 37 % трудовых ресурсов приходится на центральную часть страны – г. Минск и Минскую область, в то время как наименьшая их доля – в Гродненской (10,6 %) и Могилёвской (11 %) областях. Более 2/5 трудовых ресурсов (82,6 %) сосредоточены в городской местности. Изменение структуры занятости и уровень безработицы в малых городах остаются первостепенными вопросами в формировании национального рынка труда, так как затрагивают проблемы уровня и качества жизни населения.

Невысокий уровень регистрируемой безработицы, не превышающий 1 % от уровня экономически активного населения страны, не отражает ситуацию с занятостью населения в регионах республики. Наибольший риск безработицы в малых городах, имеющих одно-два градообразующих предприятия, которые обеспечивают занятость населения, формируют городской бюджет, содержат социальную инфраструктуру. На сегодня в Беларуси к градообразующим относят 41 предприятие, расположенное в 40 малых городах и поселках. В них проживает 644 тыс. человек, или 12,1 % городского населения, без учета населения Минска [2].

Таким образом, население монопрофильных городов составляет около половины (49,7 %) численности населения всех малых городов. Реальное экономическое состояние этих городов таково, что нынешний объем промышленного производства могут выполнить лишь 20–30 % наличного состава их трудовых ресурсов. Поэтому сокращение работников в промышленности неизбежно для установления равновесия между предложением и спросом на трудовые ресурсы.

Возрастающая конкуренция, появление новых рынков сбыта, изменение потребительских предпочтений и другие факторы обусловливают появление депрессивных регионов, а затем и критических региональных рынков труда. Критическим региональным рынком труда можно считать локальный территориальный сегмент рынка труда, на котором утрачены возможности стабилизации ситуации собственными силами, поэтому негативные явления и процессы принимают постоянный характер.

Низкие заработные платы заставляют работников перемещаться в отрасли экономики, которые либо приступили к реструктуризации, либо являются стратегическими монополиями. Снижение численности занятого населения в малых городах коснулось практически всех отраслей промышленности, за исключением электроэнергетики, топливной промышленности, строительства.

Для раскрытия содержательной характеристики рынка труда используется *теория сегментации рынка труда* [3, с. 90–115], которая исходит из анализа различий между первичным и вторичным сегментами в экономике, имеющими разный уровень заработной платы и разные характеристики занятости (рис. 1).

Первичный сегмент рынка труда обладает высоким статусом работ, высокой заработной платой, хорошими предложениями со стороны работодателей в плане режима рабочего времени и условий труда. *Вторичный* сегмент рынка труда характеризуется наличием безработицы, а также низкоквалифицированными работами, не требующими длительного обучения. Каждый из сегментов подразделяется, в свою очередь, на *внутренний* рынок труда (предприятие, организация), где уровни занятости и заработной платы определяются набором административных правил и процедур, и *внешний* рынок труда, где решения о ценообразовании, размещении и профессиональном обучении контролируются экономическими показателями. Эти два вида рынка труда связываются движением рабочей силы через определенные входы и выходы, при этом работы на внутреннем рынке защищены от непосредственных влияний конкурентных сил внешнего рынка.

Трудовая деятельность в *первичном внутреннем* сегменте является типичной для работников, стабильно занятых на предприятии (организации), требует долговременного обучения специальностям, нужным предприятию, обладает гарантиями и хорошими перспективами продвижения, высоким уровнем автономии и высокими материальными поощрениями. Для *первичного внешнего* сегмента типичны востребованные специальности и профессии, прием на работу по набору профессиональных качеств специалистов.

Вторичный внешний сегмент рынка труда продуцирует работы низкой квалификации, с малой автономией и низкой ответственностью, малыми и нестабильными заработками, неудовлетворительными условиями труда, включая сезонные работы. *Вторичный внутренний* сегмент предлагает работы в основном низкого класса (статуса) с низкими гарантиями и малыми перспективами. Движение между первичным внутренним и вторичным внешним сегментами является скорее исключением из правил. Движение между смежными сегментами (первичным внутренним и первичным внешним, а также вторичным внутренним и вторичным внешним рынками труда), определяемое изменениями в спросе и предложении рабочей силы на рынке труда, варьирует в определенных количествах и направлениях.

Рис. 1. Взаимодействие первичного и вторичного рынков труда
Fig. 1. Interaction of primary and secondary labour markets

Проблемное поле исследования

Научная гипотеза заключается в том, что за достаточно благоприятными показателями уровня занятости и безработицы по республике могут скрываться значимые региональные различия рынков труда малых городов, в том числе по причине наличия или отсутствия в них градообразующих предприятий. Дифференциация рынков труда может проявляться в демографических различиях (количественном и качественном составе населения), конъюнктуре рабочей силы, возможностях трудоустройства, социальной напряженности. Особенно остро проблема трудоустройства проявляется в монопрофильных малых городах. Закрытие устаревших градообразующих предприятий связано с сужением спроса и расширением предложения рабочей силы на рынке труда малого города. Вместе с тем незначительные темпы создания новых предприятий и новых сфер деловой активности не могут удовлетворить предложение рабочей силы, которая высвобождается при сокращении излишней численности.

Обостряющаяся *проблема дисбаланса между сужающимся спросом и расширяющимся предложением рабочей силы* на рынках труда малых городов требует выверенного согласования социальной политики в области занятости и безработицы, стимулирования новых сфер деловой активности и создания эффективных рабочих мест, усиления действенности промышленной политики, активизации поддержки малого и среднего бизнеса. Данные статистики при оценке рынка труда малого города необходимо дополнять результатами социологических исследований. Социологический анализ позволит рассмотреть рынок труда сквозь призму его социального содержания, которое не фиксируется статистикой; проанализировать субъективную сторону занятости; построить типологию и описать типы рынков труда в малых городах, которые нуждаются в различных мерах государственного регулирования и поддержки. Разработка репрезентативной выборки для социологического исследования ситуации на рынках труда малых городов различных типов позволит получать данные о состоянии занятости в оценках горожан, включая такие показатели, как стабильная и нестабильная занятость, наличие маятниковой миграции, оценки конкурентоспособности и угрозы безработицы, мотивационные составляющие трудовой деятельности и трудовые ценности занятого населения малого города.

Состояние разработки проблемы

Опыт анализа рынка труда и социально-трудовых отношений в странах Центральной и Восточной Европы, Балтии и СНГ демонстрирует *проблему неравномерности регионального развития рынка труда*. Под региональным рынком труда понимается относительно самостоятельная система взаимодействия спроса и предложения рабочей силы, выделенная определенным образом из системы национального рынка труда, не противоречащая его нормативно-правовому полю, но имеющая ряд особенностей, обусловленная ее местом в системе национальной экономики, географическим положением и демографическими тенденциями, производственно-хозяйственным комплексом и пр. Региональный рынок труда – это часть рынка страны, имеющая свою специфику.

В Беларуси вопросы управления региональным рынком труда актуализированы Е. В. Ванкевич, А. П. Моровой и И. В. Новиковой [4, с. 96–112]. Большое внимание уделяется специфике формирования и функционирования рынков труда монопрофильного города, где одно-два градообразующих предприятия определяют социально-экономическое развитие региона и состояние местного рынка труда. В условиях ухудшения финансово-экономического положения этих предприятий на локальных рынках труда может произойти массовое высвобождение работников, рост безработицы и бедности. Рыночная модель социальной политики предполагает трансформацию принципов социальной помощи населению в сложившихся условиях: усиление адресности в оказании помощи малообеспеченным гражданам и расширение помощи экономически активному населению для активизации работников в поисках работы и обеспечения дохода себе и своей семье. Такой подход основан на активном взаимодействии региональных органов власти, предприятий, профсоюзов и других субъектов рынка труда в обеспечении сохранения и развития человеческих ресурсов региона.

Выделяются развитые (как правило, они сконцентрированы в столице, крупных промышленных городах и на индустриальных территориях) и отсталые региональные рынки труда (преимущественно сельскохозяйственные либо привязанные к отсталым отраслям). Характеризуя рынок труда Республики Беларусь, принято обращать внимание на его отличие от моделей рынка труда в странах Центральной и Восточной Европы, в которых государственные средства вкладываются не в абстрактную борьбу с безработицей, а в повышение конкурентоспособности рабочей силы на рынке труда. В модели белорусского рынка труда наибольшее

внимание акцентируется на низком уровне официальной безработицы [5, с. 308–311].

Особый интерес для исследователей представляют рынки труда малых городов. Главной особенностью рынка труда почти половины малых городов является монопрофильность, что связано с наличием в них градообразующих предприятий. Выявлено, что особенностью рынков труда малых городов является их замкнутость, которая объясняется двумя факторами – наличием градообразующих предприятий и территориальным отсутствием мобильности рабочей силы. Градообразующее предприятие имеет определяющее значение на рынке труда малого города: оно обеспечивает занятостью подавляющую часть трудовых ресурсов города, диктует перечень профессий и специальностей, формирует городской бюджет и содержит социальную инфраструктуру города. В случае ухудшения производственно-хозяйственной деятельности такого предприятия на рынке труда малого города нарастают критические явления.

Следует отметить, что состояние проблемы, связанной с ростом социальной напряженности в малом городе при закрытии градообразующего предприятия, находит понимание в Министерстве труда и социальной защиты Республики Беларусь. На недопущение роста безработицы и бедности в случае реструктурирования градообразующего предприятия был направлен совместный проект Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь и Программы развития ООН (ПРООН) «Содействие занятости/самозанятости населения малых городов посредством создания социально-деловых центров в Республике Беларусь» (2006–2009). Проблемы регионального неравенства, в том числе дифференциации белорусских городов освещены в докладе ООН «Экономика и общество Беларуси: диспропорции и перспективы развития»[1].

Мониторинг моногородов, проведенный в рамках совместного мини-проекта ПРООН и Министерства труда и социальной защиты «Содействие правительству Республики Беларусь в разработке системы раннего предупреждения роста безработицы и бедности в моногородах» (2003–2004), показал, что в шести городах наблюдается высокий уровень социальной напряженности, для 31 – характерна социальная дестабилизация. Для внутреннего рынка труда 21 градообразующего предприятия характерна напряженная ситуация, связанная с негативной динамикой социально-экономических показателей, снижением объемов продаж и ростом себестоимости продукции, неустойчивым финансовым положением, высоким уровнем неполной вынужденной занятости работников, низким уровнем оплаты труда. Реформирование агро- и индустриального комплекса в целях повышения его эффективности, оптимизация численности занятых во всех отраслях экономики может ухудшить ситуацию на рынке труда, что, в свою очередь, приведет к росту безработицы и социальной напряженности в малых городах и населенных пунктах.

Проблемы исследования и оценки рынков труда малых городов

Особенности (проблемы) состояния рынка труда моногородов – сокращение спроса на труд при его растущем предложении, что обусловлено как трудностями функционирования градообразующих предприятий, так и проблемами развития соответствующих регионов Беларуси.

Предварительно можно выделить следующие особенности функционирования региональных рынков труда в Республике Беларусь:

1) *замкнутость.* Проявляется в профессиональной немобильности рабочей силы города в сочетании со слабой информированностью о возможностях трудоустройства и обучения за границами города;

2) *монопсонизация*. Присутствие единственного покупателя на рынке труда, в качестве которого выступает как градообразующее предприятие, так и государство;

3) *институциональная негибкость* рынка труда малого города. Обусловлена наличием правовых предписаний, не позволяющих предприятию, с одной стороны, провести высвобождение избыточных работников, а с другой – обеспечить эффективную занятость всего персонала;

4) *потребность в профобучении*, гибких формах занятости;

5) *слабое взаимодействие субъектов инфраструктуры*. К ним можно отнести кадровую службу предприятия и региональный центр занятости;

6) *инерционность местного рынка труда*. Замедленная реакция на экономические трудности, которые пока не вызвали обвальной безработицы;

7) *внешнее благополучие при потенциальной вероятности роста социальной напряженности.*

В целом рынки труда малых городов могут быть охарактеризованы как замкнутые, инерционные,

[1]Национальный отчет о человеческом развитии Беларуси: 2004–2005. URL: http://un.by/biblioteka/tematicheskie-izdaniya/97-natsionalnye-otchety-o-chelovecheskom-razvitii-belarusi/2814-natsionalnyj-otchet-o-chelovecheskom-razvitii-belarusi-2004-2005 (дата обращения: 20.11.2017).

с вероятностью превращения их в критические и риском роста социальной напряженности в случае высвобождения рабочей силы с градообразующего предприятия, слабом на данный момент взаимодействии и сотрудничестве субъектов инфраструктуры регионального рынка труда.

При анализе рынков труда малых городов одной из основных проблем исследования является недостаточность информации. Усилиями региональной службы занятости аккумулируются сведения лишь о динамике официально регистрируемой части рынка труда. Кроме того, достаточно сложно при оценке рынка труда малого города учесть объем маятниковой трудовой миграции, поскольку городская черта практически всегда условна, а параметры данных явлений не отслежены. Поэтому рынок труда малого города нужно оценивать с помощью следующих данных: динамики регистрируемой безработицы (по сведениям регионального центра занятости населения); динамики нерегистрируемой безработицы (например, по результатам обследования домашних хозяйств); оценки внутреннего рынка труда градообразующего предприятия; оценки трудовых ресурсов города (с помощью проведения социологического опроса).

Особенностью состояния рынка труда малого города является сокращение спроса на труд при его растущем предложении, что обусловлено как трудностями функционирования градообразующего предприятия, так и общими макроэкономическими проблемами.

Увеличение предложений на рынке труда малого города проявляется:

• в превышении фактической безработицы над официальной;

• ухудшении демографической ситуации в городе, в результате чего обостряются проблемы трудового устройства тех или иных демографических групп и усиливается потребность в диверсификации форм занятости (полная, частичная, временная, надомный труд);

• сохранении значительных масштабов скрытой безработицы и занятости в теневом секторе экономики.

Система профессионального образования на местном рынке труда представлена достаточно узко, что не позволяет ей быстро реагировать на изменения конъюнктуры рынка труда. В результате увеличивается разрыв между требуемым качеством рабочей силы и квалификацией соискателей рабочих мест. Наблюдается дефицит опытных высококвалифицированных кадров при преобладании в предложении трудовых ресурсов лиц со средним общим или неполным средним образованием. Важным направлением оценки рынка труда моногорода является оценка внутреннего рынка труда градообразующего предприятия, которая может быть проведена посредством анализа форм статистической отчетности предприятия и экспертного опроса руководителей подразделений предприятия.

Анализ рынка труда малого города *на примере г. Берёзовка* [4, с. 98–102] показал, что механическое сокращение избыточной занятости не поможет повысить эффективность занятости в городе, а только усилит напряженность на официальном рынке труда и расширит круг лиц, нуждающихся в материальной и организационной поддержке центров занятости. Речь должна идти не о сокращении, а о выборе оптимального варианта перераспределения экономически активного населения монофункционального города в перспективные сферы занятости, о поэтапном сокращении избыточной занятости совместными усилиями кадровой службы градообразующего предприятия и государственной службы занятости.

Уровень безработицы как характеристика регионального рынка труда

Анализ регистрируемой безработицы. Характеристика рынка труда в регионах и республике представлена в таблице 1. В рамках *официальной* части рынка региональные рынки труда схожи (кроме рынка труда г. Минска). Не наблюдается больших различий по таким показателям, как пол, возраст, уровень образования. Данное сходство во многом обусловлено тем, что региональные рынки труда на 60 % состоят из рынков труда малых городов (к крупным городам в республике относится не более 20 %). Малые города и городские поселения с численностью населения не более 20 тыс. человек составляют до 80 % всех поселений. К моногородам (по критерию занятости – не менее 25 % трудовых ресурсов города на одном предприятии) можно отнести 21 % малых городов Беларуси [4, с. 96–98].

В качестве дополнительных критериев монополизации рынка труда могут выступать:

• занятость на одном или двух предприятиях одной отрасли не менее 25 % общей численности занятых в экономике города;

• выпуск одним или двумя предприятиями не менее 50 % общего объема промышленной продукции города;

• формирование одним или двумя предприятиями города не менее 30 % городского бюджета;

• наличие значительной географической удаленности населенного пункта от альтернативных рынков труда других городов.

Таблица 1

Уровень безработицы как характеристика регионального рынка труда, 2016 г., %

Table 1

The level of unemployment as the characteristic of regional labour market, 2016, %

Показатель	Регион							
	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилёвская область	г. Минск	Всего
Трудовые ресурсы	100	100	100	100	100	100	100	100
Доля лиц, зарегистрированных в качестве безработных в органах по труду, занятости и социальной защите, к численности трудовых ресурсов	**0,9**	**0,8**	**0,8**	**0,8**	**0,7**	**0,8**	**0,5**	**0,7**
Доля лиц, не зарегистрированных качестве безработных в органах по труду, занятости и социальной защите, к численности трудовых ресурсов	**4,7**	**4,5**	**5,2**	**4,3**	**3,7**	**5,8**	**3,7**	**4,4**
Из них								
Лица, не имеющие работу, активно ищущие ее и готовые приступить к ней	3,9	3,7	4,0	3,1	2,6	4,5	2,9	3,4
Лица, считающие, что нет возможности найти работу	0,5	0,3	0,6	0,7	0,5	0,6	0,3	0,5
Лица, не имеющие возможности или желания работать	0,3	0,5	О,6	0,5	0,6	0,7	0,5	0,5

Источник: [6, с. 5–6].

По данным критериям к моноструктурным населенным пунктам, имеющим одно-два градообразующих предприятия, можно отнести около 40 % малых городов и городских поселений Беларуси.

Ухудшение производственно-хозяйственной деятельности градообразующего предприятия на рынке труда малого города ведет к возникновению критической ситуации для всего городского населения. Состояние текущего рынка труда моногорода определяется динамикой как минимум трех его секторов: открытого рынка труда (официальной и неофициальной его частей); скрытого рынка труда (официальной и неофициальной его частей), внутреннего рынка труда градообразующего предприятия.

Отметим, что рынок труда г. Минска, сосредоточивший в себе свыше 20 % республиканского объема промышленного производства, по определению должен быть динамичным. Логично предположить, что на динамичном многофункциональном рынке труда предельно допустимый уровень безработицы может быть выше, чем на статичных монофункциональных рынках. Однако уровень официально регистрируемой безработицы на минском рынке труда неуклонно снижается, уменьшившись с 2001 по 2016 г. в три раза (от 1,5 до 0,5 %). Структура безработицы в г. Минске по полу свидетельствует о том, что 1/2 безработных – женщины и 1/2 – мужчины. Возрастная структура безработицы свидетельствует о том, что молодежь до 30 лет составляет до 1/2 всех безработных. Распределение безработных по уровню образования говорит о том, что почти 1/2 всех безработных (48,9 %) составляют выпускники с невостребованным высшим и средним специальным образованием – обладатели, как правило, трудоизбыточных специальностей. Подобная ситуация характерна скорее для *внешнего вторичного* рынка труда [7, с. 40–52].

Можно отметить, что *официальная* часть рынка труда в регионах (и республике в целом) представлена в основном *вторичным* рынком труда с преобладанием молодежной и женской безработицы (труд низкой квалификации). Для *внутреннего* вторичного рынка труда характерны: высокий удельный вес вакансий физического труда средней и низкой квалификации (до 80 % всех вакансий); высокая доля рабочих мест и вакансий с низкой заработной платой (свыше 40 %); высокая доля массовых рабочих профессий (до 80 %). Для *внешнего* вторичного рынка труда характерны: примерно одинаковый удельный вес женщин и мужчин; высокий удельный вес лиц с общим средним и общим базовым образованием (1/2); низкий уровень пособия по безработице (10 % от среднемесячной заработной платы). Анализ динамики этого рынка с 2001 по 2016 г. свидетельствует о том, что он *эволюционирует* в направлении типичного *вторичного* рынка труда с некоторым увеличением доли женщин, выпускников, лиц с невостребованным высшим и средним специальным образованием.

Анализ структуры общей безработицы. Безработица представляет собой отражение несовпадения предложения рабочей силы и спроса на нее, их количественное и качественное несоответствие. По своей природе это своеобразный синтез экономики, политики, идеологии, традиций и морали данного общества. Безработицу подразделяют на фрикционную, структурную и циклическую. Даже в условиях равновесия спроса и предложения рабочей силы на рынке труда часть людей находится в процессе смены работы. Это и есть *фрикционная* безработица. *Структурная* безработица связана с несоответствием спроса и предложения труда в профессионально-квалификационном или региональном аспекте. Структурная безработица обусловлена научно-техническим прогрессом и неравномерностью экономического развития регионов. *Циклическая* безработица связана с колебаниями деловой активности и возникает при спаде производства. Если фрикционная и структурная безработица имеют место при равновесной экономике, то циклическая – может отражать кризисное состояние экономики.

Из таблицы 1 следует, что в регионах Республики Беларусь показатели зарегистрированной безработицы (% к экономически активному населению) выше, чем в г. Минске при более слабом статистическом контроле ее нерегистрируемой части. Анализ данного феномена показывает, что соотношение учитываемого и не учитываемого статистикой населения во многом зависит от числа получающих образование в трудоспособном возрасте, обучающихся с отрывом от производства. Если в столице доля учащихся и студентов составляет 13,5 % от трудовых ресурсов, то в областях она колеблется от 5,1 % (в Минской области) до 8,6 % (в Витебской области), что вызывает ослабление статистического контроля незанятого населения [7, с. 49–50]. Получается, что вовлечение молодежи в продолжение профессионально-технического и среднего специального образования является, пусть не единственным, но важным *социальным механизмом* уменьшения контингента незарегистрированных безработных и, соответственно, уровня нерегистрируемой безработицы.

Регистрируемая безработица, находясь под управляющим воздействием государственных органов по труду, занятости и социальной защиты, требует совершенно определенных мер регуляции. Это включение индивидов в рынок труда через механизмы трудоустройства, профессионального обучения и переобучения, включение социально уязвимых категорий населения в рынок труда через механизмы социальной защиты, развитие гибких форм труда и рабочего времени. Что касается нерегистрируемой безработицы, то, выходя из-под контроля органов управления, она становится стихийным феноменом, чреватым усилением теневой экономики и других нежелательных явлений. Регулирование этого структурного компонента возможно с помощью *стимуляционно-мотивационных механизмов*, формируемых усилиями службы занятости для вовлечения этой части безработных в сферу своего влияния, а также *нормативно-правовых механизмов*, способствующих созданию экономических, социальных и правовых условий для развития самозанятости, предпринимательства и малого бизнеса в Республике Беларусь.

Анализ занятости, незанятости и безработицы в регионах и республике в целом показывает, что усилиями государственной службы занятости населения аккумулируется информация лишь о динамике *официальной* части рынка труда. Согласно данной информации (2016) регистрируемая безработица в Брестской области составляет 0,9 %, Витебской – 0,8 %, Гомельской – 0,8 %, Гродненской – 0,8 %, Минской – 0,7 %, Могилёвской – 0,8 %, г. Минске – 0,5 %, по республике в целом – 0,7 % к численности трудовых ресурсов. Информация об остальной части безработных остается вне пределов видимости государственной службы занятости. Между тем необходимо оценивать весь (в его официальной и неофициальной части) рынок труда в плане спроса и предложения рабочей силы с учетом как регистрируемой, так и нерегистрируемой безработицы, сведения о которой получаются только из исследования домашних хозяйств. Сложность проблемной ситуации состоит в том, что нерегистрируемая безработица перемещается в *первичный внешний* рынок труда, представляет собой феномен самостоятельного трудоустройства (в том числе с использованием социальных сетей) и осуществляется в обход государственной службы занятости.

Причины такого явления кроются в самой практике регулирования трудовой занятости в Беларуси. Для представителей *вторичного* рынка труда привлекательно регистрироваться в службе занятости, так как, во-первых, это легализация их бездеятельности, во-вторых, статус безработного обеспечивает ряд социальных льгот (например, в оплате коммунальных услуг). Представителям *первичного* рынка труда, наоборот, нет стимула регистрироваться в службе занятости по следующим причинам: малый размер пособия не дает возможности существовать без дополнительного приработка, но в случае его появления пособие не выплачивается; организуемые общественные работы уравнивают квалифицированный и неквалифицированный труд; служба занятости располагает информацией о вакансиях в основном по непрестижным рабочим местам; в период безработицы затруднен самостоятельный поиск работы ввиду необходимости соблюдать определенные обязанности безработного.

Это во многом объясняет увеличение в структуре зарегистрированных безработных доли лиц именно с невостребованным высшим образованием.

Итак, безработица в целом является результатом политики трудовой занятости в государственном масштабе, а не работы отдельно взятого государственного ведомства (в данном случае государственной службы занятости). Практика регулирования занятости сводится к контролю регистрируемой безработицы (официальной части текущего рынка труда), что приводит к расхождению между уровнями регистрируемой и нерегистрируемой безработицы. Административное снижение уровня регистрируемой безработицы (официальной части текущего рынка труда) неизбежно ведет к повышению нерегистрируемой безработицы на неофициальной части рынка труда. Характер регулирования занятости, незанятости и безработицы в Беларуси, затрагивающий только официальную часть рынка труда, способствует сохранению неэффективной занятости и пока что недостаточно согласуется с Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., обозначившей необходимость перехода к новой экономике знаний как основе трансформационных процессов в обществе.

Уровень жизни населения как характеристика регионального рынка труда

Для анализа данной характеристики используются следующие показатели:

• денежные доходы в расчете на душу населения;

• номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников в абсолютных значениях и ее % к республиканскому уровню;

• удельный вес населения с уровнем доходов ниже бюджета прожиточного минимума (БПМ) в общей численности населения региона (табл. 2).

Наиболее высокий уровень денежных доходов и заработной платы – в Минске и Минской области, наиболее низкий – в Брестской. Самый низкий уровень малообеспеченности, определяемый по доле населения с доходами ниже БПМ в общей численности населения региона, зафиксирован в г. Минске (1,0 %), затем следуют Минская (3,7 %) и Гродненская (5,1 %) области. Больше всего малообеспеченных граждан в Брестской (7,5 %) и Гомельской (7,4 %) областях [8, с. 121–127].

Таблица 2

Уровень жизни населения регионов как характеристика регионального рынка труда, 2015 г.

Table 2

Standard of living of the population of regions as the characteristic of regional labour market, 2015

Показатель	Регион						
	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилёвская область	г. Минск
Денежные доходы в расчете на душу населения, руб.* в мес.	409,1	429,5	410,5	463,5	477,1	418,1	726,9
Удельный вес населения с уровнем доходов ниже БПМ, в общей численности населения, %	**7,5**	**6,0**	**7,4**	**5,1**	**3,7**	**6,9**	**1,0**
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников, руб.*	575,7	580,5	609,6	592,0	666,8	579,1	887,3
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников, % к республиканскому уровню	85,7	86,5	90,8	88,2	99,3	86,2	**132,1**

*С учетом деноминации 2017 г. *Источник:* [9, с. 231–258].

Заключение

Сегодня в Беларуси при формальном росте ВВП и сокращении реальных доходов населения проблемам монопрофильных малых городов уделяется большое внимание. Формируется мнение о том, что ограничение госрасходов и снижение уровня кредитования экономики, а также отказ от прямой господдержки предприятий – ошибка. Гораздо важнее сократить налоговую нагрузку и удешевить кредиты, снизить инфляцию и внедрить механизмы мотивации к труду на градообразующих предприятиях. Эти меры также необходимы для привлечения инвесторов. Предполагается, что белорусским монопрофильным малым городам не избежать «перезагрузки» с неизбежным снижением уровня жиз-

ни населения. При этом государственным органам рекомендуется не разрабатывать патерналистские схемы по защите белорусов от социальных потрясений, а стимулировать переобучение людей (даже в возрасте 40–50 лет), как это принято во всем мире, повышать их мобильность, создавая соответствующую инфраструктуру и способствуя развитию частного предпринимательств на местах.

Библиографические ссылки

1. Рынок труда Республики Беларусь в социологическом измерении / Г. Н. Соколова [и др.]. Минск : Беларус. навука, 2014.

2. Лавникевич Д. Моногорода Беларуси: отложенная проблема [Электронный ресурс] // Экон. газ. 2014. № 77. URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/monogoroda-belarusi-otlozhennaya-problemac-18991 (дата обращения: 01.10.2017).

3. *Loveridge R., Mok A.* Theories of Labor Market Segmentation. Brussels : ASP House, 1989.

4. *Ванкевич Е. В., Морова А. П., Новикова И. В.* Управление региональным рынком труда при переходе к рыночной модели социальной политики в Беларуси. Витебск : ВГТУ, 2004.

5. Рынок труда Республики Беларусь: особенности формирования и развития / под науч. ред. Е. В. Ванкевич. Витебск : ВГТУ, 2008.

6. Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2015 году : стат. бюл. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016.

7. *Соколова Г. Н.* Рынок труда в регионах Беларуси: анализ тенденций занятости // Социол. исслед. 2011. № 5. С. 40–52.

8. *Таранова Е. В.* Стабильность занятости населения Беларуси: социологический анализ // Иппокрена. 2015. № 2 (23). С. 121–127.

9. Труд и занятость в Республике Беларусь : стат. сб. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016.

References

1. Sokolova G. N. (ed.). *Rynok truda Respubliki Belarus' v sotsiologicheskom izmerenii* [Labour market of Belarus in sociological measurement]. Minsk : Belarus. navuka, 2014 (in Russ.).

2. Mono-cities of Belarus: the postponed problem. *Econ. gaz.* [Economic Newspaper]. 2014. No 77. URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/monogoroda-belarusi-otlozhennaya-problemac-18991 (date of access: 01.10.2017) (in Russ.).

3. Loveridge R., Mok A. Theories of Labour Market Segmentation. Brussels : ASP House,1989.

4. Vankevich E. V., Morova A. P., Novikova I. V. *Upravlenie regional'nym rynkom truda pri perekhode k rynochnoi modeli sotsial'noi politiki v Belarusi* [Management with regional labour market at transition to market model of social policy in Belarus]. Vitebsk : VGTU, 2004 (in Russ.).

5. Vankevich E. (ed.). *Rynok truda Respubliki Belarus': osobennosti formirovaniya i razvitiya* [Labour market in Belarus's regions: an analysis of employment trends]. Vitebsk : VGTU, 2008 (in Russ.).

6. [The labour resources and employment of population in the Republic of Belarus in 2015] : stat. bull. Minsk : Nat. Stat. Comm. of the Republic of Belarus, 2016 (in Russ.).

7. Sokolova G. N. [Labour market in the regions of Belarus: analysis of tendencies of employment]. *Sotsiologicheskie issled.* 2011. No. 5. P. 40–52 (in Russ.).

8. *Taranova E. V*. [Stability of the employment of population in Belarus: sociological analysis]. *Ippokrena*. 2015. No. 2 (23). P. 121–127 (in Russ.).

9. [Labour and employment in the Republic of Belarus] : stat. sb. Minsk : Nat. Stat. Comm. of the Republic of Belarus, 2016 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 23.11.2017.
Received by editorial board 23.11.2017.

Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. P. 44–49
Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2017. No. 4. P. 44–49

УДК 316.444–053.81(479.25)+325.1– 053.81(479.25)

БЕЛОРУССКИЙ ВЕКТОР АРМЯНСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ МИГРАЦИИ

Г. А. ПОГОСЯН[1)]

[1)]*Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения, ул. Арама, 44, 0010, г. Ереван, Армения*

Рассматриваются социальные и экономические причины миграции молодежи из Армении. Особое внимание уделяется демографическим, социальным и профессиональным особенностям миграции в Республику Беларусь. Исследуется влияние армянской диаспоры Беларуси на миграционные намерения и потоки армянской молодежи за годы независимости республики. Проводится проективный анализ миграционных тенденций в условиях вступления Армении в Евразийский экономический союз.

Ключевые слова: молодежная миграция; причины и тенденции армянской миграции; армянская диаспора; евразийская интеграция.

THE BELARUS VECTOR OF ARMENIAN YOUTH MIGRATION

G. A. POGHOSYAN[a]

[a]*Institute of Philosophy, Sociology and Law, Armenian National Academy of Sciences, 44 Arama Street, Yerevan 0010, Armenia*

The article deals with the social and economic causes of youth migration from Armenia, in particular, demographic, social and professional features of migration in the Republic of Belarus. Was done the analysis of influence of the Armenian diaspora in Belarus on the intentions and migration flows of the Armenian youth during the years of independence, as well as projective analysis of migration trends in terms of Armenia's association to the Eurasian Economic Union.

Key words: causes of Armenian migration; youth migration; Armenian diaspora; Eurasian integration.

Современный этап глобальной трансформации объективно несет в себе нестабильность и неопределенность, что представляет большую угрозу для всеобщего мира и безопасности. Масштабные преобразования неизбежно вызывают серьезные социально-экономические последствия, которые, в свою очередь, выдвигают на передний план ряд жизненно важных вопросов, приобретающих драматический характер, и ставят множество совершенно новых задач. Как отмечают специалисты, в XXI в. круг миграционных проблем существенно сдвинулся в сторону доминирования временной, прежде всего трудовой, миграции [1, с. 253].

Последнее десятилетие минувшего века принесло немало перемен и в общественной жизни Армении. Трансформация общества, разрыв экономических связей, разрушение привычных форм деятельности на постсоветском пространстве привели к политической нестабильности, социальной и экономической поляризации общества. Переход к рыночной экономике, противоречия в экономических отношениях, неравные условия функционирования различных форм собственности обусловили усиление кризисных тенденций.

Демографический фактор является значимым фактором национальной безопасности. Сегодня

Образец цитирования:
Погосян Г. А. Белорусский вектор армянской молодежной миграции // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 44–49.

For citation:
Poghosyan G. A. The Belarus vector of Armenian youth migration. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 44–49 (in Russ.).

Автор:
Геворк Арамович Погосян – действительный член Национальной академии наук Республики Армения, доктор социологических наук, профессор; директор.

Author:
Gevorg A. Poghosyan, full member of Armenian National Academy of Sciences, doctor of science (sociology), full professor; director.
gevork@sci.am

задача демографической политики заключается в обеспечении нормального воспроизводства населения, создании благоприятных условий для рождения и воспитания детей, повышении уровня средней продолжительности жизни и улучшении показателей здоровья населения.

Нельзя не согласиться с мнением известных экспертов в области проблем современной миграции, которые отмечают, что «на международном рынке труда востребованы молодые люди» [2, с. 131]. Именно молодежь, как наиболее динамичный и подвижный социальный сегмент, более всего оказывается вовлеченной в современные международные миграционные процессы. Безусловно, это не может не отразиться на социальной и демографической безопасности как принимающих, так и отправляющих стран. Еще в 1990-е гг. консультант ЮНЕСКО А. Баер подчеркивала, что изменилось само понятие безопасности. Основная угроза безопасности сейчас стала исходить изнутри стран в виде «безработицы, нищеты, деградации окружающей среды и социальной изоляции. Люди начали надеяться на такую безопасность, которая гарантировалась бы длительным человеческим развитием и основывалась на толерантности и солидарности, а не на равновесии страха» [3, с. 17].

Занятость населения – одна из глобальных проблем современности. Она затрагивает интересы всех социальных слоев: и граждан, только начинающих трудовую деятельность, и руководителей предприятий, решающих вопросы внедрения новых технологий, и женщин, и безработных.

Сложная социально-экономическая ситуация в Армении привела к тому, что тысячи людей получили статус социально неблагополучных. Причем основным источником пополнения социального дна стали коренные жители республики, которые оказались в безвыходном положении из-за отсутствия постоянного места работы. Это породило социальный слой «новой бедности». «Уникальность армянской “новой бедности” заключается в том, что значительная часть даже трудообеспеченного населения относится к категории бедных, поскольку низкий уровень зарплат не обеспечивает прожиточного минимума. Неординарный феномен бедности среди занятого населения самым наглядным образом свидетельствует о том, что одним только увеличением числа рабочих мест и простым сокращением безработицы бедность в Армении преодолеть не удастся» [4, с. 14].

В современном мире значительный размах приобрела международная трудовая миграция. Видный западный исследователь В. Бенинг отмечает, что она является «одним из наиболее существенных аспектов интенсивной глобализации мировой экономики, который заметно влияет на экономику и рабочую силу более чем в 100 странах» [5, с. 9].

Сегодня наблюдается своего рода «взрыв» межгосударственной миграции. Он охватывает все виды межгосударственной миграции, среди которых особую роль играет трудовая. В Армении миграционные процессы развернулись главным образом после землетрясения 1988 г. и активизировались в начале 1990-х гг. после развала Советского Союза, когда получившая независимость Армения столкнулась с серьезными экономическими трудностями.

Диапазон причин миграции чрезвычайно широк. Часто она обусловлена не одним фактором, а их совокупностью, и интенсивность их различна для различных социально-демографических групп мигрантов.

Отток трудовых кадров из республики происходит в двух направлениях: в ближнее зарубежье (в постсоветские республики) и в дальнее зарубежье.

В Армении, как и в остальных постсоциалистических странах, на экономическую ситуацию влияют как внешние, исторические, так и внутренние факторы социально-экономической жизни страны в конкретный период. К сожалению общие статистические показатели роста численности населения свидетельствуют пока в пользу четвертьвекового периода независимости Армении (1991–2016). Даже согласно данным восьми официальных переписей населения в 1926–2011 гг. картина выглядит не лучшим образом (таблица).

Численность населения Армении согласно переписям в 1926–2011 гг.

Population of Armenian according to censuses in 1926–2011

Год	Численность населения, чел.
1926	878 929
1939	1 282 338[1]
1959	1 763 048[2]

[1]РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Ед. хр. 966–1001.
[2]РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Ед. хр. 1566а–1566д.

Окончание таблицы
Ending table

Год	Численность населения, чел.
1970	2 491 873[3]
1979	3 037 259[4]
1989	3 304 776[5]
2001	3 213 011
2011	3 018 854

Примечание. Составлено на основе [6–9].

Согласно данным Национальной статистической службы Республики Армения на январь 2016 г., численность постоянно проживающего в стране населения составила 2 996 500 человек [9].

Как видно из данных переписи, начиная с 1989 г. численность населения республики не возрастала, а снижалась. Причем, если за годы советской власти (1926–1989) этот показатель вырос почти в четыре раза, то в постсоветский период упал почти в 1,2 раза. Заметим, что численность этнических армян в составе населения за эти годы возросла с 82,8 % в 1926 г. до 98,1 % в 2011 г. [10].

Изучению жизненных ориентаций, взглядов на будущее и миграционных настроений армянской молодежи было посвящено немало социологических исследований. На протяжении последних лет миграционные настроения среди армянской молодежи приобрели интенсивность. Более трети молодых людей настроены на миграцию из страны в целях получения образования или в поисках работы.

Чтобы выяснить причины миграции среди армянских студентов, было проведено социологическое исследование среди 500 студентов из 11 вузов Армении [11]. Выяснилось, что бóльшая часть респондентов (62 %) при возможности продолжат учебу за рубежом и только 33 % готовы ограничиться учебой на родине. Желания студентов уехать из страны имеют разную подоплеку. Так, 16 % молодых людей хотят усовершенствовать свои знания и навыки, приобрести опыт, еще 7 % считают, что представители их профессии не пользуются высоким спросом в Армении, 19 % убеждены, что при продолжении учебы за рубежом они смогут найти высокооплачиваемую работу на родине. При этом 58 % опрошенных студентов желают найти работу за пределами страны. Половина студентов отметили, что после учебы готовы вернуться в Армению, если смогут найти работу с зарплатой около 350 долларов (с перспективой ее дальнейшего повышения) и возможностями карьерного роста. Опрос показал, *что 67 % студентов в целом довольны качеством образования в стране, 25 % недовольны, 8 % затруднились ответить.*

Под руководством автора статьи аспирантами Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения было проведено социологическое исследование среди молодежи. В опросе участвовало 600 студентов. Из них 18,2 % отметили, что при выборе будущей профессии ориентировались в основном на возможность достойно зарабатывать либо на высокую конкурентоспособность профессии. Вместе с тем большое влияние на профессиональную ориентацию большинства опрошенных студентов оказали личный интерес (на это указали 29,2 % респондентов) и склонность к определенной деятельности (24,5 %). Важно отметить, что подавляющее большинство (71,3 %) студентов на момент опроса нигде не работали, еще 18,2 % (это 109 человек) были трудоустроены, но не по своей специальности. В отношении будущего трудоустройства студенты высказывали озабоченность, но большинство (65 %) отметили необходимость усиления роли и ответственности государства в регулировании отношений между работодателями и выпускниками учебных заведений. Среди главных качеств, необходимых для успешного трудоустройства и дальнейшего карьерного роста, студенты выделили профессиональные навыки (71,2 %), ответственность (12,7 %) и самостоятельность (7 %). Это свидетельствует о том, что современная молодежь отлично понимает, что в первую очередь им самим следует быть инициативными, предприимчивыми, готовыми совершенствовать свои навыки и нести персональную ответственность за результаты своей работы.

На вопрос об источнике информации о вакансиях подавляющее большинство респондентов (73 %) указали на соцсети. Как показало исследование, при выборе профессии современные армянские студенты ориентируются также на то, в какой степени она востребована за рубежом.

В последние годы к странам, традиционно принимающим армянских трудовых мигрантов, добавилась также Беларусь. По официальным данным, в настоящее время в Беларуси проживает 8 тысяч

[1]РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Ед. хр. 3998–4185.
[2]РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Ед. хр. 6174–6238.
[3]Рабоч. арх. Госкомстата России. Табл. 9с.

армян [12]. Беларусь и Армению сближают не только похожие социально-экономические, но и культурно-исторические условия. Как известно, на территории Беларуси армяне появились еще в далеком прошлом. Они занимались, как правило, ремесленничеством и торговлей. Приведем интересные факты. Весь мир наслышан о слуцких поясах. Они хранятся в различных музеях мира и представляют собой уникальную реликвию. Однако мало кому известно, что у истоков их производства стоял армянин Ованес Маджарянц, который впоследствии стал именоваться как Ян Маджарский. Внучка Леона Маджарского Елизавета вышла замуж за белорусского помещика Манюшко. У них родился сын Станислав Манюшко, который стал выдающимся польским композитором и дирижером. Как видим, армяне оставили достаточно красочный след в белорусской истории [12].

Немало армян участвовавших в становлении советской власти в Беларуси. Стоит отметить выдающегося государственного деятеля Александра Мясникяна (Мясникова), который был организатором и редактором большевистской газеты «Звезда» в Минске. В 1919 г. он был назначен председателем Центрального Бюро КПБ, затем стал также первым председателем Центрисполкома БССР. Во времена Гражданской войны знаменитый военачальник, армянского происхождения Гайк (Гай) Бжишкянц принимал участие в освобождении Беларуси. В 1924–1925 гг. он был начальником военного гарнизона Минска. Известно, что 33 тысячи армян отдали свои жизни в боях Великой Отечественной войны за свободу и независимость Беларуси.

Среди легендарных защитников Брестской крепости насчитывалось более 200 армянских воинов. Среди них Самвел Матевосян – секретарь комсомольской организации полка, один из руководителей героической обороны крепости. В тяжелых боях за освобождение Беларуси сражались выдающиеся полководцы армянского происхождения, в дальнейшем маршалы Советского Союза Иван Баграмян и Амазасп Бабаджанян. Имя генерал-полковника авиации, командующего 2-й отдельной армией ПВО Сергея Сардарова неразрывно связано с историей Беларуси.

Миграция армян в Беларуси активизировалась в послевоенный период. Их численность неуклонно росла и, по официальным данным, в 2009 г. составила порядка 8 тысяч [13, с. 25]. Сегодня в Беларуси проживает примерно 30 тысяч армян. Среди них немало известных людей: ученых, музыкантов, деятелей культуры, государственных служащих, юристов, бизнесменов.

В Беларуси действует несколько армянских организаций. В 1990 г. была зарегистрирована первая армянская организация, спустя два года получившая статус самостоятельной, – Минское армянское культурно-просветительское общество «Айастан». В Гродно, Могилёве и Бобруйске действуют общественные объединения армян.

С 1991 г. в Минске функционирует воскресная школа по изучению армянского языка и истории Армении. В 2007 г. был создан детский музыкальный армянский ансамбль «Аревик». В 2009 г. вышел в свет первый номер армянской газеты «Карот миасин». Кроме того, издаются газета «Миасин», журнал «Анив».

В 1991 г. в память о жертвах Спитакского землетрясения (1988) на кладбище в Минске был установлен привезенный из Армении Хачкар (крест-камень) – армянский архитектурный памятник, представляющий собой каменную стелу с резным изображением креста. Армянское культурно-просветительское общество «Айастан» является постоянным участником межнациональных фольклорных фестивалей, где представляет армянскую кухню, армянские национальные костюмы, изобразительное искусство, поэзию и литературу [14].

В белорусских городах немало армянских ресторанов, в которых можно отведать национальные армянские блюда, а также вина и коньяк. Белорусские армяне любят и ценят Беларусь, ставшую для них родной. Они органично интегрированы в белорусское общество и активно работают на благо страны [12]. Во многом уже состоявшаяся, достаточно организованная и хорошо себя зарекомендовавшая армянская диаспора служит своего рода центром притяжения для новых мигрантов из Армении. Армянская молодежь, как более мобильная социальная группа, гораздо чаще попадает в поле воздействия подобной «гравитации». Во многом этому способствует также неблагоприятная демографическая ситуация, сложившаяся в Республике Беларусь. Численность занятого населения в республике не только не растет, но за последние годы заметно снизилось. Так, в 2010 г. она составляла 4665,9 тыс. человек, а уже в 2012 г. составила 4577,1 тыс., т. е. снизилась на 1,9 % [15, с. 253]. Неблагоприятную демографическую ситуацию в республике власти пытаются решить как с помощью стимулирования безвозвратной международной миграции, так и посредством временной трудовой миграции. Как отмечают эксперты, в 2012 г. в Республику Беларусь на постоянное проживание переехало 18 тыс. человек, а выбыло порядка 8,7 тыс. человек. Таким образом, миграционный прирост населения в 2012 г. составил 9300 человек. В следующем, 2013, году миграционный прирост вырос до 19 тыс. человек, оказав таким образом влияние на рост общей численности населения республики [15, с. 254]. Среди мигрантов-армян большую часть представляют мужчины разных возрастных групп, однако молодежь, как правило, преобладает. Белорусские специалисты отмечают, что «гендерный состав трудовой миграции в Беларуси характеризуется преобладанием мужчин (около 90 %

в структуре въезжающих работников)» [16, с. 249]. Нет сомнения в том, что обозначенные процессы молодежного миграционного обмена в рамках трудовой и образовательной миграции между Арменией и Беларусью и в будущем сохранят тенденцию возрастания в условиях углубляющейся интеграции в Евразийском экономическом союзе. В связи с этим задача глубокого, всестороннего научного изучения и анализа миграционных процессов приобретает особую актуальность.

Библиографические ссылки

1. *Рыбаковский Л. Л.* Трудовая миграция: настоящие и будущие проблемы России // Миграционные мосты в Евразии : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. «Роль миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран Евразии: регионы Восточной Европы и Центральной Азии» (Москва, 5 нояб. 2014 г.). М. : Экон-Информ, 2014.

2. *Рязанцев С. В.* Временная эмиграция из России: формы и тенденции // Миграционные мосты в Евразии : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. «Роль миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран Евразии: регионы Восточной Европы и Центральной Азии» (Москва, 5 нояб. 2014 г.). М. : Экон-Информ, 2014.

3. Курьер ЮНЕСКО, 1996. С. 17.

4. *Погосян Г. А.* Судьба социальных трансформаций в Армении // Армянский транзит. Проблемы и перспективы социальной трансформации : сб. ст. Ереван : ЗАНГАК, 2009.

5. Предисловие // П. Стоккер. Работа иностранцев: обзор международной миграции рабочей силы. М. : Academia, 1996.

6. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам республик СССР. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2314 (дата обращения: 19.12.2017).

7. Постоянное население РА. URL: http://docs.armstat.am/census/pdfs/51.pdf (дата обращения: 19.12.2017).

8. Численность населения РА. URL: http://armstat.am/file/doc/99486108.pdf (дата обращения: 19.12.2017).

9. Национальная статистическая служба Республики Армения. URL: http://www.armstat.am/am/?nid=126&id=11001 (дата обращения: 19.12.2017).

10. Переписи населения РА в 1926–2011 гг. URL: http://www.aniarc.am/2016/02/15/armenian-census-1926-1939-1959-1970-1979-1989-2001-2011/ (дата обращения: 08.10.2017).

11. Причины миграции среди армянской молодежи и формула ее предотвращения. URL: http://www.verelq.am/ru/node/9363 (дата обращения: 19.12.2017).

12. Армяне Беларуси. URL: http://sobesednikarmenii.ru/index.php/diaspora/6734-armyane-belorussii (дата обращения: 08.10.2017).

13. *Злотников А. Г.* Этническая структура населения Республики Беларусь и ее динамика в свете международных отношений // JEAN MONNET. Scientific-practical conference with international participation. 2018. С. 218–224.

14. Армянская община Минска. URL: http://arevain.narod.ru/obshchina.html (дата обращения: 19.12.2017).

15. *Тихонова Л. Е.* Анализ влияния миграции населения в рамках ЕЭП на рынок труда Республики Беларусь // Миграционные мосты в Евразии : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. «Роль миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран Евразии: регионы Восточной Европы и Центральной Азии» (Москва, 5 нояб. 2014 г.). М. : Экон-Информ, 2014.

16. *Тимошенко М. В.* Современные тенденции развития внешней трудовой миграции в Республике Беларусь // Миграционные мосты в Евразии : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. «Роль миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран Евразии: регионы Восточной Европы и Центральной Азии» (Москва, 5 нояб. 2014 г.). М. : Экон-Информ, 2014.

References

1. Rybakovskii L. L. [Labour migration: the present and future problems of Russia]. *Migratsionnye mosty v Evrazii* [Migration bridges in Eurasia] : collect. of papers of the VI Int. sci. and pract. conf. «The role of migration in the socio-economic and demographic development of the sending and receiving countries of Eurasia: regions of Eastern Europe and Central Asia». (Moscow, 5 Novemb., 2014). Moscow : Econ-Inform, 2014 (in Russ.).

2. Ryazantsev S. V. [Temporary emigration from Russia: forms and trends]. *Migratsionnye mosty v Evrazii* [Migration bridges in Eurasia] : collect. of papers of the VI Int. sci. and pract. conf. «The role of migration in the socio-economic and demographic development of the sending and receiving countries of Eurasia: regions of Eastern Europe and Central Asia» (Moscow, 5 Novemb., 2014). Moscow : Econ-Inform, 2014 (in Russ.).

3. Courier UNESCO. 1996. P. 17.

4. Pogosyan G. A. [The fate of social transformations in Armenia]. In: *Armyanskii tranzit. Problemy i perspektivy sotsial'noi transformatsii* [Armenian transit. Problems and prospects of social transformation]. Yerevan : ZANGAK, 2009 (in Russ.).

5. Preface. In: P. Stocker. *Rabota inostrantsev: obzor mezhdunarodnoi migratsii rabochei sily* [Work of foreigners: a review of international labour migration]. Moscow : Academia, 1996 (in Russ.).

6. [All-Union Population Census 1926. Population by sex, nationality]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2314 (date of access: 19.12.2017) (in Russ.).

7. [The permanent population of the Republic of Armenia]. URL: http://docs.armstat.am/census/pdfs/51.pdf (date of access: 19.12.2017) (in Russ.).

8. [Population of the Republic of Armenia]. URL: http://armstat.am/file/doc/99486108.pdf (date of access: 19.12.2017) (in Russ.).

9. National Statistical Services of the Republic of Armenia. URL: http://www.armstat.am/am/?nid=126&id=11001 (date of access: 19.12.2017) (in Russ.).

10. [Population Censuses of the Republic of Armenia in 1926–2011]. URL: http://www.aniarc.am/2016/02/15/armenian-census-1926-1939-1959-1970-1979-1989-2001-2011/ (date of access: 08.10.2017) (in Russ.).

11. [The causes of migration among Armenian youth and the formula for its prevention]. URL: http://www.verelq.am/ru/node/9363 (date of access: 19.12.2017) (in Russ.).

12. [Armenians of Belarus]. URL: http://sobesednikarmenii.ru/index.php/diaspora/6734-armyane-belorussii (date of access: 08.10.2017) (in Russ.).

13. Zlotnikov A. G. [Ethnic structure of the population of the Republic of Belarus and its dynamics in the light of international relations]. *JEAN MONNET*: *Scientific-practical conference with international participation*. 2018. P. 218–224 (in Russ.).

14. [Armenian community of Minsk]. URL: http://arevain.narod.ru/obshchina.html (date of access: 19.12.2017) (in Russ.).

15. Tikhonova L. E. [Analysis of the impact of migration of population within the SES on the labor market of the Republic of Belarus]. *Migratsionnye mosty v Evrazi*i [Migration bridges in Eurasian] : collect. of papers of the VI Int. sci. and pract. conf. «The role of migration in the social, economic and demographic development of the sending and receiving countries of Eurasia: regions of Eastern Europe and Central Asia» (Moscow, 5 Novemb., 2014). Moscow : Econ-Inform, 2014 (in Russ.).

16. Timoshenko M. V. [Modern trends in the development of external labor migration in the Republic of Belarus]. *Migratsionnye mosty v Evrazii* [Migration bridges in Eurasia] : collect. of papers of the VI Int. sci. and pract. conf. «The role of migration in the social, economic and demographic development of the sending and receiving countries of Eurasia: regions of Eastern Europe and Central Asia» (Moscow, 5 Novemb., 2014). Moscow : Econ-Enform, 2014 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 04.12.2017.
Received by editorial board 04.12.2017.

Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. P. 50–55
Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2017. No. 4. P. 50–55

УДК 323.28:070

ВОСПРИЯТИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ОПРЕДЕЛЕННОЙ РЕЛИГИИ В КОНТЕКСТЕ ОСВЕЩЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА В СМИ

***Н. П. НАРБУТ*[1)], *Ж. В. ПУЗАНОВА*[1)], *Т. И. ЛАРИНА*[1)]**

[1)]*Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, г. Москва, Россия*

Обосновывается мысль о том, что СМИ не только отражают реалии, но и активно формируют социальные взгляды и представления о мире. Это касается и темы терроризма: освещение терактов в прессе часто приводит к формированию у аудитории устойчивых стереотипов, в частности ассоциативного ряда. Отмечено, что в данном контексте особенно резонансным является восприятие ислама, который отождествляется с исламизмом, несмотря на принципиальные отличия. Приведены результаты социологических опросов, проводившихся в 2015 и 2017 гг. в Российском университете дружбы народов. На основании их представлены мнения студентов из разных стран об образе террориста. Показана позиция российской и иностранной молодежи в отношении демонстрации принадлежности к определенной религии (христианство, ислам, буддизм, иудаизм) в контексте освещения терроризма в СМИ. Сделан вывод о том, что социальные стереотипы, касающиеся религиозной принадлежности, достаточно устойчивы в массовом сознании.

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; религия; ислам; СМИ; эффект иммунизации; социологический опрос.

PERCEPTION OF DEMONSTRATION OF BELONGING TO A CERTAIN RELIGION IN THE CONTEXT OF MEDIA REPRESENTATION OF TERRORISM

***N. P. NARBUT*[a], *Zh. V. PUZANOVA*[a], *T. I. LARINA*[a]**

[a]*RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow 117198, Russia*

Corresponding author: N. P. Narbut (narbut_np@rudn.university)

Today media not only reflect modern realities, but also actively form it. It concerns media representation of the topic terrorism, when maximum coverage of audience is reached and psychological consequences of acts of terror increase. The social and psychological processes accompanying the process of media representation, often are transformed to steady stereotypes, in particular an associative array. In this context perception of Islam, which is often identified with Islamism, despite fundamental differences is especially resonant. These data are supported with the results received in 2015 and 2017 during the sociological surveys in the RUDN University. The image of a terrorist received on the basis of the unfinished statements techniques is shown, one of the components of which is a «religiousness», according to data the image is often crossed with perception of Islam. Also the attitude of the Russian and foreign youth to perception of demonstration of

Образец цитирования:
Нарбут Н. П., Пузанова Ж. В., Ларина Т. И. Восприятие принадлежности к определенной религии в контексте освещения терроризма в СМИ // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 50–55.

For citation:
Narbut N. P., Puzanova Zh. V., Larina T. I. Perception of demonstration of belonging to a certain religion in the context of media representation of terrorism. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 50–55 (in Russ.).

Авторы:
Николай Петрович Нарбут – доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета гуманитарных и социальных наук.
Жанна Васильевна Пузанова – доктор социологических наук, профессор; заведующий социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук.
Татьяна Игоревна Ларина – кандидат социологических наук; ассистент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук.

Authors:
Nickolay P. Narbut, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of humanities and social sciences.
narbut_np@rudn.university
Zhanna V. Puzanova, doctor of science (sociology), full professor; head of the sociological laboratory, faculty of humanities and social sciences.
puzanova_zhv@rudn.university
Tatiana I. Larina, PhD (sociology); assistant of the department of sociology, faculty of humanities and social sciences.
larina_ti@rudn.university

belonging to a certain religion (Christianity, Islam, Buddhism, Judaism) in the context of its media representation in media is shown. The main conclusion is that the social stereotypes concerning religious identity are rather strong on stability degree in mass consciousness.

Key words: terrorism; extremism; religion; Islam; media; effect of immunization; sociological poll.

В настоящее время терроризм представляет наибольшую опасность человечеству, являясь в то же время труднопрогнозируемым явлением, что в значительной степени усложняет борьбу с ним. Террористы активно используют СМИ для достижения своих целей. Тема терроризма, транслируемая в прессе, на интернет-ресурсах, как правило, привлекает внимание большого количества людей, поскольку потенциально представляет угрозу для каждого. По сути, СМИ являются наиболее удобной информационной площадкой, где возможно накопление и тиражирование сообщений по поводу данного феномена.

Современный терроризм крайне заинтересован в коммуникационном сопровождении. Для того чтобы получить наибольшее освещение в СМИ, террористы используют любые методы. В качестве смертников все чаще выступают женщины и дети. При совершении террористического акта экстремисты учитывают время: как правило, оно соответствует времени выхода газет или выпуска новостей, чтобы происходящее достигло наибольшей огласки в кратчайшие сроки. Также для своих действий террористы подбирают места массового скопления людей, чтобы впоследствии СМИ транслировали событие, наполненное насилием, сопровождая его наиболее впечатляющими фотографиями с места трагедии и телерепортажами. И чем эффективнее с данной точки зрения подобрано место, тем активнее данное событие будет освещаться в СМИ и тем с большей вероятностью будет откладываться в общественном сознании.

Специалисты отмечают, что терроризм потерял бы всякий смысл без подробного освещения в массмедиа. СМИ, как правило, фокусируют свое внимание на трагедии, тем самым способствуя достижению террористами намеченной цели, а именно: посеять у людей чувство страха и личной незащищенности.

Сегодня у многих террористических группировок есть собственные сайты, используемые в целях дезинформации общественности, нагнетания страха и тревоги – эмоций, которые в массовом проявлении способствуют активизации феномена толпы. Это может быть использовано ими в случае захвата заложников: детально продуманная коммуникативная стратегия позволяет манипулировать аудиторией. К примеру, террористы могут выдвигать требования политикам, известным людям, журналистам, что моментально транслируется в СМИ [1].

Таким образом, терроризм как социальное явление представляет собой коммуникативно-насильственную деятельность, в ходе которой жертвами становятся не только люди, физически оказавшиеся в эпицентре событий, но и аудитория СМИ. Именно деятельность прессы усиливает эффект террористического акта, т. е. за счет психологического эффекта увеличивается зона поражения [2].

Довольно распространена точка зрения, согласно которой терроризм не может существовать в недемократических государствах, где отсутствует свобода слова, в средствах информации и коммуникации присутствует цензура, что ограничивает публичность, так необходимую террористам. Однако развитие средств массовой коммуникации дало возможность транслировать информацию практически в любое государство даже при наличии жесткой цензуры. Следует отметить, что раньше террор был направлен в сторону конкретных людей, обладающих властью и способных выполнить требования террористов. Сегодня их действия направлены в основном в адрес обычных мирных жителей. При этом совершенные насильственные действия по отношению к одним лицам при освещении происходящего в СМИ делают психологическими жертвами и других людей – таким образом «зона поражения» расширяется.

Часто СМИ пользуются приемом негативизации. Но в данном случае происходит усугубление последствий произошедшего, создается образ общей беспомощности. Через СМИ террористы имеют возможность передавать свои информационные установки. При разрушении этой цепочки террористические акты имели бы не столь тяжелые последствия.

Освещение СМИ террористических актов как имеет информационную функцию, так и влияет на распространение террористических идей, в том числе среди потенциальных последователей.

Знаменитое высказывание американского ученого Б. Дженкинса: «Террористы хотят, чтобы на них смотрело много людей, а не умирало много людей» было актуально несколько десятилетий назад, так как сегодня практика свидетельствует о другом. Из-за большого количества автокатастроф, бедствий восприимчивость людей к террористическим атакам снижается, что называется эффектом иммунизации («обудничивание терроризма»). Со временем это привыкание приводит к отсутствию реакции на сообщения о насилии и является следствием дальнейшего усиления активности террористов в целях привлечения внимания массмедиа и общества. Поэтому происходит нарастание же-

стокости при совершении террористических актов, так как увеличение количества жертв дает возможность акцентировать внимание аудитории [3]. Стоит отметить, что террористы, руководствуясь данной логикой, способны совершать все более жестокие насильственные действия.

Часто СМИ создают образ терроризма как всемогущего, безнаказанного, недоступного для закона и непобедимого явления. СМИ способны не только транслировать, но и формировать общественное мнение, например через растущее недовольство граждан действиями правительства в отношении действий экстремистов. Данный факт может привести к дестабилизации обстановки в стране, нанести урон функционированию государственных органов [1].

Террористы, совершая террористические акты, главным образом преследуют цель создания перманентной обстановки страха, паники среди населения, а также преднамеренно стремятся нанести дестабилизирующий удар по всем сферам общественной жизни на разных ее уровнях – от национального до международного.

Оборотной стороной выражения такого страха являются рост ксенофобии и возможное предвзятое отношение к представителям различных религий. После терактов в России в 2008–2013 гг. среди населения возрос уровень страха по отношению к мусульманам, которые ассоциируются с террористами. И хотя сейчас образ типичного террориста претерпевает изменения, вопрос об отношении к представителям определенных религий в контексте ассоциаций с терроризмом остается актуальным.

В 2015 г. в Российском университете дружбы народов (РУДН) было проведено социологическое исследование среди студентов, в ходе которого на основе использования метода «неоконченных предложений» получена характеристика образа террориста. Вниманию респондентов было представлено 9 фраз, которые необходимо закончить:

1) «Для меня террорист – это…»;
2) «От других людей террориста отличает…»;
3) «Обычно террористы проявляют…»;
4) «Террорист исповедует…»;
5) «Террорист всегда…»;
6) «Террорист никогда…»;
7) «Террористом становятся из-за…»;
8) «Террористом я могу назвать…»;
9) «Мотивами террориста являются…».

Одним из компонентов полученного образа стала религиозность. Среди ответов респондентов встречались такие мнения: «Террорист исповедует…: «неправильную веру», «все что угодно», «ислам», «разные религии», «ту религию, которой придерживается его организация», «радикальный ислам», «сектантские верования», «любую религию», «экстремизм», «то, что ему по душе», «зло», «то, что нельзя назвать верой». Однако были респонденты, которые полагали, что он «ничего не исповедует» и не исповедует «по-настоящему никакой религии», «безбожен». Среди мотивов тех или иных террористических действий, по мнению респондентов, выступают «религиозные идеи», «религия», «чаще всего религиозные взгляды», «вера», «его "вера"», а террорист предстает в роли «религиозного фанатика». Опрошенные также отметили, что террорист чаще всего мусульманин. 64 % ответов, данных в рамках компонента «религиозность», составил элемент «ислам», который, конечно, не имеет ничего общего с исламизмом и так называемым радикальным исламом, хотя эти понятия в массовом сознании часто не разделяются.

В целом такие результаты могут являться индикатором социальной напряженности, опасности для такого многонационального и многоконфессионального государства, как Россия, где есть регионы, которые традиционно можно считать мусульманскими: Ингушетия, Чеченская Республика, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Башкортостан, Татарстан. В медиадискурсе используются различные техники создания образа врага или, наоборот, друга [4, с. 339], акцент на религиозность нередко становится средством подобных техник.

В начале 2017 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения представил результаты опроса, согласно которым к внешним проявлениям религиозной принадлежности в учебных учреждениях россияне сегодня относятся более терпимо, чем пять лет назад: 47 % граждан считают, что в этом нет ничего предосудительного (в 2012 г. этот показатель составлял 35 %). Заметно выше эта доля среди молодежи (73 % в группе от 18 до 24 лет), среди мусульман (68 %). Напротив, недопустимым со стороны учеников и учителей подобное поведение считают 47 % (среди 45-летних и старше – 55–57 %, людей с высшим образованием – 56 %, атеистов – 56 %) [5].

И если позиция российских граждан в этом отношении более-менее понятна, то восприятие данной ситуации иностранцами, которые проживают в России и являются реципиентами информации российских СМИ, не столь изучено, особенно когда речь идет о молодежи. В сентябре 2017 г. был проведен полевой этап социологического исследования, одной из целей которого являлась оценка отношения иностранных студентов РУДН к демонстрации религиозной принадлежности. Было опрошено 517 иностранных студентов (квотная выборка по регионам: выходцы из Ближнего Востока, Африки, Европы, стран СНГ, Латинской Америки, Азии). Учитывая, что РУДН – самый многонациональный российский вуз, в котором обучаются представите-

ли более чем 150 стран мира, результаты с большой вероятностью отражают мнения интернациональной студенческой молодежи, получающей образование в России.

Для достижения поставленной цели респондентам был задан следующий вопрос: «Представьте, что Вы едете в переполненном общественном транспорте. Вдруг в него заходит...» Оцените по шкале от 0 до 5 ваше чувство напряженности при виде этого человека. Показателю «5» соответствует вариант ответа: «Испытываю сильное чувство напряженности», 4 – «Испытываю чувство напряженности», 3 – «И да, и нет», 2 – «Скорее не испытываю чувства напряженности», 1 – «Вообще не испытываю чувства напряженности», 0 – «Затрудняюсь ответить».

Шкала оценивания демонстрации принадлежности к определенной религии в общественных местах

Rate scale of demonstration of belonging to a certain religion in public places

1. Женщина, облаченная в хиджаб	0	1	2	3	4	5
2. Мужчина в темной одежде и с длинной бородой	0	1	2	3	4	5
3. Человек, у которого на груди большой христианский крест	0	1	2	3	4	5
4. Человек, облаченный в рясу	0	1	2	3	4	5
5. Человек, облаченный в кашаю (одежда буддийских монахов)	0	1	2	3	4	5
6. Человек с кипой (еврейский головной убор) на голове	0	1	2	3	4	5

Примечание. 1 – ислам, 2 – христианство, 3 – христианство, 4 – христианство, 5 – буддизм, 6 - иудаизм.

Большинство студентов, как правило, испытывают чувство напряженности при виде людей, облаченных в хиджаб, а также носящих длинную бороду. Атрибуты религиозной принадлежности – христианский крест, кипа, кашая и ряса – у студентов вызывают меньшее беспокойство (рис. 1).

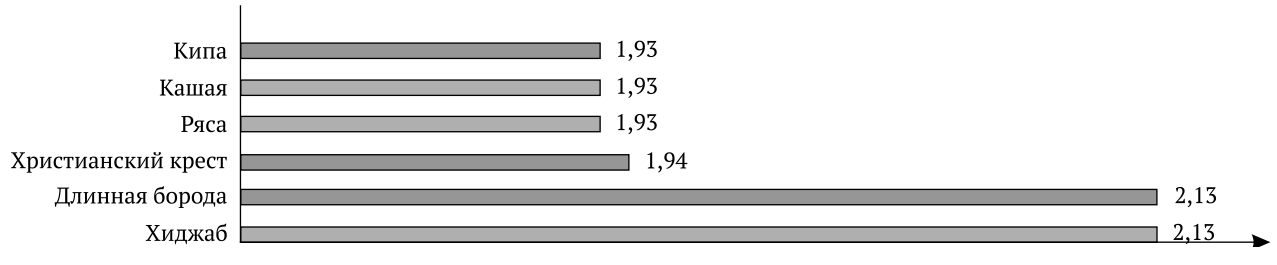


Рис. 1. Отношение иностранных студентов к демонстрации атрибутов религиозной принадлежности (средние оценки), %

Fig. 1. Foreign students' attitude towards demonstration of belonging to a certain religion (average values), %

Наиболее сильное чувство напряженности в присутствии человека, внешний вид которого ассоциируется с определенной религией, испытывают студенты из стран Европы, Азии и Ближнего Востока, наименьшее – студенты из стран Африки, СНГ и Латинской Америки. В целом показатели ниже 2,5 говорят скорее о терпимом отношении к внешним проявлениям религиозности. Большая часть иностранных студентов из стран Африки чуть более напряженно воспринимает такие внешние атрибуты религиозной принадлежности, как хиджаб и длинная борода. Студентами из стран СНГ длинная борода и хиджаб также воспринимаются чуть более негативно, хотя нельзя говорить о значительной разнице в восприятии. Студенты из стран Ближнего Востока наиболее настороженно относятся к таким атрибутам, как длинная борода и кипа. Учащиеся из Латинской Америки наиболее напряженно воспринимают хиджаб, студенты из стран Азии – хиджаб и длинную бороду. Европейцы наиболее насторожены в отношении человека в рясе. В целом из всех представленных атрибутов религиозной принадлежности всеми иностранными студентами наиболее негативно воспринимается хиджаб (рис. 2).

Наименьшую напряженность в присутствии человека, демонстрирующего принадлежность к определенной религии, испытывают иностранные студенты – представители христианства (рис. 3).

Исследование показало, что наиболее сильное чувство напряженности в присутствии человека, демонстрирующего принадлежность к определенной

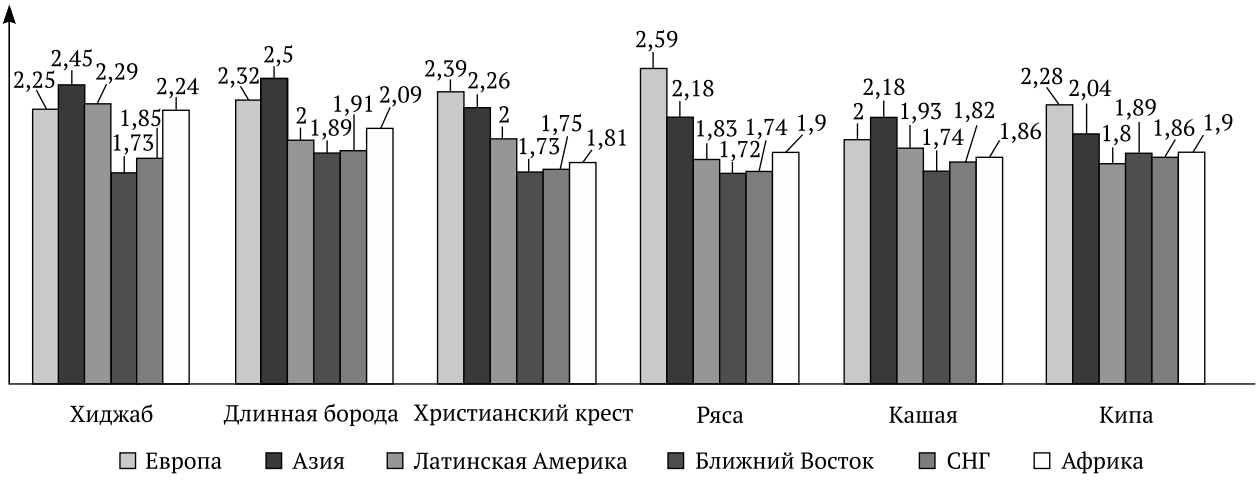


Рис. 2. Отношение представителей различных регионов к демонстрации религиозных атрибутов в общественных местах. Распределение по регионам, %

Fig. 2. Different regions' attitude towards demonstration of religion's attributes in public spaces. Region distribution of respondents, %

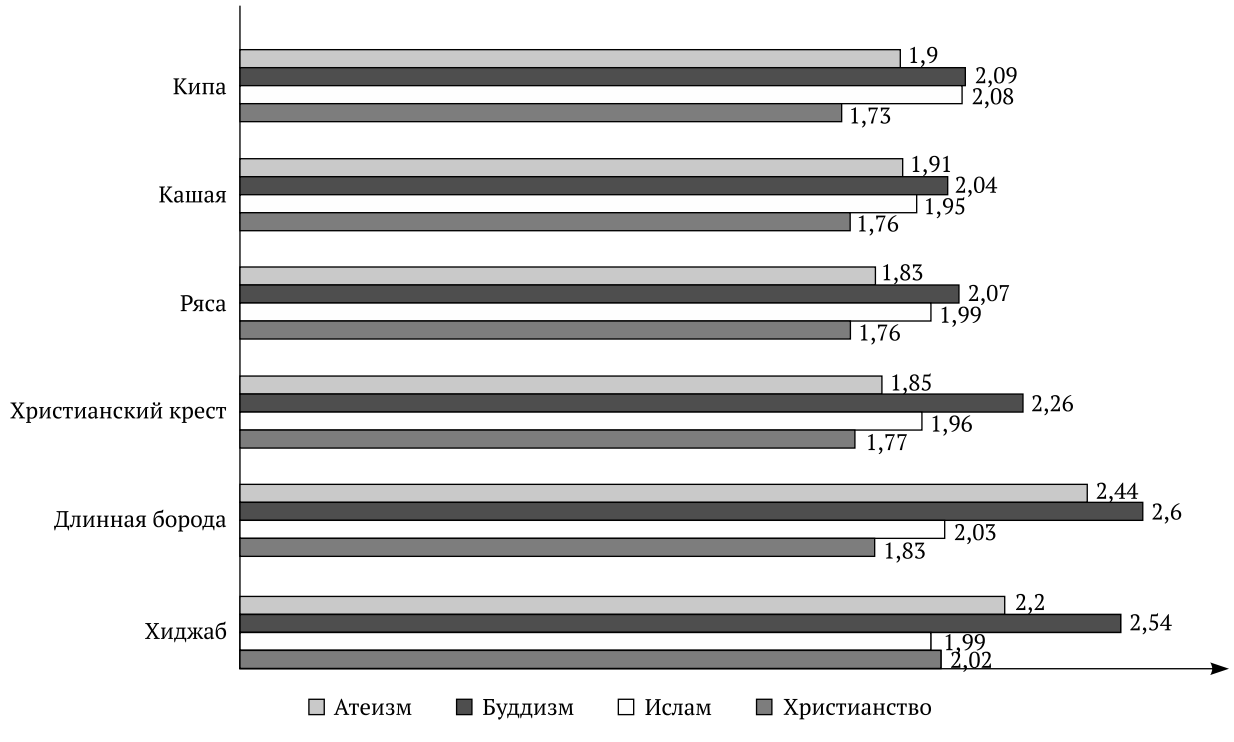


Рис. 3. Отношение различных религий к демонстрации религиозных атрибутов в общественных местах. Распределение респондентов по религиозной принадлежности, %

Fig. 3. Different religions' attitude towards demonstration of religion's attributes in public spaces. Religion distribution of respondents, %

религии через атрибутику, испытывают студенты из стран Европы, Азии и Ближнего Востока, наименьшее – студенты из стран Африки, СНГ и Латинской Америки.

Результаты интересны и тем, что под влияние традиции СМИ в вопросе отношения к представителям различных религий наряду с россиянами попадают иностранные граждане. Страх перед человеком в хиджабе может трактоваться как последствие освещения терактов в массмедиа, тиражирующих представление террориста как мусульманина. И хотя религиозная и национальная принадлежность давно уже не имеют жесткой привязки к исполнителям терактов и у современного терроризма все чаще «нет лица», отголоски стереотипов еще сохраняются в массовом сознании.

Библиографические ссылки

1. *Ануфриенко С. В.* Коммуникационная стратегия терроризма как угроза национальной безопасности // Нац. безопасность и стратег. планирование. 2013. № 3. С. 55–66.
2. *Хоффман Б.* Терроризм – взгляд изнутри. М. : У-Фактория, 2003.
3. *Дементьева К. В.* Проблема терроризма и особенности ее освещения в СМИ // Государство и право. Юрид. науки. 2015. С. 30–33.
4. *Narbut N. P., Trotsuk I. V.* Neighbouring countries' images: persistent stereotypes of the Russian student youth // RUDN J. sociol. 2017. Vol. 17, No. 3. P. 338–347.
5. Хиджабы – учебе не помеха? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116047 (дата обращения: 01.12.2017).

References

1. Anufrienko S. V. [Communication strategy of terrorism as a threat for national security]. *Natsional'naya bezop. strategicheskoe plan*. 2013. No. 3. P. 55–66 (in Russ).
2. Hoffman B. *Terrorizm – vzglyad iznutri* [Terrorism internally]. Moscow : U-Faktorija, 2003 (in Russ.).
3. Dement'eva K. V. [Terrorism and especially its media coverage]. *Gos. i pravo. Yuridicheskie nauki.* 2015. P. 30–33 (in Russ.).
4. Narbut N. P., Trotsuk I. V. Neighbouring countries' images: persistent stereotypes of the Russian student youth. *RUDN J. Sociol.* 2017. Vol. 17, No. 3. P. 338–348.
5. [Whether hindrance of a hadzhaba to study?]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116047 (date of access: 01.12.2017) (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 30.11.2017.
Received by editorial board 30.11.2017.

Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. P. 56–65
Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2017. No. 4. P. 56–65

УДК 29

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ПЕЧАТНЫХ СМИ БЕЛАРУСИ

В. А. МАРТИНОВИЧ[1)]

[1)]*Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220050, г. Минск, Беларусь*

Посвящена анализу процесса идентификации новых религиозных движений в печатных СМИ, оказывающего влияние на формирование селективного восприятия феномена нетрадиционной религиозности в современном обществе. Исследуются печатные СМИ как субъект, а также критерии СМИ по отнесению религиозных организаций к числу новых религиозных движений. Особое внимание уделяется результатам протекания данного процесса в белорусской прессе в 1988–2015 гг. На основе репрезентативной выборки выявляется количество и наименования религиозных организаций, идентифицированных в качестве новых религиозных движений. Анализируется терминологический аппарат, используемый в процессе их идентификации, география их происхождения, специфические структурные и содержательные характеристики, наличие представительств в Республике Беларусь. Представлен образ новых религиозных движений, формируемый печатными СМИ, а также основные направления и степень отклонения данного образа от действительной картины распределения новых религиозных движений в конфессиональном пространстве Беларуси. Выявляются характер и степень вовлеченности разных типов печатных СМИ Беларуси в процесс идентификации новых религиозных движений.

Ключевые слова: нетрадиционная религиозность; новые религиозные движения; средства массовой информации; идентификация сектантства; секты.

IDENTIFICATION OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS IN PRINTED MEDIA IN THE REPUBLIC OF BELARUS

V. A. MARTINOVICH[a]

[a]*Minsk Spiritual Academy, 27 Zybizkaja Street, Minsk 220050, Belarus*

The present article is devoted to the analysis of the process of new religious movements identification in the printed media. The process plays a crucial role for the formation of selective perception of unconventional religiosity in contemporary society. Peculiar features of the process itself are thoroughly analyzed: massmedia as a subject of the process, criterions of the identification of different religious groups with new religious movements. Special attention is paid to the representation of the results of the longitudinal study of this process on example of Belarusian press from 1988 to 2015. The quantity of identified groups and their names are found and exposed on a representative sample of 521 press article. There was uncovered a specific terminology used during the process of new religious movements identification, as well as the geographical distribution of the groups, their specific structural and conceptual characteristics, and representation in the Republic of Belarus. The resulting image of new religious movements in Belarusian printed media is uncovered, and the degree of its divergence with the actual situation with unconventional religiosity in Belarus. The extent of the involvement of different types of printed massmedia in the process of new religious movements identification is uncovered.

Key words: unconventional religiosity; new religious movements; massmedia; identification of sectarianism; sects.

Образец цитирования:
Мартинович В. А. Идентификация новых религиозных движений в печатных СМИ Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 56–65.

For citation:
Martinovich V. A. Identification of new religious movements in printed media in the Republic of Belarus. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 56–65 (in Russ.).

Автор:
Владимир Александрович Мартинович – доктор теологии, кандидат социологических наук; заведующий кафедрой апологетики.

Author:
Vladimir A. Martinovich, doctor of science (theology), PhD (sociology); head of the department of apologetics.
nrmsect@yandex.ru

Введение

Восприятие новых религиозных движений (НРД) в общественном дискурсе имеет селективный характер. Анализ специфических особенностей НРД позволяет условно разделить все их многообразие на две группы. К первой будут относиться организации, идентифицированные в дискурсивном поле общества как НРД. Во вторую войдут сообщества, которые по своим ключевым характеристикам могут быть отнесены к числу НРД, но при этом никем не идентифицируются и не распознаются в качестве таковых. Являясь НРД, они как бы никем не замечаются и спокойно работают с населением, не будучи вовлеченными в различные дискуссии и обсуждения нетрадиционной религиозности. Для научного анализа НРД серьезное значение имеет как само это разделение, так и процесс идентификации НРД или перехода организации в представлениях разных институтов общества, включая СМИ, из второй группы в первую [1].

Проблематике НРД и СМИ посвящено большое количество работ, анализировавших:

1) степень обоснованности материалов массмедиа о НРД [2];

2) понятийный аппарат, используемый прессой при описании НРД [3];

3) журналистов, пишущих на тему НРД [4];

4) образ НРД, формируемый СМИ [5; 6];

5) причины и формы обращения прессы к теме НРД [7];

6) влияние СМИ на формирование отношения к НРД со стороны населения [8];

7) освещение темы НРД в прессе конкретных стран [9];

8) представление прессой истории и культовой практики конкретных НРД [10] либо типов нетрадиционной религиозности [11] и т. д.

В большинстве указанных работ проблема идентификации НРД если и затрагивается, то лишь в качестве периферийной темы на уровне отнесения конкретных религиозных групп к числу НРД. Настоящая статья посвящена процессу идентификации НРД в печатных СМИ и анализу результатов его протекания в белорусской прессе. В силу масштабов и сложности темы работа не может претендовать на полноту освещения.

Процесс идентификации НРД

Процесс идентификации НРД является неотъемлемой составляющей осмысленной реакции различных институтов общества на увеличивающуюся дифференциацию религиозного пространства страны либо на его фактически данное разнообразие. «Каркас» этого процесса сохраняется неизменным вне зависимости от эпохи и региона, а также от того, кем и как определяются НРД. Не имеет принципиального значения, с использованием какой терминологии группы индивидов идентифицируются в качестве сектантских. Термины «новое религиозное движение», «секта», «культ», «сектантство», «нетрадиционная религиозность» и т. д. выступают лишь в качестве наиболее узнаваемых маркеров того, какой сегмент религиозного пространства имеется в виду. Автором найдено более 270 альтернативных терминов, использовавшихся в процессе идентификации НРД в самых разных сферах и контекстах. При этом «каркас» процесса не менялся под влиянием изменения терминов и связываемых с ними определений. Соответственно, методологически обязательным условием анализа этого «каркаса» является вынесение за скобки всех определений НРД, которые неизменно сопровождают идентификацию НРД и во многом зависят от особенностей ее протекания. В то же время исследование конкретных примеров идентификации НРД невозможно без обращения к конкретным определениям и терминам. Однако даже в этом случае методологическим условием корректности исследования является инструментализация терминов и определений, а не использование их в качестве основных.

Под идентификацией НРД будем понимать процесс установления полного совпадения характеристик той или иной религиозной организации с одной из разновидностей НРД. В каждом акте идентификации можно выделить следующие ключевые элементы: субъект процесса идентификации НРД; критерии отнесения группы к числу НРД; материалы о какой-либо организации, сообществе или явлении. Все три компонента соединены процессом, в границах которого субъект идентификации устанавливает соответствие материалов о какой-либо организации собственным критериям отнесения групп к числу НРД. Каждый из этих элементов является переменной с разным количеством значений, все многообразие комбинаций и взаимных пересечений которых вместе со спецификой их взаимодействия образуют целостную систему идентификации НРД в обществе. В ходе исторического развития менялись как значения переменных, так и доминирующие комбинации их соединений друг с другом. Каждый отдельно взятый акт идентификации в зависимости от того, кем, на основании чего и с опорой на какие материалы он протекает, может осуществляться практически мгновенно либо растягиваться на долгий период времени, включающий сложный набор процедур и правил проведения.

Идентификация нетрадиционной религиозности в целом и НРД в частности является базо-

вой процедурой, на которой основывается любое знание о сектантстве, любая информация о НРД. Общее количество религиозных организаций, идентифицированных в качестве НРД всеми институтами общества, полагает видимую или наблюдаемую границу нетрадиционной религиозности. В разных странах мира объемы этой границы отличаются. Вслед за ними разнятся характер, масштабы и глубина исследования темы НРД, равно как и степень информированности специалистов и населения о процессах в конфессиональном пространстве. Институт СМИ играет важную роль в формировании указанной границы для широких слоев населения.

Печатные СМИ как субъект процесса идентификации НРД

К субъектам процесса идентификации НРД относятся как различные институты общества, так и частные лица, каким-либо образом реагирующие на деятельность НРД. Для институтов общества этот процесс имеет разное значение, погружаясь в него, они преследуют порой прямо противоположные цели. Так, например, *в науке* идентификация НРД является одним из инструментов, упрощающих анализ как религии и религиозности в целом, так и конфессионального пространства той или иной страны мира в частности. *Для религиозных организаций* он выступает средством размежевания с иными формами религиозных жизни и опыта, инструментом защиты собственных членов от внешних нежелательных влияний, а также фактором, стимулирующим внутреннюю рефлексию и развитие богословской мысли.

Для печатных СМИ идентификация НРД является одной из множества реакций на нетрадиционную религиозность в целом и НРД в частности. Далеко не всякое упоминание названий конкретных религиозных организаций на страницах прессы сопровождается их идентификацией с НРД. Этот процесс затрагивает преимущественно статьи с нейтральным описанием религиозной ситуации в стране и критические материалы по сектантству. В то же время идентификация НРД отсутствует практически во всех рекламных материалах религиозных организаций. Это вполне ожидаемо, так как сами НРД лишь в исключительно редких случаях идентифицируют себя в качестве таковых и открыто говорят об этом.

Анализ соотношения рекламы, нейтральных материалов и критики НРД выходит за рамки данного исследования. Однако, по предварительной оценке автора статьи, идентификация НРД в рамках нейтральных и критических материалов как минимум не превышает по своим объемам рекламу НРД в СМИ. При этом особенность СМИ состоит в том, что реклама религиозных организаций и их же идентификация с НРД в рамках критики, тем более нейтрального описания, достаточно легко совмещаются друг с другом. Газеты рекламируют и критикуют НРД одновременно, не только не чувствуя при этом противоречий в занимаемой позиции, но и получая все соответствующие бонусы как от рекламы (в виде оплаты за размещение подобных материалов), так и от критики (в виде повышения рейтинга издания). В качестве примера можно привести газету «Вечерний Минск», которая в течение 10 дней опубликовала два рекламных объявления корейской секты «Дами Сонгехэ» с объявлением о конце света и две статьи против этой же группы. При этом одно рекламное объявление было опубликовано в одном и том же номере на одной и той же странице с критическим материалом[1].

Рекламные материалы, не будучи идентифицированными в качестве принадлежащих к тем или иным НРД, не воспринимаются в качестве таковых ни читателями издания, ни, как можно предположить, редакцией газеты. СМИ являются ярким примером способности одно и того же института общества, с одной стороны, вносить хоть какую-то ясность для населения в процессы, протекающие в конфессиональном пространстве страны, а с другой – запутывать и усложнять их понимание. Внутренне противоречивый посыл по теме НРД со стороны прессы является для нее нормой. Автору не приходилось сталкиваться с исключениями из правила одновременной рекламы и критики НРД на страницах как отечественных, так и зарубежных печатных СМИ. Таким образом, СМИ погружаются в проблематику НРД лишь в той степени, в какой это способствует повышению их доходов и рейтинга.

Критерии идентификации сектантства в печатных СМИ

Преследуя собственные цели, субъекты идентификации НРД формируют разные наборы критериев, лежащие в основе данного процесса. В процессе исторического развития эти критерии меняются с разной скоростью в разных институтах общества. Они могут быть более или менее обоснованы либо совершенно несостоятельны и некорректны. Однако в большинстве случаев население знакомо не

[1]Приглашение Бога // Вечер. Минск. 1992. № 199. С. 1 ; *Марчук Ф.* «О дне и часе том никто не знает…» // Вечер. Минск. 1992. № 203. С. 1 ; Евангельско-христианская церковь «Дами Сонгехэ» // Вечер. Минск. 1992. № 203. С. 1 ; *Павел (Боянков)* Берегитесь лжепророков // Вечер. Минск. 1992. № 207. С. 1.

с самими критериями идентификации НРД, а лишь с конечным результатом – идентифицированными НРД. Однако широкие слои населения в основной своей массе не интересуются как самими критериями, так и степенью их обоснованности. Им хватает и конечного результата, упрощающего ориентацию в конфессиональном пространстве, делающего его более просматриваемым и дифференцированным. Влияние от возможных искажений в получающейся карте НРД требует отдельного исследования. Однако любая, даже достаточно неточная карта, все же упрощает ориентацию на местности. Печатные СМИ являются наглядным примером этой ситуации.

В редакциях СМИ существуют определенные критерии, в соответствии с которыми любые статьи и материалы оцениваются в качестве подходящих к публикации либо непроходных. Эти критерии являются своеобразным фильтром, средством самоконтроля издания, отражающим его общую направленность и основные приоритеты редакционной политики. Они могут также находиться под влиянием различных государственных, политических, экономических, общественных, религиозных и иных инициатив и интересов. Критерии идентификации НРД печатными СМИ формируются уже на фоне этих базовых фильтров редакции. Углубленный анализ фильтров печатных СМИ Беларуси в аспекте их влияния на формирование критериев идентификации НРД выходит за рамки статьи. Остановимся лишь на некоторых общих замечаниях по теме.

В современном мире немного журналистов специализируется на написании статей на тему НРД. Большинство публикаций принадлежит авторам, обращавшимся к указанной проблематике в первый и последний раз на время написания статьи. Соответственно, в качестве основания для отнесения религиозных групп к числу НРД ими используется экспертное мнение людей, воспринимающихся в качестве специалистов в данной области, либо собственные представления о нетрадиционной религиозности.

В первом случае в качестве экспертов выступают представители иных институтов общества: сектора общественных организаций, традиционных церквей, реже – ученые и специалисты органов государственного управления. Далеко не всегда они обладают необходимыми познаниями в специфике НРД. Однако даже при обращении к специалистам печатные СМИ в большинстве случаев полностью опускают либо с серьезными погрешностями упрощают представленную ими систему критериев и обоснований идентификации НРД. В результате отсылка на авторитетное мнение эксперта или позицию целого органа государственного управления предстает в качестве единственного основания для отнесения группы к числу НРД. Читатель видит не критерии и основания, а лишь результат.

Во втором случае журналист просто не успевает выйти на разработку или принятие сколько-нибудь обоснованной системы критериев, а остается в рамках набора шаблонов и стереотипов, сложившихся в общественном дискурсе вокруг НРД. Во многом эти шаблоны сформировались под влиянием тех же СМИ. Статья может опираться на рассказы бывших членов НРД, которые неспособны проанализировать и оценить свой опыт, они могут лишь передать свое негативно окрашенное и эмоционально-перегруженное отношение к группе. В результате в значительном количестве таких статей в качестве основного критерия отнесения группы к числу НРД используются ее вредоносность и деструктивность. При этом весь процесс идентификации НРД сводится к демонстрации реального и/или придуманного негатива как аргумента в пользу сектантскости группы. С позиций науки установление опасности религиозной организации является возможной и вполне допустимой операцией, которая, однако, вне зависимости от ее результата не является свидетельством ее сектантства. Точно так же установление безопасности организации не является аргументом в пользу ее несектантского характера. В результате второстепенный с позиций науки критерий опасности/безопасности приобретает первостепенное значение для многих печатных СМИ.

Достаточно часто в печатных СМИ встречается также идентификация НРД по отсутствующему основанию, в процессе которой установление совпадения как сущностных, так и второстепенных структурных, содержательных и иных характеристик отсутствует. Вместо этого имеет место процесс наклеивания ярлыков наподобие «это секта» без ссылки на какие-либо критерии и без приведения малейших, пусть даже совершенно несерьезных, обоснований. В этой ситуации выпадают критерии идентификации, а сам процесс, не будучи обусловленным какими-то правилами, принципами и влияниями, сводится к необоснованной демонстрации инаковости тех или иных религиозных групп. В потенциале он может привести к стигматизации НРД и развитию в обществе моральной паники.

Исследование идентификации НРД в печатных СМИ Беларуси

В настоящее время неизвестно точное количество религиозных организаций, *de facto* идентифицированных разными институтами общества в качестве НРД. Между тем данный показатель можно отнести к числу важнейших при анализе реакции разных институтов общества на все многообразие

религиозных организаций Беларуси. Он, помимо всего прочего, является одним из индикаторов уровня рефлексии общества над процессами, протекающими в конфессиональном пространстве страны.

Автором проведено исследование, цель которого состояла в выявлении количества религиозных групп, идентифицированных в печатных СМИ Беларуси в качестве НРД. Получение этих данных было первым шагом на пути к выявлению масштабов идентификации НРД в белорусском обществе в целом. Также предполагалось, что оно позволит выявить степень соответствия образа НРД, конструируемого печатными СМИ, данным по деятельности НРД в Беларуси.

Генеральная совокупность статей в печатных СМИ, относящих те или иные религиозные группы к числу НРД, не известна. Отсутствовала также информация о влиянии типа СМИ на публикацию соответствующих материалов. При формировании выборки статей автор исходил из допущения того, что специфика конфессионального пространства конкретного региона отражается в материалах печатных СМИ, издаваемых на его территории. Релевантная для этого допущения особенность конфессионального пространства Беларуси состоит в том, что значительная часть всех НРД не имеет филиалов и действует на территории конкретного населенного пункта, за границами которого о них практически ничего не известно. Распределение филиалов оставшихся НРД на территории Беларуси неравномерно. Более того, так как деятельность отдельных НРД в республике ограничена несколькими годами, реакция СМИ на их работу также будет локализована во времени.

С учетом данных предварительных наблюдений было сделано предположение о том, что и необходимая для исследования информация по идентификации НРД также неравномерно распределена среди разных типов СМИ, а городская, районная и областная пресса представляет не меньший интерес, чем республиканские СМИ. В силу этого методологически некорректно искусственно ограничивать число анализируемых изданий как по типу СМИ, так и по хронологии. В результате в число анализируемых изданий должны были бы войти газеты разных типов, тиража, формата, объема, периодичности издания, формы собственности и регистрации, политической направленности и т. д. Однако проработка всех издававшихся в Беларуси СМИ, даже если брать небольшой для этой темы период в 5–10 лет, потребовал бы огромных затрат времени. В силу этого *отбор статей для анализа производился методом доступной выборки*. В выборку вошла 521 статья из 76 белорусских газет[1]. В число последних вошли 28 республиканских и 48 региональных (14 областных, 11 районных и 23 городских) газет. Из них 16 относятся к специализированным изданиям, имеющим определенные ограничения по аудитории или тематике (например, «Белорусская военная газета» и др.), а 60 – к газетам универсального назначения (например, «СБ. Беларусь сегодня» и др.). В республиканской прессе было найдено 298 статей, а в региональных СМИ 223 статьи. В выборку попали материалы с 1988 по 2015 г. Исключение было сделано для изданий, которые в силу особого подхода к публикации материалов вообще и статей по НРД в частности могли оказать негативное влияние на выборку. Так, в выборку не включались статьи из газет религиозных организаций Беларуси (например, «Церковное слово», «Каталіцкі веснік» и др.), иностранных газет, имеющих официальные представительства в Беларуси (например, «Комсомольская правда в Белоруссии», «Аргументы и факты в Беларуси» и др.), а также антисектантские статьи из специализировавшейся на критике НРД газеты «Личность».

Анализ статей производился методом стандартизированного опроса текста, технология которого была разработана Центром социологических и политических исследований БГУ под руководством Д. Г. Ротмана [12]. Соответствующий бланк опроса включал в себя несколько вопросов, среди которых были следующие:

1) «Какие группы в тексте статьи идентифицируются в качестве НРД?»;

2) «Какая терминология используется в процессе идентификации религиозных групп в качестве НРД?»;

3) «Как часто используются специальные термины в тексте?».

[1]«7 Дней», «Intex-press», «АлВит», «Беларускі час», «СБ. Беларусь сегодня», «Белоруссия», «БелГазета», «Белорусская военная газета», «Белорусская деловая газета», «Белорусский рынок», «Брестский курьер», «Ва-банкъ», «Вестник Могилёва», «Вечерний Брест», «Вечерний Гомель», «Вечерний Гродно», «Вечерний Минск», «Вечерний Могилёв», «Віцебскі рабочы», «Голос Фандока», «Гомельская правда», «Гродзенская праўда», «Де-факто», «Днепровская неделя», «Добры вечар», «Жодзінскія навіны», «Заря», «Звязда», «Згода», «Знамя юности», «Зніч», «Имя», «Кобрин-информ», «Компьютерные вести», «Краязнаўчая газета», «Культура», «Курьер из Борисова», «Лідская газета», «Літаратура і мастацтва», «Маладзечанская газета», «Мінская праўда», «Минский курьер», «Минский меридиан», «Могилёвская правда», «Магілёўскія ведамасці», «Мы и время», «На страже», «Народная воля», «Народная газета», «Народная трибуна», «Народнае слова», «Настаўніцкая газета», «Наш край», «Наш час», «Наша Ніва», «Наша свабода», «Новая газета Сморгони», «Новы дзень», «Обозреватель», «Перамога», «Переходный возраст», «Раённыя будні», «Рэспубліка», «Свабода», «Светлае жыццё», «Свободные новости», «Славянский набат», «Служба спасения 01», «Столица», «Столичная», «Товарищ», «Фемида», «Центральная газета», «Частная собственность», «Чырвоная змена», «Экспресс-новости».

Полученные результаты анализировались в контексте данных предшествующих исследований автора, посвященных специфике структурных и содержательных характеристик нетрадиционной религиозности Беларуси в целом, а также процессов возникновения и миграции НРД.

Терминология процесса идентификации

В процессе исследования было выявлено 40 терминологических маркеров, использующихся в процессе идентификации религиозных групп в качестве НРД. К числу этих маркеров относятся термины: «секта», «культ», «деструктивный культ», «деструктивный неокульт», «деструктивное неокультовое объединение», «деструктивный психокульт», «деструктивная религия», «деструктивная секта», «деструктивная религиозная организация», «деструктивная религиозная секта», «деструктивная тоталитарная секта», «ересь», «культ нового времени», «лжерелигия», «лжеучение», «неокульт», «неокультовое объединение», «неомистическая культовая организация», «неорелигиозное течение», «нетрадиционная конфессия», «нетрадиционный культ», «нетрадиционная религия», «нетрадиционное религиозное движение», «нетрадиционный религиозный культ», «нетрадиционное религиозное объединение», «нетрадиционное религиозное течение», «новая культовая организация», «новая религия», «новая религиозная организация», «новое религиозное движение», «псевдорелигиозная деструктивная группа», «псевдорелигиозная организация», «псевдорелигиозная секта», «псевдорелигия», «сектантская организация», «тоталитарный культ», «тоталитарная секта», «сектантство», «псевдорелигиозность» и «нетрадиционная религиозность». Упоминание какой-либо религиозной группы с применением к ней одного или нескольких указанных терминов было взято в качестве основания для констатации факта ее идентификации.

С более чем половиной указанных терминов сопряжены ярко выраженные негативные коннотации. При этом, как уже отмечалось, палитра доступных журналистам терминов включает более 270 единиц. В рамках исследования учитывалась также частота использования каждого термина в привязке к типу СМИ и идентифицируемой группе. Однако подробное представление особенностей использования понятийного аппарата в процессе идентификации НРД само по себе представляет сложную и интересную тему, выходящую за рамки данной статьи.

Общие данные по идентификации НРД

Результаты исследования показали, что в печатных СМИ Беларуси в 1988–2015 гг. в качестве НРД идентифицировалось 174 разные организации, сообщества и группы. Анализ организаций, вошедших в данный список, показал, что они действительно могут быть отнесены к числу НРД, т. е. *конечный результат* процесса идентификации печатными СМИ Беларуси в общем и целом допустим с позиций науки. В отечественной и зарубежной науке есть целый ряд ученых, относящих эти же организации к числу НРД. Однако представляются недопустимыми и некорректными как *критерии, на основании которых* эти группы идентифицируются печатными СМИ с НРД, так и сопровождающее этот процесс описание групп. Идентифицируя одни и те же группы в качестве НРД, ученые и журналисты дают им разные определения и опираются на сильно отличающиеся представления об их устройстве, целях и задачах, месте и роли в конфессиональном пространстве страны.

По сведениям автора, из 174 НРД 128 действовали в Беларуси на момент написания материала для СМИ либо в какое-либо иное время. Они составляют 12,2 % от всех НРД, деятельность которых на территории Беларуси удалось документально зафиксировать на 1 ноября 2017 г. Таким образом, о 87,8 % НРД, действовавших и/или действующих в Беларуси до сих пор, печатные СМИ Беларуси ничего не писали, а *общий объем идентифицированных СМИ организаций в семь раз меньше их реального количества*.

Оставшиеся 46 из 174 НРД в Беларуси никогда не вели своей работы, а семь из них на момент публикаций не существовали нигде в мире. При этом СМИ лишь в крайне редких случаях обращали внимание читателя на то, что описываемой группы в Беларуси нет и никогда не было. Таким образом, не менее 26,4 % всех НРД, о которых публиковались материалы в белорусских СМИ, к самой Беларуси не имеют никакого отношения. Данные организации упоминались в хрониках событий из мира НРД за рубежом, а также привлекались журналистами в качестве примера для описания феномена сектантства в целом либо при заимствованиях отечественными журналистами материалов по НРД зарубежной прессы.

В число идентифицированных прессой в качестве НРД организаций вошло также 11 филиалов НРД со всей Беларуси. Однако несмотря на то что в статьях они представлялись как самостоятельные организации, они не вошли в общее число 174 идентифицированных НРД.

Структурные и содержательные характеристики

Автором проведен сравнительный анализ создаваемого печатными СМИ образа феномена НРД с документально подтвержденными данными по НРД Беларуси. Основанием для проведения данной процедуры стало предположение о том, что СМИ не только некорректно описывают конкретные НРД, но и вносят некоторый дисбаланс в представления о феномене нетрадиционной религиозности в целом.

Анализ структурных характеристик организаций, идентифицированных печатными СМИ как НРД, позволил выявить достаточно интересную закономерность. Ранее нами отмечалось, что чем менее структурирован тот или иной тип нетрадиционной религиозности, тем в большей степени он представлен в обществе [1]. Настоящее исследование показало, что *чем менее структурирован тот или иной тип нетрадиционной религиозности, тем реже входящие в него группы идентифицируются печатными СМИ в качестве НРД* (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение типов НРД по структуре, %

Table 1

The comparison of new religious movements type structure, %

Тип НРД	Структура			
	Секты и культы	Клиентурные культы	Аудиторные культы	Сектоподобные группы
Действующие	15,8	36,5	43,8	3,9
Идентифицированные	51	31	18	–

Иначе говоря, печатные СМИ Беларуси чувствительны не к реальным масштабам распространения того или иного типа нетрадиционной религиозности по структуре, а лишь к уровню развития структуры составляющих его организаций, групп и общностей. Самый распространенный и развитый тип нетрадиционной религиозности Беларуси – культовая среда общества – также идентифицировался СМИ в некоторых своих проявлениях (вера в астрологию в целом, целительство и экстрасенсорика, спиритизм, пророчества Нострадамуса, уфология и др.). Однако в центре внимания прессы находились секты и культы – самый маленький по степени представленности и распространенности тип НРД. Таким образом, печатные СМИ диспропорционально освещают структурные характеристики феномена нетрадиционной религиозности, основное внимание уделяя наименее значимым по степени распространения и влияния на общество типам.

Анализ распределения идентифицированных типов НРД по содержанию выявил комплексный характер несоответствий между степенью представленности того или иного типа на территории Беларуси и уровнем внимания, уделяемым ему в СМИ. В табл. 2 представлена информация о процентном соотношении каждого типа НРД по содержанию:

А) к общему количеству НРД, деятельность которых на территории Беларуси документально зафиксирована автором (реальное количество НРД, или 1047 НРД);

Б) к общему количеству НРД, идентифицированных печатными СМИ Беларуси из числа реально действующих или действовавших в Беларуси (128 НРД);

В) к общему количеству НРД, идентифицированных печатными СМИ Беларуси (174 НРД).

Соотношение действующих и идентифицированных НРД Беларуси показывает, насколько СМИ способны учитывать специфику конфессионального пространства Беларуси. Однако наибольшее значение для понимания конструируемого СМИ образа НРД имеет конечный результат в виде идентификации всей совокупности НРД без разделения их на действующие и не действующие в Беларуси НРД. Рядовой читатель в большинстве случаев не сможет провести столь тонкую границу между двумя этими группами.

Результаты показали, что общая тенденция печатных СМИ состоит в завышении реальных показателей для 12 из 17 типов по содержанию. При этом диапазон завышений для разных типов варьировался от 1 до 12 раз. В результате пресса создает впечатление о непропорционально большем присутствии в Беларуси сатанинских (в 12 раз больше), утопических (в 12 раз), синкретических (в 7 раз) и псевдохристианских (в 5 раз) НРД, чем есть на самом деле. В то же время для пяти типов НРД СМИ, наоборот, занижают их реальные масштабы распространения в диапазоне от 1 до 3 раз. Так, пресса не склонна к идентификации в качестве НРД астрологических, псевдонаучных и спиритических культов, организаций движения нового мышления, а также центров экстрасенсорного целительства, магии и колдовства.

Таблица 2

Сравнение типов НРД по содержанию, %

Table 2

The comparison of new religious movements type of content, %

НРД	А	Б	В
Целительские	45	18,8	17,2
Оккультно-мистические	17,5	21,9	20,7
Христианские	9,4	10,2	9,8
Восточные	7,1	17,2	14,4
Астрологические	5,7	2,3	1,7
Псевдонаучные	2,9	1,6	1,7
Псевдопсихологические	2,9	3,1	3,4
Неоязыческие	2	1,6	2,9
Спиритические	1,5	1,6	1,1
Уфологические	1,5	1,6	2,3
Псевдохристианские	1,5	6,3	8,6
Коммерческие	1,1	3,9	3,4
Синкретические	0,9	7	6,3
Движение нового мышления	0,5	0	0
Сатанисты	0,3	1,6	3,4
Политические	0,2	0	0,6
Утопические	0,2	1,6	2,3
Всего	100	100	100

Официальная регистрация и идентификация НРД

В список идентифицированных печатными СМИ в качестве НРД групп вошло 11 религиозных организаций, официально зарегистрированных аппаратом Уполномоченного по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь[1]. Полученный результат не является неожиданным, так как свобода вероисповедания, равно как и официальная регистрация, наделяет религиозные организации определенным набором прав, но не является гарантом симпатий и хорошего отношения со стороны общества и печатных СМИ.

География идентификации НРД

География идентификации НРД включает в себя два основных измерения: а) анализ стран происхождения идентифицированных в качестве НРД религиозных групп; б) влияние типа СМИ по региону его распространения на процесс идентификации НРД.

Предшествующие исследования позволили выявить соотношение возникающих на территории Беларуси (48,2 %) и мигрирующих из-за рубежа НРД (51,8 %) [13, с. 477]. Анализ идентифицированных НРД на предмет их генезиса показал, что 36 НРД, или 20,7 %, были созданы на территории Беларуси, а 138 НРД, или 79,3 %, – за рубежом. Несмотря на практически равное соотношение возникающих и мигрирующих НРД, СМИ обращают внимание общественности преимущественно на иностранные НРД. В то же время отечественные НРД в основной своей массе остаются в тени. Данный результат позволяет объяснить истоки широко распространенного в обществе представления об иностранной природе феномена сектантства и нетрадиционной религиозности, некорректность которого была доказана ранее.

Результаты исследования подтвердили изначальное предположение автора о неравномерном распределении необходимой для исследования

[1] Адвентисты седьмого дня, бахаи, евангельские христиане-баптисты, Иоганская церковь, Международное общество сознания Кришны, Новоапостольская церковь, Свидетели Иеговы, христиане веры евангельской, христиане веры апостольской, христиане полного евангелия, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней.

информации по разным типам СМИ: 135 организаций были отнесены к НРД республиканскими газетами, 108 – региональными (из них 58 – областными, 40 – районными и 69 – городскими изданиями).

Из 174 НРД 74 идентифицировались одновременно в двух и более типах СМИ; 19 религиозных организаций относились к НРД республиканской, областной, районной и городской прессой одновременно[1]; 16 НРД идентифицировались тремя типами СМИ: 13 – республиканскими, областными и городскими, 2 – республиканскими, районными и городскими, 1 – республиканскими, областными и районными; 39 НРД идентифицировались двумя типами СМИ одновременно: 15 – республиканскими и областными, 14 – республиканскими и городскими, 6 – республиканскими и районными, 3 – районными и городскими, 1 – областными и городскими.

Идентифицировались в границах только одного типа СМИ и не упоминалось в других типах прессы 100 НРД; 65 НРД идентифицировались только республиканскими СМИ, по 9 НРД – областными и районными СМИ, 17 – городскими СМИ. Таким образом, на страницах региональной прессы без выхода на республиканский уровень СМИ обсуждается в общей сложности 39 НРД, или 22,4 % от общего количества идентифицированных НРД. В сравнении с этим только на республиканском уровне обсуждается 37,4 % от общего числа НРД. Республиканская и региональная пресса Беларуси совместно публикуют материалы по 40,2 % всех идентифицированных НРД.

Заключение

Печатные СМИ Беларуси искажают реальные масштабы распространения НРД в Беларуси, их ключевые структурные и содержательные характеристики, а также географию происхождения. Искаженный образ НРД в белорусской прессе формируется спонтанно и имеет значение только для самих СМИ и их читателей. Всевозможные внешние влияния на прессу в современной Беларуси на тему НРД имеют точечный характер и малоэффективны. Получающийся образ НРД в целом малоинтересен для всех остальных институтов общества, которые вовлечены в собственный процесс идентификации НРД и конструирование их образа для решения своих целей и задач. Проведенное исследование является не более чем введением в заявленную тему, требующим многочисленных уточнений и корректировок как на уровне выборки, так и на уровне важных для углубления в данную проблематику параметров. Так, например, анализ частоты идентификации НРД в разных типах печатных СМИ позволил бы в значительной степени уточнить как формируемый СМИ образ НРД, так и потенциал его влияния на население.

Библиографические ссылки

1. *Мартинович В. А.* Нетрадиционная религиозность в Республике Беларусь // Социология. 2016. № 2. С. 77–87.

2. *Scheffler A. C.* «Jugendsekten» in Deutschland. Öffentliche Meinung und Wirklichkeit. Eine religionswissenschaftliche Untersuchung. Frankfurt am Main : Peter Lang, 1989.

3. *Driel B., Richardson J. T.* Categorization of New Religious Movements in American Print Media // Sociol. Anal. 1988. Vol. 49, No. 2. P. 171–183.

4. *Richardson J., B. van Driel T.* Journalist's attitudes toward new religious movements // Rev. Relig. Res. 1997. Vol. 39, No. 2. P. 116–136.

5. *Астахова Л. С., Астахова А. С.* Образы НРД в коммуникативных пространствах: в условиях поиска идентичности // ВЭПС. 2010. № 4. С. 145–149.

6. *McCloud S.* From Exotics to Brainwashers: Portraying New Religions in Mass Media // Relig. Compass. 2007. Vol. 1, No. 1. P. 214–228.

7. *Beckford J. A.* The mass media and new religious movements // New Religious Movements. Challenge and Response / ed. by B. Wilson and J. Cresswell. London ; New York : Routledge, 1999. P. 103–119.

8. *Beckford J. A.* The Public Response to New Religious Movements in Britain // Soc. Compass. 1983. Vol. 30, No. 1. P. 49–62.

9. *Bantimaroudis P.* Media Framing of Religious Minorities in Greece: The Case of the Protestants // J. Media Relig. 2007. Vol. 6, No. 3. P. 219–235.

10. *Driel B., Belzen J.* The Downfall of Rajneeshpuram in the Print Media: A Cross-National Study // J. Sci. Stud. Relig. 1990. Vol. 29, No. 1. P. 76–90.

11. *Rowe L., Cavender G.* Caldrons Bubble, Satan's Trouble, but Witches Are Okay: Media Constructions of Satanism and Witchcraft // The Satanism Scare / ed. by J. Richardson, J. Best, D. Bromley. New York : Aldine de Gruyter, 1991. P. 263–275.

[1]К их числу белорусская пресса относит: авестийскую школу астрологии, адвентистов седьмого дня, аум синрике, великое белое братство, гербалайф, движение объединения, общество сознания Кришны, последователей Кашпировского, последователей Рерихов, последователей Порфирия Иванова, последователей Чумака, христиан веры евангельской, христиан полного евангелия, саентологию, сатанистов, свидетелей Иеговы, теософию, церковь последнего завета, шайва-шактов.

12. *Ротман Д. Г.* Новые подходы к сбору и анализу информации (из опыта полевых исследований) // Социол. исслед. 2015. № 5. С. 145–149.

13. *Мартинович В. А.* Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1. Минск : Минская духовная академия, 2015.

References

1. Martinovich V. A. Unconventional religiosity in the Republic of Belarus. *Sotsiologiya*. 2016. No. 2. P. 77–87 (in Russ.).

2. Scheffler A. C. «Jugendsekten» in Deutschland. Öffentliche Meinung und Wirklichkeit. Eine religionswissenschaftliche Untersuchung. Frankfurt am Main : Peter Lang, 1989.

3. Driel B., Richardson J. T. Categorization of New Religious Movements in American Print Media. *Sociol. Anal.* 1988. Vol. 49, No. 2. P. 171–183.

4. Richardson J. T., B. van Driel T. Journalist's attitudes toward new religious movements. *Rev. Relig. Res.* 1997. Vol. 39, No. 2. P. 116–136.

5. Astakhova L. S., Astakhova A. S. Images of new religious movements in communicative spaces: in the conditions of identity. *Vestnik econ., prava i sotsiologii.* 2010. No. 4. P. 145–149 (in Russ.).

6. McCloud S. From Exotics to Brainwashers: Portraying New Religions in Mass Media. *Relig. Compass.* 2007. Vol. 1, No. 1. P. 214–228.

7. Beckford J. A. The mass media and new religious movements. In: B. Wilson, J. Cresswell (eds). *New Religious Movements. Challenge and Response.* London ; New York : Routledge, 1999. P. 103–119.

8. Beckford J. A. The Public Response to New Religious Movements in Britain. *Soc. Compass*. 1983. Vol. 30, No. 1. P. 49–62.

9. Bantimaroudis P. Media Framing of Religious Minorities in Greece: The Case of the Protestants. *J. Media Relig*. 2007. Vol. 6, No. 3. P. 219–235.

10. Driel B., Belzen J. The Downfall of Rajneeshpuram in the Print Media: A Cross-National Study. *J. Sci. Stud. Relig*. 1990. Vol. 29, No. 1. P. 76–90.

11. Rowe L., Cavender G. Caldrons Bubble, Satan's Trouble, but Witches Are Okay: Media Constructions of Satanism and Witchcraft. In: J. Richardson, J. Best, D. Bromley (eds). *The Satanism Scare.* New York : Aldine de Gruyter, 1991. P. 263–275.

12. Rotman D. G. Modern sociological research: opportunities for improving data quality, new approaches to data. *Sotsiologicheskie issled*. 2015. No. 5. P. 145–149 (in Russ.).

13. Martinovich V. A. Unconventional religiosity: emergence and migration. Materials for the study of unconventional religiosity. Vol. 1. Minsk : Minsk Spiritual Academy, 2015 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 06.12.2017.
Received by editorial board 06.12.2017.

Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. Р. 66–76
Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2017. No. 4. P. 66–76

УДК 316(773.4+772.2+728)

ВИЗУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ИГРОВЫХ ПРАКТИК ПОВСЕДНЕВНОСТИ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ

Т. В. БУРАК[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь*

Представлена интерпретация повседневности интернет-форумов как коммуникативной игры. Рассматриваются обобщенные характеристики и социальные функции игровых практик в системе интеракций форумчан. В связи с повышенной потребностью виртуальной коммуникации в визуализации и поддержании доверия непосредственного взаимодействия предметом исследования выступает игра с визуальными знаками, реализованная в конструировании фоторепрезентации. На основе теоретического анализа знаковой структуры визуальных текстов повседневной коммуникации описывается взаимосвязь значений и элементов тревел-фотографий, образов путешествия, путешественника и иной повседневности.

Ключевые слова: коммуникативная игра; визуальный текст; знаковая структура фотографии; игра с визуальными знаками; фоторепрезентация; тревел-фото.

Благодарность. Выражаем благодарность администратору интернет-форума «Форум Винского» за любезно предоставленную возможность использования фотоматериалов (рис. 2, 3, 4, 7) интернет-форума.

VISUAL FORMS OF GAMING PRACTICES IN ONLINE FORUMS DAILY LIFE

T. V. BURAK[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The interpretation of Internet forums everyday life as a communicative game and generalized characteristics and social functions of gaming practices are discussed in the system of forum users' interactions. In connection with the increased need for visualization and maintaining the trust of direct interaction in virtual communication the object of research is the game with visual signs, implemented in the design of photorepresentation. The relationship between the values and elements of travel photographs, travel images of traveler and «alien» everyday life is described on the basis of theoretical analyzing the sign structure of visual texts in everyday communication.

Key words: communicative game; visual text; the sign structure of photography; game with visual signs; photorepresentation; travelfoto.

Acknowledgements. Thanks to the administrator of internet forum «Vinsky Forum» for the opportunity to use photographic materials (fig. 2, 3, 4, 7).

Введение

Современная тенденция развития культуры и повседневности – переход от образов, вызывающих сильные чувства, к образам, сопряженным с ощущением принадлежности и покоя, от визуальности к чувственному восприятию [1], от «горячих» средств коммуникации к «холодным», от традици-

Образец цитирования:
Бурак Т. В. Визуальные формы игровых практик повседневности интернет-форумов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 66–76.

For citation:
Burak T. V. Visual forms of gaming practices in online forums daily life. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 66–76 (in Russ.).

Автор:
Татьяна Викторовна Бурак – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:
Tatsiana V. Burak, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
taburak@mail.ru

онных форм общения к интерактивным – усиливает значение визуальных репрезентаций, которые наиболее выпукло предстают в новых формах повседневного взаимодействия.

Повседневное общение всегда стремится к визуализации, однако публичный формат интернет-коммуникаций обусловливает необходимость развития новых форм организации взаимосвязи вербального и невербального. В виртуальных интеракциях эффект непосредственного соприсутствия достигается больше за счет использования инструмента равного распределения внимания и многосенсорного восприятия – визуального текста. Одно из отличий виртуального разговора от классической модели повседневной интеракции – сильная потребность в увеличении экспрессивности сообщения. Так, языком общения в интернет-пространстве становится не только речь, но и фотография, размывающая пространственно-временные границы и позволяющая воспринимать когда-то и где-то запечатленные образы и переживания в формате происходящего *здесь и сейчас*, достигая эффекта соприсутствия там, где тебя нет и даже не было.

Анализ фотографий позволит интерпретировать социальную реальность с точки зрения действующего субъекта, включенного в непосредственное взаимодействие. Речь идет о необходимости применения методов качественной социологии в исследовании фотографий, используемых в презентациях интернет-коммуникаций. Используя методологию теории игр и социологии повседневности, охарактеризуем предназначение коммуникативной игры как повседневной практики и особенности игры с визуальными знаками в повседневности интернет-форумов. Затем, используя теоретическую модель семиотического подхода, представим результаты качественного исследования знаковых структур визуальных текстов тревел-фотографий, обусловленных контекстом взаимодействия привычной, *моей* повседневности и иной, *чужой* повседневности.

Коммуникативная игра в повседневных интернет-интеракциях

На игровые аспекты, связанные с текстами, обратили внимание постструктуралисты. Понятие языковой игры, введенное Л. Витгенштейном, было в дальнейшем использовано для объяснения модели повседневной коммуникации. Такие представители социологии повседневности, как И. Гофман, К. Касториадис, Р. Кайуа и др., утверждают, что ситуация непосредственного соприсутствия повседневного взаимодействия особенно располагает к производству альтернативных и очевидных символов, значений и образов, расширяя границы творческого обращения с уже установленными нормами и правилами.

Повседневности свойствен игровой характер: в процессе интеракций *лицом к лицу* происходит конструирование социального пространства, осуществляется воспроизводство социального опыта и нормативных структур, устанавливаются новые правила участия, формы вовлеченности и способы удержания внимания на происходящем *здесь и сейчас*. Участники стремятся применять знания организации повседневной интеракции, перенося их в новые контексты, например интернет-взаимодействия. Согласно логике рассуждений И. Гофмана, комплекс конвенциональных правил устанавливает границы поведения, поддерживающего порядок, а также поведения ненормативного. Как следствие, характерной особенностью коммуникативной игры в интернет-разговорах становится взаимная готовность к нарушению и преобразованию правил, утверждению новых форм участия, для которых важно не столько объективное отражение действительности, сколько представление собственного опыта, личных переживаний и авторских интерпретаций. В интернет-общении игра осуществляется в форме свободного творческого обращения как с вербальными, так и с невербальными элементами. Однако следует признать, что для воспроизводства интеракционного порядка виртуальной повседневности большее значение обретает коммуникативная игра с визуальными знаками. В результате значительная часть сообщений в режиме обмена личной информацией в публичном взаимодействии формирует эмоциональное восприятие по зрительному каналу.

Предназначение как языковой, так и коммуникативной игры в повседневности проявляется прежде всего в *творческой функции*. Все остальные ее социальные функции завязаны на потребности в нестандартном подходе к организации повседневного общения в контексте установленного порядка. Формирование новых правил и нарушение установленных речевых и коммуникативных норм в интернет-разговорах можно интерпретировать как проявление определенной свободы, необходимой для поддержания ощущения совместной, разделяемой действительности и производства собственного образа. В наибольшей степени творческий характер повседневной игры связан с практиками конструирования реальности и самопрезентации идентичности. Благодаря игровой организации участники взаимодействий получают возможность создавать новый контент, придавать привычным формам новые смыслы. Создаваемые в процессе виртуального дискурса символические образы и новые формы вербального и невербального текста, новые способы подачи информации, формы нетипичного поведения,

а также статус участия и степень вовлеченности являются средствами конструирования *Я-образа*. Новые формы повседневных интеракций обостряют значение практик самопрезентации, а публичная зона интернет-форумов используется в качестве новой площадки для представления позитивной идентичности, оказывающей влияние на производимое впечатление [2].

Функциональная нагрузка игровой модели повседневности интернет-форумов во многом обусловлена необходимостью поддержания вовлеченности и участия, свойственных непосредственному разговору *лицом к лицу*. Коммуникативная игра применяется для компенсации недостатка непринужденности и эмоциональности интернет-взаимодействия. Можно говорить об *экспрессивной функции* игры. Намеренные преобразования речевых структур и конструирование нового интеракционного порядка используются для придания повседневности интернет-форума большей выразительной силы и в конечном итоге направлены на заполнение невербальных лакун фрейма опосредованного общения. С одной стороны, языковая игра виртуальной повседневности связана с потребностью авторов в поиске новых форм выражения собственных эмоций и более тонкой передаче смысла. С другой стороны, успешная организация коммуникативной игры требует от участников управления эмоциональной реакцией реципиентов. В свою очередь, правила построения визуального текста и его предназначение сильно обусловлены взаимной потребностью участников интернет-форумов в проживании опыта и понимании повседневности *здесь и сейчас*. Так, результатом организации интеракций интернет-форума становится сложное структурное, смысловое и визуальное единство вербального и невербального компонентов.

Переплетенность нескольких жанров в общении на площадке форумов – литературного и устного разговора, разных жанров фотографий – объясняет использование игры в качестве средства *развлечения и эстетического удовлетворения*. В игровой модели повседневности стремление форумчан придать устной речи публицистический характер уменьшает значение самого содержания и в то же время подчеркивает важность выбора способа конструирования текста и формы выражения смыслов и чувств [3, с. 273]. В связи с этим поиск и производство новых маркеров и нетрадиционных средств организации сообщения становятся основным содержанием повседневного общения участников интернет-форума. Если воспользоваться теорией Г. Зиммеля, можно утверждать, что конечной целью и языковой, и коммуникативной игры в данном случае является сама игра.

Коммуникативная игра в режиме интернет-интеракций реализуется в творческой самопрезентации, а также в экспрессивном и вариативном управлении восприятием других участников взаимодействия. Эта игра осуществляется в процессе свободного складывания вербальных и визуальных пазлов, усиливающих транслируемые значения и смыслы.

Игра с визуальными знаками в коммуникативной системе интернет-форумов

Фрейм повседневных интеракций форумчан допускает комбинирование вербальной и невербальной частей сообщения. Одним из средств неречевого взаимодействия является визуальный текст. В естественных науках визуальный текст определяется как непрерывное отображение, созданное с помощью компьютерной графики [4]. В социальных науках распространена трактовка, выработанная на пересечении структуралистского, постструктуралистского и семиотического подходов. Понятие «визуальный текст» вписывается, таким образом, в систему понятий: «текст» и «смысл», «код» и «структура», «знак» и «язык», «семиосфера» и «сема». Методология, разработанная в теориях Ж. Дерриды, Р. Якобсона, Р. Барта, М. М. Бахтина, У. Эко, Г. Г. Гадамера, Ю. Лотмана, основана на понимании *визуального текста* как совокупности предназначенных для зрительного восприятия знаков, взаимосвязей между знаками, значениями и элементами разных знаковых систем, образующих смысловую целостность отношений семиотической и внесемиотической реальности. При этом следует различать визуальный текст и визуальный контент. *Визуальный контент* – визуальная составляющая креолизованного текста, состоящего из речевой и неречевой частей.

Публичное пространство интернет-форумов располагает к высокой вовлеченности в игровые практики. Так, ограниченные возможности проявления экспрессии в интернет-взаимодействии, с одной стороны, и чувственно-эмоциональные потребности участников повседневной ситуации, с другой стороны, обусловливают стремление участников к визуализации игры по новым правилам интеракции *лицом к лицу* в публичном пространстве.

В интернет-общении фотография становится «снаряжением» (термин И. Гофмана), а интерпретация визуальных знаков – главной процедурой и основным содержанием повседневного взаимодействия. Успех коммуникации, как известно, во многом зависит от социальной, языковой и коммуникативной компетентности ее участников, а значит, от того, насколько точно реципиент обнаружит именно те смыслы и значения, которые были закодированы автором сообщения. В восприятии

целостного визуального образа, в котором переплетены означаемое и означающее, участники повседневной ситуации, как настаивают Л. Болтански и Л. Тевено, не ограничиваются лежащими на поверхности составляющими сообщения, а всегда стремятся к обнаружению дополнительной информации [5]. Это связано с тем, что в процессе декодирования реципиенты легко выявляют явные и привычные знаки и интерпретируют их одинаково. А для выявления другого пласта значений от них требуется снова и снова заниматься поиском новых деталей, которые допускают различное понимание, увеличивая когнитивную нагрузку в восприятии. Так или иначе считывание новой информации и дополнительных смыслов, присутствующих в фотографии, основано на привлечении социального опыта, системы знаний и знаков, усвоенных реципиентом в процессе социализации. Можно сказать, что формула игры, организованной в фотографии, реализуется в представлении нереального реальным, в кодировании/декодировании насыщенного деталями изображения.

Отдельно рассмотрим игровые практики в визуальных репрезентациях путешествий. Создание и понимание визуального текста, представляющего опыт путешествия, образ и интерпретацию «чужой» повседневности, составляют важное содержание повседневного взаимодействия в режиме интернет-форумов. Сами по себе правила интеракций форумчан так или иначе отвечают за организацию игровой модели поведения: преобладающее стремление участников к творческому поиску новых форм самопрезентации; необходимость усиления невербального, экспрессивного компонента взаимодействия в условиях ограниченного проявления эмоций. Очевидно, необходимость сохранения постоянного внимания на происходящем *здесь и сейчас* в недостаточных для этого условиях виртуальной коммуникации усиливает значение игры и коммуникативной компетентности форумчан для ее успешного исполнения.

В данном случае игра с визуальными знаками является способом воспроизводства образа иной повседневности, чужого места или пространства в контексте устойчивых представлений коллективного сознания. А фотографии, выстроенные в историю и повествование, не только точно отражают действительнось, но и представляют вербальные знаки (часто стереотипизированные) и экспрессивные значения, характеризующие повседневный опыт соприсутствия. Очевидно, тревел-фото, включенные в описание путешествия, являются продуктом игрового конструирования образа путешествия и иной повседневности, образа *Я*.

Восприятие иной повседневности происходит в процессе непосредственного взаимодействия социального опыта путешественника с непривычной, экзотической повседневностью. А понимание путешествия достигается и представляется в игре, в том числе с фотографией. Во-первых, игровое обращение с визуальными знаками проявляется в отчасти осознанном, отчасти неосознанном выборе объектов и способов их изображения. Взор фотографа, особенно в самостоятельно организованном путешествии, старательно избегает объектов с унифицированным и эстетически скупым содержанием (торговые центры, офисные, административные здания). Это своего рода заявление о свободе взгляда путешествующего от подсказок туриндустрии, попытка проверить социальные стереотипы, стремление к постоянному поиску сюжетов и историй. Затем в построении описания собственного путешествия, например в коммуникативном пространстве интернет-форумов, автор-наблюдатель осуществляет отбор из множества сделанных им фотографий только тех, которые он считает необходимым включить в репрезентацию. На этом этапе игровые практики необходимы в построении логики фотоистории.

Во-вторых, конструирование образа повседневности заключается в комбинировании ценностно-символических компонентов целостной системы интерпретации. Понимание иной повседневности становится результатом свободного построения системы взаимосвязанных значений и знаков – образа жизни и отдыха, кухни и культуры, материальных объектов, предметов и социальных норм. Визуальные репрезентации путешественников представляют образ иной повседневности в сочетании разных жанров фотографий. Пейзажные тревел-фото представляют изображения статичных сельских или городских видов. Уличное же фото отображает ритм и динамику городской жизни. Поэтому пейзажные фотографии исключают из кадра людей, а стрит-фото, напротив, предполагают изображения взаимодействий людей. Очень популярными у путешественников являются архитектурные фото, которые пересекаются с жанрами пейзажа и уличного фото. Интерпретация образа жизни, социального статуса и нормативной структуры часто представлена в портретных фотографиях.

Наконец, игровой характер проявляется и в стремлении путешественника к созданию честной тревел-фотографии, что достигается посредством сочетания точного отображения реальности и собственного взгляда на нее. Этот прием используется для поддержания эффекта *близкого соприсутствия*, который для участников ситуации может означать статус путешественника, присутствие в реальности, стирание границы между реальным и виртуальным путешествием, глубину восприятия и опыт взаимодействия с социальной средой [6]. Следовательно, восприятие участниками друг друга посредством визуальных текстов стремится к модели непосредственного соприсутствия.

Следуя постструктуралистской логике, будем исходить из того, что социологический анализ визуального текста требует выявления специфики его контекстуальных характеристик и внутренней структуры, которая связана с функциями игрового взаимодействия.

Контекстуальные характеристики фоторепрезентации

Значения в повседневности интернет-форумов помещены в контекст медиакоммуникации, вербального текста и фотоистории, интеракции непосредственного соприсутствия, образующих целостность транслируемой интерпретации. Пространственно-временной контекст визуальной презентации в интернет-среде меняет предназначение, которое имеют характеристики места и времени в реальной повседневной ситуации [7]. Больший вес обретает, таким образом, контекст презентации и соприсутствия. Интерактивность, заложенная в виртуальном порядке, стирает границы между статусами участников. В игровой модели повседневных взаимодействий интернет-форума деление на игроков и зрителей, свойственное ситуации речевой игры (Х.-Г. Гадамер, М. М. Бахтин), условно, так как форумчане могут менять форму вовлеченности и взаимно участвовать в игре со знаками.

Все репрезентации путешествий различаются по характеру соотношения вербальной и визуальной частей текста. Описания, включающие только фотографии, организованы в соответствии с жанром краткого отчета или репортажа. Взаимодействия, основанные лишь на словесном контенте, чаще имеют характер быстрого обмена советами по отдельным сторонам поездки. В описаниях путешествий язык фотографий без вербального сопровождения так же плохо работает, как и вербальный текст без приемов визуализации. И в первом, и во втором случае снижается эффект воздействия. В свою очередь, тревел-репрезентации, компонующие вербальную и визуальную информацию, организованы скорее как художественно-публицистический текст. Дополнение вербального контента фотоизображениями способствует целостному восприятию, обеспечивая эмоциональный эффект, и увеличивает уровень доверия, например к отзывам и рекомендациям по организации путешествия.

Использование визуальных образов в коммуникативной игре форумов требует наличия компетентности участников. Образуемая связями элементов и слоев целостность фотографии воспроизводит культурный код, лингвистические и социальные знания о взаимодействиях, а также правила игровой коммуникации. Участники интернет-форума пользуются для кодирования и декодирования повседневной интеракции набором символов, правилами их сочетания, представлениями о соответствии символа означаемому [8, с. 57].

Взаимные ожидания знаний правил кодирования и декодирования визуального контента обусловлены несколькими обстоятельствами:

• стремление автора представить реалистичный образ возможно в полной мере только в ситуации непосредственного соприсутствия;

• творческое конструирование эмоциональных образов предполагает уместное использование приемов, придающих образу эстетику и усиливающих эффект убеждения, а следовательно, поддерживающих необходимую степень доверия;

• гипертекстуальность позволяет создавать фрагментарные образы и транслировать культурные коды, успешное восприятие которых зависит от наличия социальных знаний о правилах организации повседневного взаимодействия;

• для поддержания высокого уровня доверия требуется соотнесение коммуникативных знаний и задач самопрезентации позитивной идентичности, ориентированной на глубинное и близкое знакомство с чужой повседневностью.

Эффективность визуального сообщения во многом зависит от его воздействия на эмоциональность реципиента. Поэтому визуальный текст используется прежде всего как средство аргументации интерпретации и способ самопрезентации [9]. Для этого виртуальная коммуникация предлагает арсенал экспрессивных приемов визуализации: технические приемы (выбор ракурса, фокуса, композиционное и цветовое решение, линии, спецэффекты и т. д.), визуальные аналоги и метафоры вербальных конструктов, нарушение установленных правил взаимодействия, нетрадиционные способы создания образов. В этом смысле игра с визуальными знаками в фоторепрезентации позволяет комбинировать средства художественного текста с реалистичным, почти документальным жанром.

Структура тревел-фотографий

Анализ тревел-фотографий проведем исходя из понимания фотографии и фоторяда как текста. Такой подход позволяет рассматривать их структуру, обусловленную многослойностью повседневных взаимодействий, организованных в коммуникативном порядке туристических интернет-форумов. Исследование знакового конструкта направлено на выявление характерных особенностей игры с визуальными знаками, а именно: мультикодовое содержание тревел-фото, допускающее разные

толкования; полимодальность контента, заданную стремлениями к усилению эмоционального компонента; возможность комбинирования средств управления ситуацией и способов конструирования образов (вербальных и невербальных) [7].

Язык фотографий открывает перспективу конструирования иной повседневности и образа путешественника в процессе интеракций интернет-форума. Не забывая о том, что повседневная практика восприятия фотографии не различает разные слои и уровни структуры фотообраза, семиотический анализ коммуникативной игры с визуальными знаками, основанный на теориях Р. Барта и У. Эко, предполагает выявление взаимосвязей этих слоев. Одна часть знаков вызывает интерпретацию с опорой на социальный опыт, другая – эмоциональную реакцию, связанную с личным опытом [10]. Еще одно измерение структуры фотографии позволяет анализировать связи и взаимоотношения означаемого и означающего [11], явных и неявных значений, буквально и однозначно воспринимаемых элементов и интерпретируемых означающих, допускающих вариативность толкования [8]. В этом смысле следует говорить об особенностях процедур кодирования/декодирования, которые составляют основу осуществления игры с визуальными текстами. Во-первых, взаимодействие посредством фотографий предполагает двойное кодирование, т. е. буквальные значения и новые или многозначные трактовки. Во-вторых, интерпретация визуального текста участниками ситуации имеет интертекстуальный характер, допуская использование знаков и кодов разных систем, что проявляется в сочетании разных жанров. В-третьих, экспрессивность кодирования/декодирования визуального контента служит средством эстетизации информации.

Структура визуального текста представляет собой отношения между элементами, уровнями и слоями, контекстом и подтекстом. Семиотический анализ тревел-фото, если следовать логике Р. Барта, предполагает выявление элементов значений знака и связей между различными системами знаков (речевыми и невербальными, рациональными и иррациональными, зрительными и слуховыми и т. д.). Для анализа структуры тревел-фотографий представляется необходимым обнаружение, например, связи цвета и эмоции, движения и ритма, линии и эмоции, предмета и понятия, взгляда изображенного человека и ментальности нации, объекта и стереотипа [12]. От обнаруженной связи одного слоя выходим на его связь с системой «означаемое – означающее». И тогда фотография предстает как сложная и многослойная организация элементов значения, которая устанавливает возможность *прочитывать* и *перечитывать* ее в разных интерпретациях.

Очень выразительны в формировании образа экзотической повседневности портретные тревел-фото: они способны конструировать значения близкого взаимодействия. Анализ фотографии на рис. 1 обнаруживает иконический уровень, который состоит из изображений крабика в руке фотографа, девочки, рассматривающей крабика, и бытовых предметов на заднем плане. Второй слой структуры образуют элементы значений «взаимодействие», «местная девочка», «любопытство», «беспорядок», «уровень жизни». Прием изображения «в фокусе крабик в руке фотографа» позволяет представить присутствие *здесь и сейчас* (так как видна часть руки путешественника, размытое, неявное изображение ребенка). Тогда напротив камеры оказывается местная девочка, олицетворяющая вторую сторону взаимодействия. Девочка рассматривает крабика с таким интересом, с каким обычно смотрят на некий предмет впервые. Зритель, вероятно, предполагает, что для местной девочки крабик не диковинка, а поэтому любопытство переходит на само взаимодействие. Акцент на лукавых глазах и улыбке дополняет образ дружелюбием и открытостью общения. Все элементы вместе составляют значение непосредственного взаимодействия *лицом-к-лицу* с непривычной повседневностью.

Рис. 1. Филиппинцы.
(Источник: https://www.fly4free.pl/forum/filipinczycy-narod-z-anielska-dusza,920,95716)

Fig. 1. Filipinos.
(Source: https://www.fly4free.pl/forum/filipinczycy-narod-z-anielska-dusza,920,95716)

Цепочка авторских формул и аргументаций на рис. 1 указывает, например, на то, что население страны А – дружелюбные, простые люди, хотя страна бедная, или, например, предполагает понимание путешествия в страну А как общения с обычными людьми и знакомства с другой стороной жизни, с бедными районами и «нетуристическими запахами».

Фото на рис. 2 следует анализировать в тесной взаимосвязи с сопровождающим его вербальным

Рис. 2. Стюардесса.
(Источник: http://forum.awd.ru/viewtopic.php?t=147469)
Fig. 2. Stewardess.
(Source: http://forum.awd.ru/viewtopic.php?t=147469).

текстом: «Вбежали в аэробус, и тут я понял всю полноту фразы «дедушка русского флота», в данном случае воздушного. Но ничто не может испортить нам настроение. А какие стюардессы, особенно одна! Просто из песни Высоцкого…»[1]. Охарактеризуем буквальное и символическое содержание отношений визуального и речевого контента.

Первый уровень образует изображение женщины с грустными глазами, которая смотрит вперед, на заднем фоне – плакат с текстом о России и образом русской природы. Классические значения (иконограммы): стюардесса, красивая молодая женщина, русская естественная красота природы, старый самолет (что понятно из вербального текста). Эти два уровня предлагают эмоционально-ценностное представление. Так, например, в выбранном ракурсе обращают на себя внимания глаза и взгляд, брови домиком, что символизирует чувственность и искренность. В вербальном тексте присутствуют строчки из песни В. Высоцкого: «Стюардесса как принцесса, надежная как весь российский флот», которые дополняют образ, вызывая доверие. Выбранные технические приемы транслируют уравновешенность, а также показывают перспективу, включая в код еще и патриотический плакат. Плакат означает естественность красоты русской природы и русских женщин.

Изображения, простые значения и риторические приемы формируют связи элементов интерпретации путешествия – рассматриваемое портретное тревел-фото и вербальная часть, например: «Все русские женщины красивые»; «Российский флот надежный»; «Стюардесса – образец русских женщин». Это приводит к выводу: если вы пользуетесь услугами родной авиакомпании, то привычные и красивые лица создадут в путешествии позитивное настроение.

Уличное фото характеризует также уровень взаимодействий с иной повседневностью. Знаковая композиция в данном случае основана на изображениях отношений между людьми в пространстве города или села, динамики городского или сельского пространства. Стрит-фото составляют значение понятия «город» из элементов: «городское пространство», «ритм жизни города», «улица», «перекресток», «площадь», «движение/транспорт», «соотношение природы и города», «символы города» и т. п.

Например, на рис. 3 однозначно *прочитываемые* значения языка фотографии с изображением на первом плане перекрестка позволяют представить среду и пространство большого современного города. Изображение улицы транслирует глубинную искренность и соприсутствие. Необходимый компонент образа составляют здания, люди и машины с включенными фарами (на заднем плане), тем самым демонстрируя динамику и ритм жизни города. Строения, стеклянные высотки, освещение в совокупности маркируют статус города с современной архитектурой.

Экспрессивные элементы значения «город» на рис. 3 (в выборе времени съемки, композиции, линий, формата и ракурса) обращают внимание на соотнесение динамики дневной и вечерней жизни города, отличия и смену скорости жизни. Горизонтальный ракурс в изображении почти безлюдных улиц и неторопящихся горожан олицетворяет спокойствие вечернего города и отдыха. Размытие заднего плана еще больше подчеркивает значение перекрестка (вынесенного на передний план) в восприятии городской среды. Все художественные приемы построения структуры образа обращают взор реципиента на почти пустой перекресток, вокруг которого «стекляшки», здания, магазины, фары автомобилей. Таким образом утверждается, что большой город и вечером сохраняет привычную динамичность, ритм повседневной жизни.

Рис. 3. Берлин.
(Источник: http://forum.awd.ru/viewtopic.php?t=122788)
Fig. 3. Berlin.
(Source: http://forum.awd.ru/viewtopic.php?t=122788)

[1]URL: http://forum.awd.ru/viewtopic.php?t=147469.

Данное фото представляет авторские утверждения (топосы) о том, что все большие города одинаковы в ритме жизни, но вечером и ночью они другие. Для всех крупных, современных городов характерен динамичный образ жизни. Все большие города имеют современный облик, высокую скорость будней и неспешность в зоне отдыха. В отношениях разных элементов значения «город» формируется понимание: восприятие города будет неполным, если вы не побродите по его улицам, не окунетесь в неспешность вечернего города.

Многочувственное проживание городских пейзажей в путешествии устанавливается прежде всего в архитектурных фото. Рассмотрим знаковую структуру тревел-фотографии на рис. 4. Иконический уровень ограничен изображениями здания и кусочка голубого неба. Выбранный объект транслирует классические значения «достопримечательность», «известный архитектор», «всемирное наследие». Композиция кадра и экспрессивный прием «снизу вверх» вызывают восхищение мощью и архитектурой, подчеркивают значимость объекта, преклонение перед его величием, обращают внимание на фантастические детали. Кроме того, фотография призвана стимулировать воображение реципиента, обнаруживая архитектурное смешение стилей. Путешественник, очевидно, стремится рассказать о том, что иная повседневность может похвастаться выдающейся архитектурой и гордится творениями гения. Отсюда следует, что путешествие в эти места предполагает обязательное знакомство с архитектурной составляющей культуры, которую вы больше нигде не увидите.

Рис. 4. Гауди – колдовство и очарование.
(Источник: http://forum.awd.ru/viewtopic.php?t=198186)

Fig. 4. Gaudi – witchcraft and charm.
(Source: http://forum.awd.ru/viewtopic.php?t=198186)

Фотографии природных пейзажей в большей степени основаны на игре с цветом и другими выразительными приемами, концепция визуального текста предлагает знакомство со стереотипами о стране.

Элементы значения «красивая природа» маркируются изображениями голубого неба и желтого песка, транслируют спокойствие и уравновешенность (рис. 5). «Большая территория», значительную часть которой занимают пустыни, присутствует в доминировании желтого цвета, выборе формата и линии горизонта, управляя зрительными ощущениями и эмоциональным восприятием.

Рис. 5. Пение дюны.
(Источник: https://www.globtroter.pl/zdjecia/256405,kazachstan,pld,kazachstan,almatynska,oblast,altyn,emel,spiewajaca,wydma.html)

Fig. 5. Dune singing.
(Source: https://www.globtroter.pl/zdjecia/256405,kazachstan,pld,kazachstan,almatynska,oblast,altyn,emel,spiewajaca,wydma.html)

Восприятие природы предполагает обнаружение значимых элементов целостного образа иной повседневности. Значение «знойный климат» представлено в цвете и образе одиноко бредущих путников. Интерпретация иной повседневности в фотографии позволяет представить образ «желтой» страны со скудной флорой и огромными территориями – страны пустынь. Можно предположить, что взаимосвязанные семы фотографии аллегорично изображают самостоятельно организованное путешествие по нетуристическим тропам в эту страну, включая поездку в пустыню.

Рис. 6. Сен-Мало.
(Источник: http://forum.awd.ru/viewtopic.php?f=542&t=316937&p=7849248)

Fig. 6. Saint-Malo.
(Source: http://forum.awd.ru/viewtopic.php?f=542&t=316937&p=7849248)

Смешение жанров хорошо просматривается в анализе тех тревел-фото, в которых представление об иной повседневности является продуктом взаимодействия путешественника с нормативной средой. Фотографии предметов-знаков не только содержат отображение, но и дополняют эмоционально окрашенную интерпретацию городской среды, сочетая жанры натюрморта, пейзажной и уличной фотографии. Казалось бы, фото (рис. 6) всего лишь изображает запрещающий знак, связанный с близким расположением моря. Но вместе с тем взор путешественника смещается на крепления таблички, которые могут интерпретироваться как «глаза» волны. И тогда фотография в связях уровней и сем структуры создает сильный эмоциональный образ «морского чудовища» и указывает на границы опасного/безопасного поведения в аргументации топосов: город расположен у моря; в путешествии нужно быть осторожным, так как жизнь в близком соседстве с морем небезопасна.

Представление о чужой повседневности в тревел-фотографиях предметов-знаков часто выходит за пределы прямого значения этих знаков во многом благодаря игровому использованию традиционных способов создания эмоционального образа. Композиция с изображением улитки, ползущей по номерному знаку автомобиля (рис. 7), указывает не на сам номерной знак, а на сохранение нетронутой, естественной природы в городском контексте, гармоничное соседство неспешности природы с ритмом жизни города, дружелюбное соседство людей и природы, быть может, даже маркирует некоторую «наглость» природы.

Рис. 7. Улитка.
(Источник: http://forum.awd.ru/viewtopic.php?f=550&t=237872)

Fig. 7. Snail.
(Source: http://forum.awd.ru/viewtopic.php?f=550&t=237872)

Технические характеристики фотографии (горизонтальный формат и ракурс) транслируют перспективу отношений «природа – город», вызывают спокойствие от близкого соприсутствия в путешествии. Взаимоотношения элементов значений обоснованных утверждений автора данной фотографии подчеркивают: город, выбранный для путешествия, – город с сохраненными природными зонами, хорошей экологией. Настоящий путешественник всегда заметит отношения природы, человека и городского контекста.

Заключение

Игра с визуальными знаками в единстве с речевым текстом способствует организации повседневного взаимодействия в режиме интернет-форума, направлена на формирование образа путешественника, стремящегося к близкому соприсутствию, на конструирование собственного понимания чужой повседневности, например в фотопрезентации. Значение игры форумчан, предполагающей применение их коммуникативной компетентности, лучше всего просматривается посредством выявления функций, контекста и структуры визуальных репрезентаций.

Игра с визуальными знаками реализуется в постоянном поиске, кодировании и декодировании, в конечном итоге способствуя поддержанию доверия. Необходимым условием успешной коммуникации форумчан становится взаимное ожидание восприятия честных и непостановочных тревел-

фото, презентация которых воспринимается прежде всего как свидетельство факта соприсутствия в отношениях *моей* реальности с непривычной, иной повседневностью. В то же время особое доверие вызывает и неявно присутствующая интерпретация непосредственного наблюдателя и автора визуального контента.

Коммуникативная игра в фотоописаниях путешествия сводится к решению двух основных задач: интерпретации образа повседневности и самопрезентации. Благодаря постоянной необходимости выбора (объекта, сюжета, фотографий, средств и приемов) фотоистория, как текст, становится продуктом свободного создания значений и знаковых образов себя с намерением подтвердить статус путешественника и факт соприсутствия.

Контекстуальные характеристики тревел-фото, размещенных в режиме тематическх интернет-форумов, обусловлены ситуацией виртуального разговора, близкого соприсутствия, путешествия. Завершенная конструкция фототекста путешественника организована как многослойная, сложная структура отношений визуальных знаков и значений, связей элементов значений. Так, образ иной повседневности формируется посредством построения автором очередностей, последовательностей и переплетений правил разных жанров, однозначных и многовариантных составляющих интерпретаций, традиционных и авторских приемов, вербальных и зрительных означающих, технических и риторических средств создания эмоционального содержания.

Библиографические ссылки

1. *Веселова С. Б.* Сенсорный поворот в современном искусстве // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Набережные челны, 23 окт. 2014 г.). Казань, 2015. С. 295–301.

2. *Фриндте В., Келер Т.* Публичное конструирование Я в опосредованном компьютером общении [Электронный ресурс] // Гуманитарные исследования Интернета. URL: http://psynet.carfax.ru (дата обращения: 20.10.2017).

3. *Куранова Т. П.* Функции языковой игры в медиаконтекте // Ярослав. педагог. вестн. 2010. Т. 1, № 4. С. 272–277.

4. *Манаков Д. В., Авербух В. Л., Васев П. А.* Визуальный текст как истинное подмножество универсального пространства // Науч. визуализация. 2016. Т. 8, № 4. С. 38–49.

5. *Тевено Л.* Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой [Электронный ресурс] // Социол. журн. 2006. № 3–4. URL: http://www.socjournal.ru/review/614 (дата обращения: 30.10.2017).

6. *Lombard M., Ditton T.* At the heart of it all: The concept of presence // J. Comput.-Med. Commun. 1997. Vol. 3, issue 2. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.1997.tb00072.x/full (date of access: 30.10.2017). DOI: 10.1111/j.1083-6101.1997.tb00072.x.

7. *Stiller E.* Rezeptive und produktive Nutzung des Mediums Fotografie in der Politischen Bildung // Holzbrecher A. (Hrsg.). Bildungsmedium Digital-Fotografie. Opladen : Leske, 2004. URL: https://www.sowi-online.de/praxis/methode/rezeptive_produktive_nutzung_mediums_fotografie_politischen_bildung.html#abb1 (date of access: 30.10.2017).

8. *Эко У.* Отсутствующая структура: введение в семиологию. СПб. : Symposium, 2006.

9. *Арташкина Т. А.* Визуализация как средство информационного воздействия на индивидуальное и массовое сознание // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Набережные Челны, 23 окт. 2014 г.). Казань, 2015. С. 182–192.

10. *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии / пер., коммент. и послесл. М. К. Рыклина. М. : Ad Marginem, 2011.

11. *Барт Р.* Риторика образа // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1994. С. 297–319.

12. *Махнева О.* Фрактальная семиология [Электронный ресурс]. URL: http://www.cloud-cuckoo.net/openarchive/wolke/rus/Themen/011/Makhneva/Makhneva.htm (дата обращения: 30.10.2017).

References

1. Veselova S. B. [Sensory turn in contemporary art]. [*Visual communication in sociocultural dynamics*] : materials of the Int. sci.-prakt. conf. (Naberezhnye Chelny, 23 Oct., 2014). Kazan, 2015. P. 295–301 (in Russ.).

2. Frindte V., Keler T. [Public construction of Ego in a computer-mediated communication]. URL: http: //psynet.carfax.ru (date of access: 20.10.2017) (in Russ.).

3. Kuranova T. P. [Functions of the language game in the media context]. *Yaroslavskii pedag. vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2010. Vol. 1, No. 4. P. 272–277 (in Russ.).

4. Manakov D. V., Averbukh V. L., Vasev P. A. [Visual text as a true subset of the universal space]. *Nauchnaya vizualizatciya* [Scientific visualization]. 2016. Vol. 8, No. 4. P. 38–49 (in Russ.).

5. Teveno L. Pragmatics of knowledge. Introduction: study in interrelations of cognition, collectivity and practice. *Sotsiologicheskii zhurn.* [Sotsiolog. journal]. 2006. No. 3–4. URL: http://www.socjournal.ru/review/614 (date of access: 30.10.2017) (in Russ.).

6. Lombard M., Ditton T. At the heart of it all: The concept of presence. *J. Comput.-Med. Commun.* 1997. Vol. 3, issue 2. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.1997.tb00072.x/full (date of access: 30.10.2017). DOI: 10.1111/j.1083-6101.1997.tb00072.x.

7. Stiller E. Rezeptive und produktive Nutzung des Mediums Fotografie in der Politischen Bildung. *Holzbrecher A. (Hrsg.). Bildungsmedium Digital-Fotografie.* Opladen : Leske, 2004. URL: https://www.sowi-online.de/praxis/methode/rezeptive_produktive_nutzung_mediums_fotografie_politischen_bildung.html#abb1 (date of access: 30.10.2017).

8. Eco U. [The missing structure: an introduction to semiology]. Saint Petersburg : Symposium, 2006 (in Russ.).

9. Artashkina T. A. [Visualization as a means of influence on individual and mass consciousness]. [*Visual communication in sociocultural dynamics*] : materials of the Int. sci.-pract. conf. (Naberezhnye Chelny, 23 Oct., 2014). Kazan, 2015. P. 182–192 (in Russ.).

10. Barthes R. Camera lucida. [Comment on the photo]. Moscow : Ad Marginem, 2011 (in Russ.).

11. Barthes R. [Rhetoric of the image]. In: [Select works. Semiotics. Poetics]. Moscow : Progress, 1994. P. 297–319 (in Russ.).

12. Makhneva O. [Fractal semiology]. URL: http://www.cloud-cuckoo.net/openarchive/wolke/eng/Themen/011/Makhneva/Makhneva.htm (date of access: 30.10.2017) (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 01.12.2017.
Received by editorial board 01.12.2017.

Дискуссия

Discussion

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ (К 100-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ): РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

SOCIOLOGY OF REVOLUTION (TOWARD 100th ANNIVERSARY OF OCTOBER REVOLUTION): REPUBLICAN ROUND TABLE

По инициативе кафедры социологии факультета философии и социальных наук (ФФСН) Белорусского государственного университета и Белорусского общественного объединения «Социологическое общество» 26 октября 2017 г. состоялся республиканский круглый стол «Социология революции (к 100-летию Октябрьской революции)», который собрал социологов, историков, философов, политологов, экономистов, представляющих как БГУ, так и другие университеты Беларуси. На заседании был обсужден широкий круг вопросов. В частности, рассмотрены социальные и политические причины революции 1917 г., уроки и оценки тех событий, возможность параллелей между прошлым и настоящим, социология революций: анализ и перспективы развития. Вели заседание декан ФФСН кандидат исторических наук, доцент В. Ф. Гигин и заведующий кафедрой социологии ФФСН, главный редактор «Журнала БГУ. Социология» профессор А. Н. Данилов. Перед заседанием круглого стола участники имели возможность ознакомиться с выставкой книг и архивных раритетов, хранящихся в фондах университетской библиотеки.

А. Н. Данилов[1]. 100-летие Октябрьской революции заставляет всех нас мысленно вернуться в прошлое, чтобы более взвешенно и объективно оценить настоящее и попытаться спрогнозировать будущее, поразмышлять о возможностях социологической, гуманитарной науки в целом, вспомнить ее ярких представителей, которые создавали и всячески развивали социологию революции. Время, увы, не приближает нас к истине, и чем дальше, тем труднее выработать самостоятельную научно взвешенную оценку революции. Как-то всегда получалось, что историю писали победители. Видимо, и революция не стала еще историей… Споры продолжаются, каждое новое поколение начинает с чистого листа и открывает для себя историю революции заново. Многие острые вопросы со временем сглаживаются, события 100-летней давности кристаллизуются в новые ценности и идеалы, герои и жертвы меняются местами. Но здесь, на мой взгляд, неправильной будет и навязываемая сегодня некоторыми политиками и историками точка зрения, согласно которой все правы и не правы одновременно, а главное: «Давайте жить дружно». Все равно всех примирить не удастся… Лично мне близка такая точка зрения: революция 1917 г. оказала огромное позитивное влияние на последующее развитие страны, мира, характер эпохи.

Мотивом революции 1917 г. было искреннее желание сделать всех людей счастливыми. Она стала серьезным толчком к развитию, изменению всей картины мира, создала новую геополитическую реальность, которой как-то удавалось уравнове-

[1]*Александр Николаевич Данилов* – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: *a.danilov@tut.by*

шивать вечное противостояние Добра и Зла. Она открыла новые горизонты для индустриальной, высокоинтеллектуальной страны и показала всему миру пример власти для простого народа, создав условия для реализации потенциала каждого ее гражданина, развития его способностей и талантов вне зависимости от положения в обществе, материальных возможностей, территории проживания, национальных и религиозных различий.

Мир же, который в большей части не принял революцию, был вынужден, особенно после Победы во Второй мировой войне, научного прорыва, считаться с мнением и позицией СССР. Результаты титанического труда советских людей и выдающиеся достижения советских ученых, деятелей культуры и искусства, безусловно, изменили эпоху, продемонстрировав миру высочайший образец стойкости духа и мужества, талант и благородство советской державы. Очень жаль, что в постсоветское время напоказ больше выставляются недостатки той эпохи, от реального исторического анализа скрыты социодинамика образа жизни советских людей, их патриотизм, сплоченность и преемственность поколений.

В. Ф. Гигин[1]**.** В связи со 100-летием Февральской и Октябрьской революций проходит большое число мероприятий. В ходе нашего круглого стола хотелось бы обсудить общие подходы к феномену революции. Здесь собрались представители разных гуманитарных дисциплин: историки, социологи, политологи, философы, экономисты. Это очень важно. В программе мероприятия сформулированы вопросы к обсуждению, но я бы хотел обозначить наиболее актуальные проблемы, связанные прежде всего с научным осмыслением событий революции. Удивительно, но принципиально новых подходов нет, какого-то переворотного взгляда на революцию не появилось, если не считать некоторых корректировок терминов и названий. Мне кажется, что уже ушел в прошлое спор о том, была в октябре 1917 г. революция или переворот, поскольку в научной среде сформировалось устойчивое представление, согласно которому переворот – это событие, а революция – процесс. И та совокупность системных преобразований и трансформаций, которая случилась после 1917 г., безусловно, была революцией, повлиявшей на весь мир. Однако сейчас в российской историографии активно внедряется новый термин – «Великая российская революция 1917–1920-х гг.», есть и еще более радикальная трактовка – «Русская революция 1905–1922 гг.» (объединение трех революций в одну). Насколько это правомерно, мы можем обсуждать. По моему мнению, связывать окончание революции с завершением Гражданской войны в октябре 1922 г. и образованием СССР в декабре того же года довольно спорно и не вполне обоснованно.

Одновременно в новых независимых государствах на постсоветском пространстве появились свои подходы. Самый известный из них – украинский. Местные политики, публицисты и некоторые ученые заявляют, что была особая украинская революция, приведшая к образованию Украинской Народной Республики, а затем УССР.

Также к исследованию революций предпринимаются попытки применения новых методик с использованием подходов синергетики, психоанализа, неомарксизма. Результаты пока не вполне очевидны и противоречивы. Но то, что мы должны искать новые методики в изучении революционного процесса, безусловно.

Одну из наиболее удачных попыток анализа революции предпринял П. Сорокин, который заложил теоретическую основу социологического изучения революций, обозначив ряд факторов, по которым следует рассматривать революционные события. До сих пор в гуманитарном дискурсе работ такого уровня нет. В этом плане интересна (хотя и рассматривается порой в сенсационном плане) книга А. Гужаловского «Сэксуальная рэвалюцыя ў БССР (1919–1929 гг.)». Напомню, что П. Сорокин рассматривал половой аспект как один из факторов влияния на общественные отношения. И сейчас нам нужны работы, которые бы рассматривали феномен революции во всей совокупности факторов, вызвавших ее и проявившихся в ходе революционных преобразований. Трудно сказать, можно ли сегодня провести такую работу. В советское время, допустим, академики И. И. Минц или И. М. Игнатенко пытались при поддержке коллектива авторов создать монументальные обобщающие труды о революционном периоде. К сложностям такой работы я бы еще отнес изучение колоссального объема документов. Причем издание подобных трудов не решает проблему, а только усугубляет ее, увеличивая объем информации и усиливая ее разнородность.

Необходимо учитывать и эволюцию самой историографии революционных событий. Советская историография, например, прошла три этапа эволюции: 1) пролетарский революционаризм (вульгарно-марксистские трактовки событий 1917 г., например школа профессора М. Покровского; в этом же контексте можно рассматривать и воспоминания революционных деятелей, публиковавшиеся в ту эпоху); 2) сталинский догматизм (резкое сокращение количества работ на данную тему, сокраще-

[1]*Вадим Францевич Гигин* – кандидат исторических наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.
Vadim F. Gigin, PhD (history), docent; dean of the faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.
E-mail: *v.f.gigin@gmail.com*

ние научного аппарата, слабая научная аргументация, прямолинейность трактовок; канон описания революции – «Краткий курс истории ВКП(б)»); 3) советский научный академизм (стремление ученых к объективному взгляду на проблему при сохранении партийных установок и марксистско-ленинской методологии, абсолютно научная аргументация, резкое увеличение количества научных работ, посвященных теме революции, открытая научная дискуссия). Одновременно с этим на Западе возникают два направления научных взглядов на события 1917 г. Первый – эмигрантский: его представители эволюционировали от монархистского и социал-демократического неприятия большевистской революции и критики победившей партии к творческому переосмыслению революционных событий, анализу дальнейшего развития России. Второй – собственно западная историография. Сначала в ней появляются работы относительно невысокого аналитического и научного уровня, сродни публицистике. После Второй мировой войны предпринимаются попытки серьезного осмысления – работы Дж. Боффа, Н. Верта, М. Ферро и др. Вместе с ними появляются так называемые ревизионисты, которые рассматривают революцию и советскую власть не как нечто демоническое, отрицательное, а как объективный феномен, который имел как плюсы, так и минусы (А. Рабинович, Л. Шапиро и др.). Ну и, конечно, классикой стали работы известного американского советолога Р. Пайпса. Он рассматривал историю революцию как органичную часть всей истории России.

И вот спустя 100 лет мы стараемся прийти к какому-то общему дискурсу.

А. В. Рубанов[1]**.** Теория революции, которую П. Сорокин создавал в пражской библиотеке, была действительно первой. Сегодня же можно констатировать четыре поколения теорий революции. Эти поколения, или группы, формировались в основном американской профессурой, включая П. Сорокина. Первое направление, поведенческое, созданное П. Сорокиным, непосредственной предпосылкой любой революции называет резкое увеличение числа подавленных базовых инстинктов населения. К этим инстинктам он относит голод, импульс собственности, инстинкт самосохранения, половой инстинкт, импульс свободы, группу инстинктов самовыражения унаследованных способностей и др. Другая предпосылка революции, по П. Сорокину, – кризис верхов, т. е. слабое сопротивление проявлениям широкого недовольства со стороны властей. Второе направление, психологическое (Дж. Дейвиса, Т. Гурра и др.), представленное теорией относительной депривации, причиной революции считает осознание массами несправедливости своего ущемленного положения по сравнению с положением господствующих классов. Третье, структурное (Т. Скопчол и др.), делает акцент на анализе классовых отношений, а также влиянии международного фактора. Четвертое, политическое (Ч. Тилли и др.), сосредоточивает внимание на механизмах мобилизации масс на протестные коллективные действия, которые направлены на свержение существующего социального строя.

Представители этих теорий обвиняют друг друга в однобокости. На этом фоне самое интересное – обратиться к работам классиков революционной теории, например трудам К. Маркса, у которого можно найти тезисы всех этих четырех групп теорий: абсолютное и относительное обнищание, противоречие структурных элементов (производительные силы и производственные отношения), борьба классов, мобилизация масс через организацию союзов и партий… Наиболее интересный и точный материал о причинах, характере и механизмах революции следует искать в текстах самих революционеров: К. Маркса, В. Ленина, Д. Троцкого, Че Гевары и др.

А. Б. Богданович[2]**.** Вопрос этнической и национальной идентичности нередко приобретает особую актуальность в период революционных событий. Не стала исключением и наша страна. До настоящего времени проблема этнического измерения революционных событий на территории Беларуси вряд ли может считаться исследованной полностью. Среди причин подобного положения вещей – и некоторая периферийность этнического в структуре социальных процессов 1917 г., и особый статус подобной тематики в отечественной историографии.

Проблема этнического самосознания белорусов в период революции может быть рассмотрена с учетом трех факторов: наличия устойчивого эндоэтнонима, степени осознания общности (в исторической и пространственно-географиче-

[1] *Анатолий Владимирович Рубанов* – доктор социологических наук; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology); professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: *rubanov.bsu@gmail.com*

[2] *Алексей Борисович Богданович* – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Университета гражданской защиты Министерства чрезвычайных ситуаций Республики Беларусь.

Alexei B. Bohdanovich, PhD (history), docent; head of the department of humanitarian sciences, University of Civil Protection, Ministry for Emergency Situations of Belarus.

E-mail: *stchtchur2017@inbox.ru*

ской перспективе), характера социальной среды (полиэтничность, конкурентность, конфликтность и т. п.), способствующей активной самоидентификации либо ограничивающей ее.

Что касается первого фактора, то считается доказанным, что к моменту революционных событий эндоэтноним «белорусы» получил достаточно широкое распространение во всех слоях этноса. Этому, безусловно, способствовали развитие национально-демократического движения и постепенное становление модерных институтов государственного управления (либо как минимум формирование готовности наиболее активных слоев населения к их принятию).

Второй фактор, т. е. процесс осознания общности, во второй половине XIX в. приобрел особую интенсивность, выйдя за территориально-культурные, сословные и отчасти конфессиональные рамки. Согласно переписи 1897 г., 74 % населения Беларуси родным языком считало белорусский. Причем к белорусам по данному признаку относили себя как минимум 40 % чиновников, 10 % юристов, 60 % учителей, а среди доминирующего крестьянского сословия самоназвание «белорус» устойчиво вытесняло иные многочисленные формы самоименования («литвины», «чернорусы» и т. п.). Термин «Беларусь» закреплялся за всей этнической территорией белорусов. Впрочем, о полном завершении описанного процесса в рассматриваемый период говорить все же не приходится.

Что касается третьего фактора (характера социальной среды), то история первых полутора десятилетий XX в., «увенчавшихся» событиями 1917 г., не могла не выступить своеобразным спусковым крючком для интенсификации этнической консолидации, вышедшей в итоге на уровень проектов национального строительства.

Несмотря на трагичность предшествующих революции событий и крайнюю тяжесть последствий, для многих представителей активных слоев населения происходящее было шансом не просто для реализации своей гражданской позиции, но и государственного и культурного строительства Беларуси. Молодой поэт и писатель Змитрок Бядуля описывал это время в следующих эпитетах: «Беларускі адраджэнскі рух не здолеў зрабіць таго, што зрабіла імперыялістычная вайна ў працягу двух год. Найлепшым агітатарам у справе абуджэння ад сну беларускіх сялянскіх мас было само жыццё – ненармальнае, выбітае з векавечнай каляі…»

Таким образом, революционные события послужили своеобразным детонатором активизации наиболее пассионарной части белорусского общества – национально ориентированной интеллигенции, преимущественно людей молодого возраста. При этом их положение не только не улучшилось по сравнению с довоенным и дореволюционным периодом, но и ухудшилось в условиях гражданской войны, германской оккупации и миграций. Тем не менее если на личном, бытовом уровне восприятия все они отмечали тяжесть своего положения и неясность будущего, то в общественно-политической и культурно-просветительской сфере деятельности видели шанс для реализации программы национально-культурного развития и государственного строительства Беларуси.

А. А. Плащинский[1]. В оценке Октябрьской революции я хотел бы постановочно обозначить несколько аспектов. Современный российский ученый В. Катасонов формирует схему осмысления человеческой истории через призму теологической, промыслительной схемы. Я имею в виду духовный аспект революции, который нельзя упускать наряду с политическим, экономическим и проч. В. Катасонов считает, что Октябрь – это трагедия, но эта трагедия промыслительно спасла Россию, поставила ее на другие рельсы. Второй аспект – провидческая записка П. Дурново, которая была обнаружена на столе Николая II. П. Дурново предупреждал государя об опасности вступления в войну в 1914 г., грядущей революции, Германии и трагедии царской семьи. Третий аспект – идея мировой революции как идея глобального управления (господства), которая проявляется в политическом поведении современных США. Именно доктрина мировой революции обусловила развязывание Первой мировой войны.

Первая мировая война и революция 1917 г. были нужны глобалистам для ликвидации монархий: Российской, Австро-Венгерской, Османской (революция 1789–1792 гг. во Франции преследовала те же цели и закончилась казнью Людовика XVI – еще одна историческая параллель с революцией в России 1917 г.). После войны уцелела только Британская империя, что неудивительно. Для реализации плана нового мирового порядка в тот период глобалистам нужно было любыми способами втянуть Россию в войну. Вот почему ими были устранены все инакомыслящие и приближенные к государю люди, которые пытались упредить мировую войну: П. Столыпин, Г. Распутин…

Для войны был найден повод – убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, 28 июня 1914 г. Австро-Венгрия 28 июля объявила Сербии войну – это был четкий расчет на то, что Николай II не сможет остаться

[1]*Александр Алексеевич Плащинский* – кандидат политических наук, доцент; первый проректор Международного университета «МИТСО».
Alexander A. Plashchinsky, PhD (political science), docent; deputy vice chancellor of the International University «MITSO».
E-mail: *a.plashchinsky@mail.ru*

в стороне и защитит Сербию. В Российской империи 31 июля объявлена всеобщая мобилизация в армию. И 1 августа Германия объявила войну России. Шахматная партия сыграна. Поджигателям войны удалось реализовать свои планы на пути к новому мировому порядку. Итог – мировая война.

Сегодня очевидны исторические параллели с ситуацией, произошедшей 100 лет назад. События 2014 и 2017 гг. в Украине завершают вековой исторический цикл, начало которому положено в 1914 г. (Первая мировая война) и, соответственно, в 1917 г. (революция в Российской империи).

Завершение эпохи знаменуется очередной точкой бифуркации: вновь проявляют себя две магистральные исторические тенденции, трансформирующие мир: евразийская интеграция, с одной стороны, и процесс установления нового мирового порядка, с другой стороны.

Подключение возможно только к одной из этих тенденций, так как каждая из них предполагает альтернативный сценарий будущего, два разновекторных пути развития. Следовательно, понять эти глобальные исторические тенденции и в буквальном смысле «оседлать» их в политическом поле означает творить будущее.

Сегодня маятник истории замер в ожидании нового импульса. На метафизическом уровне таким импульсом является национально-государственная идея. Единственная возможность сохранить мир – это реализация идеи «Великой Евразии» в формате евразийской конфедерации. В китайской специфике – идея «Большого единства» (под небесами).

А. Н. Данилов. История показывает, что люди не учатся на чужих ошибках. Только на собственных… Тем более что революции всегда случаются, когда их никто не ждет. Поэтому, пожалуй, самый важный урок событий столетней давности – не доводить дело до революции, а если революционная волна все же накрывает, не допустить кровопролития и гражданской войны… «Революция приходит не сверху и не снизу – она наступает, когда истончаются все истины», – очень точные слова вкладывает современный российский писатель З. Прилепин в уста главного героя своего известного романа «Санькя». Жаль, конечно, что к концу XX в. истончились практически все истины, рожденные октябрем 1917 г., и в этом – огромная вина или больше беда власти, которая оказалась без воли и идеалов. К тому же без воли к власти и воли к борьбе за власть никакая объективная необходимость революции просто невозможна. Среди лидеров обязательно должны быть такие люди, которые готовы умереть за свои взгляды и идеалы. В. И. Ленин называл их профессиональными революционерами и был прав. Нельзя давать Западу возможность сформировать пятую колонну из части «элиты». В начале XXI в. формы и методы внешнего влияния на революции стали более изощренными и разнообразными: на смену вооруженному экспорту революции и грубому давлению пришла «мягкая сила» – влияние через культуру, ценности, образ жизни… Появились социальные сети, разного рода общественные, просветительские и благотворительные фонды и объединения, живущие на иностранные гранты.

Человек, как правило, живет надеждой, и именно срыв надежд делает невыносимым неравенство… Современный тип человеческого сознания, осмысляющего и осваивающего мир посредством впечатлений, визуальных и музыкальных образов и символов, а не логики и нарративов, как нельзя лучше соответствует новому типу революций, мотором которых выступает утопия справедливости и национального освобождения как суть революционных идеологий. И, наконец, всегда надо помнить, что если революционный хворост высох, то искра может появиться откуда угодно и когда угодно. Среди причин революции надо тонко различать объективные и субъективные. Сегодня происходят странные вещи: по прошествии 100 лет нам не стало яснее то, что происходило век назад, а значит, революция продолжается, и она продолжится до тех пор, пока перед нами не будет идеальной картины происшедшего.

А. И. Ванькевич[1]. Тема продолжения революции как продолжения открытой ею эпохи – важная и интересная. Эта эпоха идет дальше в силу объективных законов, которые можно обнаружить у К. Маркса (два закона собственности). Один из них, незаслуженно забытый и мало изученный, – закон единства труда и собственности. Через него можно прийти к причинам революции. К. Маркс писал в труде «Капитал»: «…непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям – отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, – вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства». Я полагаю, что при изучении истории становится ясно, что начи-

[1] *Александр Игнатьевич Ванькевич* – кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры инновационного менеджмента экономического факультета Белорусского государственного университета.

Aleksandr I. Van'kevich, PhD (economics), docent; associate professor at the department of innovation management, faculty of economics, Belarusian State University.

ная с рабовладельческого общества идет процесс отчуждения собственности от труда: рождаются человек труда и собственник. Их взаимодействие выразилось в появлении новой формы самодвижения – развитии средств производства и самой рабочей силы. Их противоречие ведет к смене характера и способа их соединения и, как следствие, к новым формациям. Поэтому, когда мы говорим о причинах революции, нельзя забывать о диалектике развития этих элементов. Революция – это начало перехода к новой ступени общества, а продолжение – это события, которые были заложены в основе.

Относительно роли России в пролетарской революции еще К. Маркс полагал, что центр революционных процессов перемещается именно в нее, так как западный революционный элемент сильно загрязнен оппортунизмом.

М. А. Можейко[1]**.** Я хочу поставить вопрос об интерпретации. Со времен Гердера мы верим в наличие базовых исторических закономерностей, которые и позволяют понять конкретные события. Но после появления синергетики мы получили возможность рассматривать любое событие как результат случайных флуктуаций. Эти два направления (логики) всегда были перпендикулярны друг другу, но в начале XXI века, мне кажется, происходит их гармонизация: методологи согласны с тем, что цилиндр можно рассматривать в трех проекциях и получать разные перспективы – круг или прямоугольник. Это позволяет увидеть в революции как неслучайный момент истории, так и массу единичных флуктуаций, которые могут сплетаться, ускоряться и проч.

В. Ф. Гигин. А как Вам видится перспектива применения синергетического метода в гуманитарных науках, в истории?

М. А. Можейко. Его можно и нужно применять. Сегодня мы имеем огромное число работ, которые применяют его прямо и непосредственно в отношении абсолютно разнородных и разноуровневых феноменов. Мне же кажется, что такая легкомысленная аппликация синергетики на гуманитарную область чревата. Нужна серьезная работа по адаптации метода.

Д. К. Безнюк[2]**.** Позволю заметить, что сами синергетики (И. Пригожин и др.) предостерегали гуманитариев от прямого использования синергетической логики в отношении социальных, антропомерных систем. Хотя результаты такого применения могут быть интересными и заставляют задуматься. Примером может послужить книга М. де Будьона «Битва за хаос», неоднозначная, но иллюстрирующая синергетический анализ истории и общества.

Сегодня в рамках социологии революции мы можем констатировать целый ряд проблемных полей, которые отражают спектр интересов и исследовательских возможностей современной социальной теории в области изучения революции. К таковым следует отнести:

– *дефинитарные* проблемы, которые напрямую связаны с *субстанциональными*;

– проблемы *классификации* революций;

– *каузальные* проблемы, тесно связанные с проблемой общей *методологии* анализа феномена революции;

– проблемы выявления *последствий* революций и ее общей *оценки*.

Причины революции – особая сфера анализа и оценки. Ф. Бэкон и Т. Гоббс, которые впервые активно стали употреблять термин «революция» для описания исторических и политических сюжетов, не дали четкого ответа на вопрос о причинах революции, хотя интенции были ясны – недовольство народа. Основоположник социологии революции П. Сорокин при ответе на вопрос о причинах революций тяготел к социально-психологической логике: непосредственной предпосылкой любой революции он полагал увеличение степени подавления «базовых инстинктов» большинства населения, невозможность даже минимального их удовлетворения и бессилие групп порядка в адекватном описании ситуации.

В целом же, все попытки выявления причин революций плотно связаны с методологией исследования революции, логикой авторского видения, теоретико-методологическими форматами исследовательского подхода к революции. Для представления спектра этих подходов к выявлению причин революций можно обратиться к исследованию российского историка и социолога Б. Н. Миронова, который на примере русской революции 1917 г. «обкатал» имеющиеся в арсенале аналитиков мето-

[1]*Марина Александровна Можейко* – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities, Belarusian State University of Culture and Arts.

E-mail: *marina-mojeiko@yandex.by*

[2]*Дмитрий Константинович Безнюк* – доктор социологических наук; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Dmitrii K. Bezniuk, doctor of science (sociology); professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: *mayo-r-r-r@mail.ru*

дологические подходы – марксистский, мальтузианский, модернизационный, институциональный, психосоциальный, структурный, политический, экономический – с целью соотнести выявленные ими причины русской революции с историческими и статистическими реалиями. В результате получилась целая панорама причин, распределяемых по уровню правдивости и эмпирической верифицированности.

В. С. Михайловский[1]**.** Что касается причин революции, К. Маннгейм в работе «Идеология и утопия» описывает четыре типа мышления, четыре типа взглядов на будущее: анархистский, консервативный, либеральный и коммунистический. Я убежден, что все наши ошибки в понимании марксизма и коммунизма рождаются тогда, когда мы пытаемся понять марксистские категории либеральными мозгами. Относительно революции предлагаю такой срез: было ли там больше коммунистического по логике либо там больше либерального. Ведь коммунистическая логика – диалектическая, направленная на настоящее: есть настоящее, есть условия настоящего и есть противоречия в этом настоящем, которые и являются источником изменения нашей жизни. У либерала же есть, как пишет К. Маннгейм, звезда, внешняя по отношению к нему идея, она ему светит, он за ней идет, часто как бульдозер. В связи с этим интересно поразмышлять: по своему мышлению В. И. Ленин был коммунистом или либералом? Что для него революция – работа с настоящим или идея фикс?

Д. К. Безнюк. После выхода работы С. Н. Булгакова «Карл Маркс как религиозный тип» это вопрос правомерный.

В. Ф. Гигин. Вопрос парадоксальный и интересный. Но замечу, что современный западный либерализм отчасти лишен взгляда в будущее как в экономической плоскости, так и в исторической. Вспомним хотя бы знаменитую работу Ф. Фукуямы «Конец истории». У В. И. Ленина же абсолютный взгляд в будущее, анализ прошлого и в каком-то смысле игнорирование настоящего, что привело его к некоторому интеллектуальному кризису в 1922–1924 гг.

В. С. Михайловский. С моей точки зрения, у современных либералов нет мысли о будущем, так как они полагают, что будущее уже реализовано, уже наступило, надо только воспроизводить наступившую либеральную демократию. У коммунистов же, К. Маркса, В. И. Ленина, не так много размышлений о второй стадии, собственно коммунизме.

А. Н. Данилов. Всякие аналогии или сравнения в истории только политизируют выводы и являются достаточно условными. Поэтому, как мне представляется, так же сложно сравнивать события, которые происходили в разных эпохах и условиях и были вызваны разными обстоятельствами. Я лично придерживаюсь мнения о том, что в октябре 1917 г. произошла самая настоящая революция. Это событие определило всю историю XX в., позволило нам совершить рывок в развитии и выстоять в беспрецедентном нашествии – Великой Отечественной войне. А вот в 1991 г. произошла контрреволюция, когда жаждущая безраздельного господства и личного обогащения ельцинско-гайдаровско-чубайсовская тусовка на глазах всего мира разворовывала достижения своего же народа. В 1917 г. революционеры строили новый мир рабочих и крестьян, чтобы дать ему перспективу и светлое будущее. И во многом добились своего…

Конечно, народ невозможно долго обманывать радужными и заманчивыми лозунгами. Нужны дела, солидарность и сопричастность каждого. Только признав правоту народа, поддержав живущее в нем стремление к справедливости, можно не только уберечь страну от потрясений, но и сделать новые шаги вперед.

В. Ф. Гигин. Здесь уместно вспомнить, что в отношении социальной политики советской власти и завоеваний социализма присутствует некоторая мифологизация: надо выделять два разных этапа этой политики – до и после начала 1960-х гг. До – никакой восходящей социальной политики не было, это была беспощадная эксплуатация трудовых ресурсов, отсутствие отпусков, пенсий и проч.

В. И. Толкачев[2]**.** Вернусь к вопросу: был ли В. И. Ленин коммунистом? На все вещи надо смотреть в их развитии. В. И. Ленин на протяжении своей политической карьеры эволюционировал, до прихода к власти он один, после – другой.

Несколько кратких тезисов на тему революции и современности. Во-первых, событие надо рассматривать в разрезе его воздействия на различные политические, социальные и другие процессы. С этой позиции революция февраля – октября 1917 г. – действительно революция. Она повлияла на судьбу России, Европы и всего мира. Во-вторых, сегодня человеческая цивилизация вступает в но-

[1]*Вадим Сергеевич Михайловский* – кандидат политических наук; доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета.

Vadim S. Mikhailovski, PhD (political science); associate professor at the department of political science, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: *vadim2010minsk@mail.ru*

[2]*Валерий Иванович Толкачев* – кандидат исторических наук; доцент кафедры социологии СМИ Института журналистики Белорусского государственного университета.

Valerii I. Tolkachev, PhD (history); associate professor at the department of sociology of journalistic, Institute of Journalism, Belarusian State University.

вый этап своего развития: мы наблюдаем конец постиндустриальной эпохи и переход к новой эпохе, на волне четвертой технологической революции мы вступаем в цифровую эпоху. Три явления определяют развитие всей цивилизации: 1) геополитика, имеющая новые проявления, противоречия и столкновения; 2) глобализация, которая проявляется в рамках выработки единых стратегических форм транснациональных корпораций, торговли и проч.; 3) информационное пространство, которое трансформируется в киберпространство. В сфере геополитики наиболее актуальным противоречием можно рассматривать противостояние США и России.

Рассматривая результаты революции 1917 г., необходимо обратить внимание на ее влияние на нашу территорию, так как революционные процессы, безусловно, помогли сформировать белорусское государство на советской основе. Это явление, государственность Беларуси, сначала ССРБ, потом БССР, помогло нашей территории занять важное место в геополитических процессах в рамках Советского Союза, а теперь в тех процессах, которые идут совместно с Российской Федерацией.

Я убежден, что революция 1917 г. – очень крупное геополитическое явление мирового значения.

Н. Л. Мысливец[1]**.** Мы предприняли попытку выяснить, что знают современные студенты о событиях 100-летней давности и с чем у них ассоциируются Февральская и Октябрьская революции 1917 г. С этой целью был проведен опрос 100 студентов 2–4-х курсов нескольких специальностей (не исторических) Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

Ответы на вопросы: «Что Вы знаете о Февральской и Октябрьской революциях 1917 г.?», «Как они происходили и чем закончились?» позволили выявить следующие ассоциации:

– в отношении Февральской революции: *свержение монархического строя*[2]*, свержение самодержавия, она была неуспешной.* Какие-либо более четкие представления о ее причинах, сущности, итогах отсутствуют.

– в отношении Октябрьской революции ассоциативный ряд оказался несколько более широким и включал такие понятия, *как Аврора, Временное правительство, Петроград, большевики, захват Зимнего дворца, Первая мировая война, «Капитал» К. Маркса, свержение самодержавия – установление советской власти…*

При ответе на вопрос: «Какие события происходили в 1917 г. в Беларуси, в Минске?» 50 % опрошенных ограничились общими фразами, проведя параллели с событиями в Петрограде, в России в целом; 17 % студентов вспомнили лишь отдельные факты, относящиеся к рассматриваемому вопросу; 33 % – затруднились с ответом. Таким образом, нам не удалось выявить у опрошенных какие-либо конкретные знания и представления относительно причин, сущности, масштабов и исторического значения Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

Среди исторических личностей, деятельность которых была связана с событиями 1917 г. в России и Беларуси, студенты чаще всего упоминали В. И. Ленина (он был назван 56 раз), Л. Д. Троцкого (29 упоминаний), также прозвучало 29 ответов *никто*.

Л. Корнилова упомянули 14 участников опроса, И. В. Сталина – 12, Г. Мясникова и Я. Свердлова – по 11, Николая II – 10, К. Ландера – 9, А. Керенского – 6, А. Колчака – 5, Ф. Дзержинского – 4 респондента. Частота упоминаний остальных исторических персоналий – в пределах статистической погрешности.

Уходя из памяти, события прошлого продолжают оставаться частью истории, незнание которой, как всем нам хорошо известно, чревато. Поэтому не может не вызывать тревогу факт не только неглубоких знаний студентов в области истории революционного движения в России и Беларуси рассматриваемого периода, но и неспособность (нежелание?) анализировать исторические события, формулировать свою позицию по отношению к ним, делать выводы.

Отвечая на вопрос о том, какое влияние оказали революции 1917 г. на дальнейшее развитие нашей страны и всего мирового сообщества, каждый четвертый студент оставил его открытым. Все же остальные респонденты называли: *создание БССР, реформы, смена власти, установление социалистической власти, вхождение Беларуси в состав Советского Союза, репрессии против белорусской интеллигенции, построение социалистического общества*.

При оценке влияния событий 1917 г. на дальнейшее развитие всего мирового сообщества 78 % опрошенных подчеркнули безусловную значимость и масштабность произошедших революций как в плане идеологии, влияния на общественное сознание, так и в плане экономических, общественно-политических и социально-культурных преобразований. При этом практически все ответы были максимально лапидарны и не включали каких-либо более конкретных рассуждений в отношении заданных вопросов. Ни в одном социологическом

[1]*Николай Леонтьевич Мысливец* – кандидат социологических наук, доцент; заместитель декана факультета довузовской подготовки Гродненского государственного университета им. Я. Купалы.

Nikolai L. Myslivec, PhD (sociology), docent; deputy dean of the faculty of pre-university training, Yanka Kupala State University of Grodno.

E-mail: *n.myslivets@gmail.com*

[2]Здесь и далее ответы респондентов даны курсивом.

интервью не была представлена краеведческая составляющая.

Мнения опрошенных свидетельствуют о том, что доминирующими институтами в деле формирования исторической памяти у студенческой молодежи являются учреждения образования и интернет, а ключевой фигурой остается учитель в школе и преподаватель в учреждении высшего образования. Институтом-аутсайдером в этом ряду стала семья: лишь шесть человек из 100 склонны рассматривать ее как наиболее достоверный источник информации о прошлом.

Отношение к истории своей страны, знание и понимание прошлого выступают в качестве своеобразных маркеров, которые позволяют судить не только о глубине исторических знаний, в том числе относительно истории малой родины, но и о степени фундированности собственной гражданской позиции, сформированности патриотических установок личности.

Наличие у большинства студентов лишь фрагментарных знаний о таких знаковых событиях прошлого, как Февральская и Октябрьская революции 1917 г., объясняется не только фактом их ухода даже с периферии обыденного, повседневного интереса современной молодежи. Это является отражением снижения общественного интереса к данным событиям прошлого, показателем трансформации общественного сознания, что не может не влиять и на сознание молодежи.

В. Ф. Гигин. Эти данные хорошо показывают, как за одно поколение, за 25 лет, удалось полностью сместить исторические представления об Октябрьской революции из центра мироздания и всей истории на периферию. Это было результатом сознательного дискурса части интеллигенции, частично и школьных учителей, для которых какие-либо события из далекого прошлого более значимы, чем Октябрьская революция, без которой не было бы сегодняшней Беларуси.

Ж. М. Грищенко[1]**.** Насколько сложившаяся на сегодня гомология пространственных структур, прежде всего поля политики, приближает нас к зоне риска и отвечает на вопрос: к чему мы ближе сегодня – к бунту, к революции, к эволюции? Еще года три назад мы утверждали, что находимся на стадии устойчивого, стабильного развития нашей структуры, которая отражает ценностные ориентации электората. Эта структура не так богата и плюралистична: устойчивый электорат А. Г. Лукашенко – 42 %, поддерживающие на протяжении 20 лет оппозицию – 16 %, занимающие нейтральное положение к властной элите и к ее оппозиции – около 30 %. Сегодня же ситуация динамично меняется, стабильная ранее гомология политического поля размывается за счет упомянутых 30 %. Зона риска для нашей страны возрастает. Поэтому основная задача для нас сегодня – моделирование развития этой ситуации с попыткой ответить на вопрос о том, кому из наших лидеров удастся эту ситуацию откорректировать грамотно…

А. Н. Данилов. Вызовы и кризисные ситуации, о которых говорят коллеги и которые сегодня приводят к революциям, ставят вопрос о революции как о технологии, вопрос о технологичности революционной ситуации.

А. В. Посталовский[2]**.** Говоря о революции как о технологии, хотелось бы обратиться к конкретным примерам реализации революционных сценариев на постсоветском пространстве, в частности к цветным революциям. Это революции нового типа, они заставляют по-новому взглянуть на логику и содержание всего революционного процесса. Собственно, что такое революция, какова ее структура и содержание? В структуре классической революции обязательно должны присутствовать три системообразующих элемента: источниковая база предполагаемой революции (революционная ситуация), переход (отказ от существовавшей модели общественного развития) и результат (смена общественно-экономической формации, установление принципиально нового социально-политического строя и экономического уклада и т. д.). В указанных контекстах хотелось бы ответить на следующий вопрос: а применима ли данная схема к анализу сценария и результатов цветных революций и, собственно, являются ли цветные революции революциями в полной мере? Например, Украина. Она интересна целой серией политических событий: «Революция на граните» (1990), акция «Украина без Кучмы» (2001), «оранжевая революция» (2004), революция «гидности» («Евромайдан») (2013–2014). Ответ на вопрос о наличии революционной ситуации во всех этих случаях очевиден: ее нет, особенно в 2004 и 2013 гг. Статистика фиксирует экономический рост, коллеги-социологи констатируют малый протестный потенциал, объективные внешние предпосылки революции отсутствуют. Однако

[1] *Жанна Михайловна Грищенко* – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Zhanna M. Grishchenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: *zhanna0607@mail.ru*

[2] *Александр Владимирович Посталовский* – кандидат социологических наук; научный сотрудник Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета.

Alexander V. Postalovsky, PhD (sociology); researcher at the Centre of Sociological and Political Studies, Belarusian State University.

E-mail: *postalnio@tut.by*

проходит несколько месяцев, и правящий режим рушится. Почему? Работа технологий: практическая реализация методов ненасильственной борьбы Дж. Шарпа (в Грузии в 2003 г., в Киргизии в 2005 г.), теория «сакральной жертвы» (в Тунисе в 2010 г., в Египте в 2011 г.), провоцирование властей на насилие, вмешательство иностранных государств и международных организаций во внутренние дела привели к тому, что сегодня наблюдаем в Украине. Формально вторая стадия классического революционного сценария (переход) присутствует, однако результат (третья стадия), а именно смена общественно-экономической формации отсутствует. Результаты этих «революций» также не позволяют признать их таковыми: нет не только смены формаций, но и сами участники не меняются. Тот же П. А. Порошенко был секретарем Совета Безопасности в период президентства В. А. Ющенко и министром экономического развития и торговли при В. А. Януковиче, А. П. Яценюк возглавлял Верховную Раду при том же В. А. Ющенко и возглавил правительство уже при П. А. Порошенко. А. В. Турчинов руководил Советом Безопасности Украины после «оранжевой революции», теперь возглавляет Совет Безопасности. Революции вроде бы происходят, а революционерами де-факто остаются те же люди. По сути, в данном случае речь идет не о революциях, а о конкретных технологиях дестабилизации и радикальной трансформации правящей политической элиты, при этом никакого качественного перехода к новой модели общественных и социально-экономических отношений не происходит. Да и сама революционная ситуация в ряде случаев отсутствует, речь идет скорее об искусственном нагнетании и поддержке радикального дестабилизирующего развития революционного сценария. Октябрьская же революция в этом плане в полной мере соответствует всем классическим канонам феномена революции, поскольку в полной мере присутствует стадиальность революционного процесса, результатом которого выступила попытка построения коммунистического государства – принципиально новой фазы общественно-экономического развития. Можно по-разному относиться к ее результатам и последствиям, однако не подвергается сомнению тот факт, что это крупнейшее массово-политическое событие мирового масштаба, оказавшее значительное влияние на развитие множества стран мира.

А. Н. Данилов. Сегодня исследование конфликтов, кризисов, революций, которые приобретают статус глобальных, – передний край общественных наук. Революции рассматриваются чаще всего как технологии, и избирательная кампания в любой стране мира потенциально может превратиться в очередную жертву революции. Заметную роль в этой трансформации стали играть всевозможные манипуляции человеком, различными социальными группами, населением суверенной страны в целом. Для этого уже отработаны и проверены на практике *PR*-технологии, где, как правило, не гнушаются использовать прямые фальсификации, провокации и просто обман. Здесь очень важно, помимо разоблачения фальсификаций, ведущих к разжиганию национальной и иной розни, изучать и вскрывать систему расчеловечивания человека, превращения его в некого «постчеловека», жалкое подобие человека.

В современных условиях существенно возрастает роль изучения гуманитарных наук, культуры, философии, искусства, литературы: через смыслы, заложенные в них, происходит развитие, утверждение новых ценностных представлений, создается новый мир человека. Социология, философия, все гуманитарные науки – это не нечто отжившее, не нечто такое, что должно уйти в небытие, уступив место современным технократам, а как раз, наоборот, необходимое условие сохранения человека.

УДК 94(476):323.17"1917"

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ БЕЛАРУСИ В 1917 г.

В. Ф. ГИГИН[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Раскрывается сущность советской национальной политики в Беларуси на фоне политической трансформации общества в условиях Октябрьской революции 1917 г. Рассматриваются идейные взгляды большевистских руководителей как Центрального комитета, так и Северо-Западного областного комитета РСДРП(б). Подробно освещается история созыва, работы и разгона Всебелорусского съезда. Указывается на идейные и политические противоречия в партии большевиков, а также в белорусском национальном движении. Источниковую основу исследования составили многочисленные архивные документы, в том числе приводимые впервые.

Ключевые слова: революция; политический процесс; государственность Беларуси; большевики; Всебелорусский съезд; национальная политика; политическая трансформация; белорусское национальное движение.

THE OCTOBER REVOLUTION AND SELF-DETERMINATION OF BELARUS IN 1917

V. F. GIGIN[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The author reveals the essence of the Soviet national policy in Belarus during the political transformation of society in the conditions of the October Revolution of 1917. The ideological view sof the Bolshevik leaders of both the Central Committee and the Northwest Regional Committee of the RSDLP(b) are considered. The history of the convocation, work and dispersal of the All-Belarusian Congress is covered in detail. It points to the ideological and political contradictions that took place in the Bolshevik Party, as well as in the Belarusian national movement. At the same time, the source of the research was the numerous archival documents, including those cited for the first time.

Key words: revolution; political process; statehood of Belarus; Bolsheviks; All-Belarusian Congress; national policy; political transformation; Belarusian national movement.

Специалистам в области истории Беларуси XX в. заголовок данной статьи покажется знакомым: именно под таким названием в 1992 г. вышла монография академика И. М. Игнатенко. Книга стала веховой, поскольку подводила итоги советского периода изучения революционных событий и обозначала общие направления нового этапа историографии. Прошла четверть века, и наступила пора по-новому осмыслить многие вещи. Тем более что столетний юбилей Октябрьской революции к этому обязывает.

В отечественной науке проблема национально-государственного строительства в Беларуси нашла отражение в ряде работ. Кроме публикаций уже упоминавшегося И. М. Игнатенко [1], это исследования Н. С. Сташкевича [2], В. А. Круталевича [3], В. Е. Козлякова [4], С. С. Рудовича [5], П. И. Бригадина и В. Ф. Ладысева [6] и др. Относительно недавно вышла весьма любопытная книга московского историка Ю. А. Борисёнка «На крутых поворотах белорусской истории» [7]. Довольно критически проблемы отношения советской власти

Образец цитирования:
Гигин В. Ф. Октябрьская революция и самоопределение Беларуси в 1917 г. // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 87–100.

For citation:
Gigin V. F. The October revolution and self-determination of Belarus in 1917. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 87–100 (in Russ.).

Автор:
Вадим Францевич Гигин – кандидат исторических наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук.

Author:
Vadim F. Gigin, PhD (history), docent; dean of the faculty of philosophy and social science.
v.f.gigin@gmail.com

к белорусской государственности рассматривает в своих статьях гомельский историк Г. Г. Лазько [8–10]. Наконец, стоит упомянуть фундаментальное издание «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці», изданное Институтом истории НАН Беларуси [11]. Данную тему нельзя назвать закрытой. Напротив, все новые документы, вводимые в оборот, отход от излишней политической ангажированности настоятельно диктуют необходимость осмысления сложнейшего и коренного вопроса нашей истории: как же появилась на свет Белорусская Республика в XX в. и какую роль сыграли в этом революционные события, а именно приход большевиков к власти?

Национальный вопрос в программе большевиков

К октябрю 1917 г. в условиях крайне обостренной политической борьбы, все более грозившей перерасти в гражданскую войну, по-прежнему неразрешенными оставались проблемы власти, мира, земли и национальный вопрос. В ходе незавершенной Февральской революции ведущие силы России так и не смогли сформулировать консенсусную программу действий для того, чтобы дать ответы на эти проклятые вопросы, терзавшие измученную войной и политическими страстями страну.

Большевики не только оказались единственной силой, сумевшей предложить внятный и последовательный политический план, но и избежали общей болезни тогдашней России – «властебоязни». Знаменитое ленинское «Есть такая партия!», брошенное на I Всероссийском съезде Советов, означало готовность как пойти на коалицию с другими революционно-демократическими партиями, так и единолично сформировать новое правительство. Подобная решимость наряду с грамотно сделанной ставкой на солдатские массы как движущую силу новой революции обусловила победу большевиков в октябре.

Разрешение национального вопроса стало одной из приоритетных задач в повестке дня новой правящей партии. Пост народного комиссара по делам национальностей, который занял И. В. Сталин, сразу же приобрел особый государственный статус. Каковы же были идейные основы большевистской национальной стратегии?

Гомельский историк Г. Г. Лазько в ряде публикаций ставит под сомнение искренность большевиков в проведении ими национальной политики. По его мнению, это было лишь прикрытием, неким инструментом в их борьбе за власть. Подобную тактику он обозначает взятым из более позднего контекста сталинским определением «игра в независимость». Именно исходя из таких посылок, исследователь приходит к умозаключению о том, что петроградские власти дали санкцию на разгон Всебелорусского съезда 1917 г. [12, с. 9–10] – форума, сыгравшего судьбоносную роль в становлении белорусской государственности в XX в.

Столь однозначное суждение не является экстраординарным, а отражает определенную тенденцию в отечественной историографии. На протяжении последней четверти века многие ученые и публицисты с недоверием относились к подлинным мотивам, которыми руководствовались большевики в развитии белорусского советского государства. От рассуждений о буферности Беларуси для советской России, геополитическом кордоне и подобных мнений вполне логичным было перейти к практически полному отрицанию какой-либо заинтересованности большевиков в обеспечении белорусов правом на самоопределение. Чтобы разобраться, так ли это было на самом деле, необходимо обратиться к первоисточникам, а именно к идеологическим разработкам лидеров большевиков.

Архитектором советской национальной политики стал И. В. Сталин. И дело не только в его грузинском происхождении. К моменту революции он считался экспертом в деле межнациональных отношений, поскольку еще в 1913–1914 гг. опубликовал ставшую впоследствии хрестоматийной работу «Марксизм и национальный вопрос». Критики сталинского теоретического наследия обвиняли автора в компилятивности данного произведения, заимствовании ряда положений у германских и австрийских социалистов, прежде всего у Б. Бауэра и К. Каутского. Но, без сомнения, данная работа полностью отражала идейные подходы будущего наркома. Он подробно разобрал определения «нация» и «национальное движение», дал примеры таких движений, указал на их связь с революционной ситуацией в Европе в целом и Россией в частности. Ключевым же моментом его рассуждений стало безусловное признание абсолютного и гарантированного законом национального равноправия во всех его видах [13, с. 363]. Однако он выступал и против чрезмерного сепаратизма. Рассуждая о форме будущего государственного устройства, И. В. Сталин приходил к такому выводу: «Итак, национальная автономия не решает вопроса. Где же выход? Единственно верное решение – областная автономия, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. п. Преимущество областной автономии состоит прежде всего в том, что при ней приходится иметь дело не с фикцией без территории, а с определенным населением, живущим на определенной территории. Затем, она не межует людей по нациям, она не укрепляет национальных перегородок, – наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население для того, чтобы открыть дорогу для межевания другого рода, межевания по классам» [13, с. 362]. Иными словами, И. В. Сталин

напрямую выступал против проекта культурно-национальной автономии как основы для решения национального вопроса в будущем, который выдвигался многими социалистами в то время, прежде всего в Австро-Венгрии.

Затем, в марте 1917 г., отвечая на опубликованную в эсеровской газете «Дело народа» статью «Россия – союз областей», И. В. Сталин несколько скорректировал свою позицию. Проанализировав опыт развития федераций в США и Швейцарии, он пришел к выводу о том, что подобная схема не годится для России: «Решение национального вопроса должно быть настолько же жизненным, насколько радикальным и окончательным, а именно: 1) право на отделение для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого; 2) политическая автономия в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами конституции для областей, отличающихся известным национальным составом и остающихся в рамках целого» [14, с. 27–28]. То есть будущий государственный статус той или иной национальности зависел от желания и способности ее элит добиться независимости или же ограничиться урезанным суверенитетом. Но окончательный выбор оставался за самим народом, навязывать решение сверху не предполагалось. Централизм должен был наступить на втором этапе – после суверенизации народов бывшей Российской империи. И это была вовсе не игра в прямом смысле этого слова, а многоходовое решение застаревшего и крайне сложного национального вопроса.

Подобная позиция была разъяснена в программной сталинской статье, опубликованной в феврале 1919 г. в «Известиях». Автор выступал за братское и социалистическое единство различных народов при наличии сильного центра. При этом данный тезис не отрицал права наций на самоопределение, но (и это важная оговорка) с последующим их воссоединением на новых социалистических основах. И. В. Сталин прямо ссылался на декларацию, принятую Съездом Советов Беларуси 3 февраля 1919 г.: «Добровольный союз трудящихся всех независимых советских республик»… это именно тот путь объединения народов, о котором все время твердила советская власть, и который дает теперь свои благие результаты» [15, с. 228]. Здесь мы видим уже некоторое обобщение первых шагов советской власти по решению национального вопроса. И, судя по всему, руководитель данного процесса оценивал собственный опыт как вполне положительный.

Л. Д. Троцкому, в будущем политическому оппоненту И. В. Сталина, подчас приписывают пренебрежение национальным вопросом, отношение к нему как ко второстепенному, едва ли не противоречащему интересам революции. Безусловно, на первый план он ставил задачу осуществления мировой революции, но также выступал за самоопределение народов. Вместе с В. И. Лениным он стал соавтором официального ответа Совнаркома, данного Украинской Центральной раде 4 декабря 1917 г. В нем напрямую подтверждалось «право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права наций отделиться от России» [16, с. 142].

Отвечая на прямой запрос Всебелорусского съезда о том, как советское правительство видит будущее Беларуси и не планируется ли ее присоединение к Польше, 14 декабря Л. Д. Троцкий ответил: «Советское правительство считает, что никто, кроме белорусов, не имеет права решать, какова должна быть судьба Белоруссии. Эту позицию наша делегация будет отстаивать в дальнейших переговорах» [16, с. 230]. Подобная формулировка ответа, в частности, опровергает и мнение о том, будто Л. Д. Троцкий дал добро на разгон съезда.

И, конечно, ключевой являлась позиция самого лидера большевистской партии и руководителя советского правительства. И до 1917 г., и особенно на протяжении этого революционного года, и после него В. И. Ленин неоднократно в ясной и категоричной форме подтверждал свою однозначную позицию: полное и всестороннее признание права наций на самоопределение, устранение всякого гнета, господства одного народа над другим являются частью политической платформы большевиков. Наряду с окончанием войны, обеспечением рабочего контроля над производством, своевременным созывом Учредительного собрания и решением земельного вопроса данный тезис был отнесен к числу наиважнейших для новой власти в программном воззвании «Рабочим, солдатам и крестьянам!», принятом II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 г. [17, с. 11]. Выступая 22 ноября (5 декабря) 1917 г. на I Всероссийском съезде военного флота, В. И. Ленин, признав пестрый состав населения России, в котором великороссы составляли только около 40 %, призвал к радикальному решению национального вопроса: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций» [18, с. 115–116]. Немаловажно отметить, что последние слова были произнесены под бурные аплодисменты собравшихся.

Перечисленные тезисы воплощались в конкретных нормативных правовых актах, которые

открывали дорогу для решения национального вопроса на новой, советской, основе. В полной мере большевистская национальная политика получила свое отражение в Декларации прав народов России – одном из первых документов, принятых Совнаркомом уже 2 (15) ноября 1917 г. и подписанных В. И. Лениным и И. В. Сталиным. В ней давалась крайне резкая отрицательная оценка положения различных национальностей в Российской империи. Политика царских властей по отношению к нерусским народам характеризовалась как позорная. Декларация не только провозглашала равенство и суверенность народов России, но и гарантировала «право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [19, с. 41]. И это положение не осталось декларативным.

Сегодня порой весьма своеобразно и, рискнем предположить, неправильно представляют ленинскую национальную политику. В его стремлении создать союз социалистических республик усматривают едва ли не новый империализм. Но руководитель большевиков был далек от таких взглядов. В. И. Ленин был убежден, что нации, получившие полное право на самоопределение, в ходе социалистической революции неизбежно придут к идее о необходимости и даже неизбежности создания союза для совместного построения социализма. При этом не предполагалась какая-либо нивелировка национальных отличий, их искусственное объединение в «сверхнацию». Возможно, подобные рассуждения и прожекты носились в головах отдельных представителей большевистской партии, но ее руководство точно не ставило такой цели, по крайней мере в обозримом будущем. И здесь важно отметить, что самоопределение наций не означало передачу власти на местах национальной буржуазии (в большевистском определении). Именно такой подход во многом предопределил конфликты, в том числе вооруженные, с рядом политических группировок в национальных регионах.

Но еще более значимой, чем сами программные установки новой правящей партии, была атмосфера, установившаяся в среде большевистского руководства по отношению к различным национальностям. А такое отношение было однозначным и характеризовалось как резкое, категорическое неприятие любого шовинизма, особенно великорусского, и всяческое поощрение развития, как тогда было принято говорить, национальных окраин. По свидетельству Н. К. Крупской, являвшейся не только женой, но и наиболее духовно близким к вождю революции человеком, В. И. Ленин не мог спокойно вспоминать, как в его детстве и юности симбирская интеллигенция пренебрежительно и свысока говорила о любых других национальностях, кроме русской [20, с. 5]. По ее словам, именно тогда В. И. Ленин научился ненавидеть великорусский шовинизм.

Все сказанное относится к взглядам и подходам центрального руководства большевистской партии и молодого советского государства. Для решения белорусского вопроса принципиальной являлась позиция лидеров местных партийных организаций, прежде всего Северо-Западного областного комитета РСДРП(б). В этом плане весьма показательны серьезные изменения во взглядах В. Г. Кнорина на решение национального вопроса вообще и белорусского в частности. В первый революционный год он выступал с резкими нападками на любые попытки поднять белорусский вопрос. В одной из статей, опубликованных в газете «Звезда» в сентябре 1918 г., он утверждал, что «рабочий не имеет Отечества», а Отечество рабочего «там, где пролетариат ведет борьбу за свое освобождение, где кипит борьба его с мировым гигантом капитала» [21, с. 27]. Однако поспешным было бы представлять и самого В. Г. Кнорина, и его соратников по большевистскому обкому как ярых ненавистников белорусского народа, а уж тем более каких-либо великодержавных шовинистов. Последнее обвинение выглядит крайне несуразно по отношению к латышам В. Г. Кнорину и К. И. Ландеру, армянину А. Ф. Мясникову. Неприятие чрезмерной акцентуации национального вопроса и поспешности в самоопределении белорусов объяснялось двумя обстоятельствами: 1) необходимостью решения других, по мнению ряда большевиков, более актуальных вопросов революции, 2) опасением прихода к власти национальной буржуазии, которая бы просто заменила собой великорусскую буржуазию и аристократию. Вот как об этом говорил сам В. Г. Кнорин: «В Белоруссии революционное движение всегда было сравнительно слабо. Белоруссия носит на себе отпечаток некоторой культурной и экономической отсталости. И только счастливый случай, при котором началась революция, поставил ее в первом месте революционных окраин. Иначе ее бы ждала участь Украины, Грузии, Дона и т. д. В экономически отсталых странах пролетариат слаб, и вследствие этого мелкой буржуазии удается объявлять гегемонию националистических интересов над классовыми. То же делают белорусы» [21, с. 27]. По мнению минских большевиков, классовый принцип должен был господствовать над национальным, они недвусмысленно обвиняли сначала белорусских социалистов, а затем и белорусских большевиков в том, что они тянут в революцию «националистический хлам».

Показательно, что в 1920-е гг. В. Г. Кнорин выступал уже с позиций поддержки развития различных национальностей. По его мнению, пролетарское государство должно было не стремиться к ассимиляции отдельных наций, а, наоборот, способствовать

укреплению их самобытности, учитывать в своей политике их национальные, в том числе языковые, особенности. Означало ли это, что один из коммунистических вождей Беларуси просто подстроился под изменившуюся конъюнктуру? Вряд ли. «За 10 лет существования диктатуры пролетариата, – пояснял своим соратникам В. Г. Кнорин в 1927 г. собственные взгляды, – не только культурно окрепли слабо развитые ранее национальности, но и ряд племен, не осознававших себя до революции как нации, превратились в нации в настоящем смысле этого слова и приступили к созданию своей культуры» [21, с. 175]. То есть он был убежден в том, что в 1917 г. еще не сложились необходимые условия для более активного самоопределения наций, в результате целенаправленной национальной политики совсем другой стала ситуация в первое десятилетие советского строительства.

Не должно нас удивлять и то, что в 1917–1918 гг. позиции ЦК большевиков и Северо-Западного обкома РСДРП(б) серьезным образом расходились по вопросу национально-государственного развития Беларуси. В то время партия хотя и напоминала уже «орден меченосцев», но еще не представляла собой тот строго иерархиезированный отряд, каким она станет в сталинскую эпоху.

Первая попытка создания советской республики

Вопрос о самоопределении Беларуси время от времени обсуждался в руководстве РСДРП(б) на протяжении всего 1917 г. Происходило это главным образом в ходе общения с белорусами-делегатами Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Если верить воспоминаниям Е. С. Канчера, такие встречи с В. И. Лениным имели место уже в июле 1917 г. Тогда руководитель РСДРП(б) поддержал идею автономии Беларуси, заявив: «Беларусь может получить свое самоопределение только от той власти, которая будет находиться в руках большевиков»[1]. В ходе Октябрьской революции главным условием самоопределения народов бывшей Российской империи станет признание власти Советов и руководство национальным движением со стороны местных большевиков или идейно близких им социалистов.

Большевики готовы были пойти достаточно далеко в деле самоопределения народов. Для них страшна и неприемлема была единая и неделимая Россия, а вот ее развала они не боялись. Но лидеры РСДРП(б) не вполне ориентировались в национальных особенностях регионов, поэтому 29 октября 1917 г. при Наркомате по делам национальностей была образована этнографическая комиссия, куда вошли как ученые, так и советские деятели. В ее задачи входило определение границ национальных районов. Тогда же народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин заявил: «Если белорусы пожелают не республику, а лишь автономию, мы пойдем на это. Важно, чтобы во главе автономии были коммунисты и наши люди. Все равно большевики организуют Союз республик, и в нем Белоруссия займет место самостоятельного советского государства»[2]. Данная фраза приводится в изложении Е. С. Канчера, и сразу бросается в глаза термин «коммунисты», не очень свойственный для советской лексики конца 1917 г. Но сам Евгений Степанович приводил слова будущего «отца всех народов» по памяти много лет спустя, поэтому, конечно, в них могли закрасться неточности. А вот по сути это заявление полностью укладывалось в идеологическую доктрину большевизма. Уже в тот период большевики делали конкретные шаги в отношении суверенизации Финляндии, Украины, других национальных территорий.

В результате переговоров возникла идея создания Белорусской советской республики, которую должен был провозгласить съезд, представлявший широкие слои белорусских трудящихся и национальных организаций. Обсуждение принципиальных моментов будущего Беларуси произошло на заседании белорусской секции Всероссийского Совета крестьянских депутатов еще 11 ноября 1917 г. Предполагалось создать автономную Беларусь как советскую республику. Во главе нового государства должны были стоять Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Беларуси. Планировалось формирование белорусской армии в виде красных полков, введение всеобщей воинской повинности.

На основе этнографической карты академика Е. Ф. Карского были определены и границы Беларуси, включавшие полностью Минскую, Могилёвскую, Витебскую, Смоленскую губернии, Виленский, Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский, Свенцянский и Трокский уезды Виленской губернии, Гродненский, Брестский, Белостокский, Бельский, Волковысский, Кобринский, Пружанский, Слонимский, Сокольский уезды Гродненской губернии (всего 69 уездов)[3]. Новая национально-государственная автономия должна была гарантировать равноправие народов и языков, национальных меньшинств. Именно эти положения, а также хозяйственно-экономические, земельные, культурно-просветительские вопросы, отношение к правым политическим

[1]НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 33. Л. 31–33.
[2]НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 26. Л. 28.
[3]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 1656. Л. 68.

партиям планировалось внести в повестку дня Всебелорусского съезда.

Белорусские делегаты Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов сформировали Белорусский областной комитет (БОК). Он был крайне враждебно настроен к общественным и политическим организациям, действовавшим под руководством Великой Белорусской рады (ВБР), созданной в Минске в октябре 1917 г. на основе Центральной рады белорусских организаций. Об этом недвусмысленно говорилось в политической платформе, принятой БОК 12 (25) ноября 1917 г.: «9. Белорусское национальное движение, Белорусской развиваемое Великой Радой и входящими в ее систему организациями, считается буржуазным и ему объявляется революционная борьба. 10. Белорусская Великая Рада, объединяющая националистические элементы и пытающаяся захватить в свои руки власть, будучи буржуазной, не имеет права говорить от имени белорусских трудящихся и должна быть ликвидирована. 11. Для прекращения националистической контрреволюционной работы правых белорусских партий и организаций, Белорусский областной комитет ВСКД берет на себя организацию и направление белорусского национального движения, придав ему революционный и социалистический характер»[1].

Подобная идеология в целом соответствовала курсу, избранному новой советской властью. Поэтому вполне логичным оказалось развернувшееся сотрудничество между БОК, с одной стороны, и ВЦИК и Совнаркомом, с другой.

Хотя с центральными органами советской власти у БОК сложились деловые, партнерские отношения, того нельзя было сказать об Исполнительном комитете Западной области и фронта (Облискомзапе), взявшем на себя функции руководящего советского органа в Беларуси. Руководители БОК, не отрицая необходимости коалиции с большевиками, неприязненно относились к лидерам Северо-Западной областной организации РСДРП(б), считая их «узурпаторами», захватившими власть в крае, опираясь на ресурсы Западного фронта. Непосредственно перед созывом Всебелорусского съезда в БОК обсуждалась возможность отстранения Облискомзапа от властных рычагов. В частности, предлагалось сменить фронтовое руководство, назначив М. В. Фрунзе комиссаром Западного фронта с широкими полномочиями[2]. Насколько можно судить, эти вопросы ставились и на переговорах в Петрограде, по крайней мере с И. В. Сталиным. Они не нашли поддержки у советских лидеров. Те не собирались разменивать проверенных однопартийцев на новых, еще не показавших себя в деле союзников. Петроград делал ставку на создание региональной коалиции Северо-Западной областной организации РСДРП(б), Западной областной организации левых эсеров и БОК.

Возможность участия в советской коалиции представителей Белорусской социалистической громады (БСГ) поначалу даже не рассматривалась. И дело здесь не только в идеологических расхождениях, но и в реальной оценке влияния БСГ и других белорусских партий, которые находились на периферии политической жизни. Они не были представлены на территории Беларуси ни в Советах, ни в органах земско-городского самоуправления. Структуры партии в крае были малочисленны и плохо организованы. Минская организация БСГ насчитывала к сентябрю 1917 г. менее 100 членов, т. е. ниже уровня, необходимого для делегирования своего представителя в состав Минского Совета [22, с. 102]. Реальный политический вес БСГ и всего белорусского национального движения продемонстрировали выборы в Учредительное собрание. Список БСГ в трех белорусских округах и по Западному фронту получил в среднем 0,3 % голосов. Громаде не удалось провести своих делегатов в Учредительное собрание несмотря на то, что ее кандидаты выставлялись не только на территории Беларуси, но и в тех местах, где имелось значительное скопление белорусских беженцев. За все «белорусские списки», включая правые консервативные группировки, в целом было подано не более 30 тыс. голосов, а именно: за БСГ – 17 454 голоса, за Белорусский список Калужской губернии – 1067 [23, с. 4–7]. При этом численность самой БСГ в рассматриваемый период составляла 10 тыс. чел., а всех организаций, входивших в состав ВБР, координационного совета, объединявшего большинство белорусских национальных общественно-политических организаций, – 25 тыс. чел. То есть и БСГ, и прочие белорусские политические группы практически не имели поддержки среди населения, за них голосовали в основном только собственные члены.

Низкий авторитет БСГ и руководимой ею ВБР подтверждается и свидетельствами современников. Известный белорусский писатель и общественный деятель М. Горецкий впоследствии вспоминал, что даже весной 1918 г. был искренне убежден в том, что кроме него о «национальных делах» во всей его округе мало кто знает [24, с. 29].

Атмосферу, царившую в отношениях между БОК и ВБР, очень точно охарактеризовал сам Е. С. Канчер во время беседы с И. В. Сталиным, которая имела место приблизительно в конце ноября 1917 г. Народный комиссар поинтересовался у своего собеседника, есть ли в БОК представители белорусских национальных партий, на что тот ответил: «Нет ни одного и не было. Их нет и не было нигде, ни в местных, ни в центральных Советах. Они нас

[1] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 1656. Л. 70.
[2] НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 31. Л. 2.

считают чужинцами, а мы их считаем шляхтою без кавычек, агентами клерикалов, помещиков и буржуазии и в лучшем случае – национал-шовинистами. Им с нами не по дороге. Это национальная кукла номер второй, с которой вам придется бороться» [25, с. 96]. Под номером первым в данном случае имелась в виду Украинская Центральная рада, представлявшая тогда одну из самых болезненных для большевиков политических проблем.

Встреча народного комиссара по делам национальностей И. В. Сталина с группой белорусских делегатов (примерно 70 человек), представлявших Всероссийский крестьянский Совет, состоялась 5 декабря 1917 г. В ходе встречи был затронут вопрос о необходимости созвать в ближайшее время «краевой съезд крестьянских депутатов в целях укрепления Советской власти в Белоруссии»[1]. И. В. Сталин от имени Совнаркома одобрил эту идею и согласился всесторонне ее поддерживать, сформулировав при этом основные принципы возможного сотрудничества, сводившиеся к желательности формирования советской власти в Беларуси на основе компромисса между Облискомзапом и БОК. Именно на таких условиях и стал возможным созыв Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. Более того, для организации съезда из казны была выделена денежная субсидия в размере 50 тысяч рублей[2].

Необходимо обратить внимание на дату встречи И. В. Сталина и представителей БОК. Именно в начале декабря завершались переговоры большевиков и левых эсеров о создании советской правительственной коалиции. Это совпадение, очевидно, не случайно. БОК, находившийся под влиянием левых неонародников и действовавший при Всероссийском Совете крестьянских депутатов, в котором левые эсеры играли ведущую роль, сумел уловить удачный политический момент. Для большевиков сотрудничество с довольно многочисленной группой белорусской депутатов также было выгодно для укрепления позиций. Для РСДРП(б), сделавшей ставку прежде всего на солдатские и, во вторую очередь, рабочие массы, был важен каждый голос в среде крестьянских депутатов.

Сведения Е. С. Канчера о решающей роли БОК в организации Всебелорусского съезда подтверждаются и другими источниками. «Известия», официальный орган советской власти, 6 декабря 1917 г. сообщили о встрече товарища председателя БОК Ф. М. Короткевича с И. В. Сталиным, в ходе которой обсуждалась инициатива «областников» по совместной работе в Наркомнаце. Была также достигнута принципиальная договоренность о создании Белорусского отдела при Наркомнаце во главе с Ф. М. Короткевичем и В. С. Селивановым[3]. Ни о БСГ, ни о ВБР в статье не упоминалось.

Имеются достаточные основания утверждать, что достичь окончательного компромисса «областникам» и «радовцам» так и не удалось. Собравшийся в Минске съезд был ознаменован борьбой между представителями ВБР и БОК. Противоречия между этими двумя организациями 7 и 12 декабря 1917 г. перешли в открытую форму и едва не закончились срывом Всебелорусского съезда [26, с. 68; 27; 28, с. 62; 29].

Облискомзап и Северо-Западный областной комитет РСДРП(б), ясно понимая угрозу своей власти, определили четкую тактику, направленную на срыв Всебелорусского съезда. Однако поддержка съезда из Петрограда не позволила Облискомзапу пойти на решительные меры сразу. Находившийся в столице В. Г. Кнорин пытался переменить точку зрения петроградских руководителей на ситуацию в Беларуси, выставить БСГ и другие белорусские партии «соглашательскими», выступавшими против советской власти. Также резкие оценки давались и БОК. Облискомзап запретил до 20 декабря 1917 г. проведение любых собраний и съездов на территории области. Из-за подобной позиции БОК даже предполагал изначально провести съезд в Рогачёве, подальше от Минска, где располагались областные структуры [30, с. 147]. По свидетельству Е. С. Канчера, сам Л. Д. Троцкий довольно недоброжелательно относился к национальным движениям, считая, что они препятствуют делу большевистской партии. В частности, одному из вождей Октябрьской революции он приписывает такие слова: «Вы, белорусы, или украинцы, не мешайте нам завершить пролетарскую революцию»[4].

Попытку примирить стороны предпринял И. В. Сталин, заинтересованный как народный комиссар по делам национальностей в урегулировании белорусского вопроса. Не ранее 5 и не позднее 7 декабря 1917 г. в Смольном прошла встреча И. В. Сталина с А. Ф. Мясниковым, В. Г. Кнориным, Е. С. Канчером. В ходе встречи представители Западной области отказались дать гарантию в охране съезда, но заверили, что не предпримут насильственных действий в его отношении. Минские большевики также подтвердили свою позицию о недопустимости передачи власти в Западной области от Облискомзапа какому-либо другому органу до окончания мирных переговоров в Бресте и созыва Учредительного собрания, сославшись при этом на мнение Л. Д. Троцкого[5]. Однако в результате давления со стороны Совнаркома и ЦК РСДРП(б)

[1]НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 21. Д. 2533. Л. 6.
[2]НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 26. Л. 28.
[3]НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 755. Л. 13.
[4]НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 27. Л. 25.
[5]НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 27. Л. 35–36.

руководство Северо-Западной областной организации и Облискомзапа вынуждено было пойти на уступки. В Минске 8–10 декабря 1917 г. состоялись очередные переговоры представителей Облискомзапа и БОК, результатом которых стало соглашение об участии 10 делегатов с правом решающего голоса от Облискомзапа в работе Всебелорусского съезда. Кроме того, руководство Западной области обязывалось обеспечить безопасность съезда с 15 по 25 декабря, выделить для его работы помещение, питание и транспорт. Представители Облискомзапа должны были выступить на съезде с рядом докладов о положении в крае. Соглашение 10 декабря 1917 г. было одобрено председателем СНК В. И. Лениным, председателем ВЦИК Я. М. Свердловым и наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным[1].

Достигнутое соглашение вовсе не означало, что руководство Западной области было готово пойти на признание решений Всебелорусского съезда и переформировать исполнительные структуры советской власти в крае, допустив в них белорусские революционно-демократические силы. Дальнейшие события показали, что минские большевики, зная настроения в среде белорусских национал-демократов, собирались использовать любую возможность для дискредитации съезда в глазах центральных советских органов, чтобы получить санкцию на его разгон или как минимум непризнание принятых решений.

Попытка сторонников ВБР и БСГ провести съезд в Минске своими силами полностью провалилась. Предполагалось, что волостные земства направят по 1 делегату, уездные земства – по 2, городские самоуправления – по 1, губернские и уездные союзы кооперации – по 1, окружные органы профессиональных союзов (железной дороги, почты, телеграфа и др.) должны были выбрать своих представителей сообразно числу своих членов по расчету «приблизительно один представитель от 2000 белорусов». Белорусские политические, культурные и беженские организации посылали своих представителей согласно уставу, утвержденному на сессии ВБР. Балтийский и Черноморский флоты выбирали по 1 делегату-белорусу от бригады и дивизии. Такое же представительство устанавливалось и для Юго-Западного фронта. От Северного, Западного и Румынского фронтов направлялись члены Центральной белорусской войсковой рады (ЦБВР). Корпусные и дивизионные корпусные рады делегировали по 1 представителю [31, с. 1]. Однако 5 декабря 1917 г. вместо ожидаемых 900 делегатов в Минске собралось всего 300 человек [32, с. 1]. В результате это собрание было объявлено всего лишь совещанием, а не съездом. Но уже 7 декабря делегаты, опасаясь того, что представители БОК перехватят у них инициативу, решили объявить свое собрание полномочным съездом, что, однако, не было признано другими белорусскими политическими организациями, а также органами советской власти. Тем не менее Облискомзап не предпринял никаких мер к разгону съезда, одновременно продолжая свои провокационные действия. Любопытно, что даже по отношению к исполкому ЦБВР, который самовольно распорядился занять здание губернского присутствия для нужд съезда и объявил губернскую типографию национальной собственностью, не было предпринято никаких карательных санкций. Совнарком Западной области и фронта ограничился лишь грозным внушением, опубликованным в советской прессе.

Более того, 13 декабря 1917 г. в газете «Советская правда», официальном печатном органе Облискомзапа, вышла статья «К белорусскому съезду». В ней сообщалось, что съезд начнет свои заседания 15 декабря, когда в Минск съедутся все члены учредительного собрания, избранные в белорусских губерниях. В статье содержалось весьма любопытное заявление: «В работах белорусского съезда приглашены принять участие все партии и представительства в Белоруссии без исключения. Объявление Белорусской республики ожидается к 15–16 декабря» [33, с. 2].

Но это был кажущийся нейтралитет. Облискомзап избрал курс на срыв съезда путем провокаций с целью принудить делегатов к антисоветским заявлениям и действиям. А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин и их соратники, зная неоднозначное отношение ВБР к советской власти и Петроградским событиям 25 октября 1917 г., выраженное в «Грамоте к белорусскому народу», предполагали, что на съезде, собранном при участии этой организации, будут предприняты какие-либо иные антисоветские шаги. Учитывая резкое осложнение отношений Петрограда с Украинской Центральной радой, это могло послужить в глазах всероссийского СНК достаточным поводом для роспуска съезда.

Е. С. Канчер в своих воспоминаниях приводит данные, которые в настоящий момент трудно верифицировать. Тем не менее эти сведения (пусть пока и сомнительного характера) нельзя не упомянуть. В ходе его личной беседы с А. Ф. Мясниковым была достигнута договоренность о том, что съезд выберет из своей среды Всебелорусский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который вместе с Облискомзапом составит новый ЦИК Советов Беларуси. При этом Совнарком Западной области сохранит свою власть до организации «Советской Автономной Белоруссии». ЦИК Советов Беларуси должен был созвать II Всебелорусский съезд не позже 15 января 1918 г. Предусматривался и созыв III съезда, на этот раз для принятия кон-

[1] НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 27. Л. 39–40.

ституции [25, с. 74.]. Подобные вопросы могли обсуждаться на переговорах. А вот к какому решению пришли стороны? И пришли ли вообще? Пока на эти вопросы нет ответа. Как справедливо отмечает Г. Г. Лазько, «исследование вопроса о разгоне Всебелорусского съезда усложняется фрагментарностью, а в ряде случаев и противоречивостью источников» [34, с. 5].

Во всяком случае Облискомзап пошел на то, что дал добро на созыв Всебелорусского съезда. Но руководство Западной области и фронта пыталось использовать «левое течение съезда» для обструкции остальных делегатов. Главнокомандующий Западным фронтом А. Ф. Мясников направил лидерам большевистско-левоэсеровской части съезда следующую телеграмму: «Сообщите товарищам, чтобы на съезде белорусов Рады они произвели переворот умов, раскол и выяснили буржуазность ее. Это требуется» [35, с. 4].

Согласно сохранившейся части анкет участников съезда, 367 делегатов представляли социалистические партии и близкие к ним профсоюзные организации, из которых большевиков насчитывалось 33 человека, левых эсеров – 57, а сочувствующих эсерам и большевикам – также 57 [36, с. 202]. Фракция «левого течения съезда» объединяла 118 делегатов [37, с. 361]. В состав фракции входили большевики, левые эсеры, представители левого течения БСГ, левые социал-демократы и анархисты[1]. О влиянии фракции на съезд может говорить тот факт, что принятая фракцией «Резолюция о власти» впоследствии практически полностью вошла в соответствующие пункты итоговой резолюции съезда[2]. Но левые, отстаивая принципы советской власти, отказывались признать Облискомзап легитимным органом.

На данный момент мы можем констатировать, что левые, представители революционно-демократического лагеря, преимущественно социалисты, составляли большинство на Всебелорусском съезде. При этом вопрос о соотношении большевиков, близких к ним левых эсеров, анархистов, а также разного рода сочувствующих, с одной стороны, и членов БСГ и других политических и общественных организаций, входивших в состав ВБР, с другой, остается открытым.

Минские лидеры большевиков решили напрямую использовать своих представителей на съезде для создания провокационных ситуаций. Уже в первый день работы делегатов съезда, 5 декабря, в зале заседаний были замечены 10 человек, стремившихся дезорганизовать работу съезда [26, с. 68]. Показательно, что приведенная численность провокаторов совпадает с количеством представителей Облискомзапа, которые должны были принять участие в работе съезда. Выступавшие на пленарном заседании съезда 7 декабря 1917 г. большевики Л. П. Резаусский и С. Берсон, представлявшие Облискомзап, произнесли провокационные, оскорбительные речи, едва не вызвавшие драку [27, с. 50]. Витебский большевик 14 декабря выступил с заявлением о том, что «белорусский национальный вопрос – затея буржуазии» [28, с. 67]. Во время своего выступления в тот же день О. Л. Дыло, представлявший фракцию социалистического блока, с тревогой отметил, что существуют «темные силы», которые стараются использовать возникшие на съезде противоречия для его срыва [28, с. 63]. Другие делегаты также неоднократно подчеркивали, что вокруг съезда плетутся интриги и в зале присутствуют провокаторы.

Полноценную работу Всебелорусский съезд начал 15 декабря 1917 г. Большинство исследователей приводят сведения о 1872 делегатах, из которых 1167 имели право решающего голоса. Именно такие данные впервые были приведены газетой «Белорусская рада», официальным органом Исполнительного комитета ЦБВР, 13 января 1918 г. Однако в источниках встречаются и другие цифры, а также данные, которые позволяют поставить под сомнение степень участия различных делегатов в работе съезда. Так, в январе 1918 г. делегаты Витебского губернского съезда рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов приняли специальное заявление, в котором отметили, что из 196 волостей Витебской губернии на съезде в Минске присутствовали делегаты только от 51 волости. При этом большинство витебских делегатов «по выяснению явно контрреволюционной физиономии белорусского съезда ушло с него»[3].

Облискомзап заранее готовил пропагандистское обоснование разгона съезда. Видимо, эта работа не прекращалась все время работы съезда с 5 по 15 декабря 1917 г. В телеграмме Совнаркому, Наркомнацу, ВЦИК, редакции газеты «Правда» по поводу разгона Всебелорусского съезда председатель Совнаркома Западной области и фронта К. И. Ландер хотя и констатировал очевидный факт признания съездом всероссийской советской власти, излагал искаженную информацию. Он утверждал, что съезд прошел «под влиянием шовинистических националистических элементов», а «под флагом белорусского национального движения» якобы нашли приют кадеты[4]. Частично сохранившиеся протоколы съезда, воспоминания его участников и очевидцев позволяют однозначно опровергнуть эти доводы

[1]НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 748. Л. 14–17.
[2]НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–11.
[3]НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 755. Л. 15.
[4]НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 748. Л. 26.

Облискомзапа. Ни один из них не соответствовал действительности.

На самом деле итоговая резолюция Всебелорусского съезда, принятая в ночь с 17 на 18 декабря, по сути своей была просоветской. Делегаты провозгласили республиканский строй на территории Беларуси «для спасения родного края и ограждения его от раздела и отторжения от Российской демократической Республики» [29, с. 57]. Участники съезда признавали всероссийскую советскую власть и постановили делегировать белорусских представителей в центральные советские органы. Однако съезд игнорировал существовавший в Минске Облискомзап как высший орган советской власти на территории Беларуси: «1-й Всебелорусский съезд постановляет: немедленно образовать из своего состава власть в лице Всебелорусского Совета Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов, который временно становится во главе управления краем, вступая в деловые отношения с центральной властью, ответственной перед Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов» [29, с. 57]. Кроме того, в ближайшее время предполагалось созвать второй Всебелорусский съезд и Белорусское Учредительное собрание для решения наиболее важных вопросов края. Это явилось приговором съезду. Не постановка на повестку дня национального вопроса, не споры вокруг символики, а именно наиболее конкретный вопрос о власти. Облискомзап не мог терпеть конкурентов и отреагировал мгновенно. Еще в ходе чтения резолюции в зал вошел комиссар по военным делам Облискомзапа М. И. Кривошеин и объявил о роспуске съезда. Голосование по резолюции проходило уже в момент разгона и было единогласным. М. И. Кривошеин и его вооруженная охрана задержали 27 участников съезда [38, с. 4].

В сентябре 1919 г. в официальном органе ЦК КП(б)Б «Звезда» вышла программная статья «Восемь месяцев Советской Белоруссии», в которой содержался ретроспективный обзор не только периода существования БССР, но и предшествующего революционного этапа. В ней признавалось, что на съезде присутствовало 1167 делегатов с решающим голосом и 705 – с совещательным. Указывалась и подлинная причина разгона съезда – борьба за власть внутри самого советского политического лагеря: «Но его работы закончились принятием резолюции об организации национально-белорусской "советской власти", фактически о передачи всей власти выделенному этим съездом Исполнительному комитету» [39, с. 3]. Председатель Совнаркома Западной области К. И. Ландер выписал на имя Л. П. Резаусского ордер на бланке комиссариата внутренних дел от 17 декабря 1917 г. № 1425, в котором ставилась конкретная задача: «Оцепить здание, где происходит заседание Белорусского съезда, арестовать президиум съезда, а равно избранный им орган краевой власти, отозвать со съезда товарищей большевиков и стоящих на очке зрения Советской власти, и самый съезд объявить распущенным» [39, с. 3].

Среди последствий роспуска Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. можно выделить краткосрочные и долгосрочные. К краткосрочным, которые оказывали влияние на политическую жизнь в течение нескольких месяцев, следует отнести срыв провозглашения Белорусской советской республики, временную консолидацию центра и правого крыла БСГ, а также ускорение большевизации левой части БСГ, стремившейся заполнить нишу «белорусского большевизма», оформив таким образом течение белорусского национального движения на советской платформе. Долгосрочные последствия сказывались на развитии политического процесса в Беларуси на протяжении нескольких лет. К ним можно отнести: разрыв большевиков с белорусскими национально-демократическими силами, прежде всего с БСГ, формирование у членов Облискомзапа своеобразного «комплекса неприятия белорусского вопроса», который проявлялся в крайне болезненном отношении «областных коммунистов» к попыткам создания белорусской советской государственности. Любые такие поползновения воспринимались Облискомзапом как непосредственная и серьезная угроза его власти. Роспуск Всебелорусского съезда обозначил и стремительное изменение тактики Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) по отношению к прочим политическим силам: отныне насильственные методы борьбы с оппонентами даже в революционно-демократическом лагере становятся вполне употребимыми.

Довольно распространенным является мнение, согласно которому Всебелорусский съезд был распущен по причине своего настроя на создание независимой Белорусской республики. Подобные взгляды в концентрированном виде отразил Л. М. Лыч: «Выступление все же довольно значительной части делегатов Первого Всебелорусского съезда за независимое национально-государственное развитие Отечества послужило основной причиной его разгона Советом народных комиссаров Западной области и фронта, занимавшим иную позицию по данному вопросу» [40, с. 141]. Однако приведенные выше факты опровергают такое суждение. Камнем преткновения, приведшим к конфликту, стал вопрос о власти. Кстати сказать, когда распределение властных полномочий будет завершено, а советская политическая система оформится и стабилизируется, и А. Ф. Мясников, и В. Г. Кнорин включатся в работу по национально-государственному строительству в Беларуси. А. Ф. Мясникову придется еще и поруководить в Закавказье, основываясь все на тех же принципах советской национальной

политики, против которых он вроде бы поначалу возражал.

Любопытно, что даже после разгона Всебелорусского съезда сами белорусские революционно-демократические силы не собирались порывать с советской властью. Наоборот, белорусские представители стремились заручиться поддержкой центральных советских органов в своем противостоянии с Облискомзапом. Так, 21 декабря 1917 г. во ВЦИК обратилась Белорусская социал-демократическая рабочая партия (БСДРП) с просьбой предоставить одно-два места в его составе для своих представителей. В обращении особо подчеркивалось, что эта молодая политическая партия стоит «на общедемократической платформе признания Советской власти»[1]. А через считанные дни, 3 января 1918 г., с такой же просьбой во ВЦИК обратилась уже БСГ[2]. Сам факт таких обращений свидетельствует о том, что в этот период все основные политические силы Беларуси признавали легитимность советских органов. Более того, они конкурировали в борьбе за их благосклонность, рассчитывая использовать властный ресурс Петрограда для реализации своих программных целей. В этом плане показателен ответ Президиума ВЦИК. Просьба БСДРП была удовлетворена – партии предоставили одно место во ВЦИК, а БСГ категорически отказали. Причем в этом решении оказались единодушны и большевики, и левые эсеры. Союзники по правительственной коалиции были полны решимости идти на сотрудничество по национальному вопросу только с так называемыми попутчиками, т. е. теми политическими партиями и группами, которые безоговорочно поддерживали советскую власть, а также были идеологически близки. Подобные условия в дальнейшем позволили бы либо растворить их внутри самих правящих партий, либо выступать единым фронтом в назревавшей острой фазе политического противостояния.

С точки зрения борьбы за власть действия Облискомзапа, окончившиеся разгоном Всебелорусского съезда, не только не были ошибочными, но являлись в тех условиях почти неизбежными. Безусловно, разгон съезда поставил под сомнение возможность сотрудничества различных партий на советской основе. Но это не было самоцелью для большевиков. Реализация решений съезда означала бы утрату Облискомзапом и стоявшим за ним Северо-Западным областным комитетом РСДРП(б) монополии на власть. И это объективно вынуждало их предпринимать самые жесткие шаги по ликвидации этой угрозы, что они с успехом и осуществили. В итоге III Всероссийский съезд Советов (10–18 января 1918 г.) признал Белорусскую раду «самозванной организацией», «не опирающейся на трудовые массы Белоруссии» [41, с. 87]. Это решение зафиксировало фактическое выведение значительной части белорусского национального движения за рамки советской системы.

Как уже отмечалось, одним из последствий разгона Всебелорусского съезда стало ускорение большевизации левой части белорусского национально-демократического движения. Этот процесс начался еще летом 1917 г. в Московской и Петроградской организациях БСГ, объединявших до трети всех членов партии. На III съезде БСГ (14–25 октября 1917 г.) левая часть партии во главе с А. Г. Червяковым и Д. Ф. Жилуновичем выступила против коалиции с правыми национальными социалистами, прежде всего украинскими. В свою очередь, сторонники этого курса в лице А. Л. Бурбиса обвинили «левых» в поддержке кандидатов-большевиков на выборах в Учредительное собрание. Большинство участников съезда, стоявшее на правых и центристских позициях, отказалось ввести в состав нового ЦК представителей Петроградской организации [42, с. 76]. Данное решение привело к фактическому расколу партии. Вероятно, в октябре 1917 г. начался процесс создания БСДРП, близкой по своей идеологии к большевикам. Однако некоторое время БСДРП и левое течение БСГ не были четко структурированы между собой в организационном плане. Так, лидер БСДРП А. Г. Червяков вплоть до декабря 1917 г. являлся заместителем председателя Петроградской организации БСГ[3].

Тем временем руководство РСДРП(б) и Совнаркома хотя и не пошло на публичное осуждение насильственных действий Облискомзапа, крайне резко отреагировало на самовольные действия своих товарищей. И. В. Сталин немедленно связался с Минском и потребовал освобождения задержанных. Это было исполнено. Петроград настаивал также на скорейшем проведении Второго съезда, однако Облискомзап на протяжении всего января уклонялся от данного решения. Давление из центра было так сильно, что в Минске вынуждены были начать работу к такому созыву. Прервало ее начавшееся 18 февраля немецкое наступление.

Совнарком даже в этих сложных военно-политических обстоятельствах не отказался от идеи создания Белорусской советской республики. Как можно судить по имеющимся источникам, это была одна из главных задач, стоявших перед вновь созданным в январе – феврале 1918 г. Белорусским национальным комиссариатом (Белнацком) при Наркомнаце Советской России.

Сам процесс создания новой республики в будущем не только был тесно связан с общим советским

[1]ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 32. Д. 11. Л. 20.
[2]ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 32. Д. 12. Л. 5.
[3]БГАМЛИ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

строительством в стране, но и в буквальном смысле происходил одновременно с коммунистическим партийным строительством в Беларуси. Еще до начала освобождения территории края от немецких оккупантов, осенью 1918 г., заметно активизировался процесс институционализации белорусского коммунистического движения. Организатором этого процесса выступал Белнацком, действовавший в Москве. Нужно отметить, что у комиссариата складывались не просто напряженные, а откровенно враждебные отношения с Облискомзапом и Север-Западным комитетом РКП(б). И все же в октябре 1918 г. была оформлена белорусская секция при Московском городском комитете РКП(б)[1]. Ее костяком стала большевистская фракция самого Белнацкома.

Инициатива создания Белорусского советского государства исходила от коммунистов. В Москве 21–23 декабря 1918 г. состоялась конференция белорусских секций РКП(б), которая признала необходимым создание Временного рабоче-крестьянского правительства Беларуси, избрало Центральное бюро (ЦБ) белорусских секций во главе с Д. Ф. Жилуновичем[2]. Несмотря на отрицательное отношение А. Ф. Мясникова, В. Г. Кнорина и других партийных и советских лидеров Западной области к вопросу национального самоопределения Беларуси, ЦК РКП(б), учитывая предложение ЦБ белорусских секций и Белнацкома, 24 декабря 1918 г. принял решение провозгласить независимость и государственный суверенитет БССР. В результате консультаций 25–27 декабря 1918 г. представителей Белнацкома, ЦБ белорусских секций РКП(б) и Северо-Западного обкома РКП(б) было решено сконструировать правительство Советской Беларуси, определены ее примерные границы и установлен порядок оформления руководящего партийного центра Беларуси, а также его права [43, с. 148].

Большевистская стратегия в отношении белорусской государственности отражала в целом национальную политику правящей партии. По сути, она предполагала решение национального вопроса в России в два этапа. Во-первых, следовало предоставить нациям возможность самим определиться, как они желают видеть свое будущее. Во-вторых, образовавшиеся республики должны были объединиться в союз на социалистической и советской основе. Борьба большевиков со своими политическими оппонентами в среде национальных движений вовсе не означала неприятие права наций на самоопределение, а лишь отражала стремление к наиболее полному претворению в жизнь своей революционной программы.

Опыт национально-государственного строительства в Беларуси после победы большевиков и установления советской власти может привести нас к весьма любопытному и на первый взгляд парадоксальному выводу. По сути, только благодаря оформившемуся в результате победы большевиков авторитаризму удалось решить белорусский нацио-нальный вопрос. Демократическим путем он был неразрешим. Политические партии и группы, которые ставили проблему оформления белорусской государственности, будь то в форме автономии или полностью самостоятельного образования, не могли заручиться поддержкой сколько-нибудь значимого количества избирателей. В кругу политических сил края они неизменно оказывались в меньшинстве. Белорусская государственность оказалась реально осуществимой только на советской основе, что и доказала история нашей страны в XX в.

Библиографические ссылки

1. *Игнатенко И. М.* Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск : Навука і тэхніка, 1992.
2. *Сташкевич Н. С.* Трудный путь белорусской государственности // Беларус. думка. 2008. № 1. С. 28–33.
3. *Круталевич В. А.* История Беларуси. Становление национальной державности (1917–1922 гг.). Минск : Право и экономика, 1999.
4. *Козляков В. Е.* Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (На материалах России, Беларуси, Украины). Минск : БГТУ, 2001.
5. *Рудовіч С.* Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. Минск : НВК «Тэхналогія», 2001.
6. *Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І.* На пераломе эпох. Станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.). Мінск : БДУ, 1999.
7. *Борисёнок Ю. А.* На крутых поворотах белорусской истории. Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М. : ООО «Родина МЕДИА», 2013.
8. *Лазько Р. Р.* Белнацкам і Наркамнац: першы прыкры вопыт узаемаадносін (студзень – чэрвень 1918 г.) // Беларус. гіст. часоп. 2012. № 2. С. 4–15.
9. *Лазько Р. Р.* Палітыка Савецкай Расіі ў дачыненні да Беларусі ў святле нацыянальнай праграмы партыі бальшавікоў (кастрычнік 1917 г. – пачатак 1919 г.) // Беларус. гіст. часоп. 2012. № 7. С. 3–11.
10. *Лазько Р. Р.* Пачатак бальшавіцкай нацыянальнай палітыкі // Беларус. гіст. часоп. 2013. № 12. С. 5–10.
11. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2011.

[1]ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 23. Д. 33. Л. 4 об.
[2]НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 86.

12. *Лазько Р.* Самавызначэнне, прыпыненае гвалтам (да пытання аб разгоне Усебеларускага з'езда 1917 года) // Беларус. гістар. часопіс. 2016. № 4. С. 5–10.
13. *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Сочинения : в 13 т. М. : Госполитиздат, 1949–1954. Т. 2. С. 290–367.
14. *Сталин И.* Против федерализма // Сочинения : в 13 т. М. : Госполитиздат, 1949–1954. Т. 3. С. 23–28.
15. *Сталин И.* Политика правительства по национальному вопросу // Сочинения : в 13 т. М. : Госполитиздат, 1949–1954. Т. 4. С. 225–229.
16. *Троцкий Л.* Сочинения. М. : Госиздат, 1917. Ч. 2 : От Октября до Бреста. [Б.г.].
17. *Ленин В. И.* Воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!» // Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1958–1965. Т. 35. С. 11.
18. *Ленин В. И.* Речь на Первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1958–1965. Т. 35. С. 112–118.
19. Декреты Советской власти : в 13 т. М. : Политиздат, 1957–1989. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.
20. *Крупская Н. К.* Аб нацыянальнай і інтэрнацыянальнай культуры / пер. з рус. мовы А. Д. Уолоб. [Б.м.], 1927.
21. *Кнорин В. Г.* Избранные статьи и речи. Минск : Беларусь, 1990.
22. *Киржниц А.* Сто дней Советской власти в Белоруссии // Пролетар. революция. 1928. № 3. С. 61–130.
23. *Булат Б. В.* История выборов во Всероссийское Учредительное Собрание и Гражданской войны в России (1918–1922). Атлас. 3-е изд. СПб. : Нестор-история, 2016.
24. *Гарэцкі М.* Творы. Дзве душы: аповесць. Апавяданні. Жартаўлівы Пісарэвіч: п'еса. Літаратурная крытыка і публіцыстыка. Лісты. Мінск : Мастацкая літаратура, 1990.
25. *Канчер Е. С.* Из истории Гражданской войны // Беларус. думка. 2010. № 1. С. 92–97.
26. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка / прадм. і публ. В. Скалабана // Беларус. гіст. часоп. 1993. № 1. С. 62–69.
27. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка / прадм. і публ. В. Скалабана // Белар. гіст. часоп. 1993. № 2. С. 46–55.
28. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка/ прадм. і публ. В. Скалабана // Белар. гіст. часоп. 1993. № 3. С. 61–69.
29. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка / прадм. і публ. В. Скалабана // Белар. гіст.часоп. 1993. № 4. С. 50–62.
30. *Канчер Е. С.* Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов // Неман. 1993. № 1. С. 136–167.
31. Белорусская рада. 1917. 3 дек. С. 1.
32. Вольная Беларусь. 1917. 31 снеж. С. 1.
33. К белорусскому съезду // Сов. правда. 1917. 13 дек. С. 2.
34. *Лазько Р. Р.* Самвызначэнне, прыпынена гвалтам: (да пытання аб разгоне Усебеларускага з'езда 1917 года) // Беларус. гіст. часоп. 2016. № 3. С. 5–12.
35. Тайные документы // Белорус. земля. 1918. 1 марта. С. 4.
36. *Скалабан В.* «Хай ведаюць патомкі…»: Алесь Гарун – дэлегат і гісторык Усебеларускага з'езда 1917 г. // Роднае слова. 1997. № 8. С. 195–207.
37. *Игнатенко И. М.* Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции в Белоруссии (1917–1918 гг.). Минск : Изд-во Мин-ва высшего, сред. и профессионального образования БССР, 1962.
38. Разгон у ноч з 17 на 18 снежня Усебеларускага Зьезду // Вольная Беларусь. 1917. 21 снеж. С. 4.
39. Восемь месяцев Советской Белоруссии // Звезда. 1919. 24 сент. С. 3.
40. *Лыч Л.* Беларуская нацыянальная ідэя: тэарэтычны і практычны аспекты. Мінск : [б. в.], 2010.
41. Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг. : [Б. и.], 1918.
42. *Жылуновіч З.* Беларускія сэкцыі РКП і стварэньне Беларускай Савецкай Рэспублікі // Полымя. 1928. № 10. С. 73–93.
43. *Маргунский С. П.* Создание и упрочение белорусской государственности. 1917–1922. Минск : Акад. наук БССР, 1958.

References

1. Ignatenko I. M. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i samoopredelenie Belorussii* [October Revolution and Self-determination of Belarus]. Minsk : Navuka i tjehnika, 1992 (in Russ.).
2. Stashkevich N. S. [The difficult way of the Belarusian statehood]. *Belarus. dumka* [Belarusian thought]. 2008. No. 1. P. 28–33 (in Russ.).
3. Krutalevich V. A. *Istoriya Belarusi. Stanovlenie natsional'noi derzhavnosti (1917–1922 gg.)* [Belarusian history. Formation of national power (1917–1922)]. Minsk : Pravo i ekonomika, 1999 (in Russ.).
4. Kozlyakov V. E. *Natsional'nyi vopros i neonarodnicheskie partii. Nachalo XX v. – konets 20-kh gg. (Na materialakh Rossii, Belarusi, Ukrainy)* [The National Question and Non-human Parties. The Beginning of XX Century – the Late 20s (On the materials of Russia, Belarus, Ukraine)]. Minsk : BSTU, 2001 (in Russ.).
5. Rudovich S. *Chas vybaru: prablema samavyznachjennja Belarusi w 1917 g.* [Time to Choose: the Problem of Self-determination of Belarus in 1917]. Minsk : NVK «Tjehnalogija», 2001 (in Belarus.).
6. Ladysew U. F., Brigadzin P. I. Na peralome jepoh. Stanawlenne belaruskaj dzjarzhawnasci (1917–1920 gg.) [At the Turn of the Eras: the Belarusian Statehood (1917–1920)]. Minsk : BSU, 1999 (in Russ.).
7. Borisenok U. A. *Na krutykh povorotakh belorusskoi istorii. Obshchestvo i gosudarstvo mezhdu Pol'shei i Rossiei v pervoi polovine XX veka* [At the sharp turns of Belarusian history. Society and the state between Poland and Russia in the first half of the twentieth century]. Minsk : OOO «Rodina MEDIA», 2013 (in Russ.).

8. Laz'ko R. R. [Belarusian National Commissioner and People's Commissariat for Nationalities Affairs: First Unfortunate Experience of Relations (1918)]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 2012. No. 2. P. 4–15 (in Belarus.).

9. Laz'ko R. R. [Soviet Russia's Policy Towards Belarus in the Light of the National Program of the Bolshevik Party (1917–1919)]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 2012. No. 7. P. 3–11 (in Belarus.).

10. Laz'ko R. R. [The beginning of the Bolshevik national policy]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 2013. No. 12. P. 5–10 (in Belarus.).

11. Kavalenja A. A. (ed.). *Gistoryja belaruskaj dzjarzhawnasci w kancy XVIII – pachatku XXI st.* [The History of the Belarusian Statehood in the Late XVIII and Early XXI Century]. Minsk : Belaruskaja navuka, 2011 (in Belarus.).

12. Laz'ko R. R. [Self-determination, Suspended violence (the Question of Overclocking the All-Belarusian Congress in 1917)]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 2016. No. 4. P. 5–10 (in Belarus.).

13. Stalin I. V. [Marxism and the national question]. *Compositions* : in 13 vol. Moscow : Gospolitizdat, 1949–1954. Vol. 2. P. 290–367 (in Russ.).

14. Stalin I. [Against Federalism]. *Compositions* : in 13 vols. Moscow : Gospolitizdat, 1949–1954. Vol. 3. P. 23–28 (in Russ.).

15. Stalin I. [Government policy on the national question]. *Compositions* : in 3 vols. Moscow : Gospolitizdat, 1949–1954. Vol. 4. P. 225–229 (in Russ.).

16. Trotskii L. [Compositions]. Moscow : Gosizdat, 1917. Part 2 : From October to Brest.

17. Lenin V. I. [Appeal «Workers, soldiers and peasants!»]. *Complete works* : 55 vols. 5th ed. Moscow : Gospolitizdat, 1958–1965. Vol. 35. P. 11 (in Russ.).

18. Lenin V. I. [Speech at the First All-Russian Congress of the Navy November 22 (December 5), 1917]. *Complete works* : 55 vols. 5th ed. Moscow : Gospolitizdat, 1958–1965. P. 112–118 (in Russ.).

19. [Decrees of Soviet power] : in 13 vols. Moscow : Gospolitizdat, 1957–1989. Vol. 1 : 25 October 1917 – 16 March 1918 (in Russ.).

20. Krupskaya N. K. [On the National and International Culture]. 1927 (in Belarus.).

21. Knorin V. G. [Selected Articles and Speeches]. Minsk : Belarus, 1990 (in Russ.).

22. Kirzhinits A. [One Hundred Days of Soviet Power in Belarus]. *Proletarskaya revolyutsiya* [The Proletarian Revolution]. 1928. No. 3. P. 61–130 (in Russ.).

23. Bulat B. V. *Istoriya vyborov vo Vserossiiskoe Uchreditel'noe Sobranie i Grazhdanskoi voiny v Rossii (1918–1922). Atlas* [The History of Elections to the All-Russian Constituent Assembly and the Civil War in Russia (1918–1922). Atlas]. Saint-Petersburg : Nestor-Istoriya, 2016 (in Russ.).

24. Garjecki M. [Works. Two Souls: story. Stories. Humorous Pisarevich: Play. Literary Criticism and Journalism]. Minsk : Mastackaja litaratura, 1990 (in Russ.).

25. Kancher E. S. [From the History of the Civil War]. *Belaruskaja dumka* [Belarusian thought]. 2010. No. 1. P. 92–97 (in Russ.).

26. [All-Belarusian Congress 1917]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 1993 No. 1. P. 62–69 (in Belarus.).

27. [All-Belarusian Congress 1917]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 1993. No. 2. P. 46–55 (in Belarus.).

28. [All-Belarusian Congress 1917]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 1993. No. 3. P. 61–69 (in Belarus.).

29. [All-Belarusian Congress 1917]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 1993. No. 4. P. 50–62 (in Belarus.).

30. Kancher E. S. [From the history of public, national and revolutionary movements of Belarusians]. *Neman.* 1993. No. 1. P. 136–167 (in Russ.).

31. The Belarusian Parliament. 1917. 3 Dec. P. 1 (in Russ.).

32. Free Belarus. 1917. 31 Dec. P. 1.

33. [To the Belorussian Congress]. *Sov. pravda* [Soviet truth]. 1917. 13 Dec. P. 2 (in Russ.).

34. Laz'ko R. R. [Self-determination, Suspended Violence: (to the Question of Overclocking the All-Belarusian Congress 1917)]. *Belarus. gistar. chasopis* [Belarusian Historical Journal]. 2016. No. 3. P. 5–12 (in Belarus.).

35. [Secret documents]. *Belorus. zemlya* [The Belarusian Land]. 1918. 1 March. P. 4 (in Russ.).

36. Skalaban V. [«Let Let It Be Known by Descendants…»: Ales Garun – Delegate, and the All-Belarusian Congress Historian 1917]. *Rodnae slova* [Native Word]. 1997. No. 8. P. 195–207 (in Belarus.).

37. Ignatenko I. M. Bedneishee krest'yanstvo – soyuznik proletariata v bor'be za pobedu Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii v Belorussii (1917–1918 gg.) [The Poorest Peasantry is an Ally of the Proletariat in the Struggle for the Victory of the October Socialist Revolution in Belarus (1917–1918)]. Minsk : Izd. Ministerstva vysshego, srednego i professional'nogo obrazovaniya BSSR, 1962 (in Russ.).

38. [Dispersal in the Night of 17 on December 18 the All-Belarusian Congress]. *Vol'naya Belarus'* [Free Belarus]. 1917. 21 Dec. P. 4 (in Russ.).

39. [Eight Months of Soviet Belarus]. *Zvezda*. 1919. 24 Sept. P. 3 (in Russ.).

40. Lich L. *Belaruskaja nacyjanal'naja idjeja: tjearjetychny i praktychny aspekty* [Belarusian National Idea: Theoretical and Practical Aspects]. Minsk, 2010 (in Russ.).

41. [The Third All-Russian Congress of Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies]. Petrograd, 1918.

42. Zhylunovich Z. [Belarusian Section of the RCP and the Creation of the Belarusian Soviet Republic]. *Polymja.* 1928. No. 10. P. 73–93 (in Belarus.).

43. Margunski S. P. *Sozdanie i uprochenie belorusskoi gosudarstvennosti. 1917–1922* [Creation and Consolidation of Belarusian Statehood. 1917–1922]. Minsk : Acad. of Sci. of the BSSR, 1958 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 29.11.2017.
Received by editorial board 29.11.2017.

УДК 323.1(470)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. Г. СКВОРЦОВ[1)]

[1)]*Санкт-Петербургский государственный университет,*
Университетская наб., 7–9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматриваются вопросы формирования российской национальной идентичности. Автор критически анализирует решение национального вопроса большевиками, а также использование этнической модели нации в теории и практике национального строительства в СССР. Обосновывается мысль о том, что в современной национальной политике государства необходимы отказ от использования идеологии этнического национализма и переход к формированию гражданской национальной идентичности, высшим уровнем которой выступает общегражданское сознание.

Ключевые слова: нация; право наций на самоопределение; этнический национализм; национальная идентичность.

THE NATIONAL QUESTION AND FORMATION OF THE RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

N. G. SKVORTSOV[a]

[a]*Saint Petersburg University,*
*7–9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russi*a

The article deals with the formation of the Russian national identity. The author critically analyzes the solution of the national question by the Bolsheviks, as well as the use of the ethnic model of the nation in the theory and practice of national building in the USSR. It is necessary to abandon the use of the ideology of ethnic nationalism in the modern national policy of the state and to move to the formation of a civic national identity, the highest level of which is civil consciousness.

Key words: nation; the right of nations to self-determination; ethnic nationalism; national identity.

Так называемый национальный вопрос занял важное место в теории, идеологии и практике государства диктатуры пролетариата, возникшего в результате Великой Октябрьской революции 1917 г., столетие которой мы отмечаем в этом году. На территории столь многонациональной (полиэтничной) Российской империи (а здесь проживало более 100 народов, не считая сравнительно малочисленных этнических групп) национальные проблемы стояли настолько остро, что игнорировать их было невозможно. Важность национального вопроса постоянно подчеркивал В. И. Ленин: «Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса, особенно в такой стране, которую справедливо называют "тюрьмой народов"» [1, с. 106–107], «национальный вопрос выдвинулся

Образец цитирования:
Скворцов Н. Г. Национальный вопрос и формирование российской национальной идентичности // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 101–105.

For citation:
Skvortsov N. G. The national question and formation of the Russian national identity. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 101–105 (in Russ.).

Автор:
Николай Генрихович Скворцов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры сравнительной социологии факультета социологии, декан факультета социологии.

Author:
Nikolai G. Skvortsov, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of comparative sociology, faculty of sociology, dean of the faculty of sociology.
n.skvortsov@spbu.ru

в настоящее время на видное место среди вопросов общественной жизни России, это очевидно» [2, с. 115].

Согласно современным представлениям национальный вопрос есть совокупность территориальных, политических, экономических, правовых, идеологических, культурных отношений между нациями и этническими группами. Однако большевикам национальный вопрос виделся совершенно в ином ракурсе: его решение напрямую связывалось с решением важнейших политических задач – захватом власти и формированием государства диктатуры пролетариата на огромной многонациональной территории бывшей Российской империи.

В. И. Ленин всегда исходил из того, что рабочий класс должен быть чужд национальной идеологии, должен преодолеть мелкобуржуазные иллюзии по мере приобретения классового самосознания. Большевиков мало волновали собственно национальные потребности. В. И. Ленин прямо писал о том, что «пролетариат не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а, напротив, предостерегает массы от таких иллюзий … приветствует всякую ассимиляцию наций за исключением насильственной или опирающейся на привилегии» [2, с. 133]. Основным принципом национальной политики большевиков всегда был классовый интерес. Это зафиксировано, в частности, в важнейшем пункте Коммунистической программы партии о самоопределении наций: «Исполняя всегда свой отрицательный долг (борьбы и протеста против насилия), – указывал В. И. Ленин, – мы сами со своей стороны заботимся о самоопределении не народов и наций, а *пролетариата* (курсив наш. – *Н. С.*) в каждой национальности» [3, с. 105].

Но если первоначально решение национальных проблем (в первую очередь тех, что названы в Декларации прав народов России) осуществлялось исключительно в соответствии с интересами политической, классовой борьбы, то нужды государственного строительства потребовали выработки определенной идеологии, теоретический фундамент которой составили работы И. В. Сталина, прежде всего «Марксизм и национальный вопрос».

Согласно известному сталинскому определению «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на основе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [4, с. 296]. Известно, что основанием для этого определения послужили труды западноевропейских социалистов, в частности К. Каутского и О. Бауэра. По сути, в определении И. В. Сталина два признака, выделенные К. Каутским, – общность языка и территории – соединены с одним признаком, отмеченным О. Бауэром, – общностью психического склада и национального характера, при этом добавлена общность экономической жизни.

Сталинское определение нации легло в основу разработок советских обществоведов, занимавшихся национальными и этническими исследованиями, прежде всего создателя советской «теории этноса», одного из теоретиков национального вопроса советского периода академика Ю. В. Бромлея. Ученый исходил из того, что человечество, будучи единым целым в биологическом отношении, развивается по общим социальным законам, но вместе с тем распадается на множество исторически сложившихся общностей. Среди них особое место занимают общности, именуемые этносами. Этнос, по Ю. В. Бромлею, является формой человеческой групповой интеграции, имеющей особые характеристики. Этнос есть «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознание), фиксированным в самоназвании (этнониме)» [5, с. 14]. Стадиями развития этноса являются: род, племя (союз племен), народность, нация капиталистическая, нация социалистическая и, наконец, советский народ как новая историческая общность – надэтническая и наднациональная.

Отечественная традиция всегда исходила из понимания нации как формы или стадии развития, этноса, этнической общности. Таким образом, нация – это этнос в высшей стадии своего развития (например, сталинское определение нации вполне соответствует определению этноса, данного Ю. В. Бромлеем). Однако в силу многонациональности, полиэтничности состава населения Российской империи, затем СССР, а ныне Российской Федерации опора на этническую трактовку нации в национальном строительстве таила и таит серьезные опасности. Наиболее существенным является противоречие между провозглашаемым правом наций на самоопределение и принципом территориальной целостности страны.

Идея права наций (народов) на самоопределение пронизывала все основополагающие документы Советского государства в области национального строительства – от Декларации прав народов России 1917 г. (ст. 2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования национального государства») до советской Конституции 1977 г. (ст. 72. «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР»). При этом положенная в основу национальной политики модель этнического национализма создавала весьма своеобразную и задевавшую национальное самосознание «иерархию народов». Так называемые титульные националь-

ности в населении союзных республик официально получили статус наций, другие же, в том числе титульные национальности автономных республик, определялись как народы или народности. Если вспомнить, что нация трактовалась как высшая форма развития этноса, то получится странная картина: например, эстонцы, киргизы, таджики, узбеки, молдаване выглядели более развитыми, чем, к примеру, осетины, чеченцы, карелы, мордва и др., поскольку относились к более высокому уровню этнической классификации. Это довольно остро воспринималось национальным самосознанием народов, так сказать, не «дозревших» до того, чтобы называться нацией. Кстати, если попытаться выяснить, сколько же народов СССР имели статус нации (фраза о том, что «в Советском Союзе проживает более 100 наций и народностей», была широко употребимой), то выяснится, что нациями, кроме упомянутых титульных национальностей 15 союзных республик, считались также татары и башкиры, по-видимому, по причине их многочисленности. При этом очевидно, что на самом деле статус нации получили народы, проживавшие на территориях, имевших внешние границы с другими государствами, и в случае реализации своего права на самоопределение (т. е. выхода из состава СССР и образования собственного государства) наносили бы меньший ущерб единому государству, нежели народы, живущие во внутренних образованиях. Конечно, отделение союзной республики от единого и нерушимого СССР выглядело в то время совершенно абстрактной возможностью. Тем не менее эту казавшуюся ничтожной вероятность также приходилось учитывать, тем более что нужно было поддерживать незыблемость реализации права наций на самоопределение.

С этой точки зрения советская модель нации и теория национального строительства есть этнический национализм, т. е. взгляд на нации как на естественное развитие предшествующих этнических общностей. В этом варианте нации строятся (конструируются) из существующих этнических связей и паттернов.

Огромным испытанием для этнической модели нации стали 1990-е гг., когда под угрозой оказалась целостность государства. Советское национальное строительство в своем завершенном варианте представляло собой такой вариант решения национального вопроса в полиэтнической стране, когда этнонациональным многообразием пытались управлять путем формирования некой сверхнациональной и сверхэтнической идеологической конструкции – советского народа как новой исторической общности. Представлялось, что эта историческая общность, с одной стороны, аккумулирует в себе все разнообразие культур этнических наций и народов, а с другой – синтезирует, «переплавляет» эти нации и народы в новое качество. Если бы не характерные для советского обществознания представления о нации как высшей форме развития этноса и превалирование этнического дискурса, то можно было бы называть данное явление «советской нацией». При этом интересно отметить, что название означало не этническую, а политическую категорию (Советы есть форма государственного устройства и управления). Бытует мнение о том, что в конце 1970-х гг. в СССР даже была предпринята попытка унификации графы «национальность» в паспортах граждан СССР: вместо «русский», «татарин», «грузин», «эстонец» и т. д. записывать «советский». Однако эксперимент провалился.

Вместе с тем этот тип самосознания, идентификации не являлся каким-то мифом: советское сознание, советская психология, советский патриотизм, советский человек были реальными явлениями. В механизме советской идентификации система символов и регуляторов, разработанная мощной идеологической машиной, не была какой-то отвлеченной абстракцией. Напротив, абсолютное большинство граждан многонационального Советского Союза приобщалось к ней вполне реальным образом, вбирая в себя ценности, нормы и символы советского строя через непосредственное ежедневное «проигрывание» на всех этапах жизненного цикла: от дошкольного воспитания – к коммунистическому воспитанию молодежи через школьное и вузовское образование, службу в армии, членство в общественных организациях и т. п. Каждая такая ступень отличалась от других только адаптацией к возрасту, уровню образования или сфере трудовой деятельности, а также соответствующим способом конструирования идеологической атрибутики.

Между тем этничность оставалась весьма значимым инструментом проведения определенной линии в таком важнейшем вопросе госуправления, как кадровая политика: учет национальной (этнической) принадлежности в расстановке кадров, «коренизация» аппаратов управления в национальных регионах и т. д. Попытка навязывания советской идентичности не была случайной. Действительно, каждый народ имеет свои собственные этнические корни (территорию, язык, религию, культуру, стереотипы поведения и т. п.), на основе которых формируется уникальная этническая идентичность. Но в полиэтническом государстве с высочайшей степенью этнокультурного разнообразия, каким был СССР, апелляции к этничности были чрезвычайно опасными и угрожавшими целостности государства. М. С. Горбачёв пытался спасти рушившийся советский строй и советский народ идеей «социализма с человеческим лицом» (заимствованной у лидера «пражской весны» А. Дубчека). Эта идея была обращена ко всем народам

и правящим элитам. Но ни народ, ни элиты (особенно национальные – в союзных образованиях, а также в ряде автономных) не желали ее поддерживать, особенно после провала планов перестройки в промышленности и сельском хозяйстве.

Развал Советского Союза и национальная дезинтеграция привели в шок отечественное обществоведение, занимавшееся изучением национальных отношений и строительством моделей оптимального национального устройства. Возможность сохранения многонационального государства – а реальная угроза распада России существовала – увидели в очень противоречивой модели – федеративном устройстве, но при неограниченном суверенитете. Слова Б. Н. Ельцина, сказанные еще до падения СССР на встрече с общественностью, – тому подтверждение: «Берите суверенитета столько, сколько вы его сможете проглотить. Не хочу… быть тормозом в развитии национального самосознания каждой республики».

Начался «парад суверенитетов» вначале союзных, а затем и автономных республик в составе Российской Федерации. Чем он закончился, известно: СССР перестал существовать, а Российскую Федерацию стало буквально разрывать на части (Чеченская война и другие потрясения).

Задачи противодействия межэтническим конфликтам, решения национальных проблем и гармонизации межнациональных отношений могли быть решены на основе иных подходов в понимании нации, национального самосознания, национальной идентичности. В теоретическом, идеологическом планах необходим был прежде всего отказ от традиционной этнической трактовки нации, от этнического национализма.

Судьба Советского Союза, как и Российской империи, показала, что длительное и устойчивое существование полиэтнического государства невозможно без формирования единой гражданской нации. Формирование единой нации, объединяющей множество этнических групп и общностей, – длительный процесс. В нем задействованы государственные институты, гражданское общество, наука, СМИ.

Переход к парадигме единой гражданской нации и российской национальной идентичности от этнической нации, так сказать, деэтнизация национального (преодоление этничности) – задача сложная, поскольку все нации имеют этническое происхождение, этнические корни. Именно поэтому, говоря о том, что идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, построены на основе идеологической монополии, В. В. Путин предлагает весьма сложную структуру российской идентичности: «…Идентификация исключительно через этнос, религию в крупнейшем государстве с полиэтническим составом населения, безусловно, невозможна. Формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями – необходимое условие сохранения единства страны» [6]. Иначе говоря, идентичность является многоуровневым образованием. Первичный уровень – это этнические характеристики, включая религию. Однако на этом уровне много различий. Здесь присутствует значительный потенциал противопоставления, даже конфликта (разные религии, языки, культурные представления, стереотипы поведения и т. п.).

Следующие, более высокие уровни преодолевают различия и формируют единство, солидарность. Это общие ценности, патриотическое сознание (патриотизм В. В. Путин неоднократно называет национальной идеей), сопричастность к судьбе Родины. Это то, что превосходит ограниченность этнического взгляда на мир. Здесь, говоря философским языком, мы имеем дело с переходом от партикуляризма (стремление к обособлению) этнического к универсализму национально-гражданского.

Наконец, высший уровень российской идентичности – осознание себя гражданином России и осознание своей гражданской ответственности. Президент отмечает: «Граждане России должны ощутить себя ответственными хозяевами своей страны, своего края, своей малой родины, своего имущества, собственности и своей жизни. Гражданин – тот, кто способен самостоятельно управляться с собственными делами, свободно сотрудничая с равными себе» [6]. Это уровень свободы, ответственности, кооперации, профессионализма, и его проявление В. В. Путин видит прежде всего в формах местного самоуправления и самоуправляемых организациях граждан.

Библиографические ссылки

1. *Ленин В. И.* О национальной гордости великороссов // Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Госполитиздат, 1969. Т. 26. С. 106–110.

2. *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу // Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Госполитиздат, 1973. Т. 24. С. 113–150.

3. *Ленин В. И.* О Манифесте «Союза армянских социал-демократов» // Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Госполитиздат, 1967. Т. 7. С. 103–106.

4. *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Сочинения : в 16 т. М. : Госполитиздат, 1946. Т. 2. С. 290–367.
5. *Бромлей Ю. В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М. : Наука, 1987.
6. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243 (дата обращения: 05.08.2017).

References

1. Lenin V. I. [About national pride of members of the party Great Russians]. [*Complete works*] : in 55 vols. Moscow : Gospolitizdat, 1969. Vol. 26. P. 106–110 (in Russ.).
2. Lenin V. I. [Critical notes on an ethnic question]. [*Complete works*] : in 55 vols. Moscow : Gospolitizdat, 1973. Vol. 24. P. 113–150 (in Russ).
3. Lenin V. I. [About the manifesto «Union of the Armenian social democrats»]. [*Complete works*] : in 55 vols. Moscow : Gospolitizdat, 1967. Vol. 7. P. 103–106 (in Russ).
4. Stalin I. V. [Marxism and ethnic question]. [*Compositions*] : in 16 vols. Moscow : Gospolitizdat, 1946. P. 290–367 (in Russ).
5. Bromlei Yu. V. [Ethnosocial processes: theory, history, present]. Moscow : Nauka, 1987.
6. [Meeting of the International debating club «Valdai»]. [*President of Russia*].URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243 (date of access: 05.08.2017).

Статья поступила в редколлегию 28.11.2017.
Received by editorial board 28.11.2017.

Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. P. 106–111
Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2017. No. 4. P. 106–111

УДК 323.1

100 ЛЕТ ОКТЯБРЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ И ПРИЧИНЫ ЕЕ НЕУДАЧ

В. В. ШИМОВ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассматриваются исторические предпосылки возникновения и развития коммунистических идей как закономерного результата социальной эволюции человечества. Анализируются предпосылки неудач и провала коммунистического эксперимента в СССР. Делается вывод о том, что, несмотря на провал реального социализма, идеи и смыслы, актуализированные революцией, сохраняют значение для современного мира.

Ключевые слова: коммунизм; революция; капитализм; СССР.

100 YEARS OF OCTOBER REVOLUTION: HISTORICAL PRECONDITIONS AND CAUSES OF FAILURE

V. V. SHIMOV[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

In the article historical preconditions of communist ideas as a result of social evolution are considered. Preconditions of Soviet experiment failure are analyzed. It is concluded that, despite the failure of real socialism, the ideas and meanings actualized by the revolution remain important for the modern world.

Key words: communism; revolution; capitalism; USSR.

Коммунизм как порождение логики всемирно-исторического развития

На тему юбилея Октябрьской революции уже сказано и еще будет сказано много. Однако главным недостатком практически всех этих высказываний и мнений является их национальная узость. В революции сегодня видят преимущественно местное, региональное явление, касающееся России и стран постсоветского пространства. Была революция благом или злом для России? Являлся ли большевизм продолжением особой русской цивилизационной традиции или радикальным разрывом с ней? Аналогичным образом в Беларуси обсуждение Октября сводится в основном к перипетиям образования белорусской государственности и последствиям советской национальной политики. О глобальных устремлениях революции обычно не вспоминают, а если и вспоминают, то нехотя и, как правило, в негативном ключе («большевики положили Россию на заклание ради химеры мировой революции» или что-то в таком роде).

Между тем Октябрь был знаковым событием глобальной, общечеловеческой истории – именно в таком контексте он должен рассматриваться и оцениваться. Октябрьская революция явилась порождением одной из базовых и долговременных тенденций в развитии человечества – тенденции к глобализации и универсализации, преодолению

Образец цитирования:
Шимов В. В. 100 лет Октября: предпосылки революции и причины ее неудач // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 106–111.

For citation:
Shimov V. V. 100 years of October revolution: historical preconditions and causes of failure. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 106–111 (in Russ.).

Автор:
Всеволод Владимирович Шимов – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:
Vsevolod V. Shimov, PhD (political science), docent; associate professor at the department of political science, faculty of law.
shimoff@rambler.ru

социальной раздробленности и порождаемых ею классовой дифференциации и культурно-коммуникативных барьеров.

Человеческая социальность была унаследована в формах, которые достались людям от обезьяньих предков, живших рассеянными малыми группами, конкурировавшими в борьбе за территорию и ресурсы. Ксенофобия и неприятие чужого, «вшитые» в сознание подобного общества малых групп, оборачивались тем, что принципы социальной солидарности и альтруизма распространялись только на членов этих групп и не распространялись на чужаков. Описанная когда-то Т. Гоббсом война всех против всех в силу этого носила не межличностный, а межгрупповой характер. К тому же развитие культуры как особого атрибута человеческой социальности по мере распространения групп людей по поверхности планеты вело к накоплению культурных отличий, формированию культурно-языковых барьеров, которые, в свою очередь, превращались в важные маркеры отличия своих от чужих.

Вместе с тем эта социокультурная раздробленность всегда входила в противоречие с объективным развитием цивилизации. Усложнение технологий и увеличение масштабов хозяйствования вовлекали в совместную деятельность все большее количество людей, что превращало культурные барьеры и связанные с ними межгрупповые фобии и конфликты в серьезное препятствие. Поэтому изживание культурной и социальной раздробленности издавна было одной из основных тем социально-политической мысли человечества. В данном контексте можно вспомнить миф о вавилонском столпотворении, в котором языковая раздробленность представлена как небесная кара, или космополитические идеи Античности, или, наконец, универсализм мировых монотеистических религий, для которых перед Богом нет «ни Эллина, ни Иудея».

В практической плоскости это выражалось в формировании больших универсальных культур, игравших роль «плавильных котлов», которые разрушали межкультурные барьеры и формировали общее коммуникативное пространство на большой территориальной протяженности. В качестве примера можно назвать «античную глобализацию» эпохи эллинизма, латинизацию ойкумены при Римской империи, иероглифическую китайскую культуру, объединившую разрозненные ханьские племена, исламизацию/арабизацию Ближнего Востока и т. п.

Однако говорить о преодолении глубинных архетипов межгрупповой вражды не приходилось вплоть до настоящего времени. Универсальные культуры, стирая межгрупповые различия и барьеры, просто переносили их на другой, более высокий, уровень: «цивилизованные» эллины и римляне противопоставляли себя «варварским» народам, последователи монотеистических культов – иноверцам и еретикам. С развитием производящей экономики межкультурные барьеры стали дополняться классовыми. Появление материальных и ресурсных излишков повлекло за собой их неравномерное распределение между разными социальными группами даже в рамках одного культурного пространства. Это неравенство со временем закрепилось в правовых нормах и традициях, формирующиеся классы обрастали собственной мифологией и культурными отличиями-маркерами (вплоть до разных языков), переходы из одного класса в другой оказывались либо затрудненными (сословная модель), либо невозможными (касты).

В немалой степени консервации социальной раздробленности способствовал низкий уровень технологий, которые вплоть до промышленной революции базировались на ручном труде, а также неразвитость транспортных сообщений, что в совокупности способствовало воспроизводству культурной замкнутости и порождаемых ею коммуникационных барьеров и фобий.

Таким образом, в период от аграрной до промышленной революции процесс складывания больших универсальных культур оставался ограниченным уровнем технологического развития. Как следствие, сами эти универсальные культуры были территориально ограниченными (так называемые локальные цивилизации, ни одна из которых не достигала по-настоящему глобального уровня), а внутри них сохранялись глубокие региональные отличия, усугубленные классовыми барьерами (в форме сословий или каст).

Капитализм и промышленная революция стали новым шагом в глобализации человечества. Становление капитализма означало ломку устоявшейся сословной структуры, когда буржуазия, выраставшая из средневекового торгово-ремесленного сословия европейских городов, сокрушила многовековое господство земельной аристократии, а разорившееся крестьянство стало пополнять ряды городского пролетариата. Промышленная революция создала невиданные предпосылки для хозяйственной интеграции в мировых масштабах. Вместе с экономической глобализацией пришла и культурная глобализация, сделавшая Запад по-настоящему мировой цивилизацией, задающей культурные нормы и ценности в планетарном масштабе.

Тем не менее капитализм остается глубоко противоречивым обществом социальных барьеров и неравенства. Оформление конкурирующих центров накопления капитала в национальные государства способствовало воспроизводству на новом этапе культурно-языковой раздробленности.

Именно из этих противоречий рождались идеи, приведшие впоследствии к Октябрьской революции. Коммунистическое общество было призвано

исправить дисбалансы капитализма, связанные с социальным неравенством и эксплуатацией человека человеком. Кроме того, коммунизм мыслился как глобальная перспектива для всего человечества, которое в будущем должно преобразиться в единый мир «без Россий, без Латвий». Этот глобалистский аспект коммунизма всегда предполагался как стратегическая цель, хотя и остался наименее разработанным, поскольку коммунизм, вдохновленный идеями К. Маркса и его последователей, концентрировался в первую очередь на проблематике классовой борьбы. Впоследствии классовая однобокость сыграет не последнюю роль в крахе советского коммунизма. Тем не менее долгое время попутчиком революционного коммунизма было движение эсперантистов – сторонников всемирного наднационального языка (который, по мнению многих энтузиастов, мог в будущем заменить национальные языки в качестве основного средства общения), а также связанный с эсперантизмом безнационализм, выступавший за полное стирание национальных, культурных и языковых барьеров между людьми.

Зародившись в недрах капиталистического общества как его бескомпромиссная критика, коммунизм унаследовал от капитализма веру в техническое могущество и прогрессивное развитие человечества. Коммунистический глобализм и универсализм также опирались на тенденции, в значительной мере реализованные капитализмом. К началу XX в. капитализм уже был «беременным» коммунизмом, окончательному «рождению» которого поспособствовала катастрофа Первой мировой войны.

Советский коммунизм: почему не получилось

Возникает закономерный вопрос: если коммунизм был закономерным результатом едва не всего человеческого развития, почему же советский эксперимент так быстро и в общем-то бесславно закончился? Взгляд на советский коммунизм как на тупиковый путь, к тому же стоивший огромного числа человеческих жизней, сегодня весьма распространен. Столь же распространено убеждение в том, что опыт СССР доказал невозможность и утопичность коммунизма, его фундаментальное противоречие самой человеческой природе, в которую заложены собственнические инстинкты и склонность к конкуренции.

Все эти антисоветские в своей основе утверждения на самом деле базируются на логике советской же пропаганды, утверждавшей, что в близкой исторической перспективе достижим «настоящий» коммунизм и что именно СССР открыл прямой и самый короткий путь к нему. Можно сказать, что большевиков подвело пресловутое сталинское «головокружение от успехов», хотя иллюзорность быстрого перехода к капитализму (в том числе и для многих западных наблюдателей) стала очевидной уже на излете советской эры.

Хорошо известно, что ни один глобальный фазовый переход в истории человечества не совершался быстро и безболезненно. Напротив, подобные переходы всегда носили растянутый во времени и нелинейный характер, с множеством откатов и «тупиков». Чего далеко ходить, достаточно вспомнить историю становления того же капитализма, которому понадобилось не одно столетие, чтобы преодолеть сопротивление и сокрушить устои старого феодального общества.

Очевидно, было бы верхом исторической самонадеянности полагать, что коммунизму удастся сломить такого «монстра», как глобальный капитализм, за считанные десятилетия. Конечно, история – штука вариативная, и после Октября были точки бифуркации, в которых ударная волна революции могла распространиться гораздо дальше, чем это произошло на самом деле. В конце концов мировая революция долгое время не казалась чем-то невероятным даже многим ее закоренелым противникам. Впрочем, даже если бы коммунистическому интернационалу удалось бы каким-то образом установить свою власть в мировом масштабе, еще неизвестно, какие «термидоры» и «реставрации» ждали бы и при таком сценарии.

Если же говорить о реальном развитии событий, то советский проект изначально имел существенные изъяны, которые и привели его к краху. Опять же, само по себе наличие этих изъянов не означало фатальную предопределенность, однако задавало существенные предпосылки для негативного сценария.

По большому счету, все эти изъяны стали очевидны уже в первые полтора десятилетия существования советской власти и были блестяще обобщены в известной работе Л. Д. Троцкого [1]. Читая книгу, поражаешься, насколько актуально до сих пор звучит его критика сталинского СССР и насколько точны оказались прогнозы относительно его возможной дальнейшей судьбы.

Первым таким «недостатком», определившим многое, стала сама Россия как страна, превратившаяся в базу мировой революции. Теоретическая схема марксистов была построена на убеждении, что первоначально мировая революция восторжествует в развитых странах капиталистического центра, откуда и будет распространяться на мировую периферию, частью которой в начале XX в. была, безусловно, и Россия. Сами большевики первоначально рассматривали победу революции в России как историческую случайность и были ориентированы на ее экспансию в страны Запада. Когда же этого

не произошло, возник первый мировоззренческий кризис советского коммунизма, обернувшийся расколом между идеалистами (троцкистами), настаивавшими на продолжении курса на мировую революцию, и реалистами (сталинистами), избравшими стратегию построения социализма в отдельно взятой стране и отложившими мировую революцию в неопределенное будущее.

Сегодня сложно сказать, чем могла обернуться троцкистская альтернатива, однако критика победившего сталинизма, данная Л. Д. Троцким, оказалась провидчески точна.

Отсталость страны победившей революции стала долговременным фактором, ограничивавшим ее возможности и обусловившим фатальное для советского коммунизма перерождение системы. Отсталость страны – и это верно подметил Л. Д. Троцкий – превращала «запертую» в ней революцию не столько в стратегию построения нового общества, сколько в инструмент догоняющего развития. Действительно, «погоня» за развитыми странами Запада при одновременном отрицании основ их строя довлела над советской системой весь период ее существования, и эта мировоззренческая «шизофреничность» сыграла не последнюю роль в дискредитации СССР в глазах собственных граждан.

Архаичность российского общества с его не изжитой «самодержавной» традицией – политическим авторитаризмом, легитимированным религиозной мифологией, – способствовала огрублению и примитивизации коммунистической идеи, которая стремительно «мутировала» в набор застывших квазирелигиозных догм. Политический строй большевизма также быстро обретал архаичные квазисамодержавные черты. Ведь и сами советские вожди были во многом порождением этой архаичной «варварской» культуры. Взять того же И. В. Сталина, выросшего в патриархальном захолустье на окраине империи, с детства впитавшего грубость и жестокость окружающей социальной среды (в том числе в семье), что не могло не сказаться и на его характере как политика.

Перерождению советского коммунизма в квазисамодержавие немало поспособствовала изначально выстраивавшаяся большевиками система партийной диктатуры (подаваемой как диктатура пролетариата), которая опиралась на бюрократическое управление. Неизбежность бюрократизированного социалистического государства как одного из этапов по пути к коммунизму признавал и Л. Д. Троцкий. Он, однако, постоянно предупреждал об угрозе буржуазного перерождения государственной бюрократии, стремящейся превратиться в новый правящий слой, который присваивает общественные ресурсы и средства производства. Опасность усугублялась тем, что в условиях крайне бедного общества, каким было российское, материальные стимулы трудовой деятельности не только не ослабевали, а, напротив, усиливались, поэтому погоня за властью и даваемыми ей материальными привилегиями становилась одним из главных мотивов деятельности многих выдвигаемых советской властью чиновников и партийных аппаратчиков. В качестве «противоядия» Л. Д. Троцкий видел контроль над бюрократией со стороны партии и других общественных организаций (включая систему Советов), при этом жизненно важным считал сохранение идейного плюрализма и борьбы фракций внутри самой партии. Однако в сталинском СССР происходило прямо противоположное – сращение партийного и бюрократического аппарата в условиях тотального идеологического единомыслия. И. В. Сталин изобрел собственный метод борьбы с обуржуазиванием бюрократии – в виде развитой системы полицейской слежки и периодически обрушиваемых на управленческий аппарат чисток. Однако дальнейший ход событий вновь подтвердил правоту Л. Д. Троцкого, приводившего многочисленные примеры буржуазного перерождения правящего слоя в сталинском СССР. После смерти И. В. Сталина правящей верхушкой было организовано развенчание культа личности, гарантировавшее остановку репрессивных практик и обеспечившее личную неприкосновенность элит, что, в свою очередь, стало еще одним шагом к их олигархизации и капиталистическому перерождению.

Политический реализм И. В. Сталина во внешней политике обернулся постепенным упадком и деморализацией мирового коммунистического движения. Безусловно, в курсе на «социализм в одной стране» и мирное сосуществование двух систем было свое рациональное звено, а троцкистский курс на «перманентную революцию» мог привести к очень быстрому уничтожению СССР. Тем не менее своим внешнеполитическим прагматизмом СССР во многом подыгрывал Западу в удушении коммунистического сопротивления. Кроме того, высокомерный тон имперской бюрократии, который Москва взяла в отношениях с зарубежными коммунистами, также отталкивал многих. Даже в рядах своих единомышленников Советскому союзу часто не удавалось избавиться от имиджа отсталой и авторитарной страны, который шлейфом тянулся за ним со времен Российской империи. Русофобские нотки, замешанные на представлениях об отсталости и варварстве России, проскальзывали уже в высказываниях венгерского коммуниста Б. Куна, который при помощи красной Москвы пытался разжечь пожар революции у себя в стране. Как отмечает современный историк коммунизма Д. Пристланд, «Кун считал, что венгры намного более развиты, чем русские, следовательно, они способны к более быстрому переходу к коммунизму» [2, с. 83]. Даже в рядах коммунистов национальных республик СССР тлели подобные настроения, достаточно вспомнить известный лозунг «Прочь от Москвы!»

украинского национал-коммуниста М. Хвылевого, основанный на убеждении в том, что отсталая Россия не способна предложить Украине убедительный образец коммунистического общества.

После Второй мировой войны, когда престиж СССР и коммунистических идей в мире был высок как никогда, И. В. Сталин снова не пошел на экспорт революции, заключив с Западом империалистическую де-факто сделку о разделе сфер влияния. В этом решении была своя рациональная логика, поскольку разоренный войной СССР вряд ли бы выдержал открытое столкновение с Западом, а буфер в виде стран социалистического лагеря становился хорошим геополитическим подспорьем в нарождающейся холодной войне. Однако экспорт в Восточную Европу сталинской модели социализма с его имперско-бюрократическими методами управления, идеологическим тоталитаризмом и склонностью к репрессиям надолго дискредитировал коммунистические идеи в этом регионе, заодно превратив его в оплот антироссийских настроений.

Безусловно, при всех описанных недостатках сталинская модель социализма имела и преимущества и обладала потенциалом для развития. Несмотря на все издержки, в СССР удалось совершить колоссальный индустриальный рывок и обеспечить прорывное развитие в ряде отраслей (космонавтика, атомная энергетика, военно-промышленный комплекс), поднять образовательный и культурный уровень, уровень благосостояния населения.

Золотым веком СССР стали времена хрущевской оттепели, во многом вопреки, а не благодаря личности самого И. С. Хрущева. Это было время, когда эксцессы сталинской эпохи остались в прошлом, а страна пожинала плоды предшествующей мобилизации. Символом этого времени стал выход человека в космос, казалось бы, зримо подтверждавший торжество коммунистических идей и искупавший предыдущие жертвы и просчеты. Это было время, когда престиж коммунизма был все еще высок и оптимистическое мироощущение находило выражение в футуристических фантазиях И. Ефремова и ранних Стругацких. Сама система стала намного человечней и комфортней: на смену сталинским дворцам в окружении бараков пришли кварталы неказистых хрущёвок, которые, однако, были настоящей революцией в благоустройстве повседневной жизни.

Несмотря на все это, система продолжила инерционное движение, оставаясь в рамках все той же сталинской в своей основе системы партийно-бюрократического централизма и идеологического тоталитаризма, нищета которого становилась все более очевидной по мере интеллектуального взросления общества. Партийная номенклатура, избавленная от кнута репрессий, стремительно трансформировалась в привилегированный класс, который все более тяготился обязательствами, налагаемыми на него коммунистической идеологией. Командные методы управления, эффективные в эпоху сталинской мобилизации, к 1970-м гг. достигли потолка своих возможностей, становясь уже тормозом развития.

СССР так и не смог обеспечить уровень потребления, сопоставимый с развитыми странами Запада, что стало еще одним ударом по советскому коммунизму. И дело здесь вовсе не в мифической неэффективности советской системы. СССР жил в постоянной ситуации ресурсного голода. Вступив в гонку с капитализмом на изначально намного более низком технологическом уровне, пережив ряд разрушительных социально-политических катаклизмов, Советский союз был вынужден опираться исключительно на собственные ресурсы, которые шли не только на внутренние нужды, но и на поддержку дружественных стран и режимов по всему миру. Вопреки расхожему мнению ресурсная база СССР для решения столь масштабных задач была отнюдь не так велика, и жертвой этого ресурсодефицита как раз и стала сфера бытовой повседневности советских граждан, развитие которой осуществлялось во многом по остаточному принципу. Хотя общий уровень жизни, несмотря на эти неблагоприятные вводные, неуклонно рос и СССР по всем параметрам социально-экономического развития далеко опережал страны капиталистической периферии (третьего мира), недовольство таким положением вещей нарастало, особенно на фоне видимого потребительского изобилия на Западе, которое сквозь «железный занавес» начинало рисоваться в исключительно радужном свете.

Западный капитализм, который изначально превосходил СССР по уровню как технологического развития, так и материального обеспечения граждан и подпитывался ресурсами всей мировой периферии, благодаря «коммунистической угрозе» получил дополнительные стимулы для развития в области технологических инноваций и в социальной сфере, где благодаря социальному государству и высокому уровню потребления удалось сгладить классовые противоречия и снять революционную угрозу. Поэтому авторы, склонные рассматривать советский коммунизм как специфическую подсистему глобального капитализма [3; 4], имеют для того определенные основания.

В результате всего этого стечения обстоятельств к середине 1980-х гг. СССР подошел глубоко нездоровым и деморализованным обществом. Вера в коммунизм была подорвана, для его обновления не оказалось ни подходящих людей, ни идей, зато выросла и окрепла прослойка заинтересованных в капиталистической реставрации: переродившаяся номенклатура, комсомольские карьеристы, различные «теневики» и спекулянты, паразитировавшие на скудости потребительского рынка.

Заключение

СССР был первой попыткой построения нового общества, попыткой грандиозной и в конечном счете неудачной, хотя неудача эта была во многом закономерна. Однако сама по себе она вовсе не доказывает нежизнеспособности коммунизма и отнюдь не дезавуирует те смыслы и идеи, которые были подняты революционной волной 100 лет назад. Победоносный капитализм, сокрушив своего идеологического врага, снова во всей красе обнаруживает свои родимые пятна и противоречия. Либеральный «конец истории», возвещенный Ф. Фукуямой, так и не наступил – мир по-прежнему расколот, дисгармоничен и конфликтен. В отсутствие коммунистической альтернативы протест против глобального капитализма принимает иные, весьма уродливые и тупиковые формы – от правого популизма в Европе и США до радикального исламизма на Ближнем Востоке. Все более вопиющим становится противоречие между усиливающейся глобализацией и сохраняющимися социальными и национально-культурными барьерами.

Человечество методом проб и ошибок нащупывает новые формы социальной организации, которые будут способны заменить исчерпавшую себя капиталистическую модель. Октябрьская революция стала наиболее масштабной попыткой построения такого альтернативного общества. Опыт осмысления ее ошибок и неудач может оказать неоценимую услугу в планировании будущего.

Библиографические ссылки

1. *Троцкий Л.* Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет. URL: http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl001.htm (дата обращения: 16.11.2017).
2. *Пристланд Д.* Красный флаг: история коммунизма. М. : Эксмо, 2011.
3. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университет. кн., 2001.
4. *Фурсов А.* Колокола истории. М. : ИНИОН, 1996.

References

1. Trotskii L. [The Bertayed revolution. What is the USSR and where is it going]. URL: http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl001.htm (date of access: 20.10.2017) (in Russ.).
2. Pristland D. *Krasnyi flag: istoriya kommunizma* [The red flag: a history of communism]. Moscow : Eksmo, 2011 (in Russ.).
3. Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. Saint Petersburg : Universitetskaya kniga, 2001 (in Russ.).
4. Fursov A. *Kolokola istorii* [The bells of history]. Moscow : INION, 1996 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 05.12.2017.
Received by editorial board 05.12.2017.

Социологическое наследие

Sociological heritage

УДК 316.2+316.7

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ *MEMORY STUDIES*: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ М. ХАЛЬБВАКСА

И. С. СУЛЬЖИЦКИЙ [1), 2)]

[1)]*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь*
[2)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Посвящена рассмотрению роли социологического проекта М. Хальбвакса в современных *memory studies*. Обозначены первые исследовательские программы изучения коллективной памяти в социологии. Раскрыт эвристический потенциал идей французской социологической школы в концептуализации понятия «коллективная память». Выявлены особенности теории коллективной памяти М. Хальбвакса, сущность понятия «социальные рамки памяти». Раскрыты теоретические различения между автобиографической, коллективной и исторической памятью. Обозначены основные направления критики работ М. Хальбвакса и возможности применения его теории в современных *memory studies* и социологии памяти. Обосновывается важность социологического направления в изучении коллективной памяти для современных *memory studies*.

Ключевые слова: социология памяти; М. Хальбвакс; *memory studies*; коллективная память.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF *MEMORY STUDIES*: THE SOCIOLOGICAL PROJECT OF M. HALBWACHS

I. S. SULZHYTSKI [a, b]

[a]*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Azhjeska Street, Grodna 230023, Belarus*
[b]*Belarusian State University, 4 Niezależnasci avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to the role of the M. Halbwachs sociological project in contemporary memory studies. The first research programs of studying collective memory in sociology are designated. The heuristic potential of the ideas of the French

Образец цитирования:
Сульжицкий И. С. Становление и развитие *memory studies*: социологический проект М. Хальбвакса // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 112–122.

For citation:
Sulzhytski I. S. Formation and development of *memory studies*: the sociological project of M. Halbwachs. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 112–122 (in Russ.).

Автор:
Илья Станиславович Сульжицкий – преподаватель кафедры социологии и специальных социологических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма[1)], аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук[2)]. Научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор А. Н. Данилов.

Author:
Ilya S. Sulzhytski, lecturer at the department of sociology and special sociological disciplines, faculty of history, communication and tourism[a], postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social science[b].
ilya_sulzhickiy@mail.ru

sociological school in the conceptualization of the concept of collective memory is revealed. Features of the M. Halbwachs theory of collective memory and the essence of the concept «social frameworks of memory» are identified. Theoretical distinctions between autobiographical, collective and historical memory are revealed. The main directions of criticism of the works of M. Halbwachs and the possibility of applying his theory in modern memory studies and the sociology of memory are indicated. In conclusion, the importance of sociological theory in the study of collective memory for modern memory studies is substantiated.

Key words: sociology of memory; M. Halbwachs; *memory studies*; collective memory.

Введение

Современная социологическая теория начинает формироваться в русле различных трансдисциплинарных поворотов (поворот к культуре, практикам, материальному, памяти, когнитивный поворот и т. д.), что подводит ее к необходимости поиска окончательных метафор и разработки когерентных теоретических языков [1]. Изучение конкретных явлений теряется на фоне эпистемических трансформаций внутри самой дисциплины и смещений ее предметных границ. Развитие трансдисциплинарных исследований в русле указанных повторов приводит к нарастанию конфликтности внутри аксиоматических ядер разных дисциплин и ожесточенным эпистемологическим войнам.

«Мемориальный бум», охвативший социальные науки с 1980-х гг., четко вписывается в указанную логику [2]. Между тем для отечественной социологии концептуальные основания *memory studies* остаются во многом не проясненными. Более того, данная ситуация характерна не только для отечественных исследований, но и для всего направления в целом. Большое количество эмпирических работ, написанных социологами, историками, культурологами, психологами и другими специалистами, затеняет тот факт, что для указанного трансдисциплинарного направления отсутствует четкая теоретическая рамка, которая позволила бы не просто описать полученные данные, но и встроить их в заданную объяснительную модель [3]. Дж. Олик справедливо указывает на то, что «коллективная память – не операциональное понятие: нет согласия по поводу того, чем она является (если предположить, что она вообще существует) или как ее измерять» [4, с. 41]. Однако, продолжает он, «вопрос в том, каково оно как содержательное понятие, к чему вырабатывает исследовательскую чувствительность и какого рода» [4, с. 41].

Следует указать на то, что, несмотря на разногласия, в социологии памяти присутствует ряд ключевых фигур, значимость которых исследователи не ставят под сомнение. Так, большинство работ, связанных с тематикой памяти, аппелируют к наследию французского социолога М. Хальбвакса. Однако теоретические основания его социологического проекта часто остаются без внимания.

Ввиду сказанного очевидно, что для отечественной социологии тематика коллективной памяти еще ждет своего развития. Указанная ситуация открывает перед нами необходимость прояснения парадигмальных границ *memory studies* и социологии памяти для нахождения релевантного теоретического языка, который может быть использован в дальнейших социологических описаниях. Таким образом, реконструкция особенностей зарождения и развития социологии памяти как самостоятельного направления поможет разрешить указанные противоречия и прийти к более детальному пониманию концептуальных оснований социологии памяти в белорусском научном сообществе.

Первые исследовательские программы изучения коллективной памяти в социологии

Американские социологи в лице Г. Мида и Ч. Кули разрабатывали темы, связанные с социальными контекстами индивидуального вспоминания [5–7]. Так, Г. Мид достаточно близко подошел к рассмотрению социального характера прошлого и памяти. Для Г. Мида одной из центральных категорий его теории является настоящее как основной локус реальности, в которое помещено индивидуальное сознание. Настоящее обладает свойствами эмерджентности, т. е. способно отличаться от элементов прошлого, которые его составляют. Прошлое, в свою очередь, предстает перед нами на двух уровнях: в качестве неотменяемого прошлого, которое опосредует настоящее, и в качестве изменяемого прошлого, которое постоянно переписывается и реинтерпретируется в настоящем. Неотменяемость прошлого «добавляется к каждому отчету об этом событии, но вся значимость этой окончательности принадлежит к тому же миру в опыте, к которому принадлежит и этот отчет» [8, с. 45], другими словами, прошлое присутствует в качестве реконструируемого прошлого «здесь». В конечном итоге «прошлое в этом смысле присутствует в настоящем; а в том, что мы называем сознательным опытом, его присутствие явлено в памяти и в расширяющем память

историческом аппарате как та часть обусловливающей природы перехода, которая отражается в опыте органического индивида» [8, с. 59]. Таким образом Г. Мид указывает на конструирование прошлого в настоящем, причем эта реконструкция относится к интерпретации настоящего, «которая позволяет продолжаться осмысленному поведению» [8, с. 73]. Несмотря то, что социолог в некотором смысле задает конструктивистское понимание истории и прошлого, его исследовательские интуиции во многом остались нереализованными и не сформировались в качестве отдельного направления.

На европейском континенте дюркгеймианская социологическая традиция оказалась у истоков изучения социальной памяти и тем самым оказала решающий вклад в развитие данного направления [9–11]. Интерес Э. Дюркгейма к прошлому, который выразился в изучении коммеморативных ритуалов, а также в разработке тем, связанных с обоснованием социального генезиса основных категорий мышления (в числе которых было время), роли репрезентации прошлого в обновлении морального единства группы и ее солидарности, определил основные линии изучения памяти в социальной науке. Более того, разработки, характерные для работы «Элементарные формы религиозной жизни», были продолжением совместных с М. Моссом исследований коллективных классификаций времени в разных сообществах [12].

Э. Дюркгейм предложил целостную исследовательскую программу, которая была достаточно чувствительна к вопросам изучения коллективных представлений о прошлом как на уровне коллективных практик (социальная эпистемология и теория ритуала), так и на уровне коллективных представлений и космологий (социология знания). В этой модели представления являлись интерпретацией эффектов, производимых и воспроизводимых в моменты коллективного бурления посредством совместных ритуалов.

Более того, Э. Дюркгейм одним из первых поднял вопросы, связанные с чествованием мифологических героев, стоявших у основания того или иного сообщества. Если Э. Дюркгейм связывал наличие подобных церемоний и представлений с возникновением идеи бога, то его последователь С. Чарновски пошел в этом отношении несколько дальше. В работе «Культ героев и его социальные условия» он сосредоточился на анализе ритуальной организации Дня святого Патрика [13]. Таким образом, ученый углубляет положения Э. Дюркгейма, изучая уже не племенные сообщества и тотемический культ, а нации и историко-социальные условия их возникновения. В теории С. Чарновского национальные герои занимают центральное место в формировании национальной идентичности. Оставаясь элементом сакрального, такие фигуры являются собирательными образами, с которыми общество отождествляет себя. Культ героя, который С. Чарновски рассматривает на примере культа святого Патрика, обладает основными чертами, присущими коммеморативным ритуалам, и «воплощает в себе ценности, идеалы и надежды определенной социальной общности» [цит. по 13, с. 34]. Философ настаивает на том, что национальные герои и практики их чествования являются социальными феноменами и входят в структуру социальной памяти того или иного общества, что общество «воплощается в героях, а их слава является ее славой» [цит. по 13, с. 34].

Между тем формирование *memory studies* было опосредовано не только влиянием Э. Дюркгейма (хотя вклад последнего оказался довольно существенным), но и другими исследовательскими направлениями, в частности социологией знания в Германии, у истоков которой стоял К. Мангейм [5]. Социолог стал свидетелем разрушительных последствий Первой мировой войны, которая привела к серьезным общественным трансформациям, пересмотру традиционных форм мировоззрения, появлению новых идеологий. В своем творчестве К. Мангейм подошел к рассмотрению социального обусловленного знания и идеологии. Его интересовал вопрос «так называемой экзистенциальной обусловленности знания» [14, с. 182], он намеревался исследовать ее «применительно к различным содержаниям знания в прошлом и настоящем» [14, с. 182]. В работе «Проблема поколений» К. Мангейм вплотную подходит к тематике памяти с позиции социологии знания [15].

Подвергнув детальному анализу рассмотрение проблемы поколений в работах позитивистов и представителей романтического (антипозитивистского) направления, он приходит к выводу о необходимости разработки социологической теории генерации. Основной вопрос, который волновал позитивистов, заключался в необходимости разработки строго научной теории поколений, которая раскрывала бы основные механизмы влияния смены поколений на ход исторического развития и прогресса человечества, а также те органические факторы, которые определяли бы ту или иную генерацию. Попытки позитивистов отыскать объективные законы, управляющие ходом исторического развития, привели их к выделению биологических факторов, таких как продолжительность жизни человека, время жизни младшего и старшего поколения и др., в качестве приоритетных. Другими словами, позитивистская логика обозначила примат биологических факторов над социальными, сделав интеллектуальную жизнь поколений результатом развития органической жизни. Критикуя позитивизм за излишнее стремление к статистическим описаниям феномена генерации в духе естественных наук, К. Мангейм обращается

к рассмотрению антипозитивистской традиции. Антипозитивистский проект, вышедший из философии романтизма, вводит в рассмотрение проблемы поколений качественный аспект, связанный с восприятием внутреннего времени, которое не поддается статистическому анализу. Рассмотрение внутреннего времени предполагало не просто факт существования поколений в определенной исторической и хронологической последовательности, но и подверженность людей, составляющих одну генерацию, общим идеям, настроениям, чувствам. Общность коллективного опыта не могла быть подвергнута исключительно количественному анализу, а выхватывалась феноменологически из самого факта принадлежности исследователя к конкретной исторической эпохе. В конечном итоге К. Мангейм видит слабость антипозитивистского подхода в излишнем субъективизме, который в крайних случаях принимал характер спиритуализма.

Предлагая учитывать сильные стороны обоих подходов, К. Мангейм выдвигает конкретно социологический проект изучения поколений, где совместное переживание социальных событий людьми одного поколения становится центральной темой для дальнейших теоретических построений. Тем самым К. Мангейм вводит в оборот ряд важных социологических категорий, которые лежат в основе социологической теории генераций. Первое положение данной теории говорит нам о том, что единство поколения определяется «сходным местоположением множества индивидов в социальном пространстве» [15, с. 24], что определено наличием социальных структур, в которых располагаются индивиды, а также биологических ритмов. Социальные отношения, которые формируются внутри каждого поколения, определяют коллективный опыт индивидов, их образ мысли и поведения, что выражается через понятие «традиция». Культурное наследие, которое выражено в традиции, должно передаваться от одного поколения к другому для того, чтобы общественные структуры сохраняли свою стабильность. Так как в процессе смены поколений одни люди постоянно сменяются другими, должна существовать социальная память, т. е. процесс накопления, трансляции и усвоения опыта прошлого.

В этом контексте социальная память представляет собой процесс производства и воспроизводства накопленного опыта прошлого в настоящем. Она состоит, во-первых, из коллективно разделяемых образцов, которые осознаются в качестве таковых участниками исторического процесса и, во-вторых, из возможных непроблематичных для человека моделей прошлого, которые неосознанно воспроизводятся в настоящем. К. Мангейм настаивает на том, что память остается эпифеноменом индивидуального сознания, и лишь вскользь упоминает о социальной обусловленности индивидуальной памяти за счет переживания людьми одних и тех же событий. Несмотря на то что социальная память становится одним из важных элементов его теории поколений, данное понятие автором не проблематизируется и употребляется в качестве само собой разумеющегося. Более того, память остается социальной лишь постольку, поскольку воспроизводит пережитый индивидом социальный опыт. Что касается коллективных представлений о прошлом, то они не рассматриваются К. Мангеймом в качестве центральных для его научных изысканий.

Несмотря на то что уже в начале XX в. проблемы социальной памяти начинают разрабатываться в русле различных социологических течений, эта тема остается для многих исследователей скорее побочной и встраивается в более масштабные теоретические построения. Более того, лишь дюркгеймианский социологический проект оказался наиболее сенситивен к проблемам коллективного прошлого, что нашло отражение как в поздних работах самого Э. Дюркгейма, так и ряда его последователей. Неудивительно, что французская социология оказалась у истоков социологической теории памяти, модифицировав интеллектуальное наследие классика применительно к рассматриваемому вопросу.

Концепция коллективной памяти М. Хальбвакса

Центральной фигурой, которая положила начало полноценному социологическому изучению индивидуальной и коллективной памяти, была фигура М. Хальбвакса, ученика Э. Дюркгейма. Именно с его именем было связно введение в научный оборот термина «коллективная память». Его работы «Социальные рамки памяти» (1925), «Легендарная топография Евангелий в Святой Земле. Исследование в области коллективной памяти» (1941) и изданная посмертно «Коллективная память» (1950) признаются большинством исследователей в русле *memory studies* в качестве центральных для данного направления [16]. Однако, несмотря на общепризнанный вклад в социологию памяти, современные исследователи используют наследие М. Хальбвакса во многом лишь для институционального обоснования научности данного направления, уделяя внимание по большей части только самому термину «коллективная память» и истории его возникновения. Концептуальные основания его воззрений, а также связь между теориями коллективной памяти и дюркгеймианской традицией часто остаются без должного изучения.

Во многом интерес М. Хальбвакса к проблемам памяти был созвучен интеллектуальному контексту того времени. Во-первых, сама тематика памяти восходит к учителям М. Хальбвакса – А. Бергсону и Э. Дюркгейму, каждый из которых предложил

свой проект изучения памяти на индивидуальном (А. Бергсон) и коллективном (Э. Дюркгейм) уровнях [17]. Во-вторых, успехи индустриализации, изменения социальной структуры общества, окончательное разложение традиционных норм и ценностей, Первая мировая война и последовавшие за ней события привели к трансформации взглядов на природу времени и истории. Казалось, что историческое познание будет становиться все более объективированным, а связи с традициями и прошлым в современном обществе окончательно угаснут в будущем [18]. На фоне этих трансформаций ведущие мыслители того времени, среди которых были А. Бергсон и Э. Дюркгейм, старались переосмыслить роль памяти и прошлого в жизни современного им европейского общества. Для А. Бергсона индивидуальная память становится центральной категорией его философской системы, с которой он выстраивает новое понимание времени и темпоральности. Он предложил важное для современной ему философской мысли различение между живой памятью и объективированным и стандартизированным историческим знанием [19]. В свою очередь, Э. Дюркгейм также поставил в центр своих поздних работ вопрос об основаниях индивидуального мышления, поместив его в контекст коллективной жизни, что во многом противоречило персонализму А. Бергсона. По словам Дж. Олика, Э. Дюркгейм соединил когнитивный порядок и социальный порядок, тем самым предоставив М. Хальбваксу необходимые инструменты для изучения памяти [18]. Таким образом, восприняв саму проблему памяти из философии А. Бергсона, М. Хальбвакс тем не менее остается верным именно дюркгеймианской традиции [17;18; 20].

Следуя пути, намеченному Э. Дюркгеймом в работе «Элементарные формы религиозной жизни», М. Хальбвакс несколько переформулировал идеи своего учителя. Оставив тематику, связанную с теорией ритуала и сакрального, М. Хальбвакс сосредоточился на вопросах, связанных с основными категориями мышления. Именно в дюркгеймианской эпистемологии М. Хальбвакс обнаружил основные инструменты для анализа социальной памяти, что прямо выражено в названии его первой работы. Дело в том, что Э. Дюркгейм, изучавший происхождение основных категорий мышления, не давал им четкого определения, но сравнивал их со своего рода «рамками, прочно охватывающими мышление» [21, p. 9]. Таким образом, в работе «Социальные рамки памяти» автор сосредоточивается на индивидуальных воспоминаниях и их укорененности в групповом прошлом.

Для М. Хальбвакса формы памяти зависят от социальной организации, а социальные группы являются первичным элементом формирования индивидуальных воспоминаний [22]. Таким образом, встроенность индивидуальной памяти в социальный контекст делает ее предметом изучения не философии, как полагал А. Бергсон, а социологии. М. Хальбвакс настаивал на том, что индивидуальное сознание неспособно выстраивать воспоминания последовательно, не опираясь на социальные рамки, что проиллюстрировал на примере детских воспоминаний. Действительно, детские воспоминания взрослого человека во многом сформированы рассказами его родителей, сверстников и других близких ему людей, и сложно сказать, где человек помнит непосредственно пережитые моменты своего детства, а где реконструирует усвоенный им групповой нарратив, выдавая его за аутентичные воспоминания. Социальные рамки определяют, что и как мы можем вспомнить, а индивидуальные воспоминания невозможны вне группового контекста. М. Хальбвакс пишет о том, что «существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [22, с. 29]. Индивидуальные воспоминания, в случае если они будут исключены из социальных рамок, которые накладываются на индивидуальное сознание сообществом, будут менее доступны для реконструкции и оживления их в настоящем. Именно группа дает нам необходимые инструменты для организации и сохранения прошлого в памяти. Тем самым М. Хальбвакс ослабляет различие между индивидуальными и коллективными элементами воспоминаний. Даже когда человек вспоминает что-либо в одиночестве, он делает это как социальное существо, воспоминания которого связаны с его идентичностью, языком, культурой и т. д. «Функционирование индивидуальной памяти невозможно без тех орудий, какими являются слова и идеи, которые индивид не сам изобрел и которые он заимствует из своей социальной среды», – замечает М. Хальбвакс [цит. по 21, с. 14]. По мнению социолога, именно общество в широком смысле предоставляет нам необходимые инструменты для формирования воспоминаний.

С другой стороны, его последняя книга «Коллективная память», представленная в виде сборника эссе, содержит важные интуиции уже в контексте дюркгеймианской социологии знания и концентрируется на групповых представлениях о прошлом [23]. В этом контексте М. Хальбвакс указал на важное различение между коллективной и исторической памятью, что обосновывало изучение памяти в русле социологии, а не истории. Ранняя смерть М. Хальбвакса помешала закончить начатый проект, а его труды долгое время оставались недоступными широкому кругу читателей.

М. Хальбвакс различает автобиографическую, историческую и коллективную память [24]. Автобиографическая память относится к прошлому, которое человек непосредственно пережил и которое

отразилось в его личном опыте. В свою очередь, историческая память – это стандартизированная и объективированная память о прошлом «в сокращенной и схематичной форме» [24]. Автобиографическая память не может существовать вне исторической памяти, ведь наши воспоминания всегда помещены в более общий исторический контекст. М. Хальбвакс замечает, что, «будучи прочитанными в книгах, изучаемыми и заучиваемыми в школах, события прошлого отбираются, сопоставляются и классифицируются исходя из потребностей или правил, которые не были актуальными для тех кругов, которые долгое время хранили живую память о них» [24]. Тем самым он вводит второе важное различение – между исторической памятью и памятью коллективной, которая, в свою очередь, относится к «живому» прошлому группы. Коллективная память, в отличие от истории, непосредственно связана с пережитыми людьми событиями, которые лежат в основании идентичности той или иной социальной группы. Это «живое» прошлое, которое влияет на настоящее и опосредуется им. Иными словами, коллективная память – это «группа, рассматриваемая изнутри, причем за период, не превосходящий средний срок человеческой жизни, а очень часто за гораздо более короткое время. Она представляет группе ее собственный образ, который, конечно, развертывается во времени, поскольку речь идет о ее прошлом, но таким образом, что она всегда узнает себя в сменяющих друг друга картинах» [24]. С одной стороны, коллективная память обладает чертами автобиографической памяти, она эмоционально окрашена, а события прошлого, которые она хранит, являются для группы определяющими и наиболее ценными. С другой стороны, коллективная память не сводится к автобиографической памяти, она хранит групповое прошлое, события, которые мы могли не переживать непосредственно, но которые влияют на нас как на членов той или иной группы. М. Хальбвакс настаивает на связи между продолжительностью группы и ее памятью. Групповая память существует до тех пор, пока существует сама группа. Группа развивает и сохраняет память о самой себе и своем прошлом, что является основой для поддержания ее идентичности. Коллективные воспоминания являются социально фреймированными, поскольку группы сами определяют те способы, на основании которых выстраиваются индивидуальные воспоминания. Более того, индивидуальные воспоминания также определены социальным влиянием. Если историческая память сосредоточена прежде всего на прошлом в его формализованном виде, то коллективная память всегда находится в настоящем, это воспоминания группы, которые мы имеем сейчас.

В данном отношении М. Хальбвакс наиболее близко подходит к воззрениям своего учителя Э. Дюркгейма и его теории коллективных представлений, которые выражены в коллективно разделяемых символах. В этом контексте Дж. Олик замечает, что, даже несмотря на то что многие люди не способны четко идентифицировать и расшифровать символы прошлого, которые хранит коллективная память, эти символы остаются необходимым элементом коллективной идентичности тех или иных групп, наций и т. д. [18]. В своих поздних работах Э. Дюркгейм показал, что коллективно разделяемые преставления о прошлом могут жить по собственным законам, становясь элементами космогоний, воплощаясь в качестве социальных структур, в которые помещены индивидуальные действия. С другой стороны, индивидуальное сознание способно вносить изменения в коллективные представления о прошлом, интерпретируя их исходя из личного опыта. Однако так же, как неверная интерпретация отдельным человеком того или иного слова не способна повлиять на коллективно разделяемое значение слов в конкретном языке, так и то, как каждый из нас интерпретирует символы прошлого, чаще всего не влияет на содержание коллективных представлений, которые зафиксированы в культуре и символических классификациях. Более того, символические границы коллективных представлений о прошлом поддерживаются определенными социальными институтами, которые посредством коллективных ритуалов оживляют и обновляют символы прошлого в групповом сознании. Таким образом, коллективные представления о прошлом становятся частью традиции, что придает им прочность и возможность транслироваться от одного поколения к другому. Коллективные символы прошлого и представления, которые они репрезентируют, обладают определенной степенью прочности и инертности и способны существовать в отрыве от тех социальных практик, которые их породили.

В этом контексте Дж. Олик замечает, что дюркгеймианскую линию, которая работает с коллективными представлениями о прошлом, следует критиковать за метафизичность [18]. Однако эта позиция далека от истины. Несмотря на явный коллективистский акцент в творчестве Э. Дюркгейма, сам он не видел за системами коллективных представлений некой отдельной и автономной реальности в метафизическом смысле. Следует помнить, что основанием для возникновения и обновления коллективных представлений и символов служили коллективно исполняемые практики, другими словами, ритуалы. Более того, несмотря на то что общество – это реальность *sui generis* (с лат. – единственный в своем роде), оно существует не над индивидами, словно отдельный регион бытия, а внутри них в качестве исполняемых ими социальных практик и интериоризированных норм, ценностей и моделей поведения.

Таким образом, коллективную память в трактовке М. Хальбвакса не следует понимать как некоторую обособленную реальность общих воспоминаний, словно бы само общество обладало отдельной от индивидов памятью. М. Хальбвакс много раз указывал на то, что помнит именно индивид [7; 17; 20], несмотря на то что этот процесс имеет социальные рамки. Принятие этой перспективы позволяет более отчетливо увидеть эвристический потенциал дюркгеймианской традиции в изучении коллективной памяти. Действительно, обозначенная линия уделяет большое внимание именно коллективному характеру памяти не только с перспективы социологии знания, но и с перспективы коллективно исполняемых коммеморативных практик. Очевидно, что существуют не только коллективно разделяемые воспоминания, объективированные в символах и символических классификациях, но и более прочные социальные структуры, определяющие характер процессов индивидуального и коллективного (в форме ритуалов) вспоминания [11].

Тем не менее творчество М. Хальбвакса в целом не следует считать простым продолжением дюркгеймианской традиции [18; 20]. Хотя М. Хальбвакс, как и Э. Дюркгейм, был убежден в том, что функция памяти состоит не в сохранении прошлого, а в объединении группы через символическое измерение ценностей и моральных установок, его теория имела ряд существенных особенностей. В отличие от своего учителя, который обосновывал существование коллективно разделяемых представлений о прошлом для общества в целом, М. Хальбвакс занялся рассмотрением специфических типов памяти для разных групп. Более того, М. Хальбвакс одним из первых обратил внимание на то, что современное общество может конструировать свое прошлое для осуществления каких-либо целей в настоящем [20], а коллективная память «не хранит, а реконструирует прошлое с помощью оставшихся от него материальных следов, обрядов, текстов, традиций, а также социально-психологических данных недавнего происхождения, т. е. с помощью настоящего» [24].

В своем исследовании коллективной памяти М. Хальбвакс выходит за рамки ритуальной практики, которая непосредственно интересовала Э. Дюркгейма. Если последний касается проблемы памяти только в главе о коммеморативных ритуалах [21], то М. Хальбвакс делает тематику памяти центральной для своих работ. Фундаментальный вклад М. Хальбвакса в изучение коллективной памяти заключается в установлении связи между социальными группами и групповой памятью [20]. Он расширяет подход Э. Дюркгейма, раскрывая и классифицируя элементы социальной жизни, влияющие на формирование индивидуальной памяти, и выделяет «два вида деятельности в социальном мышлении: с одной стороны, память, то есть рамку, образуемую понятиями, которые служат нам ориентирами и относятся исключительно к прошлому; а с другой стороны, деятельность рассудка, исходящую из нынешних условий, в которых находится общество, то есть из настоящего» [22, с. 337].

Исследовательские перспективы и критические замечания

Таким образом, даже несмотря на наличие различных, часто конкурирующих между собой интерпретаций, работы М. Хальбвакса остаются центральными для современных *memory studies*. В 1980-х гг. в связи с «мемориальным бумом» возникает новая волна интереса к творчеству автора [5]. Наследие М. Хальбвакса становится определяющим для работ таких исследователей, как П. Нора, Я. Ассман, А. Ассман и др.

Основываясь на фундаментальном различении М. Хальбвакса между коллективной, «живой», памятью и исторической, «мертвой», памятью, Я. Ассман предлагает разделять две формы существования коллективной памяти – коммуникативную и культурную. Коммуникативная память соотносится с «живой» памятью, т. е. представляет собой коллективные воспоминания о прошлых событиях со стороны участников этих событий, это память современников, т. е. людей одного поколения. Такая память существует не более 80 лет и в конечном итоге уступает место культурной памяти. Последняя связана с сохранением определенных фиксированных моментов прошлого. Несмотря на то что обе формы памяти направлены на поддержание коллективной идентичности группы, ее целостности и единства, культурная память остается в этой дихотомии «холодной» памятью, объективированной в виде культурных символов, артефактов, исторических текстов. Если коммуникативная память существует естественно в виде воспоминаний и рассказов очевидцев, то культурная нуждается в институциональной поддержке и символической форме, а прошлое должно постоянно воспроизводиться в памятных ритуалах и праздниках [25]. Здесь Я. Ассман приходит к аналогичным выводам, что и Э. Дюркгейм, указывая на сакральный характер культурной памяти и ее существование внутри жестких символических границ. Культурная память возвышается над повседневностью и поэтому не может существовать в ней. Она не относится к индивидуальным биографиям. Это «мертвая» память институтов.

А. Ассман идет в этом отношении еще дальше. Сохраняя общее для М. Хальбвакса и Я. Ассмана различение между индивидуальной, социальной и культурной памятью, она предлагает перейти от непосредственного изучения различных версий культурной памяти к их критике: «Так же, как задачей психотерапии является нейтрализация и перевод в позитивное русло индивидуальных воспоминаний, сдерживающих развитие индивидуума, так и задачей культурологического исследования должно быть раскрытие опасной динамики коллективных воспоминаний и разработка объективных критериев определения их негативного потенциала» [26, с. 227].

Между тем культурологическое прочтение наследия М. Хальбвакса не является доминирующим. Уже в момент написания своих работ по социологии памяти, М. Хальбвакс активно сотрудничал с французскими историками, представителями школы «Анналов» М. Блоком, Л. Февром и др., более того, входил в первую редакцию «Анналов», во многом повлияв на развитие французской историографии. Наследник школы «Анналов» П. Нора, находясь в центре «мемориального бума», также предпринимает попытку ревизии идей М. Хальбвакса. Используя определение коллективной памяти как живых воспоминаний группы, П. Нора констатирует смерть коллективной памяти по причине исчезновения основных ее носителей – крестьянства [27]. Итогом бурного индустриального развития Франции автор называет утрату «традиций, пейзажей, ремесел, обычаев, жизненных укладов, не менявшихся во Франции дольше, чем в соседних индустриальных странах» [27]. Исчезновение традиционных форм «живой» памяти подтолкнуло общество к поиску новых оснований своей идентичности, возвращению к корням и утраченному прошлому. По мнению П. Нора, в наше время следует говорить о сакрализации национальной памяти, которая приходит на смену сельским, общинным традициям. Однако это повальное увлечение прошлым для автора имеет неоднозначные последствия. П. Нора замечает, что «требование возвращения памяти – форма взывания к правосудию. Но на практике она часто оказывалась призывом к убийству» [27].

В свою очередь, память нации, неспособная сохраниться в устной традиции, воплощается в местах памяти, которые «существуют потому, что больше нет памяти социальных групп» [27]. П. Нора усиливает эту интенцию, говоря о местах памяти как о том, «что скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью искусства и воли сообщество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого» [27].

Таким образом, его работы были призваны вскрыть «места памяти» французской истории, сделать их явными и показать, как национальное прошлое способно воспроизводиться в настоящем в момент, когда исчезает групповая память. В этом контексте творчество М. Хальбвакса для П. Нора становится не просто легитимирующей отсылкой. В определенном смысле французский историк является продолжателем идей М. Хальбвакса, который первым указал на то, что «живая» память групп начинает уступать место формализованной и объективированной исторической памяти.

В этом отношении интересно, что представленные выше проекты ревизии наследия М. Хальбвакса по большей части относятся к работам историков и культурологов, а не социологов. В современной социологии памяти влияние М. Хальбвакса, несмотря на признанную важность последнего, носит скорее негативный характер, а отправной точкой для построения различных теорий социальной памяти служит критика его научных изысканий.

Так, ряд исследователей [5; 18; 20] настаивает на том, что М. Хальбвакс не разрабатывал теоретическую основу концепции коллективной памяти и не давал четкого определения этого понятия. В данном отношении интерпретация его наследия остается затруднительной. М. Хальбвакс говорил о том, что социальные группы создают свои собственные образы мира, устанавливая согласованную и коллективно разделяемую версию прошлого, что сегодня подвергается критике за чрезмерный упор на групповой консенсус. С другой стороны, его концепция не позволяла в полной мере отразить динамику коллективной памяти, причины и механизмы ее трансформации, а также напряжение между индивидуальной и коллективной памятью. Более того, Б. Мишталь указывает на еще один важный недостаток его концепции, который лежит в предположении о том, что коллективная идентичность предшествует памяти и формирует ее. То есть теория М. Хальбвакса не учитывает диалектические отношения между идентичностью и памятью, равно как и способность коллективной памяти влиять на формирование индивидуальной и групповой идентичности [20]. В свою очередь, критика Л. Козером основных идей М. Хальбвакса сосредоточилась на невозможности последнего объяснить историческую преемственность памяти, конфликтные отношения как между прошлым и настоящим, так и между разными представлениями о прошлом. По мнению Л. Козера, группы неспособны своевольно изменять представления о прошлом только исходя из собственных интересов, так как вынуждены будут иметь дело с прошлыми системами коллективных представлений [28].

Дж. Олик указывает на то, что М. Хальбвакс не представляет нам интегрированную парадигму, которая бы одновременно учитывала как индиви-

дуальную память, связанную социальными рамками, так и коллективно разделяемые представления о прошлом [18; 16]. Два этих направления представлены в работах М. Хальбвакса отдельно друг от друга, и неясно, каким образом могут быть связаны индивидуальные воспоминания и представления о прошлом. Более того, в своих ранних работах Дж. Олик говорит о том, что данные измерения памяти кажутся радикально отличными онтологическими порядками и требуют различных эпистемологических и методологических стратегий [16].

Между тем Дж. Олик упускает принципиально важный момент: линия позднего Э. Дюркгейма, воспринятая и развитая М. Хальбваксом, содержала в себе различие между социальной эпистемологией и социологией знания, что предполагало анализ социальной реальности на двух уровнях – уровне категорий мышления и уровне коллективных представлений. В этом смысле воззрения М. Хальбвакса во многом остаются в рамках дюркгеймианской линии. Первая его работа сосредоточивается на социальных рамках индивидуальной памяти, где раскрывается эпистемологический аргумент Э. Дюркгейма, тогда как его поздняя работа «Коллективная память» по большей части развивается в русле социологии знания. Несмотря на влияние А. Бергсона, на наш взгляд, неправомерно критиковать М. Хальбвакса за кажущуюся противоречивость между индивидуальной и коллективной памятью как несоразмерными онтологическими порядками. Поздние работы Дж. Олика [18] являются в этом отношении более взвешенными, а сам социолог уделяет дюркгеймианской линии в работах М. Хальбвакса должное внимание.

На том, что современные теоретики *memory studies* не придают достаточного значения концептуальным основаниям теории М. Хальбвакса при общей популярности его взглядов, настаивает, к примеру, и С. Гинсбургер. По ее мнению, М. Хальбвакс рассматривает социальную память не с холистических, а с микроинтеракционистских и реляционных позиций, где коллективная память понимается как опосредованная социальными взаимодействиями между людьми и их положением в социальной структуре. Социальное пространство как пространство социальных взаимодействий является искомой рамкой индивидуальных воспоминаний, а коллективная память является не памятью группы, а скорее переплетением точек зрения на коллективное прошлое [16].

Заключение

Социология коллективной памяти является одним из ключевых направлений в современных *memory studies* не только фактически, но и исторически. Предпринятая нами реконструкция основополагающих для *memory studies* идей позволила увидеть прочное социологическое ядро этого трансдисциплинарного проекта. На сегодня дискуссии вокруг работ основателя социологии памяти французского социолога М. Хальбвакса продолжают инспирировать многие исследования в русле названного направления. Более того, конкретно социологическое изучение коллективной памяти видится нам одним из наиболее перспективных именно ввиду предпринимаемых учеными попыток разработать аксиоматическое ядро и общие методологические основания этой дисциплины. Тем не менее критика работ М. Хальбвакса самими социологами несколько затрудняет этот процесс, особенно в контексте недостаточной разработанности концептуальных связей между воззрениями французского мыслителя и дюркгеймианским исследовательским проектом. Таким образом, настоящая работа призвана пролить свет на институциональные основания социологии памяти в контексте ее возникновения и развития. Представленные ниже тезисы раскрывают эту интенцию более детально.

1. Тематика памяти в социологии не является неким маргинальным ответвлением либо следованием общетеоретическим трендам современных социальных наук. Представленный анализ социологических проектов изучения памяти в межвоенный период показал, что указанная категория использовалась различными исследователями, начиная от представителей символического интеракционизма и заканчивая дюркгеймианцами и немецкой социологией знания. Несмотря на то что М. Хальбвакс был одним из немногих известных социологов, который подошел к рассматриваемой проблеме наиболее плотно, социология памяти не является исключительно его задумкой, но связана с интеллектуальным контекстом того времени и встроена в парадигмальные рамки «больших» социологических теорий.

2. Необходимо отметить некоторые трудности с критикой в адрес М. Хальбвакса в отношении отсутствия у последнего разработанной теоретической базы. Нами было показано, что данная проблема решается, если рассматривать работы французского социолога не как автономные тексты, а как прямое продолжение исследовательского проекта Э. Дюркгейма, представленного в работе «Элементарные формы религиозной жизни».

3. Проблема памяти у М. Хальбвакса анализируется с точки зрения двух основополагающих уровней, представленных и разработанных в трудах Э. Дюркгейма, – уровня социальной эпистемологии (вопрос о социальном генезисе категорий мышления) и уровня социологии знания (вопрос о системах коллективных представлений, репре-

зентирующих ту или иную группу). Следует учитывать, что Э. Дюркгейм обозначил то, каким образом категории мышления проистекают из социальной организации и коллективно исполняемых практик и как, в свою очередь, формируется система коллективных представлений. Подтверждение связи между работами М. Хальбвакса и Э. Дюркгейма мы можем обнаружить в работах Я. Ассмана, который, используя интуиции М. Хальбвакса и широкую эмпирическую базу, во многих отношениях приходит к выводам, созвучным с основными идеями Э. Дюркгейма.

4. Несмотря на трудности с актуализацией работ М. Хальбвакса в современной социологической теории, переосмысление основных положений его исследовательского проекта с учетом новых разработок в социальных науках для *memory studies* оказывается весьма продуктивным. Заданная им схема различений между индивидуальной, коллективной и исторической памятью с учетом модели, представленной в работах Э. Дюркгейма, может быть успешно использована в качестве эпистемологического и институционального основания современных *memory studies* и социологии памяти.

Библиографические ссылки

1. *Иванов Д. В.* Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин // ЖССА. 2010. Т. 13, № 2. С. 21–51.
2. *Романовский Н. В.* Новое в социологии: бум памяти // Социол. исслед. 2011. № 6. С. 13–23.
3. *Kansteiner W.* Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // Hist. Theory. 2002. Vol. 41, No. 2. P. 179–197.
4. *Олик Дж., Хлевнюк Д.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социол. обозр. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.
5. *Schwartz B.* Introduction: The Expanding Past // Qual. Sociol. 1996. No. 19(3). P. 275–282.
6. *Васильев А. Г.* Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / отв. ред. Л. П. Репина. М. : Кругъ, 2008.
7. *Olick J. K., Robbins J.* Social memory studies: From «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices // Annu. Rev. Sociol. 1998. No. 24. P. 105–140.
8. *Мид Дж. Г.* Философия настоящего. М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014.
9. *Васильев А. Г.* Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социол. обозр. 2014. Т. 13, № 2. С. 141–167.
10. *Misztal B.* Durkheim on Collective Memory // J. Class. Sociol. 2003. No. 3. P. 123–143.
11. *Сульжицкий И. С.* К обоснованию дюркгеймианской программы в современных memory studies: коммеморативный ритуал и амбивалентность памяти // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 64–72.
12. *Дюркгейм Э., Мосс М.* О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс. М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 55–124.
13. *Васильев А. Г.* Культ героя и национальная идентичность: изучение коллективной памяти в социологии культуры С. Чарновского // Рос.-полит. истор. альманах. 2014. Вып. VII. С. 55–124.
14. *Мангейм К.* Идеология и утопия. М. : Юристъ, 1994.
15. *Мангейм К.* Проблема поколений // Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. М. : ИНИОН РАН, 2000.
16. *Gensburger S.* Halbwachs' studies in collective memory: A founding text for contemporary 'memory studies'? // J. Class. Sociol. 2016. Vol. 16, issue 4. P. 396–413.
17. *Olick J. K.* Collective Memory: The Two Cultures // Soc. Theory. 1999. Vol. 17, No. 3. P. 333–348.
18. *Olick J. K* The Collective Memory Reader. New York : Oxford University Press, 2011.
19. *Бергсон А.* Творческая эволюция. Материя и память. Минск : Харвест, 1999.
20. *Misztal B. A.* Theories of social remembering. Maidenhead : Open Univ. Press, 2003.
21. *Durkheim E.* The elementary forms of religious life / transl. by K. E. Fields. New York : The Free Press, 1995.
22. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М. : Новое изд-во, 2007.
23. *Halbwachs M.* The Collective Memory / introd. by M. Douglas. New York : Harper Colophon, 1980.
24. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Журн. зал. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/a2.html (дата обращения: 24.11.2017).
25. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Яз. славян. культуры, 2004.
26. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое лит. обозрение, 2014.
27. *Нора П.* Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] // Журн. зал. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (дата обращения: 21.11.2017).
28. *Halbwachs M.* On Collective Memory / ed., transl. by L. A. Coser. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1992.

References

1. Ivanov D. V. Actual sociology: laughing science searching for nicked truths. *J. Sociol. Soc. Anthropol.* 2010. Vol. 13, No. 2. P. 21–51 (in Russ.).
2. Romanovsky N. V. Memory boom in sociology. *Sotsiologicheskie issled.* [Sociological Research]. 2011. No. 6. P. 13–23 (in Russ.).
3. Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *Hist. Theory.* 2002. Vol. 41, No. 2. P. 179–197.

4. Olik J., Khlevnyuk D. Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. *Russian Sociol. Rev.* 2012. Vol. 11, No. 1. P. 40–74 (in Russ.).

5. Schwartz B. Introduction: The Expanding Past. *Qual. Sociol.* 1996. No. 19(3). P. 275–282.

6. Vasil'ev A. G. [Contemporary memory studies and the transformation of the classical heritage]. In: L. P. Repin [*Dialogues over time: the memory of the past in the context of history*]. Moscow : Krug, 2008 (in Russ.).

7. Olick J. K., Robbins J. Social memory studies: From «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices. *Annu. Rev. Sociol.* 1998. No. 24. P. 105–140.

8. Mead J. G. *Filosofiya nastoyashchego* [The philosophy of the present]. Moscow : The Publ. House of the Higher School of Econ., 2014 (in Russ.).

9. Vasilyev A. G. Embodied memory: commemorative ritual in the sociology of Emile Durkheim. *Russian Sociol. Rev.* 2014. Vol. 13, No. 2. P. 141–167 (in Russ.).

10. Misztal B. Durkheim on Collective Memory. *J. Class. Sociol.* 2003. No. 3. P. 123–143.

11. Sulzhytski I. S. On the justification of Durkheimian program in contemporary *memory studies*: commemorative ritual and the ambiguity of the memory. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 64–72 (in Russ.).

12. Durkheim E., Moss M. On Some Primitive Forms of Classification: Contribution to the Study of Collective Representations. In: M. Moss. [Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. Moscow : Publ. firm «Oriental literature» of the Russian Acad. of Sci., 1996. P. 55–124 (in Russ.).

13. Vasil'ev A. G. [Cult of the hero and national identity: the study of collective memory in the sociology of culture S. Charnovsky]. *Ross.-Pol. istoricheskii al'manakh* [Russian-Polish historical almanac]. 2014. Issue VII. P. 55–124 (in Russ.).

14. Mannheim K. *Ideologiya i utopiya* [Ideology and Utopia]. Moscow : Jurist, 1994 (in Russ.).

15. Mannheim K. The problem of generations. *Essays on the Sociology of Knowledge: The Generation Problem. Competitiveness. Economic ambitions*. Moscow : Inst. of Sci. Inf. Soc. Sci., 2000 (in Russ.).

16. Gensburger S. Halbwachs' studies in collective memory: A founding text for contemporary «memory studies»? *J. Class. Sociol.* 2016. Vol. 16, issue 4. P. 396–413.

17. Olick J. K. Collective Memory: The Two Cultures. *Soc. Theory.* 1999. Vol. 17, No. 3. P. 333–348.

18. Olick J. K. The Collective Memory Reader. New York : Oxford Univ. Press, 2011.

19. Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'* [Creative evolution. Matter and memory]. Minsk : Harvest, 1999 (in Russ.).

20. Misztal B. Theories of social remembering. Maidenhead : Open Univ. Press, 2003.

21. Durkheim E. The elementary forms of religious life. New York : The Free Press, 1995.

22. Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Moscow : New Publ. House, 2007 (in Russ.).

23. Halbwachs M. The Collective Memory. New York : Harper Colophon, 1980.

24. Halbwachs M. [Collective and historical memory]. *Zurnal'nyi zal* [Journal Hall]. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html (date of access: 24.11.2017) (in Russ.).

25. Assman J. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Moscow : Yazyki slav. kul'tury, 2004 (in Russ.).

26. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie, 2014 (in Russ.).

27. Nora P. [World memory celebration]. *Zurnal'nyi zal* [Journal Hall]. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (date of access: 21.11.2017) (in Russ.).

29. Halbwachs M. On Collective Memory. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1992.

Статья поступила в редколлегию 05.12.2017.
Received by editorial board 05.12.2017.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.347(=161.3)(438+474.5)(043.3)

ТРАДИЦИОННЫЕ СМИ ПРОТИВ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ: НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ

А. В. ПОСТАЛОВСКИЙ[1)]

[1)]*Центр социологических и политических исследований БГУ, ул. Академическая, 25, 220072, г. Минск, Беларусь*

Исследуется специфика трансформации национального информационного поля. На основе многолетних (2003–2015) эмпирических данных определяется структура современного информационного поля и место каждого из ее сегментов (телевидение, радио, газеты, интернет, средства сетевой виртуальной медиакоммуникации). Определяется место и роль каждого из сегментов национального информационного поля в структуре приоритетов массовой аудитории. Выявляются основные тенденции развития информационного поля (медиаконвергенция). Анализ результатов социологического мониторинга в течение 13 лет позволяет выдвинуть научно-теоретическую гипотезу относительно дальнейшего функционирования СМИ. Результатом анализа актуальных теоретических концепций по социологии СМИ (Э. Тоффлер, М. Кастельс, М. Маклюэн) и многолетней эмпирической социодинамики выступает прогноз развития потенциальных направлений структурной трансформации национального информационного поля.

Ключевые слова: национальное информационное поле; средства массовой информации; трансформация; средства сетевой виртуальной медиакоммуникации; интернет; медиаконвергенция.

Образец цитирования:
Посталовский А. В. Традиционные СМИ против интернет-ресурсов: направления трансформации национального информационного поля // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 123–132.

For citation:
Postalovsky A. V. Traditional media vs internet-resources: directions of transformation of the national information field. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 123–132 (in Russ.).

Автор:
Александр Владимирович Посталовский – кандидат социологических наук; научный сотрудник.

Author:
Alexander V. Postalovsky, PhD (sociology); researcher.
postalnio@tut.by

Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. P. 123–132
Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2017. No. 4. P. 123–132

TRADITIONAL MEDIA VS INTERNET-RESOURCES: DIRECTIONS OF TRANSFORMATION OF THE NATIONAL INFORMATION FIELD

A. V. POSTALOVSKY[a]

[a]*Center of Sociological and Political Studues of the Belarusian State University, 25 Acadjemichnaja Street, Minsk 220072, Belarus*

The article is devoted to the sociological study of the specifics and specifics of the transformation of the national information field. On the basis of many years of empirical data (2003–2015), a structure and a specific alignment of the information field segments (television, radio, newspapers, the Internet, virtual media media), formed at the present time. The place and role of each segment of the national information field in the structure of priorities of the mass audience is determined. The main trends in the development of the information field (mediaconvergence) are revealed. An analysis of the thirteen-year dynamics of the results of sociological monitoring makes it possible to propose a scientific and theoretical hypothesis regarding the further functioning of the means of the national media system in modern conditions. The result of the analysis of actual theoretical concepts in the sociology of the media (E. Toffler, M. Castells, M. McLuhan) and longstanding empirical sociodynamics is the formation of a forecast for further potential directions of the structural transformation of the national information field.

Key words: national information field; mass media; transformation; means of network virtual media communication; internet; media convergence.

В современных условиях национальное информационное поле (далее – НИП) охватывает трансформирующееся воздействие на аудиторию его внутренних сегментов. В различные периоды степень влияния того или иного сегмента поля отличалась в зависимости от медийных предпочтений аудитории. Так, в 2003 г. в отечественной науке интернет еще не воспринимался как самостоятельный и динамично развивающийся сегмент НИП [1]. Однако развитие современных информационно-коммуникативных технологий и возрастающая с каждым годом популярность сетевых ресурсов привели к тому, что уже спустя несколько лет интернет стал одним из самых влиятельных и стремительно развивающихся сегментов НИП. Динамика происходящих в современной медиасфере процессов обусловливает структурную трансформацию НИП, в рамках которой происходит перераспределение влияния на массовую аудиторию от традиционных СМИ в пользу сетевых ресурсов и средств сетевой виртуальной медиакоммуникации. В связи с этим актуальной представляется фиксация медийных предпочтений аудитории НИП в конкретный период с целью определить итоговую расстановку сегментов поля и выявить степень информационного воздействия каждого из них.

Заявленная исследовательская стратегия соответствует направлениям социологии пространства и позволяет ответить на вопрос о том, «в каком смысле и применительно к каким феноменам вообще можно говорить об их локализации, ставить вопросы… которые имеют прямое отношение к проблемам информационного пространства, например "где находится Интернет?» [2, с. 32]. Определение места и роли сегментов НИП (радио, газеты, телевидение, интернет-ресурсы (сайты, новостные порталы), средства сетевой виртуальной медиакоммуникации) посредством социологических методов представляется основной задачей настоящей статьи. Построение эмпирической социодинамики функционирования НИП и его сегментов в различные периоды позволит сделать прогноз развития национальной системы массовой информации.

Изменяющийся характер воздействия субъектов информационного поля, обусловленный приоритетами аудитории, вызывает его структурную трансформацию. Как отмечает А. Н. Данилов, «трансформационный процесс состоит из ряда последовательных трансформационных состояний, каждое из которых представляет собой реально достигнутые перемены в конкретный период времени» [3, с. 10]. Содержанием трансформации информационного поля Республики Беларусь выступает изменение влияния на аудиторию его внутренних сегментов. Е. С. Пендраковская в данном случае говорит о «трансформационном поле», специфическим свойством которого «является его многомерность, которая явилась предпосылкой амбивалентного характера функционирования: обладая качеством целого, оно "распадается" на элементы – условно – "трансформационные состояния", которые могут различаться как при диагнозе на одном переходном этапе, так и представлять идентичные сегменты в разные периоды» [4, с. 9].

Исследование динамики трансформации информационного поля Республики Беларусь позволяет определить потенциальные вариативные направ-

ления его дальнейшего развития. Изучение структурных сегментов НИП проводилось в 2003–2015 гг. посредством массовых социологических опросов населения, организованных ЦСПИ БГУ. Для данного исследования применялась *многоступенчатая стратифицированная выборка* с использованием маршрутного метода отбора респондентов на последней ступени отбора. Объем выборки – 1000 человек.

В таблице 1 отражена динамика трансформации медийных предпочтений аудитории НИП относительно основных источников информации.

Таблица 1

Динамика приоритетов белорусской аудитории СМИ в выборе основных источников получения массово-политической информации, %

Table 1

Dynamics of priorities of the Belarusian mass media audience in the choice of the main sources of mass political information, %

Проблема	СМИ	Год												
		2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Политика	Газеты	18,5	40,4	47,6	43,2	37,6	41,0	37,1	39,6	30,2	34,8	29,7	24,7	19,6
	Радио	11,7	23,4	14,9	14,0	9,4	9,3	12,7	11,7	12,0	11,1	7,1	9,4	7,7
	ТВ	67,0	73,0	85,3	82,1	82,2	83,5	80,2	80,6	79,6	76,6	68,6	73,7	69,9
	Интернет	0,7	1,3	2,7	6,6	9,8	13,8	18,7	20,1	26,7	34,9	41,2	42,8	44,9
	Интернет (ССВМК[1])	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	15,2
Экономика	Газеты	23,7	39,0	44,1	40,2	35,2	36,7	35,8	34,1	28,7	33,1	24,4	21,0	19,0
	Радио	12,7	21,2	12,2	11,7	8,7	8,8	11,3	10,8	9,6	10,2	8,6	8,7	7,6
	ТВ	59,8	69,1	83,4	78,2	77,7	76,0	70,5	74,6	74,2	73,2	63,7	68,6	65,4
	Интернет	0,3	1,5	2,8	7,0	8,8	15,3	19,6	19,6	28,9	33,4	43,8	44,3	43,9
	Интернет (ССВМК)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	14,9
Культура	Газеты	20,3	35,8	39,5	32,6	24,9	31,5	29,9	28,1	24,5	27,1	22,8	20,0	17,6
	Радио	12,0	23,8	16,5	19,8	17,1	16,2	17,2	17,1	16,5	17,1	13,9	12,9	10,8
	ТВ	61,3	69,0	82,6	80,9	78,0	79,3	72,6	78,9	74,3	72,3	62,9	64,3	66,6
	Интернет	1,3	2,1	4,0	7,3	11,3	16,2	23,0	21,5	27,5	34,9	43,6	44,6	44,9
	Интернет (ССВМК)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	21,4
Экология	Газеты	–	–	–	33,3	27,4	29,6	27,5	25,0	20,6	25,3	22,3	17,4	16,7
	Радио	–	–	–	13,4	10,2	9,1	9,4	9,9	8,2	11,3	6,1	8,4	5,8
	ТВ	–	–	–	77,4	74,8	74,3	69,6	72,8	69,4	67,5	58,8	64,0	62,2
	Интернет	–	–	–	6,8	10,2	14,3	18,3	19,8	26,2	32,1	42,1	40,1	42,2
	Интернет (ССВМК)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	14,3

Эмпирические результаты проводимого мониторинга выявили устойчивую тенденцию стремительно возрастающего влияния интернет-ресурсов (новостные порталы, сайты), которые фактически вытеснили такие некогда влиятельные его субъекты, как радио и печатные СМИ. Если в 2003–2005 гг.

[1]Здесь и далее ССВМК – средства сетевой виртуальной медиакоммуникации.

влияние интернет-ресурсов в НИП было незначительным, то в настоящее время это наиболее развивающийся сегмент. Кроме того, в структуре самого НИП выделяется принципиально новый сегмент – ССВМК, который необходимо рассматривать отдельно от классических интернет-ресурсов (сайтов, новостных порталов). Они представляют собой сетевое онлайн-пространство, основной задачей которого выступают визуализированные социальные отношения, межличностное общение интернет-пользователей, формирование интерактивных форм самопрезентации, а также возможность индивидуального создания и последующего распространения информационного контента. ССВМК – это прежде всего комплексное собирательное понятие форм сетевой коммуникации и технологий воспроизводства массовой информации (социальные сети, блогосфера, видеохостинги, каналы индивидуальной сетевой презентации).

В настоящее время для НИП характерна тенденция медиаконвергенции структурных сегментов, т. е. взаимного медиазамещения.

Медиаконвергенция предполагает видоизменение форматов подачи материалов и стирание структурных границ между традиционными сегментами информационного поля и интернет-ресурсами. Телевизионное вещание проводится в том числе через потоковое мультимедиа (технология *Stream-TV*) и в формате *IPTV*, равно как и видеохостинги обеспечивают прямую трансляцию телевизионного сигнала. В частности, технологии *Stream-TV* выступают в качестве передовых разработок в области организации прямых трансляций с места события. Режиссер онлайн-трансляции организует сетевую площадку воспроизводства телевизионного изображения, передающегося от «стримеров» (операторов на местах), причем у зрителя в данном случае есть возможность наблюдать за воспроизводимым социальным действием в режиме реального времени одновременно с нескольких камер.

Посты в блогосфере имеют ярко выраженный колумнистический формат, характерный для печатных СМИ. Фоновый просмотр телепрограмм во время значимого для индивида в конкретный момент социального действия стал таким же обыденным явлением, как и простое прослушивание радиопередачи, которое выступает прежде всего фоном к происходящему.

Как отмечает Э. Тоффлер, «…высокая степень проникновения друг в друга и превращает индивидуальные СМИ в некую систему… вместе с процессом глобализации это уменьшает значение каждого отдельного средства информации, канала, публикации или технологии» [5, с. 426]. При этом Э. Тоффлер не склонен констатировать окончательную победу интернета и телевидения («видеократия») – он говорит исключительно о «слиянии воедино всех средств массовой информации “media-fusion”» [5, с. 426], выступая, по сути, сторонником теории медиаконвергентного состояния современных СМИ. Конвергентная парадигма функционирования СМИ предполагает взаимное медиазамещение средств массовой информации, которое обусловливает стирание четких границ в типологии СМИ и формирование каналов привычного потребления информации. В данном случае телевидение, к примеру, выступает в качестве воспроизведенного телевизионного образа повседневности, ограниченного экраном и пределами объектива камеры (телевизионный канал усвоения информации), а печатные СМИ представляют собой связанный логически и структурно печатный текст (чтение газет). Каналы привычного потребления информации – это прежде всего тот способ, посредством которого потребитель информационного контента предпочитает знакомиться с новыми сведениями о повседневности и окружающем мире без жесткой структурной привязки к конкретному типу СМИ.

Направления трансформации НИП, включающие в себя вероятные видоизменения его структуры и содержания в среднесрочной перспективе (3–5 лет), следующие: 1) структурное (изменение состава сегментов поля); 2) содержательное (видоизменение форм подачи информационных материалов и средств коммуникации с массовой аудиторией); 3) субъектное (изменение приоритетов массовой аудитории как относительно конкретных СМИ, так и структурных сегментов информационного поля Беларуси в целом).

А. В. Данильченко выделяет два варианта развития НИП. Первый вариант предполагает эволюцию «от традиционных к конвергентным СМИ, которая связана с продолжающейся глобальной технологической революцией, ведущей к значительным трансформациям медиаландшафта, к постепенным изменениям медиапотребления» [6, с. 268]. Второй вариант, согласно концепции исследователя, предполагает «стремление к оптимизации системы государственных печатных СМИ путем создания укрупненных структур, в частности в виде издательских домов в форме некоммерческих организаций (учреждений)» [6, с. 268]. Первый вариант предполагаемой трансформации выступает хоть и абстрактно-расплывчатой гипотезой, однако в данном случае совершенно справедливо подчеркивается тенденция к изменению медиапотребления. Это как раз выступает формированием каналов привычного потребления информации взамен традиционной структурной типологии СМИ.

В свою очередь, Э. Р. Мельников выделяет следующие тенденции: «а) дальнейшее расслоение, дифференциация целевых аудиторий; б) механическое

слияние больших контингентов читателей, зрителей и слушателей в некую массовую аудиторию» [7, с. 240]. В первом случае отмечается феномен демассификации СМИ по Э. Тоффлеру, во втором – представлена инвариантная форма интерпретации медиаконвергенции. Тенденция конвергентного функционирования и взаимного медиазамещения объясняется, как правило, парадигмами инфантилизации аудитории (А. В. Соколов) и «глобальной деревни» (М. Маклюэн).

Инфантилизация аудитории предполагает неспособность потребителя информации справиться с неупорядоченным множеством потоков событийно-новостного контента. Если раньше потенциальный спрос на получение социально значимой информации предполагал визуальное и содержательное ознакомление с рядом источников, анализ и синтез полученных сведений с последующим формированием критично-аналитической рефлексии на происходящее, то в настоящее время инфантильная аудитория решает проблему в два клика – посредством небольших манипуляций с сенсорным экраном смартфона (планшета). По мнению А. В. Соколова, «…в результате бездумного восприятия визуальной информации массовая аудитория теряет способность самостоятельно рассуждать по поводу увиденного… в силу исключения книжного чтения он отучается жить в мире слов с их невидимой обычному глазу значениями и смыслами и все более погружается в мир самодостаточных в своем восприятии зрительных и звуковых образов» [8, с. 75]. «Вместо сенсорно сбалансированного homo televisionis, – продолжает А. В. Соколов, – о котором мечтал Маклюэн, выращивается новый, духовно и телесно деформированный антропологический тип» [8, с. 75]. С одной стороны, интенции научно-технического прогресса привели к феноменальным успехам в области распространения информации и установлению коммуникативных практик. С другой – аудитория стала затрачивать гораздо меньше интеллектуальных усилий на анализ и синтез информационных потоков, получая необходимые сведения в считанные мгновения посредством виртуального перемещения в пространстве гипертекста, что в конечном итоге выступило источником ее инфантилизации.

Соответственно, традиционные формы воспроизводства сведений о повседневности и окружающем мире (газеты, журналы, книги) де-факто становятся вытесненными условной «Википедией» и онлайновым дайджестом. В случае с газетой и книгами потребитель информации предпринимает больше интеллектуальных усилий, стимулируя аналитическое восприятие, однако затрачивает при этом гораздо больше времени. Развитие интернета и мобильной коммуникации, в свою очередь, существенно экономит время индивида, затрачиваемое на поиск необходимой информации, и не требует дополнительных интеллектуальных усилий, направленных на анализ и синтез получаемых сведений. Соглашаясь с тезисом условной «ленивости» потребителей массовой информации в вопросе фильтрации информационных потоков, в то же время говорить об инфантилизации аудитории как закономерного успеха востребованности интернета и средств сетевой медиакоммуникации не приходится. В данном случае, на наш взгляд, речь идет о культе клипового (фолловерского) мышления, которое выступает перцептивным атрибутом донесения и популярности сетевых ресурсов.

Клиповое мышление представляет собой психоэмоциональную особенность восприятия информации, в том числе и массовой, через яркие образы, сформированные короткометражными сюжетами, краткими сообщениями с возвышенной лингвистической окраской. Как отмечает Ф. И. Гиренок, «мы в себе воспитали понимание картинок… мы формировали в себе не понятийное мышление, а, как я его называю, клиповое» [9, с. 123]. «Каждый из нас, – пишет Э. Тоффлер, – создает ментальную модель действительности, у нас в голове существует как бы склад образов… связанные воедино, эти образы дополняют нашу картину мира, помещая нас в пространство, время, определяя наше место в структуре личностных взаимоотношений» [10, с. 257]. Клиповое мышление формируется в результате априорной неспособности человека воспринимать и осознавать многочисленные потоки массовой информации. В указанных контекстах потребитель информации доверяет лишь тем сведениям, которые в наибольшей степени соответствует его ментально-ценностной картине мира. В иных случаях ввиду феномена когнитивного диссонанса (Л. Фестингер) не устраивающая рецепторы информация будет отвергаться. Особенностью клипового мышления в данном случае выступает восприятие информации о повседневности через клип – сформированный СМИ и ССВМК образ, в наибольшей степени понятный и принимаемый потребителем информационного контента.

Возрастающие потоки информации приводят к дезориентации индивида, который вместо попытки систематизации и синтеза получаемых сведений предпочитает получать понятную ему информацию в сжатом виде без малейших попыток фильтрации и верификации. Наиболее иллюстративным примером может выступать межличностное общение или комментирование пользовательского контента в социальных сетях посредством коротких фраз («ок», «кмк», «имхо» и т. д.) или графических символов (смайл). Как отмечает С. В. Докука, «в насыщенной информацией среде молодым людям приходится постоянно взаимодейство-

вать друг с другом: отвечать на лаконичные личные сообщения, комментировать фото и видео» [11, с. 172]. Причем выстраивать коммуникативные сети пользователи будут посредством такого же клипового стиля общения. В качестве примера успешного функционирования пространства клипового мышления можно привести социальную сеть «Твиттер», содержание авторской колонки в которой ограничивается 140 символами. Однако представленное ограничение не мешает «Твиттеру» оказывать воздействие на массовую аудиторию и управлять ее поведенческой реакцией. По мнению М. С. Филь, «такая технология пришла в пространство Интернет из арсенала телевидения и благодаря свойствам распространения информации в сети достигла огромных масштабов» [12, с. 119]. Иными словами, в настоящее время в условиях возрастающей популярности сетевых ресурсов мы наблюдаем не инфантилизацию аудитории, а скорее клипизацию потребителей информационного контента.

Данный процесс не оценивается нами негативно или как результат инфантилизации потребителей информационного контента. На наш взгляд, клипизация аудитории обусловлена неупорядоченными потоками массовой информации, транслируемой в значительных объемах, в связи с чем у потенциального читателя, зрителя, радиослушателя, пользователя интернета просто физически нет времени, чтобы справиться с качественным усвоением и осознанием получаемых сведений о повседневности. Кроме того, в современных условиях геополитической нестабильности и противостояния геостратегических субъектов все большее значение приобретают информационные войны как формы воздействия на массовое сознание посредством СМИ в целях обеспечения контроля над поведенческой реакцией потребителя информации. С учетом объемов и масштабов исходящих информационных потоков в указанных контекстах получение объективной и достоверной информации о повседневности практически невозможно. Аудитории в данном случае необходимо получение информации в максимально сжатом и понятном для нее варианте. В структурно-содержательном плане в описанной ситуации наиболее востребованными и популярными каналами получения информации выступают частично телевидение, интернет и средства сетевой виртуальной коммуникации как наиболее продуктивные каналы воспроизводства, трансляции и распространения информационного контента для аудитории с формирующимся клиповым мышлением.

В указанных контекстах в качестве оптимальной аналитической стратегии объяснения тенденции возрастающей популярности сетевого пространства выступает парадигма «глобальной деревни» М. Маклюэна. Как отмечается в работе канадского философа, «…открытия в области электромагнетизма воссоздали единое “поле” человеческих отношений, так что теперь людской род существует в условиях “глобальной деревни”» [13, с. 71]. С одной стороны, потребитель массовой информации сосредоточен в пределах конкретного локального территориального пространства («деревни»), в котором ощущает естественный комфорт. С другой – потребитель стремится к глобальному, желая быть вовлеченным в происходящие в стране и в мире события, примеряя на себя транслируемые СМИ образы. Р. Инглхарт и К. Вельцель считают концепцию «глобальной деревни» упрощенной формой теории глобализационных процессов, согласно которой «глобализация в сфере СМИ и массовых коммуникационных сетей ведет к “культурной конвергенции” – международное сообщество превращается в одну “глобальную деревню”, где все “настроены на одинаковую волну”» [14, с. 199]. В данном случае не представляется возможным согласиться с изложенной интерпретацией теории М. Маклюэна, поскольку данная концепция подчеркивает прежде всего индуктивную форму вовлечения в глобальное посредством электросвязи и СМИ. Локализуясь в конкретном территориальном пространстве, человек благодаря информационным технологиям включается в обсуждение глобальных проблем современности, становясь субъектом транснациональных информационных потоков (глокализация).

«Не стремясь превращаться в гигантскую Александрийскую библиотеку, – пишет М. Маклюэн, – мир постепенно становится компьютером, электронным мозгом, аналогично описанному в ранних произведениях научной фантастики» [13, с. 72]. Собственно, конвергенция двух априори несочетаемых категорий («локальная деревня» и всепоглощающая глобалистика) может выступать аналитическим объяснением популярности интернета и средств сетевой виртуальной медиакоммуникации как инвариантной формы трансформации информационного поля. В данном случае первоочередную роль играет не инфантильность, а естественное стремление человека быть везде и сразу. И немаловажную роль в этом сыграло не само по себе появление интернета и сетевых онлайн-ресурсов, а именно телевидение.

Как отмечает М. Маклюэн, «молодые люди, пережившие первое телевизионное десятилетие, естественным образом впитали в себя неудержимую страсть к глубокому вовлечению, заставляющему все отдаленные визуализируемые цели обычной культуры казаться не только нереальными, но и нерелевантными, и не просто нерелевантными, а безжизненными» [15, с. 385]. Телевидение предельно визуализирует повседневность, стирая грани между воспроизводимым на экране социальным действием и непосредственным окружением

телезрителя. Прямая телетрансляция вовлекает зрителя в происходящее, обеспечивая переход из индивидуальной локальности («деревня») в осязаемое глобальное пространство, где телезритель становится не просто потребителем информации, а полноправным условным участником событий.

Появление интернета с последующим выделением средств сетевой виртуальной медиакоммуникации как полноценного сегмента НИП лишь продолжило тенденцию вовлечения аудитории в происходящие процессы по принципу «глобальной деревни». При этом в отличие от телевидения сетевой гипертекст создает условия для формирования коммуникативных практик, отодвигая на второй план исходящий исключительно от источника воспроизводства канал распространения контента. Как отмечает Я. Штайншаден, «людям, никогда не работавшим в сфере медиа, неожиданно приходится конкурировать по объему своей аудитории с телевидением, радио, печатными СМИ» [16, с. 199]. Пространство медиакоммуникации и перманентное вовлечение в глобальное сетевое пространство позволяют пользователям социальных сетей «получать справку о том, сколько человек просмотрело или прослушало их контент, благодаря опросам они понимают, как этот контент воспринимается аудиторией, какие ссылки пользователи с радостью пересылают друг другу, а к каким остаются равнодушными» [16, с. 199].

Наряду с эффектом присутствия (вовлечения в происходящее), выступающим одним из факторов перераспределения приоритетов аудитории относительно источников получения массовой информации в пользу электронных и виртуальных СМИ, также необходимо выделить саму гипертекстовую природу формирования и распространения информационного контента в интернете, в частности в средствах сетевой виртуальной медиакоммуникации. Функционирование гипертекста представляется в качестве инвариантной формы медиаконвергентного состояния современных СМИ, в которых происходит условное стирание структурных границ в типологии СМИ. Кроме того, популярность гипертекста и конкретно средств сетевой виртуальной медиакоммуникации отражает ориентирование потребителей информации на ассоциативные формы восприятия новых сведений о повседневности, которая вытесняет традиционное (линейное) чтение.

Пространство гиперссылок (в том числе тематических хештегов) схематически отражает броуновское движение психоэмоциональных мыслительных процессов, которые происходят с потребителем информации при непосредственном ознакомлении с материалом. Читая газетную статью или книгу, читатель испытывает воздействие психоэмоциональных реакций, регуляция которых зависит от того, насколько содержательно он воспринимает и осознает полученную информацию. При этом читатель следует строгой логике печатного текста, знакомясь с текстом слева направо, переворачивая страницы (газетные листы). В виртуальном пространстве потребитель информационного контента может за весьма короткое время переходить к нескольким источникам (в частности к веб-страницам), в которых размещена необходимая информация. Причем переход (клик по гиперссылке, переход по хештегу) осуществляется пользователем сети ассоциативно в соответствии с его психоэмоциональным состоянием, обусловленным первичным ознакомлением с информацией.

В случае с телевидением и непосредственно средствами сетевой виртуальной медиакоммуникации сохраняется эффект присутствия (вовлечение в происходящее). Однако, по верному замечанию М. И. Кузнецова, «телезритель также неподвижен, как и читатель печатного текста, все его внимание сконцентрировано на мелькающих на экране зрительных образах, а звуковое сопровождение текста всегда остается дополнительным и поясняющим компонентом телевизионной картинки, хотя и озвученным, но опять-таки все тем же линейным текстом сценария того или иного экранного действа» [17, с. 137]. Виртуальное пространство, в свою очередь, позволяет потребителю информации отойти от линейности и перейти к ассоциации, благодаря которой поиск информации и последующее доверие к информационному контенту осуществляется в соответствии с индивидуальными предпочтениями и психоэмоциональной реакцией в заданный промежуток времени. Техническая возможность практической реализации ассоциативного восприятия информации обусловила популярность средств сетевой виртуальной коммуникации и интернета в целом, предопределив перераспределение приоритетов аудитории.

Выделение ССВМК в качестве структурного сегмента НИП отражает коммуникативный вектор последующей трансформации поля. В данном случае, по мнению М. Кастельса, «мы становимся свидетелями развития в нашем обществе коммуникационного гибрида, который сводит воедино место в физическом пространстве и киберпространстве и выступающего в роли материальной опоры сетевого индивидуализма» [18, с. 158]. Коммуникативная парадигма, опирающаяся на сетевой индивидуализм потребителя массовой информации, выступает определяющим фактором трансформации НИП. В указанных контекстах наиболее реальным представляется вариант видоизменения дихотомии «традиционные СМИ – интернет» на противопоставление «электронные СМИ – коммуникативные СМИ». В рамках данной модели печатные СМИ и радио, как структурные сегменты НИП,

окончательно утрачивают свои позиции. Представленная модель возможного варианта трансформации НИП предполагает видоизменение формата подачи информационных материалов. С одной стороны, ввиду возможности мгновенной прямой трансляции и формирования эффекта присутствия зрителя сохранят свою нишу электронные и цифровые технологии. С другой стороны, коммуникативные СМИ будут претендовать на отождествление самих себя в качестве полноценного сегмента в типологии СМИ, отодвинув на второй план традиционные. Соответственно, при указанном вариативном направлении трансформации НИП СМИ будут условно разделены на электронные и коммуникативные, полностью вытеснив при этом традиционные.

Представленный потенциальный вариант трансформации НИП предполагает видоизменение типологии и структуры СМИ в целом. В данном случае видоизменяются аспекты трансляции и распространения контента, которые предположительно будут функционировать в рамках общей парадигмы сохранения эффекта присутствия аудитории во время воспроизводства массовой информации. Соответственно, заявленный возможный вариант трансформации НИП предполагает окончательный отказ от разделения СМИ на традиционные и сетевые, которые, соответственно, заменяют электронные и коммуникативные. Электронные СМИ будут сохранять свои позиции за счет формирования эффекта присутствия («глобальная деревня»). В данном случае пресловутый эффект присутствия также выступает весомым аргументом в вопросе популярности коммуникативных СМИ, поскольку аудитория участвует в коммуникативном процессе между авторами материалов и потребителями информации. Соответственно, в данном случае представляется уместным высказывание М. Кастельса о том, что «мы живем не в глобальной деревне, но в построенных по заказу коттеджах, производящихся глобально, а распределяемых локально» [19, с. 328].

Печатные СМИ могут частично сохранить свои позиции в НИП при условии позиционирования самих себя в качестве условной площадки размещения экспертно-аналитического контента, при этом полностью отказавшись от материалов сугубо информационного характера. Эффект присутствия аудитории на условных страницах печатного издания может достигаться путем публикации интервью или диалогов между экспертами по рассматриваемой проблеме. В данном случае сухой семантический текст заменяется простым для восприятия аудиторией неформальным разговором, в который она условно втягивается при прочтении интервью.

Региональные печатные СМИ при частичном падении популярности все же будут сохранять влиятельные позиции в указанном сегменте НИП. Ориентация на «местечковость» и актуальность разрешения проблем конкретного региона, на наш взгляд, будут способствовать поддержанию устойчивого интереса к данному источнику информации. В работе О. Н. Иванищевой подчеркивается, что «социально значимыми здесь считаются те события, о которых, выражаясь языком читателей, “все говорят”» [20, с. 11]. К данным событиям, по мнению ученого, необходимо отнести «новости, знание которых в целом никак не изменит повседневной жизни читателя, однако поможет ему чувствовать себя осведомленным обо всем, что происходит за пределами того микросоциума, в котором он вращается» [20, с. 11]. Если телевидение предлагает потребителю визуальный эффект присутствия, то печатные СМИ, в частности региональные печатные издания, пишут исключительно о проблемах и специфике конкретного территориального пространства, в рамках которого необходимо отметить высокий уровень коммуникативных связей между потребителями массовой информации и непосредственно самой газетой.

В телевизионном сегменте НИП наиболее вероятным представляется вариант рассеивания телеаудитории по конкретным тематическим телеканалам, в связи с чем ведущие каналы телевизионного сегмента НИП – ОНТ, «Беларусь-1», «НТВ-Беларусь», «РТР-Беларусь» – будут терять своего зрителя, при этом аудитория тематических телеканалов будет только увеличиваться, равно как и количество телеканалов. Как отмечает М. С. Филь, «система массовых коммуникаций на каждом витке своего развития становится более сложной, включает в себя новые элементы, аудитория постоянно сегментируется, выделяются все более мелкие группы производителей и потребителей информации» [12, с. 49]. Интернет, в свою очередь, не сможет вытеснить телевидение в НИП, равно как и телевидение по своему формату выхода в эфир напоминает, а в каких-то случаях и дублирует интернет-технологии. В свою очередь, радио во всех случаях перестанет претендовать на роль полноценного сегмента НИП, оставаясь, по сути, каналом привычного потребления информации на слух, популярным среди автолюбителей.

В перцептивном контексте информационного воздействия структурных сегментов НИП будет происходить естественное увеличение потребителей массовой информации с клиповым мышлением, обусловленное спросом на ССВМК, результатом которого выступает усиление коммуникативного сегмента НИП. Выявленные в процессе многолетнего социологического мониторинга тенденции

демассификации традиционных СМИ, на наш взгляд, приведут к последующему рассеиванию аудитории НИП. В указанных контекстах будет продолжаться снижение аудитории ведущих СМИ в телевизионном и печатном сегменте поля в пользу узкоспециальных тематических каналов воспроизводства и распространения информации, популярность которых, в свою очередь, будет возрастать. В структурно-типовом плане СМИ будут разграничиваться на электронные (воспроизводство и распространение информационного контента посредством каналов электросвязи) и коммуникативные (ресурсы, в которых потребители массовой информации могут выступать источниками воспроизводства информационного контента и его обсуждения на онлайн-площадках), в то время как само понятие «традиционные СМИ» будет отодвигаться на второй план.

Библиографические ссылки

1. *Воробьев В. П., Дмитриев Е. И.* [Информационное поле Беларуси: социально-политический анализ]. Минск : БГУ, 2003.
2. *Дзялошинский И. М.* Медиапространство России: пробуждение Соляриса. М. : Academia : Изд-во Акад. повышения квалификации и проф. переподготовки работников образования, 2012.
3. *Данилов А. Н.* Переходное общество: проблемы системной трансформации. Минск : Харвест, 1998.
4. *Пендраковская Е. С.* Трансформационные процессы современной Беларуси: социологический аспект : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.01. Минск : БГУ, 1999.
5. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти : пер. с англ. М. : АСТ, 2004.
6. *Данильченко А. В., Якуменко К. В., Потребин А. В.* Информационный рынок и единое информационное пространство: мировой контекст и белорусский опыт. Минск : БГУ, 2015.
7. *Мельников Э. Р.* Парадоксы медиа. Информация. Журналистика. Медиа. Общество. Основы медиаграмотности: популярно о сложном. Вильнюс : Артефактас, 2016.
8. *Соколов А. В.* Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. СПб. : Алетейя, 2012.
9. *Гиренок Ф. И.* Метафизика пата. Косноязычие усталого человека. М. : Лабиринт, 1995.
10. *Тоффлер Э.* Третья волна : пер. с англ. М. : АСТ, 2010.
11. *Докука С. В.* Клиповое мышление как феномен информационного общества // Обществ. науки и современность. 2013. № 2. С. 169–176.
12. *Филь М. С.* Социальные сети : новые технологии управления миром. М. : Москов. финансово-промышл. ун-т «Синергия», 2016.
13. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. М. : Академический проект : Фонд «Мир», 2005.
14. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое изд-во, 2011.
15. *Маклюэн М.* Понимание Медиа / пер. с англ. В. Николаева. 3-е изд. М. : Кучково поле, 2011.
16. *Штайншаден Я.* Социальная сеть. Феномен Facebook / пер. Н. Фрейман. СПб. : Питер, 2011.
17. Информационная эпоха: вызовы человеку / отв. ред.: И. Ю. Алексеева, А. Ю. Сидоров. М. : Росспэн, 2010.
18. *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева ; под ред. В. Харитонова. Екатеринбург : У-Фактория : Изд-во Гуманитар. ун-та, 2004.
19. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : Гос. ун-т «Высшая школа экономики», 2000.
20. Иванищева О. Н. Диалог с читателем (печатные СМИ Мурманской области в информационном пространстве региона) : монография. Мурманск : ИГГУ, 2014.

References

1. Vorobiev V. P., Dmitriev E. I. Informatsionnoe pole Belarusi: sotsial'no-politicheskii analiz. [Information field of Belarus: socio-political analysis]. Minsk : Publication. center Belarusian. state. University, 2003 (in Russ.).
2. Dzyaloshinsky I. M. Mediaprostranstvo Rossii: probuzhdenie Solyarisa. [Media Space of Russia: Awakening of the Solaris]. Moscow : Academia : Publishing house of Acad. advanced training and prof. readiness employees of education, 2012 (in Russ.).
3. Danilov A. N. Perekhodnoe obshchestvo: problemy sistemnoi transformatsii [Transition society: problems of systemic transformation]. Minsk : Harvest, 1998 (in Russ.).
4. Pendrakovskaya E. S. Transformatsionnye protsessy sovremennoi Belarusi: sotsiologicheskii aspekt [Transformation processes of modern Belarus: the sociological aspect]: the author's abstract. dis. … cand. sociol. Sciences: 22.00.01. Minsk : Belarus. State Univ., 1999 (in Russ.).
5. Toffler E. Metamorphoses of power. Moscow : AST, 2004 (in Russ.).
6. Danilchenko A. V., Yakushenko K. V. , Potrebin A. V. Informatsionnyi rynok i edinoe informatsionnoe prostranstvo: mirovoi kontekst i belorusskii opyt [Information market and common information space: the global context and the Belarusian experience]. Minsk : Belarus. State Univ., 2015 (in Russ.).
7. Melnikov E. R. Paradoksy media. Informatsiya. Zhurnalistika. Media. Obshchestvo. Osnovy mediagramotnosti : popul-yarno o slozhnom [Paradoxes of the media. Information. Journalism. Media. Society. Fundamentals of media literacy: popular about the complex]. Vilnius : Artifactas, 2016 (in Russ.).
8. Sokolov A. V. Informatsionnoe obshchestvo v virtual'noi i sotsial'noi real'nosti [Information Society in Virtual and Social Reality]. Saint Petersburg : Aleteiya, 2012 (in Russ.).

9. Girenok F. I. Metafizika pata. Kosnoyazychie ustalogo cheloveka [Metaphysics of the pata. Tongue of a tired person]. Moscow : Labyrinth, 1995 (in Russ.).

10. Toffler E. Tret'ya volna [The Third Wave]. Moscow : AST, 2010 (in Russ.).

11. Dokuka S. V. Klipovoye thinking as a phenomenon of the information society. *Social Sciences and Contemporary World.* 2013. No. 2. P. 169–176 (in Russ.).

12. Phil M. S. Sotsial'nye seti : novye tekhnologii upravleniya mirom [Social networks: new technologies of world management]. Moscow : Mosc. Financial and Ind. Uni. «Synergy», 2016 (in Russ.).

13. McLuhan M. Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pechatayushchego [Gutenberg's Galaxy: The Formation of the Man of the Printer]. Moscow : Acad. project: «The Mir Foundation», 2005 (in Russ.).

14. Inglehart R., Welzel K. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change and democracy: the sequence of human development]. Moscow : The new publishing house, 2011 (in Russ.).

15. McLuhan M. Ponimanie Media [Understanding Media = Understanding Media]. 3rd ed. Moscow : Kuchkovo field, 2011 (in Russ.).

16. Steinschaden J. Sotsial'naya set'. Fenomen Facebook [Social network. The phenomenon of Facebook]. Saint Petersburg : Peter, 2011 (in Russ.).

17. Alekseeva I. Yu. , Sidorov A. Yu. (eds). Informatsionnaya epokha: vyzovy cheloveku [Information Age: Challenges to the Person]. Moscow : Rosspan, 2010 (in Russ.).

18. Castells M. Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve [Galaxy Internet: reflections on the Internet, business and society]. Ekaterinburg : U-Faktoriya : Publishing house Humanities. Univ., 2004 (in Russ.).

19. Castells M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age: Economics, Society and Culture. Moscow : Gos. Univ. «Higher School Economy», 2000 (in Russ.).

20. Ivanishcheva O. N. Dialog s chitatelem (pechatnye SMI Murmanskoi oblasti v informatsionnom prostranstve regiona) [Dialogue with the reader (print media of the Murmansk region in the information space of the region)]. Murmansk : IGGU, 2014 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 11.12.2017.
Received by editorial board 11.12.2017.

УДК 316.354.2+316.334.23

ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ РУКОВОДИТЕЛЯМИ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: АНАЛИЗ ОСНОВ И СТРАТЕГИЙ

С. Н. ЩЕРБИНИН[1), 2)]

[1)]*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь*
[2)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Посвящена анализу рационалистических и стратегических устремлений в практике принятия управленческих решений субъектами малого предпринимательства и оценке выявленных различий в зависимости от сферы деятельности и региона. Управленческое решение представлено как специфический вид социального воздействия, интегрирующего интеллектуально-логическую деятельность акторов с поведенческим компонентом. В качестве основы для анализа используются результаты социологического исследования руководителей малых предприятий как субъектов малого предпринимательства. Исследование направлено на анализ деятельности по принятию решений исходя из оценки намерений предпринимателей в отношении объекта управления. Индикаторами для рассмотрения выступает содержание действий при принятии решений: оценка информации, использование инструментов улучшения решений (делегирование, привлечение экспертов и персонала), стратегическая ориентация функционирования, применение критериев выбора, отношение к персоналу, партнерам и бизнес-ассоциациям, открытость и готовность к изменениям. Обосновывается доминирование рационалистических и стратегических устремлений в практике управления малыми предприятиями. На основе этого руководители малых предприятий представлены как рационально ориентированные участники социального взаимодействия, демонстрирующие готовность к формированию сплоченной профессиональной социальной группы. Раскрывается содержание принятия решений – поиск и выбор средств, соответствующих поставленным целям, направленных на реализацию определенных изменений и достижение устойчивого успеха. Сравнивается практика принятия решений предпринимателями различных сфер деятельности и регионов. Делается вывод об относительной однородности ее содержания.

Ключевые слова: управленческое решение; малое предпринимательство; рационалистические и стратегические устремления; предпринимательская среда; содержание практики управления.

MANAGEMENT DECISION-MAKING BY LEADERS OF SMALL ENTERPRISES: ANALYSIS OF BASICS AND STRATEGIES

S. N. SHCHARBININ[a, b]

[a]*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Azhjeshka Street, Grodno 230023, Belarus*
[b]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to the analysis of rationalistic and strategic aspirations in management decision-making by actors of small business and the assessment of identified differences depending on the field of activity and the region. Managerial decision is presented as a specific kind of social interaction,integrating the intellectual and logical activity of actors with a behavioral component. The results of sociological research of small enterprises leaders as small business

Образец цитирования:
Щербинин С. Н. Принятие управленческих решений руководителями малых предприятий: анализ основ и стратегий // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 133–144.

For citation:
Shcharbinin S. N. Management decision-making by leaders of small enterprises: analysis of basics and strategies. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 133–144 (in Russ.).

Автор:
Сергей Николаевич Щербинин – старший преподаватель кафедры социологии и специальных социологических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма[1)], аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук[2)]. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Д. К. Безнюк.

Author:
Siarhei N. Shcharbinin, senior lecturer at the department of the sociology and special sociological disciplines department, faculty of history, communication and tourism[a], postgraduate student at the department of the sociology, faculty of philosophy and social science[b].
s.n.scherbinin@mail.ru

actors have been used as the basis for analysis. The research is aimed at analysis of decision-making activity, based on the assessment of entrepreneurs' intentions regarding the management object. Directions and content of actions in decision-making (information assessment, use of improvement tools for decision-making (delegation, involvement of experts and staff), strategic orientation of functioning, application of selection criteria, attitude towards staff, partners and business associations, openness and readiness for changes) have been used as indicators for consideration. Dominating of rationalistic and strategic aspirations in managing small entrepreneurs has been substantiated. Leaders of small enterprises have been presented as rationally oriented participants of social interaction with the readiness to form a cohesive professional social group. The article discovers the content of decision-making process – search and selection of funds that meet set goals, aimed at implementing certain changes and achieving sustainable success. The practices of decision-making by entrepreneurs of different fields of activity and regions have been compared, as a result of which the conclusion about a relative homogeneity and absence of cardinal differences in its content has been made.

Key words: managerial decision; small business; rationalistic and strategic aspirations; business environment; principle of management practice.

Введение

Современные условия актуализируют поиск новых форм и методов управленческой деятельности. Это определяет значение и роль управленческих моделей, основанных на категориях социальной деятельности, содержание которой отражает рационалистическую ориентацию в отношении перспектив объекта управления. Основным компонентом управления становится деятельность по принятию управленческих решений. Она является первоосновой и обусловливает характер, принципы и ориентации управления. Остальные компоненты выступают следствием определенного управленческого выбора, который и задает направление для реализации управленческого воздействия.

Малое предпринимательство выступает одним из приоритетных и перспективных направлений обеспечения социально-экономического развития страны, способствуя формированию конкурентной среды, росту производства потребительских товаров, расширению сферы услуг, созданию новых рабочих мест, приданию дополнительной стабильности экономической подсистеме общества [1, с. 2]. Его значимость подтверждается удельным весом основных экономических показателей развития Республики Беларусь, представляя собой наиболее массовую, динамичную и гибкую форму деловой активности [1]. Это определяет необходимость учета проблем развития и функционирования малых организационных форм, изучения применяемых управленческих практик. Стимулирование деловой предпринимательской активности будет эффективным лишь при готовности и желании предпринимателей осуществлять свою деятельность рационально, с расчетом на стратегическое развитие и взаимодействие. Характер и содержание практики принятия решений во многом отражает наличие стратегических установок у субъектов управления, их отношение к перспективам организаций, степень зрелости руководителей как участников социального взаимодействия, их готовность к развитию и всю совокупность отношений, возникающих в процессе управления.

Данный тезис актуализирует необходимость проведения социологического анализа содержания сформировавшейся практики принятия управленческих решений (реализация основных этапов данной деятельности, работа с информацией, наличие стратегических устремлений, готовность к изменениям управления, использование инструментов идеализации объекта управления, принятие мнений и действий других участников взаимодействия) с опорой на теоретико-методологические конструкты синтеза категориального аппарата социальной деятельности, основные принципы процессного подхода и теории рационального выбора.

Основная часть

В основу данной статьи положены результаты инициативного социологического исследования (весна 2017 г.), проведенного в целях изучения деятельности по принятию управленческих решений руководителями малых предприятий Республики Беларусь (n = 1020). Результаты исследования были использованы для анализа рационалистических и стратегических устремлений и оценки выявленных различий в зависимости от сферы деятельности и региона. Объектом выступали руководители малых предприятий, которые являются категорией субъектов малого предпринимательства – зарегистрированными коммерческими организациями со средней численностью работников за календарный год от 16 до 100 человек включительно [2, с. 3]. На современном этапе развития данные организации демонстрируют высокую долю по основным экономическим показателям как на уровне малого предпринимательства, так и в объеме государства (выручка, удельный вес в ВВП, экспорт и др.) [2, с. 18–22].

Методом исследования выступил электронный опрос заранее отобранных предпринимателей. Основа для определения выборочной совокупности – данные о численности малых предприятий в стране согласно изданию «Малое и среднее предпринима-

тельство в Республике Беларусь» (n = 12 363) [2, с. 18]. Выборка спроектирована пропорционально по территориальному признаку (области и г. Минск как отдельный центр деловой активности) и видам деятельности (на основе базы данных «Регистр Беларусь – 2017 г.») (договор № 94 от 20.03.2017). Сферы деятельности, доля предпринимателей в которых менее 1 % от общей совокупности, при проектировании выборочной совокупности не учитывались (горнодобывающая промышленность, образование и т. д.) [3, с. 58].

На основе результатов анализа категориального аппарата социальной деятельности и теории рационального выбора управленческое решение следует представить как специфический вид социального воздействия, который является интеграцией интеллектуально-логической деятельности акторов с поведенческим компонентом, в котором взаимодействие участников обусловлено их личными мотивами, потребностями и интересами [4, с. 67]. Методологически рационалистический подход к принятию решений основывается на переносе концепции экономического поведения индивида на уровень организации, что предполагает детерминацию экономического мышления в системе социальных действий, контексте реализации намерений в отношении объекта управления [5, с. 29]. В связи с этим индикаторами для анализа выступают направления конкретных действий, которые и составляют содержание рассматриваемой деятельности.

В качестве одного из индикаторов следует рассмотреть *осознанность принятия управленческих решений*. Современные теории предполагают, что субъекты управления постоянно принимают решения различной значимости. Характеризуя наличие рационалистических устремлений, следует обратить внимание на целерациональную основу решений. Цель является отражением ожидаемого результата (состояния объекта) деятельности, на достижение которого направлены усилия. Ее влияние способствует правильному соотношению функций и операций управления, цель определяет технологию управления и обеспечивает рационализирующую практику [6, с. 72]. Как показали результаты исследования, 81,1 % респондентов регулярно принимают решения в отношении определения целей деятельности (чаще всего – один раз в полгода (36,7 %)). На наличие целерациональной ориентации указывает тот факт, что лишь 6,9 % респондентов не принимают подобные решения (12,2 % затруднились с ответом). Отметим, что среди представителей розничной (12,5 %) и оптовой (17,1 %) торговли, сферы транспорта и связи (20 %), строительной отрасли (11,1 %) выявлены предприниматели, которые игнорируют принятие решений в отношении целей организации. Сравнивая ответы респондентов из разных регионов, отметим, что реже других игнорируют подобные решения представители Гомельской области (5,4 %). Данные результаты указывают на доминирование осознанной целерациональной деятельности по принятию решений в сознании предпринимателей.

Степень открытости для изменений и наличие стремлений соответствовать требованиям внешней среды характеризуются осознанностью принятия решений в отношении изменения производимого продукта либо оказываемой услуги. Опрос показал, что 84,8 % предпринимателей регулярно принимают подобные решения (чаще всего – один раз в полгода (40,7 %)). Чаще других решения, касающиеся изменения производимого продукта либо оказываемой услуги, принимают респонденты Брестской (49,5 %), Могилёвской (49,3 %) и Гомельской (51,6 %) областей, реже – респонденты Гродненской области (37,3 %). Игнорировать принятие подобных решений в большей мере склонны представители сферы производства непродовольственных товаров (33,3 %), розничной (25 %) и оптовой торговли (33,3 %), транспорта и связи (20 %). Данные результаты указывают на отличия в способности и готовности быстро реагировать на изменения потребительских ожиданий и отражать их в практике управления.

На наличие рационалистических установок в деятельности указывает временная ориентация решений (они могут быть стратегическими, среднесрочными и оперативными). Так, 61,3 % респондентов подтвердили регулярное принятие стратегических решений (15,9 % никогда не принимали подобного решения, а 23,3 % затруднились ответить), 77,9 % – среднесрочных, 84,9 % – оперативных. В практике управления предпринимателей сферы производства непродовольственных товаров, розничной и оптовой торговли меньше других выражено определение стратегических и оперативных основ: от 16 до 51,4 % опрошенных представителей указанных сфер деятельности не принимают стратегические решения (коэффициент вариации – 83,67 %). Среди респондентов Гродненской области выявлено 20,5 % предпринимателей, которые никогда не принимали стратегических решений. Заметным минусом управленческой работы выступает недостаточный уровень осознанности стратегической ориентации, что может выступить перспективным направлением образовательно-информационной работы.

Рассматривая *делегирование* в качестве одного из инструментов решений, направленных на снятие неопределенности и проведение всестороннего анализа, отметим, что 74,3 % респондентов прибегали к делегированию полномочий по принятию решений в течение последнего года.

В отношении частоты применения делегирования у респондентов различных регионов отсутствует статистически значимая разница, что указывает на относительную однородность предпринимателей. Применяя степень использования делегирования как основание для определения однородности предпринимателей различных отраслей, отметим, что лишь 8,7 % представителей сферы информационных технологий за последний год передавали комплекс прав для принятия решений.

Следующую группу составляют представители сфер обрабатывающей промышленности, риелторских услуг, транспорта и связи, розничной и оптовой торговли (от 40,4 до 60 % представителей данных направлений делегировали полномочия по принятию решений). Отдельную позицию занимают предприниматели сферы строительства: 86,9 % респондентов данной отрасли передавали права для принятия решений. Все представители остальных сфер малого предпринимательства в течение года осуществляли делегирование прав по принятию решений, что свидетельствует об их стремлении к повышению качества решений и реализации деятельности по привлечению персонала к процессу управления. В связи с тем что делегирование всегда связано с определенной степенью риска, рациональный подход к его применению предполагает оценку компетенций лиц, которым передаются права [7, с. 244]. Чаще всего респонденты не применяют делегирование, так как не доверяют компетенциям и мотивации своих подчиненных (на это указали 18,3 % опрошенных). Это свидетельствует о стремлении к оптимизации управленческой деятельности, наличии интереса к делегированию и рациональном подходе к его применению.

С учетом изменений внешней среды и усложнения технологических процессов возникает вопрос в отношении способностей предпринимателей самостоятельно принимать эффективные решения. Это определяет в качестве одного из направлений, указывающих на степень рационалистических устремлений, оценку привлечения к принятию решений *экспертов*. Как показали результаты исследования, 65 % респондентов в течение последнего года привлекали специалистов для принятия решений. Однако лишь 3,5 % прибегают к данным услугам регулярно. По мнению опрошенных, подобная необходимость возникает периодически – 28,5 %, редко – 29,8 %. Чаще всего предприниматели обращаются за помощью к экспертам при решении финансовых вопросов (78 %), изменении производимого продукта либо оказываемой услуги (68,3 %), а также при решении вопросов, связанных с юридическим сопровождением движения персонала (66,5 %). Представленные результаты указывают на направления, которым уделяется особое внимание в управленческой деятельности, и сферы, в которых предприниматели не чувствуют уверенности в собственных знаниях и компетенциях. Данный факт необходимо учесть при планировании информационных семинаров, тренингов и курсов для руководителей малых предприятий. Положительным, на наш взгляд, является привлечение экспертов к вопросу об изменении производимого продукта либо оказываемой услуги. Это указывает на заинтересованность (и ее отражение в управленческой практике) соответствовать технологическим трендам и ожиданиям потребителей. Отрицательной характеристикой выступает тот факт, что респонденты не отождествляют направления, в которых требуется экспертная помощь, со стратегической ориентацией решений.

В отношении привлечения экспертов отметим, что распределение по регионам является равномерным, без статистически значимой разницы. В вопросах деятельности бизнес-ассоциаций чаще других прибегают к помощи экспертов респонденты Брестской, Витебской и Гомельской областей (16,7, 12,5, 16,4 % соответственно). Те же регионы лидируют по привлечению экспертов к вопросам переговоров с партнерами: 11,1, 10,7, 11,5 % соответственно (при коэффициенте вариации 61,4 %), что указывает на осознание недостатка необходимых компетенций и желание повысить качество решений. Привлекать для принятия стратегических решений экспертов склонны лишь 8,3 % гродненских предпринимателей, что свидетельствует об отсутствии выраженных стратегических установок в практике управления. По мнению 16,9 % респондентов данной области, экспертов привлекать нет необходимости, полагаться следует на свои знания.

Среди представителей *IT*-отрасли лишь 4,3 % ориентируются на привлечение экспертов (для решения финансовых вопросов в среднесрочной перспективе). В одну группу можно включить предпринимателей оптовой и розничной торговли, сферы транспорта и связи (к помощи экспертов прибегали от 20 до 33,1 % респондентов); 29,4 и 21 % представителей розничной и оптовой торговли соответственно не считают нужным привлекать экспертов, что указывает на нерациональную самоуверенность и отсутствие должного внимания к внешней среде и ее изменениям. Следующую группу образуют предприниматели таких сфер, как производство непродовольственных товаров, ремонт автомобилей, ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования, обрабатывающая промышленность и строительство. Для принятия решений в различных направлениях деятельности организации к экспертам обращались от 50 до 88,9 % предпринимателей данных отраслей. Все представители остальных сфер предпринимательства (здравоохранение и предоставление

социальных услуг, сельское хозяйство, производство продуктов питания, гостиничный и ресторанный бизнес, риелторская деятельность, рекламные и полиграфические услуги) обращались при принятии решений к экспертам. Отметим, что чем чаще предприниматели привлекают экспертов, тем активнее они осуществляют их поиск, анализируют различные источники информации о специалистах. Привлечение экспертов приводит к расширению перечня направлений деятельности, для принятия решений в которых используется сторонний специалист, и осознанию важности применения данного инструмента повышения качества решений.

Характеризуя *действия* предпринимателей *при принятии решений*, следует отметить, что оценкой альтернатив постоянно занимаются 61,3 % респондентов (35,2 % – периодически), определяют и используют критерии выбора постоянно 45,8 % опрошенных (38,7 % – периодически), представляют будущее состояние объекта управления (как инструмент моделирования, пусть и без формального оформления) постоянно 46,0 % предпринимателей (33,3 % – периодически). По мнению респондентов, в практике управления бывают случаи (21,1 % – периодически, 43,9 % – редко), когда решение строится на внутреннем знании и уверенности в правильном выборе. Данные результаты подтверждают процессуальные свойства деятельности по принятию решений. Даже при отсутствии формального отражения данных процедур респонденты в различной степени применяют их на уровне здравой логики. Это указывает на доминирование рационалистических установок в практиках респондентов, направленных на принятие эффективных решений посредством проведения всестороннего анализа управленческой ситуации.

Низкая степень применения критериев для выбора альтернативы выявлена у предпринимателей сфер производства непродовольственных товаров, розничной и оптовой торговли, транспорта и связи (от 20 до 34,3 % респондентов данных отраслей ответили, что разрабатывают и применяют критерии выбора крайне редко). Представители сферы *IT*-услуг больше других расположены к применению инструментов моделирования, хотя опрошенные представители каждой отрасли проявили стремление к данной деятельности. Вместе с тем низкий уровень применения инструментов моделирования выявлен у предпринимателей таких сфер, как производство непродовольственных товаров, розничная и оптовая торговля, строительство. В данных отраслях, за исключением строительства, принятие решений часто осуществляется машинально либо основывается на внутреннем знании и уверенности в правильном выборе. Реже других к использованию критериев прибегают респонденты Гродненской области (регулярно – 35 %, периодически – 38,3 %, редко – 24,7 %).

Отражая приоритеты субъектов, определяющую роль для оценки наличия стратегических и рационалистических устремлений выполняют критерии принятия решений. Выступая своеобразными ограничителями, они устанавливают правила и границы решений, а также определяют модель осуществления выбора в управлении. В практике управления респондентов доминируют следующие критерии: принятие решения, направленного на реализацию устремлений (достижения выгоды) (94,9 %), минимизация затрат (93,2 %), оптимальность (на усмотрение руководителя) (93,0 %), эффект/затраты (87,9 %), улучшение основного показателя организации (59,9 %).

Доминирование критерия реализации устремлений свидетельствует о наличии стратегических ориентаций развития [8, с. 54]. Однако противоположным критерием (максимизация прибыли), который указывает на стремление краткосрочного обогащения (без обязательного продолжительного функционирования), при осуществлении выбора руководствуется достаточное количество респондентов (таблица).

Количество респондентов, использующих при осуществлении выбора критерий «максимизация прибыли», по регионам и сферам деятельности

Number of respondents using the profit maximization criterion in decision-making activity by regions and areas of activity

Регион	*Количество респондентов, %*
Брестская область	31,2
Витебская область	25,3
Гомельская область	29,0
Гродненская область	35,8
Минская область	33,1
Могилёвская область	35,6
г. Минск	35,3

Окончание таблицы
Ending table

Сфера деятельности	*Количество респондентов, %*
IT	63,6
Сельское хозяйство	0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0
Обрабатывающая промышленность	24,2
Производство продуктов питания	9,8
Производство непродовольственных товаров	41,2
Гостиницы и рестораны	0
Розничная торговля	53,7
Оптовая торговля	54,3
Ремонт автомобилей	21,6
Ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования	35,3
Строительство	11,8
Транспорт и связь	61,2
Риелторская деятельность	2,9
Рекламные и полиграфические услуги	35,3

Так, в соответствии с бихевиористским подходом к теории рационального выбора управленческая практика предпринимателей Витебской и Гомельской областей в большей степени соответствует стратегической ориентации. Однако значение коэффициента вариации (12,3 %) указывает на низкую степень вариативности значений, что позволяет сделать вывод об относительной однородности устремлений респондентов различных регионов. В практике управления предпринимателей тех сфер, в которых частота применения критерия превышает среднее значение (33,1 %), преобладает стремление краткосрочного обогащения (без обязательного продолжительного функционирования). Применение рассматриваемого критерия представителями сферы *IT*-услуг можно объяснить отсутствием опыта предпринимательства (43,5 % практически не имеют опыта предпринимательской деятельности). На начальных этапах управленческой практики стремление максимизировать прибыль является нормальным. Согласно идеям Г. А. Саймона, данное стремление постепенно уменьшается (снижается значимость критерия «максимизация прибыли»), принимая более конкретные формы выражения (измеримых устремлений) [8, с. 57].

Анализ применяемых критериев позволяет утверждать, что доминирующее в обществе мнение о стремлении предпринимателя максимизировать прибыль является ошибочным. В связи с постепенным уровнем развития предпринимательской среды у руководителей предприятий сформировалось рациональное представление о перспективах развития организаций. Это определяет применение рационалистического инструментария при выборе и доминировании стратегических установок.

Наличие рационалистических установок во многом определяется готовностью к изменениям, открытостью для нововведений и использованию в практике управления научных достижений. Это актуализирует оценку *влияния теории управления* и ее результатов на практику. Знания и навыки во многом обусловливают результативность деятельности малого предприятия. Оценим использование теории управления посредством определения степени их востребованности (желание получать дополнительную информацию о научных методах принятия решений). Так, 63,9 % респондентов изъявили подобное желание. Данные результаты указывают на формирование влияния теории управления, открытость предпринимателей и осознание ими того, что в условиях непростой экономической ситуации именно нефинансовые методы управленческого воздействия являются достаточно перспективными.

Представители Гродненской области меньше других заинтересованы в подобном информировании (52,4 %). Сравнительно низкая заинтересованность в информации о научных методах принятия решений выявлена у предпринимателей, осуществляющих деятельность в следующих сферах: сельское хозяйство (29,4 %), производство продуктов питания (21,6 %), розничная (37,5 %) и оптовая

(32,4 %) торговля. Данные результаты указывают на недостаточный уровень устремлений по поводу внедрения нововведений в сознание предпринимателей.

На осознанность важности принятия решений и наличие устремлений оптимизировать данную работу указывает тот факт, что 36,3 % респондентов анализируют результаты всех принятых решений, 60,3 % – отдельных решений. При этом 88 % опрошенных отметили, что в практике управления были решения, о принятии которых они сожалели; 4,8 % (наибольший процент по регионам) предпринимателей Гродненской области не оценивают результаты принятых решений. Представители данного региона чаще других (8,4 %) отмечали отсутствие решений, о принятии которых сожалели; 16,7 % производителей непродовольственных товаров и 11,1 % предпринимателей строительной отрасли указали на то, что не анализируют результаты решений. Значение квартиля 20,29 % ответа: «Да, анализирую результаты всех решений» позволяет определить сферы деятельности, предприниматели которых реже других оценивают результаты решений. Это розничная и оптовая торговля, ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования, транспорт и связь. Как показали итоги исследования, в практике управления производителей непродовольственных товаров и предпринимателей торговой отрасли в наименьшей степени осознаются решения, о принятии которых респонденты сожалели, что указывает на отсутствие должного внимания к деятельности по принятию решений и возможностям улучшения управления. Данные результаты говорят о возможности оптимизации управленческой деятельности отдельных предпринимателей.

В последние годы в Беларуси наблюдается положительная тенденция расширения деятельности различных бизнес-ассоциаций [9, с. 3]. Им принадлежит особая роль в вопросе формирования благоприятной бизнес-среды [10, с. 283]. Выступая посредником между субъектами хозяйственной деятельности, бизнес-сообщества в состоянии стать агентами, формирующими доверительные отношения, гарантами партнерского взаимодействия, которое выступает одним из основных факторов успешной деятельности [11, с. 52]. Степень участия предпринимателей в данных объединениях и внимание к их деятельности позволяют охарактеризовать сплоченность руководителей малых предприятий и уровень их развития как социальной группы. Рассматривая характеристики принятия решений на уровне взаимодействия между организациями, можно сделать вывод о том, что передача прав и полномочий специализированным сообществам есть акт, с помощью которого субъекты малого предпринимательства образуют себя как группу [7, с. 247]. Взаимодействие с бизнес-ассоциациями, партнерами и другими участниками управления раскрывает уровень доверия предпринимателей к их деятельности и компетенциям. Это позволяет охарактеризовать уровень социальной активности, выявить наличие стремлений к формированию благоприятной предпринимательской среды, основанной на партнерском взаимодействии.

Ответы респондентов позволяют представить взаимодействие между предпринимателями как достаточно активное. Так, на принятие решений по результатам переговорной деятельности указали 96,5 % респондентов. В качестве отрицательной характеристики следует отметить, что лишь 23,2 % респондентов принимают решения, связанные с вопросами бизнес-ассоциаций (33,4 % никогда не принимают подобных решений). Около половины респондентов затруднились ответить на данный вопрос, что указывает на наличие у них определенной заинтересованности в вопросах бизнес-сообществ, которая пока не нашла отражение в сознательных управленческих практиках.

Рассматривая Минск в качестве отдельного центра деловой активности, отметим, что 7 % респондентов области и 5,9 % опрошенных представителей города чаще других принимают решение – несколько раз в неделю (коэффициент вариации – 36,5 %) – в результате переговоров с партнерами, что указывает на более выраженное взаимодействие и его влияние на управление. Предприниматели Гродненской области чаще других не принимают подобные решения (4,9 %). Наименьшую активность при принятии решений в результате переговоров проявили представители сферы производства непродовольственных товаров и строительства (16,7 и 12,5 % респондентов соответственно отметили, что не принимали подобных решений).

Следует отметить, что 95,7 % опрошенных представителей *IT*-сферы и 83,3 % производителей непродовольственных товаров никогда не принимали решения в отношении деятельности бизнес-ассоциаций. Сравнивая ответы по регионам, отметим, что 49,4 % предпринимателей Гродненской области игнорируют подобные решения. Результаты указывают на отсутствие формального институционального закрепления данных представителей бизнеса как социальной профессиональной группы.

При принятии решений респонденты активно используют различную информацию: нормативные правовые акты (95,0 %), инструкции местных (82,7 %) и республиканских (82,5 %) органов власти. Это характеризует активность предпринимателей при оценке формальных требований внешней среды. Следует отметить, что респонденты достаточно активно применяют сведения, приобретенные во время неформальной беседы с партнерами (80,5 %), в результате деловой переписки (74,5 %),

и официальные данные, полученные через интернет (правовые платформы) и электронную почту (72,6 %). Это актуализирует роль неофициальных (неформальных) каналов получения информации, что обеспечивает полноту освещения управленческой ситуации.

Ориентацию на принятие эффективного решения и преобладание рационалистических намерений характеризует тот факт, что 36,1 % респондентов регулярно (49,5 % – периодически) при принятии решений *дополнительно собирают информацию*. Это указывает на осознание значимости информационного обеспечения при принятии решений.

Существующие бизнес-ассоциации проводят достаточно активную информационную работу, однако членами подобных объединений является достаточно небольшой процент предпринимателей [10, с. 285]. Несмотря на это, только 25,1 % опрошенных оценивают поступающую от них информацию как «совсем не важную для принятия решений»: это подтверждает заинтересованность руководителей малых предприятий в деятельности бизнес-ассоциаций и тенденцию развития предпринимательских сообществ, итогом чего является формирование активной предпринимательской бизнес-среды [12, с. 2]. Однако в настоящий момент степень информационного воздействия бизнес-ассоциаций остается низкой.

Значимость информации, полученной от бизнес-ассоциаций (ответ «очень важна») ниже других оценена респондентами Могилёвской, Гродненской и Гомельской областей (коэффициент вариации – 28,6 %). Представители Гродненской области чаще других оценивали данную информацию как «совсем не важную для принятия решений» (30,1 % опрошенных указывают на отсутствие должного внимания к деятельности бизнес-сообществ и, как следствие, низкий уровень осознанности себя как профессиональной социальной группы. Это подтверждается и тем, что представители Гродненской области чаще других оценивали значимость деловой переписки с партнерами, как «совсем неважную» (10,8 % при коэффициенте вариации 32,4 %).

Низкий уровень использования информации от бизнес-ассоциаций при принятии решений выявлен в сферах розничной и оптовой торговли, ремонта бытовых изделий и предметов личного пользования, транспорта и связи. Респонденты данных направлений чаще других оценивали данную информацию как «совсем не важную» (50, 49,5, 50 и 50 % соответственно).

Отдельной категорией для оценки степени рациональности выступает *доверие* к различным участникам взаимодействия. Доверие отражает ожидания субъектом того, что действия других акторов повлияют на его выбор раньше, чем эти действия станут известными. Именно оно влияет на желание человека начать сотрудничество с расчетом на взаимодействие. Предприниматели в состоянии добиваться высоких результатов при наличии партнерского взаимодействия, уважения и доверия (вместо стремления удовлетворять лишь свои собственные интересы) [13, с. 31]. Само управленческое решение выступает в качестве результата переговорной деятельности. Доверие партнерам респонденты оценили на 2,9 из 5 баллов (где 1 баллу соответствует вариант «не доверяю», а 5 – доверяю полностью). Доверие официальным представителям бизнес-ассоциаций предприниматели оценили на 3,2 балла из 5. Данные результаты подтверждают наличие интереса к деятельности бизнес-сообществ, несмотря на низкий уровень участия в их деятельности.

Идеальными вариантами действий *при ведении переговоров*, по мнению респондентов, выступают следующие: оценка возможных взаимных выгод (75,6 %), принятие приемлемого для обеих сторон решения (71,0 %), приоритетность задач переговоров над спорами между людьми (51,2 %), готовность изменить намеченные позиции (50,2 %). Кроме того, 96,7 % респондентов склонны доверять при принятии решений информации, полученной от подчиненных.

Как показали результаты сравнения ответов представителей различных отраслей, несмотря на отсутствие в практике управления четко выраженных активных действий, направленных на формирование партнерских доверительных отношений, в сознании предпринимателей сфер *IT*-услуг, сельского хозяйства, ремонта бытовых изделий и предметов, риелторской деятельности, рекламных и полиграфических услуг в большей степени выражены устремления к созданию благоприятной предпринимательской среды, основанной на доверительных отношениях. Данные респонденты продемонстрировали и наибольшую степень доверия к представителям бизнес-ассоциаций, что подтверждает их стремление к формированию партнерских отношений и указывает на степень развития как профессиональной социальной группы. В то же время предприниматели оптовой и розничной торговли, транспорта и связи, обрабатывающей промышленности демонстрируют отсутствие осознанных оснований и институциональной составляющей формирования социальной профессиональной группы представителей данных сфер и преобладание в практике управления экономического эгоизма.

Таким образом, представленные результаты указывают на расположенность респондентов к поиску оптимальных вариантов развития, открытости во взаимодействии, долгосрочному функционированию и, как следствие, формированию благоприят-

ной предпринимательской среды. Подобное *отношение к партнерам, бизнес-ассоциациям и персоналу* формирует определенные нормы, которые ограничивают выбор, направляя варианты решений к социально одобряемым действиям. Представленный уровень доверия указывает на ориентацию предпринимателей на взаимодействие и поддержание своей репутации, другими словами, на сохранение доверия к ним со стороны других участников социального взаимодействия. В связи с тем что на степень доверия и желание сотрудничать влияют такие структурные переменные, как различное отношение к проблеме, ее оценка, стремление (его отсутствие) к разрешению проблемы, можно утверждать о наличии у респондентов схожих убеждений в отношении развития партнерского взаимодействия и объектов управления.

Анализируя наличие стратегических устремлений у руководителей малых предприятий, следует охарактеризовать их *готовность к развитию* посредством привлечения дополнительного финансирования. Так, за финансовой поддержкой в специализированные фонды и банки готовы обратиться 40,4 и 38,2 % опрошенных соответственно (респонденты могли выбрать несколько вариантов); 26 % предпринимателей отметили, что готовы, но пока не использовали подобную возможность; 15,1 % респондентов всегда рассчитывают лишь на свои возможности.

Наибольшая доля респондентов, готовых к развитию посредством привлечения дополнительного финансирования, выявлена среди предпринимателей Гомельской области (32,3 %), а наименьшая – в Гродненской (21,7 %). Респондентов последней можно охарактеризовать как наиболее закрытых к расширению деятельности: 19,3 % опрошенных не рассматривают возможность привлечения дополнительного финансирования для развития организации, что указывает на ограниченность действий в отношении развития объекта управления и отсутствие стратегических устремлений в содержании деятельности. Принимать решение в рамках имеющихся ресурсов, рассчитывая только на свои возможности, склонны 100 % представителей сферы рекламы и полиграфии, 66,7 % производителей продуктов питания, 33,3 % предпринимателей оптовой и 25 % – розничной торговли, 16,7 % производителей непродовольственных товаров.

Таким образом, предпринимателей можно разделить на две группы: тех, кто готов на активные действия и риск ради развития (активная стратегия поведения), и тех, кто планирует развитие организации исходя из имеющихся ресурсов (пассивная стратегия поведения). Данные результаты указывают на доминирование в предпринимательстве представителей активной стратегии поведения, для которой характерен постоянный поиск возможностей и финансов для реализации идей, планов и решений.

При оценке рационалистических устремлений отдельного внимания заслуживает анализ мнений респондентов в отношении *влияния некоторых факторов внешней и внутренней среды* на принятие решений. Влияющие детерминанты не являются равнозначными, имеют различную силу воздействия на осуществляемый руководителем выбор и объединены в группы. На доминирование рационалистических установок указывает тот факт, что требования и ожидания потребителей, поведение конкурентов и уровень развития современных технологий попадают в первую группу факторов – наиболее значимых детерминант, которые всегда учитываются, ограничивают и направляют решение (факторы безусловного выбора). В данном случае управленческое решение выступает как обдуманное намерение сделать что-либо, предполагающее предварительное осознание конечного результата и реакцию потребителя. Внимание к технологиям указывает на осознание их важности при реализации основной деятельности и ориентацию предпринимателей соответствовать техническим тенденциям и осуществлять модернизацию. Учет поведения конкурентов подтверждает активное взаимодействие между предпринимателями, наличие связи между их управленческими практиками. Это определяет взаимообусловленность участников хозяйственной деятельности и актуализирует вопрос формирования партнерских отношений. По мнению 55,6 % опрошенных предпринимателей, именно активная деятельность конкурентов стала основной причиной недостижения планируемых результатов решений.

Цели организации, существующие ценности и привычки, особенности национальной культуры и традиции попадают в отдельную группу факторов. Их можно охарактеризовать как детерминанты, которые принимаются во внимание, однако не являются определяющими. Ценности и привычки, особенности национальной культуры и традиции не воспринимаются предпринимателями как первоочередные, уступая влиянию финансовой составляющей и поведения других участников управленческого взаимодействия. Привычки и особенности национальной культуры не являются определяющими, а лишь принимаются во внимание (осознаются). Это свидетельствует о готовности к изменениям и уступкам для достижения устойчивого успеха (один из ведущих критериев осуществления выбора), а также открытости для принятия норм и ценностей других культур (18,1 % респондентов игнорируют особенности национальной культуры, менталитет и традиции), что

указывает на динамическое сочетание в предпринимательстве культурного и цивилизационного компонентов.

Непринятие в качестве влияющего фактора структуры организации, также как и игнорирование организационной культуры при осуществлении выбора (именно данный фактор попадает в группу детерминант, которые игнорируются), свидетельствует о низком уровне развития корпоративных ценностей и управленческой культуры в частности. Это также объясняет слабое влияние ценностей и традиций, степень воздействия которых во многом определяется функционированием управленческой культуры.

Заключение

Представленные результаты позволяют определить представителей малого предпринимательства как активных акторов, влияющих на формирование структуры бизнес-среды (через содержание управленческого воздействия и взаимодействия).

Опыт исследования практики принятия управленческих решений малыми предпринимателями свидетельствует о различной степени реализации этапов рационалистической модели и позволяет определить доминирование в ней рационалистических устремлений. Основным содержанием процесса принятия решений являются поиск и выбор средств, соответствующих поставленным целям: реализации определенных изменений и достижению устойчивого успеха. Рационалистические установки находят отражение в оценке информации, использовании инструментов улучшения решений (делегирование, привлечение экспертов и персонала), стратегических ориентациях функционирования, критериях и содержании этапов принятия решений, отношении к объекту управления, персоналу, партнерам и бизнес-ассоциациям, открытости и готовности к изменениям деятельности и содержания управления.

Однако данные устремления не всегда отражаются в практике принятия решений: часть предпринимателей ориентируется на быстрое увеличение капитала без стратегических ориентиров функционирования. Для малых предпринимателей характерен низкий уровень развития корпоративных ценностей, а также отсутствие в повседневной практике разграничения стратегических и оперативных основ управления.

Анализ содержания деятельности по принятию управленческих решений, реализации этапов рационалистической модели и наличию стратегических устремлений позволяет сделать вывод об относительной однородности и отсутствии кардинальных различий в содержании управленческой практики малых предпринимателей различных областей Республики Беларусь.

Практика принятия решений предпринимателями Витебской и Гомельской областей в большей степени соответствует стратегической ориентации и предполагает именно поиск средств и возможностей для достижения устойчивого успеха. Предприниматели Гродненской области демонстрируют наименьшую степень выраженности стратегических установок в повседневной практике управления и отсутствие разграничения стратегических и оперативных основ управления при принятии решений.

Результаты проведенных социологических исследований свидетельствуют об отсутствии связи между характером основной деятельности (производство товаров либо оказание услуг) и содержанием практики принятия управленческих решений. Однако по ряду критериев у представителей сфер производства непродовольственных товаров, розничной и оптовой торговли, транспорта и связи в содержании практики принятия решений менее других выражены рационалистические стратегические устремления развития. К данным критериям относятся: соответствие этапам рационалистической модели, информационная активность, использование критериев выбора и инструментов улучшения решений, стремление к внедрению изменений, отношение к партнерам, персоналу, бизнес-ассоциациям и др. Предприниматели сферы *IT*-услуг демонстрируют низкую степень соответствия рационалистической модели, однако у них выявлены стратегические устремления развития, которые пока не реализованы в практике принятия решений в полной мере.

Оптимизация деятельности по принятию решений видится возможной лишь при активном участии каждого из субъектов взаимодействия (предприниматели, государство, бизнес-ассоциации). Направлением для улучшения со стороны предпринимателей выступает внедрение в практику управления элементов рационалистической модели принятия решений. Эффективность рассматриваемой деятельности требует формирования активной позиции со стороны государственных органов и бизнес-организаций (информационное обеспечение; определение содержания мероприятий взаимодействия; популяризация нефинансовых инструментов управления, деятельности бизнес-ассоциаций; развитие потенциала семинаров, тренингов и конференций). Анализ представленных результатов является основанием для эффективного стимулирования деловой активности, планирования взаимодействия с предпринимателями и регулирования сферы их взаимодействия. Данные направления следует реализовывать с учетом

особенностей предпринимателей различных областей и профессиональных сфер.

Применяя идеи американского социолога номинанта на Нобелевскую премию М. Грановеттера [14] к представленным результатам, следует отметить недостаточность для анализа принципов методологического индивидуализма и подчеркнуть роль социоструктурных ограничений при осуществлении выбора. Это позволяет сделать вывод об укорененности в практике принятия решений ориентации на сети социального взаимодействия, что и приводит к формированию различных институтов экономической подсистемы (функция которых заключается в упорядочении отношений между участниками взаимодействия) и социальной структуры предпринимателей. Таким образом, содержание управленческой практики во многом определяется отношением между отдельными предпринимателями, а не является абстрактной идеализированной моделью.

Мы полагаем, что результаты данного исследования обладают эвристическим потенциалом и практической значимостью, а также могут выступать в качестве основы для проведения дальнейших эмпирических социологических исследований, направленных на изучение проблем принятия управленческих решений и развития малого предпринимательства. Решение указанных задач определяет необходимость дальнейшего анализа управленческого решения и развития предпринимательства.

Библиографические ссылки

1. Государственная программа «Малое и среднее предпринимательство в Республики Беларусь» на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь 23.02.2016 № 149 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21600149&p1=1 (дата обращения: 27.01.2017).

2. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь : стат. сб. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016.

3. Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации / под ред. Д. Г. Ротмана, А. Н. Данилова, Л. Г. Новиковой. Минск : БГУ, 2001.

4. *Рогозин Д. М.* Когнитивный анализ опросного инструмента. М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2002.

5. *Кобяк О. В.* Формирование инновационного образа мышления и активизации экономического поведения работников отечественных предприятий // Вышэйш. шк. 2008. № 6. С. 28–32.

6. *Щербина В. В.* Средства социологической диагностики в управлении. М. : Изд-во МГУ, 1993.

7. *Бурдьё П.* Социология политики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1994.

8. *Саймон Г. А.* Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Вехи экономической мысли : в 6 т. / под ред. В. М. Гальперина. СПб. : Экон. шк., 2000. Т. 2 : Теория фирмы. С. 54–72.

9. *Шиманович Г.* Тенденции развития малого и среднего бизнеса в Беларуси [Электронный ресурс] // Исследовательский центр ИПМ. URL: http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2016r04.pdf (дата обращения: 19.03.2017).

10. *Андрос И. А.* Белорусский предприниматель в обществе и государстве: историко-социологический анализ. Минск : Беларус. навука, 2015.

11. *Титаренко Л. Г.* Взаимодействие власти, бизнеса и общества: субъекты и посредники // Философия и соц. науки. 2015. № 2. С. 52–57.

12. *Грушецкая Е.* Восприятие деятельности бизнес-союзов предприятиями малого и среднего бизнеса [Электронный ресурс] // Исследовательский центр ИПМ. URL: http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2016r02.pdf (дата обращения: 20.03.2017).

13. *Ostrom E., Walker J.* Trust and reciprocity: interdisciplinary lessons from experimental research. New York : Russell Sage Foundation, 2003.

14. *Грановеттер М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экон. социология. 2003. Т. 3, № 3. С. 44–58.

References

1. [State program «Small and Medium-sized Entrepreneurship in the Republic of Belarus» for 2016–2020]. URL: http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21600149&p1=1 (data of access: 27.01.2017) (in Russ.).

2. [Small and medium enterprises in the Republic of Belarus] : statistical yearbook. Minsk : National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2016 (in Russ.).

3. Rotman D. G., Danilova A. N., Novikova L. G. (eds). [Operative sociological research: methods and experience of organization]. Minsk : BSU, 2001 (in Russ.).

4. Rogozin D. M. [Cognitive-Analysis of the questionnaire instrument]. Moscow : Institut fonda «Obshchestvenoe mnenie», 2002 (in Russ.).

5. Kobyak O. V. [Formation of an innovative way of thinking and activation of economic behavior of workers of domestic enterprises]. *Vyshjejshaja shkola*. 2008. No. 6. P. 28–32 (in Russ.).

6. Shherbina V. V. [Means of sociological diagnostics in management]. Moscow : Izdatelstvo MGU, 1993 (in Russ.).

7. Burd'e P. [Sociology of politics]. Moscow : Socio-Logos, 1994 (in Russ.).

8. Saimon G. A. [Decision theory in economic theory and behavior science]. In: V. M. Gal'perin (ed.). [Milestones of economic thought] : in 6 vols. Saint Petersburg : Jekonomicheskaja shkola, 2000. Vol. 2 : [Theory of the firm]. P. 54–72 (in Russ.).

9. Shimanovich G. [Trends in the development of small and medium-sized businesses in Belarus]. URL: http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2016r04.pdf (data of access: 19.03.2017) (in Russ.).

10. Andros I. A. [Belarusian businessman in society and state: historical and sociological analysis]. Minsk : Belaruskaja navuka, 2015 (in Russ.).

11. Titarenko L. G. [Interaction of power, business and society: actors and intermediaries]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2015. No. 2. P. 52–57 (in Russ.).

12. Grushetskaya E. [Perception of the activity of business unions by small and medium business enterprises]. URL: http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2016r02.pdf (data of access: 20.03.2017) (in Russ.).

13. Ostrom E., Walker J. Trust and reciprocity: interdisciplinary lessons from experimental research. New York : Russell Sage Foundation, 2003.

14. Granovetter M. [Economic action and social structure: rootedness problem]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2003. Vol. 3, No. 3. P. 44–58 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 05.12.2017.
Received by editorial board 05.12.2017.

УДК 316.334.2:338.48(476–25)

РАЗВИТИЕ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА В г. МИНСКЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

О. В. КОБЯК[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В контексте теории социального действия М. Вебера разработана четырехкомпонентная социологическая модель развития въездного туризма в г. Минске. Представлена эволюция мотиваций приезда зарубежных туристов в столицу Беларуси, а именно: 1) прагматичные побуждения; 2) эмоционально окрашенные действия; 3) привычные поступки; 4) ценностно обусловленные действия. Для каждого компонента модели созданы оригинальные тексты, которые могут стать основой для рекламных продуктов о г. Минске как привлекательном туристическом центре. Составлено имитационное интервью с жителем России, который мотивирован к последующим посещениям г. Минска и дальнейшим поездкам в Беларусь.

Ключевые слова: въездной туризм; гости; туристы; мотивация приезда; социальные действия; карта гостя; социологическое моделирование.

DEVELOPMENT OF INBOUND TOURISM IN MINSK: SOCIOLOGICAL MODELING

A. V. KABIAK[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The four-component sociological model of inbound tourism development in Minsk is elaborated in the context of the Max Weber's theory of social action. The evolution of motivations for the arrival of foreign tourists in the capital of Belarus is presented as follows: 1) pragmatic motivation; 2) emotionally coloured actions; 3) habitual acts; 4) value-based actions. Original texts are created for each component of the model and they can become the basis for advertising products about Minsk as an attractive tourist center. An imitation interview with a Russian resident, that is motivated for subsequent visits to Minsk and further trips to Belarus, was composed.

Key words: inbound tourism; guests; tourists; motivation of arrival; social actions; guest's card; sociological modeling.

Расширение въездного туризма является одним из приоритетных направлений развития экономики и социальной сферы Республики Беларусь. Въездной туризм — это «путешествия в пределах страны лиц, не проживающих в стране постоянно» [1]. Сейчас в нашей республике реализуется государственная программа «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 гг. В рамках проекта большое внимание уделяется развитию г. Минска как туристической площадки, поскольку 55 % всех въезжающих в страну туристов приходится на столицу Беларуси [2]. Необходимость разработки модели мотивации иностранных туристов к приезду в г. Минск (далее – Модели) связана с поиском оптимальных способов имиджевого позиционирования города [3, с. 279–285] в информационном пространстве Беларуси и зарубежья. Столица не обладает таким богатством культурно-исторических

Образец цитирования:
Кобяк О. В. Развитие въездного туризма в г. Минске: социологическое моделирование // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 145–150.

For citation:
Kabiak A. V. Development of inbound tourism in Minsk: sociological modeling. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 145–150 (in Russ.).

Автор:
Олег Витальевич Кобяк – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:
Aleh V. Kabiak, doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
aleh.kabiak@mail.ru

объектов, как другие известные города, например Санкт-Петербург или Москва, где гостям города предлагается целая палитра «щедрых» туристических маршрутов, и не отличается столь впечатляющим разнообразием городского культурного пространства [4, с. 110–112]. Столица Беларуси очень сильно пострадала во время Великой Отечественной войны. После освобождения г. Минска 3 июля 1944 г. в городе сохранилось не более 20 % довоенной капитальной застройки [5, с. 20–21; 6, с. 70]. Мы не можем похвастаться уникальными природными объектами, которые играют роль естественных аттракторов по отношению к туристическим потокам в других регионах (сказочно красивые рифы Красного моря, золотые песчаные пляжи Болгарии или Испании и т. п.). Поэтому для г. Минска стратегически важно разработать адаптированный к местным условиям и возможностям механизм мотивации иностранных туристов, который бы позволил им максимально комфортно и эффективно воспользоваться имеющимися предложениями, набор которых с каждым годом расширяется. Одним из важнейших компонентов такого механизма выступит «Карта гостя» (далее – Карта) – проект, который, в соответствии с утвержденным Мингорисполкомом планом, внедряет сегодня в городе УП «Мингорсправка» совместно с ИТЦ «Минск». В результате гости белорусской столицы уже в ближайшей перспективе смогут воспользоваться многофункциональным «помощником» в наилучшем решении вопросов, связанных с пребыванием, питанием и перемещениями по городу, а также посещением туристических объектов.

Основная целевая группа пользователей Карты – это мобильные, легкие на подъем туристы, которые ориентированы на активный отдых с максимально возможным охватом объектов в рамках срока действия Карты. Во-первых, Карта информирует гостя об имеющихся туристических возможностях. Во-вторых, Карта выполняет стимулирующую функцию. Правило здесь очень простое: чем активнее используешь предоставляемые Картой возможности, тем больше денег экономишь. В абсолютном исчислении среднестатистический гость может потратить большее количество денег, чем сделал бы это без Карты. Но в относительном исчислении получается явно выраженная экономия. Высокая активность порождает эффект событийной насыщенности. Гость ощущает социально-культурную «плотность» практики пребывания в пространстве большого города. В контексте деятельностной парадигмы организации пребывания туриста в мегаполисе это важнейший психологический эффект. Получив концентрат ощущений, турист будет неоднократно мысленно возвращаться к пережитому опыту, закрепляя в индивидуальном сознании положительные стереотипы восприятия как отдельных объектов, так и города в целом.

Механизм эмоциональной памяти [7, с. 21] фиксирует на подсознательном уровне позитивные переживания и связывает их с породившими их условиями, объектами, процессами, другими людьми. Таким образом, одним из эффективных способов отдыха является погружение человека в среду со значимо более высоким уровнем свободы, нежели в привычном окружении. Под свободой в данном контексте понимается возможность независимого выбора из широкого спектра привлекательных альтернатив, причем в любой момент времени. Другими словами, эффективный отдых предполагает доступность широкого спектра привлекательных для человека альтернатив времяпрепровождения и возможность непрерывного свободного выбора. При этом инструментальная цель поставщика данных услуг – сделать так, чтобы человек за абсолютное время отдыха физически не смог охватить все возможные альтернативы. Достижение инструментальной цели способствует достижению психологической цели – построению иллюзии бесконечной, неограниченной свободы. Вместе с тем потребитель спровоцирован на экспансивное поведение в отношении неохваченной области спектра. С одной стороны, он ощущает удовлетворение от реализованных возможностей, испытывает положительные эмоции. Кроме того, в качестве «бесплатного приложения» получает возможность мысленно возвращаться в прошлое и заново переживать позитивный опыт. С другой стороны, у гостя параллельно формируется желание (в том числе подсознательное) реализовать пока еще не апробированные альтернативы либо еще раз пережить уже испробованные. Человек вспоминает, как ему было хорошо в прошлом году отдыхать в таком-то городе, отеле (по путевке такой-то фирмы), а попробовать, увидеть, пережить все предлагаемое он так и не успел, следовательно, надо повторить поездку. В результате происходит экономическое и организационное воспроизводство всей системы. В связи с этим повышение конкурентоспособности хозяйствующих субъектов индустрии отдыха и туризма будет развиваться в направлении расширения спектра предлагаемых альтернатив. Например, отель «Гаспадар» предлагает отдыхающим пинг-понг, бильярд, сауну, в следующем сезоне открывает фитнес-центр, корт для большого тенниса, еще через год предлагает воспользоваться новым бассейном и строит аквапарк и т. д. Главное, порождать ответные действия туристов по освоению открывающихся возможностей. Поэтому закономерно, что теоретико-методологической основой Модели была определена теория социального действия М. Вебера. В построении Модели использова-

ны целерациональный, ценностно-рациональный, аффективный и традиционный типы социальных действий для объяснения ведущих мотивов приезда иностранных туристов в г. Минск [8, с. 628–630]. Указанные идеальные типы являются основой четырех ключевых компонентов Модели.

В процессе моделирования были использованы *принципы построения идеальных моделей,* которые разработал В. А. Штофф: «…модели этого рода остаются мысленными, идеальными даже в том случае, если они воплощены в какой-нибудь материальной форме. <…> Идеальный характер этих моделей не ограничивается только тем, что они выступают в виде модельных представлений, что они конструируются мысленно, в голове. Эти модели могут быть названы идеальными также и потому, что даже тогда, когда их элементы и отношения зафиксированы при помощи знаков, рисунков или других материальных средств, все преобразования в них, все переходы в другое состояние, все преобразования элементов осуществляются мысленно, т. е. в сознании человека, который опирается при этом на определенную семантику и пользуется логическими, математическими, физическими и другими специфическими правилами и законами. Без этого такие рисунки, чертежи, системы знаков и другие конструкции лишаются смысла и вообще значения моделей как образов действительности» [9, с. 26].

Имиджевые основания Модели. Успешная апробация «Сказок о приключениях древних социологов-джанвидов в волшебной стране Навигитель», осуществленная в 2016 г., позволяет нам использовать эту мифологему в деле имиджевого позиционирования г. Минска [10, с. 134–140]. Слово «джанвид(ы)» постепенно входит в обиход, становится привычным. Самое время сформулировать базовую аксиому имиджевого позиционирования столицы Беларуси, а именно: белорусские земли в допотопные времена были страной Навигитель, а Минск – идейный наследник Джанаты, древней столицы страны джанвидов. Безусловно, мало об это просто сказать. Нужно сказать так, чтобы запомнилось, как добрая сказка, интересная легенда, красивый миф… Разработанные автором примеры вербального позиционирования Минска для молодежной русскоговорящей целевой аудитории представлены далее, после описания каждого из компонентов Модели. Они прочитываются в стиле рэпа, могут быть основой для анимации, художественных клипов и других рекламных продуктов о г. Минске. Сегодня мы делаем сознательный акцент на русскоязычных гостях, поскольку, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, из числа всех иностранных туристов и экскурсантов, принятых в стране в 2016 г., 78,7 % составляют россияне [11].

Структура модели. Модель содержит четыре основных компонента, которые связаны друг с другом в эволюционную цепочку. Каждый последующий компонент актуализируется, если успешно активизирован предыдущий.

Первый компонент представляет целерациональную мотивацию приезда. Как вариант, экономическая целесообразность приезда в этом случае может состоять в получении туристом более дешевого лечения и/или хорошего отдыха при сохранении аналогичного объема и ожидаемого (или более высокого) качества услуг, чем в другом городе или регионе.

Хочешь лучше узнать себя?
Тебе поможет Джана́тавидуа́!
В город джанвидов скорей приезжай,
Встретит тебя удивительный край!
Здесь тебя никто не обидит,
Тут народ добро сразу видит!
Будь же и ты без лишних понтов…
И всякий помочь тебе будет готов!
Минск принимает много гостей…
Сюда приезжают из всех волостей!
Здесь главный закон – это дружба!
Помочь мириться – вот наша служба!
Будь вместе с нами, оставаясь собой,
Отдыхай уютно, делись добротой!
Почувствуй свежесть фонтанных брызг!
Ну что ж, вливайся… это же Минск!

Второй компонент представляет собой целерационально-аффективную мотивацию приезда. То есть, если прошлый визит запомнился положительными переживаниями, то наряду с экономическим интересом включается механизм эмоциональной памяти, который повышает вероятность того, что турист захочет еще раз приехать туда, где ему было приятно находиться.

Что такое Джана́тавидуа?
Это когда много добра!
При этом добра не материального,
А в душах людей – оно реальное!
В Минск приезжай, здесь ощутишь
Душевный покой, парков тишь,
Проспектов и улиц широкий простор.
Тут мир люди ценят с давних пор!
Помнят джанвидов мудрых советы,
На важные вопросы дают ответы.
Как нужно жить, чтобы не воевать –
Другим помогать, себя развивать!
Город всегда открыт для гостей,
Мы рады встречать новых друзей.
Будь среди них, будь у нас!
Прочувствуй Минск – это суперкласс!

Третий компонент представляет собой целерационально-аффективно-традиционную мотивацию приезда. Экономический интерес и механизм эмоциональной памяти поддерживают второй компонент в активном состоянии, и если гость приехал и во второй, и в третий раз, это может стать привычкой и закрепиться в форме социального стереотипа. Такой турист в своем социальном окружении становится носителем и полезным распространителем сведений о туристических объектах, которые вначале, быть может, выглядели новыми и непривычными, но постепенно стали растиражированными аксиомами, поддерживающими позитивный имидж данных объектов.

Эта история была до Потопа,
Смотрелась иначе в то время Европа.
Долину освоили мирные навы,
В их племенах были добрые нравы!
Жили они по законам джанвидов,
На что-то чужое не имели видов,
Помогали своим советом и делом,
Каждый работником был умелым!
Вместе они основали столицу –
Славную Джанату. Есть чем гордиться!
Советы джанвидов – на все времена!
Жива и сегодня Джана́тавидуа!
Вслушайся в город, оцени колорит…
Согреет он душу, а тело взбодрит!
Получи впечатлений мегавпрыск…
Испытай себя – это же Минск!

Четвертый компонент представляет собой ценностно-рациональную мотивацию приезда. Формируется культурный базис для визитов. В этой ситуации гость приезжает уже не столько в силу привычки, сколько по причине того, что «душа просит». Здесь уже почти нет места для прагматики. Есть глубинное, устойчивое стремление. Это стремление может быть обусловлено тем, что в естественной природной среде, в объектах материальной культуры и/или в социальном окружении человек находит что-то очень родное и близкое, то, к чему периодически хочется прикоснуться, то, что очищает, успокаивает, дает силы справляться с жизненными трудностями. Самая сложная задача – это сформировать целевую аудиторию таких гостей.

Счастье – когда тебя понимают,
И на мозоли не наступают,
Принимают тебя таким, как есть.
Этим друзьям – особая честь!
Они помогут тебе всегда,
Даже если трудно, скажут: «Да!»
Всегда дадут дельный совет.
Как солнечный лучик их привет!

Мудрость джанвидов ты постигай,
Самым лучшим станет наш край,
Будешь счастлив в этом краю,
Здесь найдешь половинку свою!
История джанвидов убеждает сильно
В том, что люди могут жить мирно!
Яблоко от яблони падает близко,
Почувствуй тепло объятий Минска!..

Идеальная социологическая модель мотивации к посещению г. Минска и дальнейшим поездкам в Беларусь в формате рассказа от первого лица (имитация транскрибированного интервью):

«Меня зовут Михаил Менделеев, мне 38 лет, женат, двое детей: сын Георгий, которому уже исполнилось 12 лет, и дочка Мила, ей сейчас 11 лет. Мы живем в Смоленске. Я хочу рассказать, как мы в первый раз попали в Минск и почему теперь приезжаем в Беларусь каждый год. Три года назад, когда дети подросли, мы с моей женой Наташей задумались над тем, куда бы на летних каникулах отправить наших детей, чтоб и с пользой для них, и нам по карману. Стали смотреть варианты детских летних лагерей. Наша семья, как сейчас говорят, из среднего класса, поэтому определенные средства у нас есть, тем более на детей, но и разбрасываться деньгами мы, конечно, тоже не можем. В общем, в свободное от работы время погрузились мы с женой в поиски подходящих вариантов детских летних лагерей.

Но все как-то были не наши варианты… Или уж очень дорого – для золотой молодежи, или волнительно – на плохо прописанных условиях и непонятно, с какой ответственностью по отношению к детям. Уже стали отчаиваться найти что-то приемлемое, но тут выскочила совершенно для нас неожиданная контекстная реклама детского лагеря “Навигитель” в Беларуси. Сначала мы даже внимания не обратили, но потом вернулись к этому предложению и стали вчитываться, смотреть фотографии… На следующий день я уже целенаправленно стал читать отзывы об этом лагере в интернете. Понимая, что какие-то из них могут быть заказными, решил все-таки позвонить. Разговор мне понравился. Откликнулись сразу. Любезно и доброжелательно. Ответили на все вопросы. Сбросили мне на электронную почту файл с навигацией на всякий случай. Короче, поговорил я с женой, мы посоветовались с детьми и решили попробовать этот вариант.

В первый раз ехали в Минск, признаюсь, в некотором напряжении. Никто из нас в Беларуси до этого не был. Да и нас с женой беспокоил естественный вопрос: как к нашим детям отнесутся в лагере? Конечно, я раньше слышал от знакомых, что россияне чувствуют себя в Беларуси вполне комфортно, но это ведь на словах… К счастью, в итоге все так хорошо и получилось. Встретили нас радушно, с вниманием. Вожатые – заботливые и симпатичные девушки, опытные в отношениях с детьми. Мы это как-то сразу почувствовали. Поэтому оставлять им детей нам было уже нестрашно. Из Минска детей повезли в лагерь за город на красивом новом автобусе. Уже к вечеру наши ребятки отзвонились и сказали, что в лагере им очень понравилось. Ребята хорошие, уже со всеми перезнакомились. Размещение удобное, питание вкусное. Программа очень интересная и разнообразная. В общем, дети были довольны… А нам с женой очень понравился концерт для всех родителей, которые дети подготовили к последнему дню пребывания в лагере (мы с Наташей приехали на машине прямо в лагерь, чтобы забрать детей, так же поступили многие родители. Соскучились, конечно, друг по дружке…). Я, честно говоря, и не думал, что наши детишки смогут так красиво показать себя на сцене. Ну и, чего там греха таить, где-то в глубине души я порадовался, что те деньги, которые мы потратили на путевку, были вложены с очевидной пользой…

На следующий год перед каникулами я немного в шутку спросил детей: “Ну что, “Навигитель” по вам соскучился?”. Я и не знал, что услышу в ответ: “Да, там круто, хотим еще!”. Вот так и вышло, что без вариантов. А когда наступил третий сезон для отдыха детей, то у меня рука уже как-то машинально потянулась к визитке к номерами менеджеров лагеря. На всякий случай спросил у детей: “Не надоело?”. Дети ответили: “Конечно, нет! Мы уже там как свои… Многие ребята и девчонки приезжают тоже не в первый раз”. Вот такие дела… А на четвертый год… Видели бы вы, что сделалось с Георгием и Милой… Задолго до того, как нужно решать вопросы с отдыхом, наши повзрослевшие детишки уже стали зондировать почву. Мы с женой догадались, что они чего-то конкретно хотят. Вызвали их на откровенный разговор. Оказалось, что они там уже со своими друзьями и подругами по лагерю через интернет все обсудили, согласовали, когда едут, подарки какие-то друг для друга приготовили. Чувствую, что скоро поездки нашей семьи в Беларусь только лагерем не ограничатся. И в обратную сторону, похоже, гости тоже будут… В общем, стали как родные. Спасибо лагерю “Навигитель”!»

Таким образом, базовая модель мотивации иностранных туристов к приезду в г. Минск может быть развернута по эволюционному вектору:

первоначальный целерациональный компонент (утилитарная причина, т. е. прагматика) → целерационально-аффективный компонент (прагматика + + эмоциональный позитив по результатам пребывания) → целерационально-аффективно-традиционный (прагматика + эмоциональный позитив + + привычка) → ценностно-рациональный (прагматика + эмоциональный позитив + привычка + + ценностная значимость). Достижение на практике активизации четвертого, самого высокого компонента Модели обеспечивает стабильное воспроизводство трех предыдущих. Другими словами, если в г. Минск будут регулярно приезжать многочисленные иностранные туристы по зову сердца, то гости с прагматичной, эмоциональной или привычной мотивацией будут подтягиваться автоматически. В этом случае практическая реализация социологической модели развития въездного туризма в г. Минск будет носить устойчивый и эффективный характер.

Библиографические ссылки

1. Международный туризм [Электронный ресурс] // Большая библиотека. URL: http://biglibrary.ru/category46/book139/part3/ (дата обращения: 07.11.2017).

2. *Плис Е. П.* В Минске обсудили проекты по развитию въездного и внутреннего туризма в Беларуси [Электронный ресурс] // TIO.BY. URL: http://www.tio.by/info/novosti/V-Minske-obsudili-proekty-po-razvitiyu-vezdnogo-i-vnutrennego-turizma-v-Belarusi/ (дата обращения: 04.10.2017).

3. *Шифрин А. Е.* Особенности глобальной сети Интернет как среды для имиджевого позиционирования художественной культуры // Культура. Наука. Творчество : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 29–30 мая 2013 г.). Минск : Белорус. гос. ун-т культуры и искусств, 2013. С. 379–384.

4. *Кобяк О. В.* Городское культурное пространство // Экономико-социологический словарь / сост.: Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк; науч. ред. Г. Н. Соколова. Минск : Беларус. навука, 2013.

5. Минск : энцикл. справ. / редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. 2-е изд., доп., перераб. Минск : Белорус. совет. энцикл., 1983.

6. *Граховский С., Карпов В., Соболенко Р.* и др. Мы расскажем о Минске. 2-е изд., доп., перераб. Минск : Беларусь, 1966.

7. *Дейнека О. С.* Экономическая психология. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2000.

8. *Вебер М.* Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990.

9. *Штофф В. А.* Моделирование и философия. М. ; Л. : Наука, 1966.

10. *Кобяк О. В., Шифрин А. Е.* Сказки о приключениях древних социологов-джанвидов в волшебной стране Навигитель // Социология. 2016. № 3. С. 134–140.

11. Иностранные туристы и экскурсанты, принятые в Республике Беларусь в 2016 году организациями, осуществляющими туристическую деятельность [Электронный ресурс] // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/turizm/graficheskii-material_15/turistov_i_exc_prinyatyh/ (дата обращения: 07.11.2017).

References

1. [International tourism]. URL: http://biglibrary.ru/category46/book139/part3 (date of access: 11.07.2017) (in Russ.).

2. Plis E. P. [Projects on development of inbound and internal tourism in Belarus were discussed in Minsk]. *TIO.BY.* URL: http://www.tio.by/info/novosti/V-Minske-obsudili-proekty-po-razvitiyu-vezdnogo-i-vnutrennego-turizma-v-Belarusi (date of access: 10.04.2017) (in Russ.).

3. Shifrin A. E. [Features of the global Internet as a medium for image positioning of artistic culture]. In: [Culture. The science. Creativity] : materials of the Int. sci.-pract. conf. (Minsk, 29–30 May, 2013). Minsk : Belarus. State Univ. of Culture and Arts, 2013. P. 379–384 (in Russ.).

4. Kabiak A. V. [City cultural space]. In: G. N. Sokolova (ed.). [Socio-economic dictionary]. Minsk : Belarus. navuka, 2013 (in Russ.).

5. Shamyakin I. P. (ed.). [Minsk] : encycl. 2nd ed. Minsk : Belorusskaya sovetskaya entsiklopediya, 1983 (in Russ.).

6. Grakhovsky S., Karpov V., Sobolenko R., et al. [We will tell about Minsk]. 2nd ed. Minsk : Belarus, 1966 (in Russ.).

7. Deineka O. S. [Economic psychology]. Saint Petersburg : Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2000 (in Russ.).

8. Weber M. [Selected works]. Moscow : Progress, 1990 (in Russ.).

9. Shtoff V. A. [Modeling and philosophy]. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1966 (in Russ.).

10. Kabiak A. V., Shifrin A. E. Tales of the adventures of ancient sociologists-janvidov in a Navigitel country magical. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2016. No. 3. P. 134–140 (in Russ.).

11. [Foreign tourists and excursionists adopted in the Republic of Belarus in 2016 by organizations engaged in tourism activities]. URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/turizm/graficheskii-material_15/turistov_i_exc_prinyatyh/ (date of access: 11.07.2017) (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 02.12.2017.
Received by editorial board 02.12.2017.

УДК 316.334. 52:37.018.4–053.67

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ФАКТОР ПРИРАЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

И. А. ЯКОВЛЕВА [1), 2)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*
[2)]*Минский государственный дворец детей и молодежи, Старовиленский тракт, 41, 220053, г. Минск, Беларусь*

Рассматривается институционально заданная и нормативно регулируемая социокультурная сфера общественных взаимодействий, которая не реализует государственный образовательный стандарт, а существует в обществе прежде всего как ресурсная платформа формирования социальных компетенций и ценностного пространства личности учащихся, вовлеченных в добровольные сообщества творческих объединений по интересам. Исследуются полипредметность, адаптивность и добровольность этого типа неформального образования личности как базовые основания его анализа в ракурсе социальной технологии взращивания социального капитала личности. Приводятся данные согласованного социологического исследования качества дополнительного образования в Минске и Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: дополнительное образование детей и молодежи; социальная компетенция; ценности личности; социальный капитал; креативный капитал; институциональное пространство; оценка качества дополнительного (неформального) образования; социальное доверие; социальные субъекты; социальный запрос.

NON-FORMAL EDUCATION OF CHILDREN AND THE YOUTH AS INSTITUTIONAL FIELD AND FACTOR OF SOCIAL CAPITAL ACQUISITION IN THE MODERN BELARUSIAN SOCIETY

I. A. YAKOVLEVA [a, b]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*
[b]*Minsk State Palace of Children, 41 Staravilenski Tract, Minsk 220053, Belarus*

The paper deals with the institutionally prescribed and normatively regulated socio-cultural sphere of social interactions, which does not realize the state educational standard. This area of educational practices exists in society, primarily as a resource platform for the formation of social competencies and personal values of students involved in voluntary communities of creative unions. The diversity, adaptability and voluntary nature of this non-formal education are considered to be basic grounds of the analysis as seen from the perspective of the technology of personal social capital growth. The author states the data of the coordinated sociological study on the evaluation of the quality of non-formal education in the regions of Minsk and Saint Petersburg.

Key words: non-formal education of children and the youth; social competence; social capital; creative capital; institutional space; evaluation of the quality of non-formal education; social trust; social actors; social demand.

Образец цитирования:
Яковлева И. А. Дополнительное образование детей и молодежи как институциональное пространство и фактор приращения социального капитала в современном белорусском обществе // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 151–161.

For citation:
Yakovleva I. A. Non-formal education of children and the youth as institutional field and factor of social capital acquisition in the modern Belarusian society. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 151–161 (in Russ.).

Автор:
Ирина Александровна Яковлева – научный сотрудник Центра международных исследований факультета международных отношений[1)], заведующий Центром социального мониторинга дополнительного образования детей и молодежи[2)].

Author:
Irina A. Yakovleva, researcher at the Center of international studies, faculty of international relations[a]; head of the Center of social monitoring of additional education of children and the youth[b].
yakovleva17@gmail.com

Глобальное развитие обусловлено переходом человечества на новый цивилизационный этап – от индустриального общества к постиндустриальному, основанному на высокотехнологичной инновационной экономике и информационно-коммуникационных технологиях. Глобальное развитие создает для человека принципиально новые контексты социальной реальности и условия повседневной жизнедеятельности, требует постоянного саморазвития, непрерывного наращивания и упрочения адаптационных, творческих и коммуникационных ресурсов. Сегодня образование превратилось в важнейшую социальную ценность. Синтез фундаментального теоретического познания и экспериментальной прикладной науки рассматривается как ведущая производительная сила общественного развития. Большинство исследователей динамики экономических систем на посткапиталистическом этапе отмечают, что мировые тенденции связаны со становлением новой формы социальной организации общества – социально-научного общества [1, с. 19]. Возникает социальный слой «производителей знания», значительно меняется мотивация профессиональной деятельности работников [2, с. 37], возрастает значение сетевых сообществ, связанных социальными и профессиональными взаимодействиями, межличностными взаимоотношениями, которые основаны на признании социальных норм и ценностей, добровольно разделяемых членами формальных и неформальных групп. С повышением экономической отдачи от труда интеллектуалов присущая классическим капиталистическим системам тенденция отчуждения капитала от труда, индивидуальных качеств и компетенций работника сменяется на противоположную – тенденцию слияния. При этом ни одна из сторон (ни специалисты, ни управленцы, ни владельцы капитала) не являются ни зависимой, ни независимой, они взаимозависимы, поэтому приходится управлять таким образом, как если бы эти люди были членами добровольных организаций [3].

Профессора стокгольмской школы экономики *К. Нордстрем и Й. Риддерстрале* в работе *«Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта»* (1999) рассматривают концепцию новой экономики, основанную на развитии «бизнеса в стиле фанк». Ключевые идеи бизнес-успеха по-шведски таковы: «В экономике перепроизводства при стабильно высоком качестве продукции успех приходит тогда, когда мы строим нашу конкурентоспособность на чувствах и фантазиях. Принцип "бесконечной инновации" предполагает никогда не прекращающийся поиск путей создания новых ценностей и новых идей для всех, кого так или иначе затрагивает деятельность компании. Чтобы добиться успеха, надо быть способными удивлять людей, привлекать их и создавать привязанности. Поэтому лидерство теперь – это вопрос привлечения креативных компетентов и управление потоком внимания. С другой стороны, это также вопрос придания некого смысла существованию, помощь в самоопределении для новых поколений и социальных групп. Основной задачей компании будет не столько предоставлять людям работу, как это было раньше, а организовывать их. Определенно существует огромная разница между традиционным работодателем и организатором. Организатор предлагает не работу, а возможности, пространство для творчества. Он может взять идею, определить, какие требуются для ее осуществления ресурсы, а затем привлечь эти ресурсы. Креативный организатор, у которого есть вдохновение, в один день может мобилизовать армии "интеллектуалов" для решения какой-нибудь специфической задачи. Талант – это единственное, что сегодня заставляет капитал плясать. И не каждый второй танец, а все время. Это настоящая пляска Святого Витта в режиме нон-стоп. В этой новой экономической парадигме образование и собственное развитие компании неразрывны. Знания не всегда могут быть фиксированы в книгах или формализованы каким-то способом, они требуют живого общения. Вам нужно дышать тем же воздухом. Улучшение собственного производства – это знакомство с людьми, которые живут и работают рядом, понимание ценностей и настроений нового поколения. Нет больше разницы между учебой, работой и жизнью. Это один неразрывный процесс» [4].

В научном аппарате социогуманитарных наук этот спектр смысловых коннотаций задается в качестве обобщающей и синтезирующей категории многоаспектным, полисемантичным пакетным понятием «социальный капитал» [5, с. 360]. Научный интерес к теоретической рефлексии социального капитала как самовоспроизводящемуся ресурсу общественного развития, основанному на сотрудничестве, социальном доверии, социально-инновационной активности и агрегировании нормативно-ценностного пространства социальных взаимодействий, активно проявляется на рубеже XX и XXI вв. Базовые социологические основания системного анализа социального капитала представлены концепциями французского социолога П. Бурдьё, американских социологов и экономистов Р. Патнема, Дж. Коулмана, А. Портеса, японского исследователя Ф. Фукуяма.

Первоначальное употребление термина «социальный капитал» в 1916 г. связывают с американским исследователем Л. Дж. Ханифаном. Любопытен тот факт, что предметом его исследовательского интереса были организация досуга и принципы общения детей и взрослых в сельских школах, а также моральные нормы и сложившиеся формы

взаимодействия жителей сельских общин. Сам термин был использован для описания тех значимых обстоятельств, которые влияют на повседневную жизнь каждого. Результатом стали выводы о полезности для развития общины воспитания доброй воли, товарищеских и братских отношений, симпатий друг к другу, о важности умения налаживать и поддерживать добрососедские отношения [6]. Все эти интенции вполне комплементарны современному пониманию миссии неформального (дополнительного) образования и процессам управляемой социализации детей и молодежи.

В отечественной науке предметное поле, связанное с неформальным, развивающим, дополнительным, внешкольным образованием, традиционно осмысливалось и продолжает свою научную актуализацию, главным образом в педагогическом дискурсе (представлено в работах преимущественно российских и украинских исследователей). Первые практические примеры внешкольного образования в России имели отношение к добровольческой деятельности интеллигенции по просвещению и воспитанию взрослых и детей. Именно эта просветительская деятельность общественных клубов и частных лиц определялась как «внешкольное образование» в первой его теоретической разработке – книге В. П. Вехтерева «Внешкольное образование» (1896). После Октябрьской революции 1917 г. вопрос о новом социальном воспитании и образовании молодого поколения стал актуальной повесткой молодой советской республики. Социальная практика организации этого процесса, несмотря на сложнейший период первых лет советской власти, была целенаправленной политической деятельностью, призванной создать широкую социальную базу для утверждения советской идеологии и в конечном итоге построить новое общество. Поражают обилие и широкое распространение форм внешкольного социального образования и воспитания, созданных в первые десятилетия советской страны: школы – трудовые коммуны, опытные станции юных техников и натуралистов, детские театры и библиотеки, избы-читальни, парки культуры и отдыха, загородные лагеря отдыха, массовые детские и молодежные общественные организации, структурированные по иерархическому принципу: пионерские отряды, дружины и советы, комсомольские ячейки, организации и комитеты. Для познавательного досуга и творчества детей были организованы центры, под которые предназначали здания, имеющие историческую ценность, или возводили самые современные. В качестве примера можно назвать Аничков дворец – Санкт-Петербургский городской дворец творчества юных, Воронцовский дворец в Одессе. В Минске Дворец пионеров первоначально представлял собой единый архитектурный комплекс с Театром юного зрителя (теперь Национальный центр художественного творчества детей и молодежи). В 1986 г. для Городского дворца пионеров и школьников было построено архитектурное чудо на берегу Комсомольского озера. Эти учреждения так и называли – «дворцы пионеров и школьников» (современное название – «дворцы/центры дополнительного образования детей и молодежи»). Созданная столетие назад советским государством социальная инфраструктура детства и детского творчества без преувеличения выполнила историческую миссию формирования интеллектуального и творческого потенциала советской страны, создавшей великое культурное пространство и находившейся в авангарде научно-технического прогресса XX в.

Инновационный вектор экономики и социальных систем XXI в. неизбежно задает новый формат стратегиям развития всех образовательных систем, поскольку социальный институт образования в обществе – базовый источник воспроизводства человеческого капитала. *Современная идеология образования ориентирована на формирование компетенций будущего.* Основы предметных знаний рассматриваются как первоначальный подготовительный уровень образования, так как актуальная знаниевая база обновляется стремительно. В приоритете образования – наращивание метапредметных, личностных компетенций, а также владений надпрофессиональными навыками, которые задают возможность результативно и творчески работать с людьми и информацией, создавать новое знание и воплощать его в инновационном продукте. В России в 2014 г. было проведено масштабное исследование «Форсайт компетенций 2030», инициированное крупными инновационными аналитическими и технологическими центрами, среди которых Московская школа управления «СКОЛКОВО» и Агенство стратегических инициатив по продвижению новых проектов. В исследовательском проекте приняли участие свыше 2500 российских и международных экспертов ведущих компаний и аналитических центров, определяющих форматы российской и мировой экономики. В исследовании была использована социальная технология «форсайт» (от англ. *foresight* – взгляд в будущее, предвидение), которая позволяет создавать прогнозы развития отраслей, регионов, достоверно выявлять глобальные тенденции в масштабе стран и в целом мирового экономического сообщества. Основные принципы форсайт-предвидения заключены в том, что будущее зависит от прилагаемых усилий, его можно и нужно создавать, будущее вариативно, оно не проистекает линейно из прошлого, а зависит от форматов взаимодействия и решения заинтересованных сторон. Успешные прогнозы

и сценарии будущего основаны на точном понимании того, какие мощные социальные и технологические процессы (тренды) наиболее активно меняют окружающий нас мир. Проект вычленил основные требования к специалистам будущего и обозначил актуальные компетенции эффективного профессионала. Экспертное сообщество определило основные метапредметные компетенции:

• языковые и коммуникативные компетенции для работы в многоязычных и мультикультурных средах;

• удаленная работа в распределенных командах посредством интернет-коммуникаций;

• владение междисциплинарными коммуникативными технологиями для разработки и производства «синтетичных» продуктов;

• навыки эффективного клиентоориентированного общения и маркетингового анализа;

• умение генерировать идеи и организовывать проектные инициативы, работа в проектных командах;

• готовность действовать в условиях высокой неопределенности, умение управлять своими психологическими ресурсами, персональный тайм-менеджмент;

• владение навыками медиации, предотвращения конфликтных ситуаций в межличностном взаимодействии;

• знание основ программирования.

Экспертами выделены важнейшие надпрофессиональные навыки – системное и экологичное мышление. По итогам форсайт-проекта был создан своеобразный навигатор профессий и необходимых компетенций, которыми должны обладать специалисты будущего – Атлас новых профессий [7]. Это развивающийся информационный ресурс, который дает ответ на вопросы, кем будут работать наши дети в 2031 г., каковы требования к специалистам будущего, которые позволят быть адаптивными и эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность в разных сферах и отраслях в течение активного периода профессиональной самореализации. По оценке исследователей, в ближайшие 20 лет до 50 % существующих рабочих мест в развитых странах будут заменены роботами и компьютерными программами. Это значит, что специалист будущего будет справляться с такими задачами, которые подвластны только человеку. Речь идет о *креативном творческом мышлении,* или *креативном капитале личности, о социальном взаимодействии и работе в распределенных сетевых профессиональных сообществах.*

Социальные практики неформального (дополнительного) образования детей и молодежи содержат в себе все ключевые признаки, индикативно фиксирующие качественную определенность социального капитала, и выступают одновременно источником его формирования и самовозобновления. Дополнительное образование детей и молодежи – своеобразный социальный феномен. *По своей сути это неформальное образование***,** предполагающее непрерывное развитие и саморазвитие личности – процесс, имеющий принципиально вариативный и избирательный характер. Предмет такого образования избирается добровольно в соответствии со сферой интересов и мотивируется ценностными приоритетами личности. Неформальное образование – это поток социальных ресурсов: знаний, общения, практических и профессиональных проб, творческих идей, групповой поддержки и доверия. Это свободно распространяющийся, избирательно и добровольно воспринимаемый поток.

Практическая деятельность, социальное проектирование, разного рода инициативы и акции дают возможность утвердиться в полученных знаниях, навыках и умениях, воплотить их в жизнь и достигнуть значимого для личности или группы результата. Как известно, способ прироста знаний выражается формулой: «я услышал – и забыл, я увидел – и запомнил, я сделал – и знаю». Последнее («я сделал – и знаю») осуществимо в основном в системе дополнительного образования. Образование становится более персональным, гибким и социальным.

Дополнительное образование детей и молодежи, как *сегмент социального института образования* и органичная часть стратегии непрерывного образования в течение всей жизни, выполняет социальную миссию, нормативно закрепленную в Кодексе Республики Беларусь об образовании. Этот вид образования обеспечивает условия для творческого развития личности, удовлетворения потребности в нравственном, интеллектуальном, физическом совершенствовании. Это образование, направленное на социальную адаптацию и обеспечение эффективной профессиональной ориентации школьников и учащейся молодежи с учетом потребностей социально-экономического развития государства. Как вид образования, пользующегося государственной поддержкой, дополнительное образование детей и молодежи не осуществляется спонтанно, а имеет социально-педагогическую природу и организовано в *институциональном формате. Социальная инфраструктура дополнительного образования детей и молодежи представлена:*

• сетью государственных учреждений дополнительного образования детей и молодежи и негосударственными организациями, оказывающими образовательные и развивающие услуги;

• программами дополнительного образования в учреждениях, относящихся к уровням основного (формального) образования: средних общеобразовательных школах, гимназиях, учреждениях профессионально-технического, среднего специального и высшего образования;

• добровольными объединениями по интересам для детей и молодежи – кружками, клубами, студиями, школами, секциями, в которых только в г. Минске реализуется 1700 предметных направлений знания и творческой деятельности, востребованных современными молодыми людьми;

• комплексом культурно-досуговых мероприятий (социокультурных событий), составляющих организационный каркас воспитательного пространства для творческой самореализации и объективирования образцов детской культуры;

• общественными организациями и социальными инициативами детей и молодежи;

• сетевыми сообществами социальных партнеров, вовлеченных в социально-культурную среду неформального образования детей и молодежи;

• информационными ресурсами и коммуникациями в социальных сетях различных неформальных объединений, сайтами учреждений дополнительного образования детей и молодежи, специальными научно-методическими изданиями (например, республиканский журнал «Выхаванне і дадатковая адукацыя», «Минская школа сегодня» и т. д.);

• технологиями социальной и психолого-педагогической поддержки целевых групп детей и молодежи (талантливые и одаренные дети; дети, находящиеся в социально опасном положении; дети из многодетных семей; дети, нуждающиеся в государственной защите);

• методическим сервисом и арсеналом социально-образовательных практик;

• ключевыми акторами, или субъектами, социальных взаимодействий, включающими детей и молодежь, родителей, педагогов, представителей управленческого контура;

• органами государственно-общественного управления и организациями, реализующими социальное взаимодействие на принципах государственно-частного партнерства.

Особенностью сети учреждений дополнительного образования детей и молодежи является то, что такой тип образования ориентирован главным образом на *удовлетворение тех образовательных потребностей и социокультурных запросов, которые выходят за рамки государственных образовательных стандартов* и трудно достижимы в стенах образовательных учреждений среднего общего и профессионального образования. Дополнительное образование задает педагогически обусловленное пространство для социальной и творческой активности личности, сферу детского культуротворчества. Знания и навыки, которые осваивает ребенок и подросток в добровольно избранной предметной сфере, объективируются в процессе создания творческого продукта, социальных взаимодействиях, инкорпорируются в социокультурный процесс посредством добровольного участия в специально организованных культурных событиях (фестивалях, конкурсах, творческих проектах) и становятся объектом самоценной детской и молодежной культуры. Таким образом, институциональное пространство дополнительного образования существует в социальных взаимодействиях как возможность и социальный ресурс развития личности и формирования ее жизненных стратегий, или направляемой социализации, как многоаспектный и эффективный социальный механизм обмена ресурсами. В этом качестве вполне правомерно рассматривать его как фактор приращения социального капитала общества.

Нам удалось замерить *фактор генерализованного доверия* как функции и индикатора социального капитала (по Р. Патнему) применительно к дополнительному образованию детей и молодежи. Основу исследования составили оценки степени удовлетворенности познавательных интересов и возможностей развития личности, которые обеспечивают различные социальные институты, составляющие социально-культурную сферу городского пространства белорусской столицы[1].

Респондентам был задан вопрос: «Насколько Вы удовлетворены возможностями организовать познавательный и развивающий досуг в районе Вашего проживания, который предоставляют социокультурные учреждения?»

Оценки возможностей различных организаций социокультурной сферы приведены на рис. 1 в сравнительных индексах, рассчитанных по пятибалльной шкале, где 1 балл выражает позицию «не удовлетворен», а 5 баллов – позицию «удовлетворен».

Индекс удовлетворенности социальными возможностями столичной сети учреждений, ориентированных на дополнительное образование детей и молодежи и занятия творческими видами в кружках и клубах центров дополнительного образования, *составляет 3,68* по пятибалльной шкале. Это один из самых высоких показателей среди учреждений социокультурной сферы. Уступает этот показатель только специализированным государственным объектам культуры и крупным спортивным объектам.

Таким образом, институциональную структуру обеспечения запросов населения в организации свободного времени и познавательного развития можно представить следующей цепочкой предметных приоритетов: культура – отдых – спорт – творчество – образование. Качество работы учреждений

[1]Социологическое исследование общественного мнения жителей Минска, МНИИСЭП Мингорисполкома, 2014 г. Объем квотной выборки – 1610 респондентов.

дополнительного образования детей и молодежи минчане оценили заметно выше, чем досуговую занятость молодых людей в объединениях по интересам, работающих в школах и высших учебных заведениях (индекс удовлетворенности – 3,4). О работе клубов по месту жительства и тем более о существовании клубов, где именно взрослые люди могли бы удовлетворять свои познавательные интересы, находить единомышленников по увлечениям, известно значительно меньше.

В рамках того же исследовательского проекта мы выяснили *ценностные установки родителей* в отношении полезности и целесообразности вовлечения детей в творческо-познавательную досуговую деятельность в сети учреждений дополнительного образования (рис. 2). Абсолютное большинство – 85,4 % – респондентов поддержали идею дополнительного образования для своего ребенка. И что любопытно, около 6,0 % сами готовы прийти на занятия во дворцы и центры детского творчества. Таким образом, более 91,2 % опрошенных минчан, признавая значимость этого вида образования, выразили определенный социальный запрос на дополнительное образование детей и молодежи, признавая его социально полезным видом развивающего обучения. Причем в молодежной аудитории (у настоящих и будущих молодых родителей) этот запрос выражен еще интенсивнее.

Рис. 1. Индекс удовлетворенности в баллах (—□—)

Fig. 1. Satisfaction index in points (—□—)

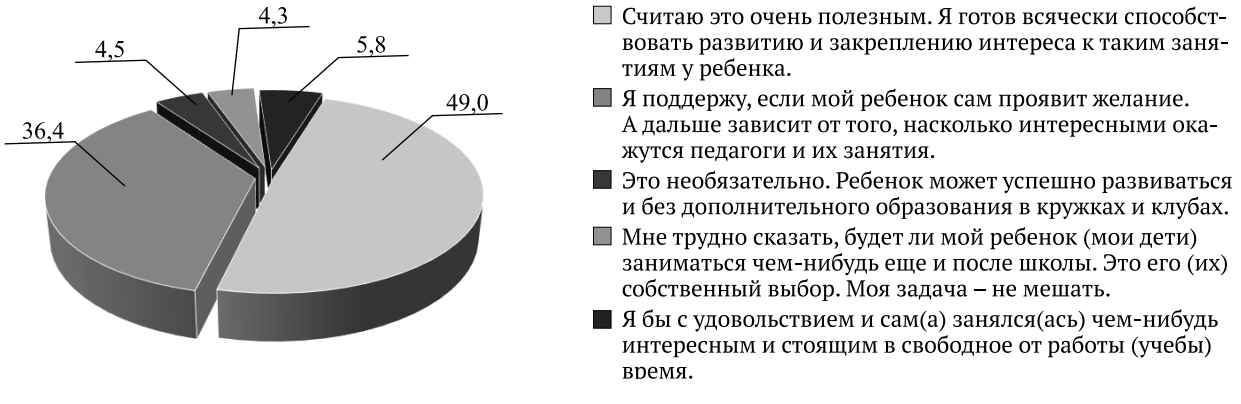


Рис. 2. Уровень социального доверия родителей к системе дополнительного образования детей и молодежи, %

Fig. 2. The level of parents' social confidence in the system of non-formal education of children and the youth, %

Управление качеством в системе дополнительного образования детей и молодежи представляет собой концептуально-методологическую задачу, которая может быть разрешена преимущественно методами социологического анализа. Поскольку институциональное пространство неформального образования не регламентируется государственными образовательными стандартами и в нашей стране существует в условиях нормативного дефицита, оценивать качество социальной подсистемы возможно посредством показателей, задающих некоторые целевые ориентиры (условно – социальные стандарты), репрезентирующие результативность данного вида социальной образовательной практики. Система сведений, необходимых для аналитических оценочных процедур в режиме социального мониторинга, на наш взгляд, должна представлять собой целостность статистической, фактологической, экспертной и субъективно-оценочной информации. Именно такая четырехкомпонентная модель реализуется Центром социального мониторинга дополнительного образования детей и молодежи Минского государственного дворца детей и молодежи, который осуществляет систематический социальный анализ этой системы в г. Минске. Для дополнительного образования детей и молодежи Министерство образования Республики Беларусь в качестве базового параметра оценки качества предусматривает субъективно-оценочный показатель удовлетворенности родителей спектром услуг и качеством дополнительного образования детей и молодежи в форме ежегодного анкетного опроса, а также фактологические показатели: процент учащихся, ставших победителями, призерами мероприятий разного уровня, наличие проектной деятельности и внедрение инноваций в образовательный процесс (Приказ Министерства образования Республики Беларусь от 12.06.2014 г. № 526). В Беларуси в практике государственного управления пока не используется комплексная научно-обоснованная методика системного мониторинга качества, позволяющая применять единые оценочные процедуры для всех учреждений дополнительного образования детей и молодежи в нашей стране. Разработка стратегий и концептуальных подходов к управлению качеством дополнительного образования детей и молодежи представляется ближайшей перспективой развития образовательных пространств.

В Российской Федерации в 2007 г. создана и развивается общероссийская система оценки качества образования (ОСОКО), которая рассматривается как совокупность организационных и функциональных процедур, обеспечивающих оценку образовательных достижений и выявление факторов, влияющих на образовательные результаты, на единой концептуально-методологической базе. Ключевая роль отводится региональным системам оценки качества образования (РСОКО). Но лишь в отдельных регионах России (лидерами являются Санкт-Петербург, Москва, Пермь, Ярославская область) региональные системы оценки качества образования включают в себя и применяют в практике управления оценочные аналитические процедуры, адекватные социальному статусу, миссии и специфике дополнительного образования детей и молодежи. В основу РСОКО г. Санкт-Петербурга положена концепция доктора социологических наук В. Ф. Курлова. Качество образования, в том числе и дополнительного, складывается из двух взаимодополняющих частей – *выполнения образовательным учреждением институциональной миссии и соответствия его деятельности социальному запросу* [8].

В рамках Программы сотрудничества Минского городского исполнительного комитета и Правительства Санкт-Петербурга Центром социального мониторинга дополнительного образования детей и молодежи Минского государственного дворца детей и молодежи в марте – сентябре 2017 г. по методике РСОКО Санкт-Петербурга было проведено согласованное исследование, посвященное оценке качества дополнительного образования детей и молодежи. Участниками стали основные субъекты (ключевые акторы) социальных взаимодействий: дети и молодежь, родители, педагоги, руководители учреждений дополнительного образования детей и молодежи (УДОДиМ). Общий объем выборки составил 2757 респондентов в г. Минске и 4377 – в Санкт-Петербурге.

Несколько методических пояснений. Важным компонентом технологии РСОКО Санкт-Петербурга являются общегородские социально-педагогические нормы оценки качества образования, которые задают показатели состояния системы, удовлетворительные по отношению к ожидаемому результату. Нормы фиксируют «коридор» (или интервал) значений, характеризующих соотнесенность оценок респондентов с выделенными индикаторами качества дополнительного образования. Нормы представляют собой статистические параметры, полученные в ходе нескольких мониторинговых замеров. Использование учреждением для своей аналитической и управленческой деятельности значений ситуационных норм позволяет определить попадание или отклонение в положительную и отрицательную сторону собственных показателей. Проведение ежегодных оценочных исследований дает возможность определить статус качества каждого учреждения. Этот методический прием мы использовали для сравнения показателей качества систем дополнительного образования детей и молодежи крупного города Российской Федерации и столичного региона Республики Беларусь.

Ввиду того что методика содержит сотни показателей и индикаторов, значимых в качестве информационного источника для регулярного применения в практике управления региональ-

ными системами дополнительного образования и их элементами (отдельными учреждениями), приведем результирующий контур универсальных ориентиров (условно – показатели, соответствующие социальному стандарту). Приведенные данные фиксируют общий показатель удовлетворения социального запроса к дополнительному образованию, а также обобщенный показатель результативности работы сети минских учреждений, что соответствует базовым параметрам, заданным методологией РСОКО, – соответствие институциональной миссии и социальному запросу потребителей образовательных услуг. Для сравнения с общей ситуацией по столичному региону (г. Минск) выделены данные, полученные по организации дополнительного образования детей в сетевом центре – Минском государственном дворце детей и молодежи («Дворец»). Результаты оценки качества дополнительного образования в г. Минске (в соотнесении с ситуативными нормами в Санкт-Петербурге) представлены на рис. 3.

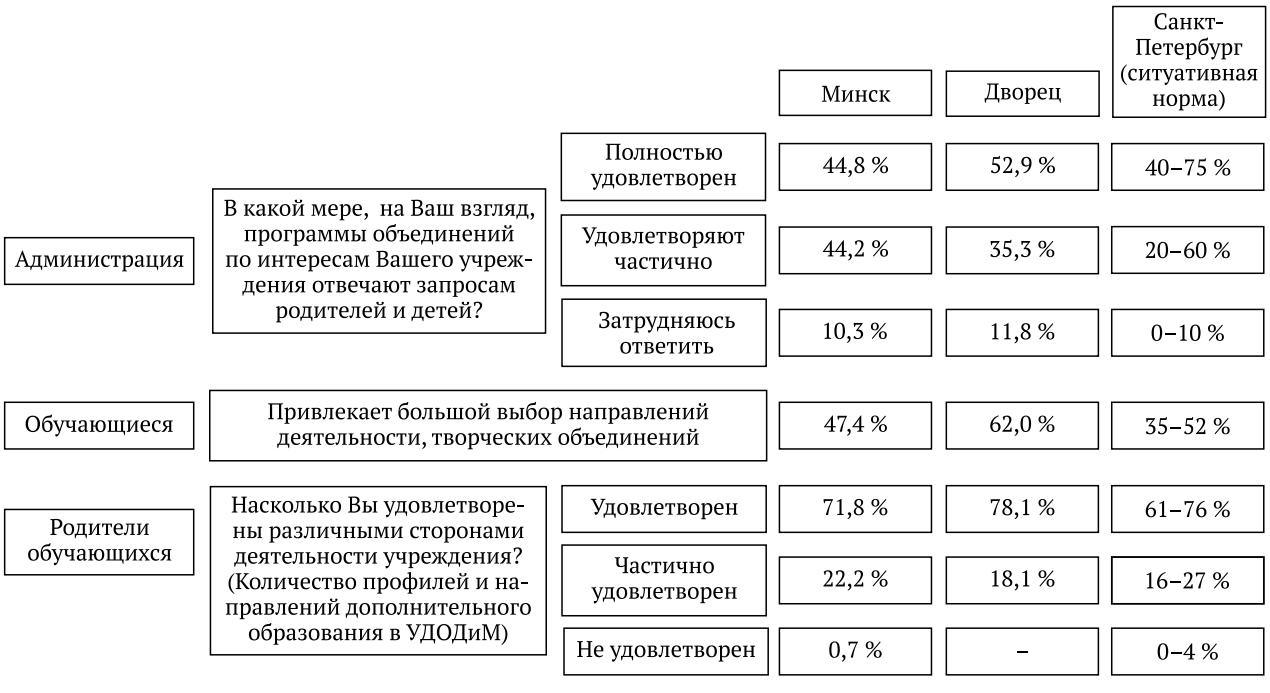


Рис. 3. Показатель социального запроса: удовлетворенность разнообразием предметных предложений в дополнительном образовании детей и молодежи

Fig. 3. Indicator of social demand: satisfaction with the diversity of subject proposals in the non-formal education of children and the youth

Содержательное поле и качество работы сети минских учреждений дополнительного образования детей и молодежи в значительной мере отвечают социальному запросу на творчески ориентированное неформальное образование. Просматриваются зоны совершенствования в управлении конкурентными стратегиями столичных учреждений: частичные непопадания в *предметные* ожидания (экспектации) заинтересованных участников (в детской и молодежной аудитории составляют до 50 %, что объективно отрефлексировано руководителями; родители проявляют большую лояльность и оценивают удовлетворенность как частичную – до 18,1 % случаев).

Всматриваясь в структуру *социальных экспектаций родителей*, отметим, что ключевые ожидания связаны с развитием креативно-коммуникативных компетенций их детей (табл. 1).

Иными словами, родители ожидают, что дополнительное или неформальное образование позволит их ребенку сформировать личностный *креативный и человеческий капитал, овладеть навыками социальных коммуникаций и усвоить базовые социокультурные ценности общества.* Ожидания родителей конгруэнтны ресурсам, которые приобретают дети и молодежь, занимаясь в учреждениях дополнительного образования (табл. 2).

Интегрированная оценка достигнутого уровня качества и результативности дополнительного образования в оценках основных субъектов социального взаимодействия свидельствует о том, что участники социально-образовательных взаимодействий (руководители и педагоги), непосредственно реализующие социальную технологию развития личности, в более чем половине случаев высоко оценивают достигнутые социально-профессиональные результаты. Родители, как основная сторона, воспринимающая социальные ресурсы, которые предоставляет системой дополнительного образования, выражают полностью удовлетворенные ожидания более чем в 2/3 случаев.

Таблица 1

Распределение ответов родителей на вопрос: «Как Вы думаете, что сегодня, прежде всего должно дать детям учреждение дополнительного образования?», %

Table 1

Percentage distribution of parents' answers to the question: «What, on your opinion, should institutions of supplementary education firstly provide for children?», %

Вариант ответа	Город	
	Минск	Санкт-Петербург, нормы
Помощь в развитии способностей	68,0	65–80
Раскрытие творческого потенциала	66,1	60–76
Опыт общения с людьми	50,7	46–62
Знания и практический опыт по выбранному направлению детского творчества (деятельности)	43,0	40–57
Возможность занять свободное время	42,5	33–47
Расширение общекультурного кругозора	38,4	35–57
Формирование здорового образа жизни	33,4	24–40
Формирование системы ценностей, мировоззрения	24,6	21–30
Подготовка к выбору профессии	20,9	20–33
Способность ориентироваться в жизненных ситуациях и самостоятельно решать проблемы	18,8	20–31
Возможность преодолеть недостатки ребенка	17,3	14–22

Таблица 2

Распределение ответов детей на вопрос: «Что дают тебе занятия в объединении по интересам?», %

Table 2

Percentage distribution of childrens' answers to the question: «What do activities according to interest give you?», %

Вариант ответа	Город	
	Минск	Санкт-Петербург, нормы
Познание нового и интересного	66,4	60–80
Развитие творческих способностей	60,7	50–70
Полезный досуг	55,4	49–61
Занятия с интересным педагогом	50,7	49–62
Новые друзья и общение	44,2	31–48
Навыки в какой-либо конкретной деятельности	32,9	38–55
Возможность увидеть и продемонстрировать результаты своего творчества	21,1	16–27
Знания и умения, которые помогут в приобретении будущей профессии	18,3	15–29
Эмоционально-комфортная обстановка на занятиях	16,4	12–17
Работа над своими недостатками	15,4	8–16
Умение самостоятельно приобретать новые знания	12,3	6–14

По интегрированным индикативным значениям качества образовательного пространства (рис. 4) система дополнительного образования столичного региона Республики Беларусь соответствует нормативным значениям РСОКО дополнительного образования детей Санкт-Петербурга, что позво-

ляет плодотворно и на равных развивать научно-методическое сотрудничество и социокультурный обмен в образовательном пространстве двух стран.

Основные максимы социального капитала, которые описаны в классических работах и интерпретируются в научных подходах к анализу самой ткани общественной жизни – социальных связей, разделяемых ценностей, уровня доверия, добровольного участия в общих делах, взаимопомощи – объединяются исследователями в *три агрегированных источника*: а) социальный капитал (ресурс, который актор должен соотносить со своим окружением в ходе удовлетворения значимых потребностей и социального обмена); б) социальная солидарность; в) взаимные социальные ожидания (экспектации) [9, с. 53–54].

			Минск	Дворец	Санкт-Петербург (ситуативная норма)
Администрация	Оцените качественный уровень результатов образовательного процесса в Вашем УДОДиМ	Низкий	0,6 %	–	0 %
		Средний	60,0 %	44,1 %	20–50 %
		Высокий	38,8 %	52,9 %	33–80 %
Педагоги	Оцените уровень качества результатов образовательного процесса в Вашем объединении	Низкий	0,4 %	–	0 %
		Средний	38,9 %	31,7 %	32–59 %
		Высокий	50,3 %	57,7 %	37–65 %
Обучающиеся	Доволен ли ты своими успехами и достижениями?	Да, вполне	71,6 %	71,3 %	63–80 %
		Скорее да, чем нет	25,5 %	27,4 %	16–26 %
		Скорее нет, чем да	1,8 %	1,2 %	0–4 %
		Нет	0,2 %	–	0–2 %
Родители обучающихся	Оцените степень Вашей удовлетворенности качеством дополнительного образования Вашего ребенка	Низкая	0,7 %	1,0 %	0 %
		Средняя	29,9 %	21,0 %	18–36 %
		Высокая	69,2 %	76,2 %	63–77 %

Рис. 4. Оценка качества и результативности дополнительного образования детей и молодежи

Fig. 4. Assessment of the quality and effectiveness of non-formal education of children and the youth

В институциональном пространстве дополнительного, неформального образования детей и молодежи индикативно выражены показатели ключевых, парадигмальных параметров социального, человеческого и креативного капитала. В этом качестве дополнительное (неформальное) образование детей и молодежи представляет собой социосферу возможностей и событийно-организованную среду коммуникаций, т. е. социальную технологию формирования перспективных потенциалов инновационного общественного развития.

Библиографические ссылки

1. *Солодовников С. Ю.* Социальный потенциал Республики Беларусь. Минск : Беларус. навука, 2009.

2. *Измайлова М. А.* Социально-экономические последствия постиндустриального этапа развития общества // Вестн. Рос. гос. торгово-экон. ун-та. 2008. № 6 (27). С. 25–31.

3. *Drucker P. F.* Post-Capitalist Society. New York : Harber Business-Collins Publishers, 1995.

4. *Нордстрем К., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. URL: http://ariom.ru/litera/2003-html/funki/funki.htm (дата обращения: 05.10.2017).

5. *Шавель С. А.* Общественная миссия социологии. Минск : Беларус. навука, 2010.

6. *Hanifan L. J.* The rural school community center // Annals American Acad. Polit. Soc. Sci. 1967. Vol. 67. P.130–138.
7. Атлас новых профессий / под. ред. П. Лукши. М. : Изд-во «Олимп-Бизнес», 2015.
8. *Курлов В. Ф.* Концепция и технология измерения качества образования // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2008. № 4–6. С. 3–17.
9. Социальный капитал личности / Л. Г. Почебут [и др.]. М. : ИНФРА-М, 2016.

References

1. Solodovnikov S. Yu. [Social capital of Belarus]. Minsk : Belaruskaya navuka, 2009 (in Russ.).
2. Izmailova M. A. [The social and economic consequences of a post-industrial developement phase of society]. *Vestnik ross. gos. torgovo-econ. univ.* 2008. No. 6 (27). P. 25–31 (in Russ.).
3. Drucker P. F. Post-Capitalist Society. New York : Harber Business-Collins Publishers,1995.
4. Nordstrem K., Ridderstrale Y. [Funky business: talent makes capital dance]. URL: http://ariom.ru/litera/2003-html/funki/funki.htm (date of access: 05.10.2017) (in Russ.).
5. Shavel S. A. [Social mission of sociology]. Minsk : Belarus. navuka, 2010 (in Russ.).
6. Hanifan L. J. The rural school community center. *Annals American Acad. Polit. Soc. Sci.* 1967. Vol. 67. P. 130–138.
7. Luksha P. (ed.). [Atlas of new professions]. Moscow : Izdatel'stvo «Olimp-Biznes », 2015 (in Russ.).
8. Kurlov V. F. Conception and technology of measuring the quality in education. *Upravlenie kachestvom obraz.: teoriya i pract. jeffektivnogo administrirovanija.* 2008. No. 4–6. P. 3–17 (in Russ.).
9. Pochebut L. G., Sventitskii A. L., Mararitsa L. V., et al. [Social capital of person]. Moscow : INFRA-M, 2016 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 28.11.2017.
Received by editorial board 28.11.2017.

Курс по выбору

Option course

Любовь как любовь земная оказалась в средневековой культуре под запретом. В глазах носителя медиевального сознания она лишь грех и похоть. Однако, как бы уничижительно любовь земная ни интерпретировалась, она есть, и голос этой любви звучит в европейской культуре и в Средние века, звучит из своего рода подполья, звучит глухо и, что самое главное, искаженно, но тем не менее неискоренимо. Одним словом, «эту песню не задушишь, не убьешь...» А что касается искажений, увы, они тоже никуда не делись: появившись, они вошли в культурный контекст, отравив и продолжая отравлять представления европейца о любви. Во многом даже и сейчас.

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ, ИЛИ ЭРОТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

М. А. МОЖЕЙКО[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет культуры и искусств,*
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Духовная жизнь Средневековья чрезвычайно полиморфна и отнюдь не сводится к официальной христианской ортодоксии. В частности, культурная установка, разведшая любовь земную и любовь небесную по разным полюсам ценностной шкалы, варьируется в медиевальной культуре по всем возможным регистрам, порождая в различных ее слоях целую гамму новых смыслов и противоречий. В средневековой культуре не умолкает голос своего рода эротического подполья – эротического вектора культуры, идеологически подавленного ортодоксией и вытесненной за пределы культурной легитимности, но отнюдь не замолчавшего.

Ключевые слова: сексуальность; аксиологическая дискредитация; интерпретационная дискредитация; вытеснение из зоны легитимности; разорванное сознание; культурное подполье; формы адаптации сексуальности; деформации трактовки; неадекватные формы проявления.

Образец цитирования:
Можейко М. А. Оборотная сторона медали, или Эротическое подполье средневековой культуры // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 162–167.

For citation:
Mojeiko M. A. The flip side of coin, or the erotic underground of Medieval culture. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 162–167 (in Russ.).

Автор:
Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:
Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

THE FLIP SIDE OF COIN, OR THE EROTIC UNDERGROUND OF MEDIEVAL CULTURE

M. A. MOJEIKO[a]

[a]*Belarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkorawskaja Street, Minsk 220007, Belarus*

The spiritual life of the Middle Ages is extremely polymorphic and by no means reduces to official Christian orthodoxy. In particular, the cultural setting that divides earthly love and celestial love at different poles of the value scale, varies in Medial culture across all possible registers, giving rise to a whole gamut of new meanings and contradictions in its various layers. The special voice sounds in medieval culture – the voice of a kind of erotic underground which is ideologically suppressed by orthodoxy and driven out of the area of cultural legitimacy, but has not been stopped.

Key words: sexuality; axiological discredit; interpretational discredit; ousting from the zone of legitimacy; torn consciousness; cultural underground; forms of adaptation of sexuality; deformation of interpretations; inadequate forms of manifestation.

Средневековое сознание повседневности может рассматриваться как классический прецедент разорванного сознания (прямо-таки как иллюстрация к гегелевскому рассуждению). Представления о любви важны в контексте любой культурной парадигмы и касаются фактически каждого. Однако в медиевальном контексте оформляются дихотомии, внутри которых обыденному сознанию не только достаточно неуютно, но, что еще более важно, и неопределенно: с одной стороны – выдвинутый церковью идеал безбрачия, с другой – санкционированное той же церковью таинство брака; с одной стороны – жесткие рамки прокламируемого аскетизма, с другой – вытесненный за эти рамки, нелегитимный, но не элиминированный из культурного контекста (не говоря уже о контексте жизненном) эротизм.

Чувственный аспект человеческой жизни, официально исключенный из сферы морального санкционирования, отнюдь не всецело устранен в средневековой культуре – напротив, несмотря на внешне асексуальный фасад, едва ли можно найти культурную среду, которая более, нежели медиевальная, была бы сосредоточена на сексуальных проявлениях (назвать их эротическими, не поворачивается язык: уж больно специфические формы демонстрирует это сосредоточение).

Элиминация чувственного момента из парадигмы средневековой культуры поступательно осуществляется посредством оценочного и интерпретационного механизмов, однако чем более запретным он оказывается, тем более остро ощущаемым становится: пребывая в *культурном подполье*, аксиологически девальвированная и подавленная сфера эротики проявляет себя достаточно напряженно (а потому остро), однако ее характер и культурный статус проявлений обретают особую специфику. Коль скоро культурные феномены, включающие в себя чувственный момент, не могут быть тотально отринуты (как они не могут быть тотально отринуты в любой культуре), они обретают такие формы бытования, которые могут быть приемлемы в данном культурном контексте (как бы этот контекст их ни искажал, ни деформировал, ни травмировал), но так или иначе в этом контексте присутствуют.

Попытаемся рассмотреть, как и в каких версиях сложилось это эротическое подполье средневековой культуры, предложившее неадекватные формы культурной реализации чувственности и сексуальности.

Прежде всего следует отметить, что в формировании разорванности медиевального сознания серьезную роль играет следующее важнейшее обстоятельство. Разведя на полярные аксиологические полюса феномены священности и телесности, средневековое христианство разрушило оформившуюся в архаических языческих культурах знаковость сексуальных проявлений. Брачные отношения мужчины и женщины, интерпретировавшиеся в традиционной культуре как звено космического круговорота (например, рецитация и инспирирование креационного акта в сакральную дату календарного праздника), в христианском Средневековье начисто лишаются сакральной семантики.

По наблюдению Й. Хёйзинги, в архаических культурах «церемония вступления в брак и празднование свадьбы не отделялись друг от друга: это было единой великой мистерией, высшее выражение которой заключалось в соединении супружеской пары. Затем явилась церковь и взяла святость и мистерию на себя, превратив их в таинство брака» [1, с. 119]. Знаковые аксессуары и сексуальную (в частности, фаллическую) символику брачного обряда церковь, по оценке Й. Хёйзнги, «оставила мирскому празднику свадьбы, где они и пребывали отныне, лишенные своего сакрального характера и тем более бесстыдные и разнузданные, причем церковь бессильна была здесь что-либо изменить» [1, с. 119].

В этом плане присущая средневековой культуре тенденция скабрезности, существующая

параллельно с дисциплинированно официальным мировоззрением аскетизма, может быть понята именно как ослабленная до обиходно-бытовых форм сексуально-сакральная символика архаической культуры (в терминологии Й. Хёйзинги – «обесцененная мистерия» [1, с. 120]), которую христианизация культуры в ее средневековой трактовке лишила исходной сакральной семантики, но которая тем не менее не утратила своей жизненности, функционируя в культуре в качестве своеобразного рудимента. Подобный культурный фон приводит к формированию и развитию неадекватных форм культурной презентации сексуальности: при утрате архаических знаковых функций видимая эротическая оболочка архаической фаллической символики воспринималась, а затем культивировалась средневековой культурой как скабрезность.

Самым невинным ее проявлением в средневековой культуре можно считать французские фаблио [2] (в германской версии – шванки [3], в итальянской – фацетии [4; 5]), с откровенным натурализмом сосредоточенные на описаниях супружеских измен и переодеваний в присутствии молоденьких пажей, что, как правило, завершается анекдотической сценой не вовремя вернувшегося мужа. Фактически это дает начало оформляющейся в перспективе гривуазной традиции в культуре Европы[1].

Однако наряду с этим скабрезность как феномен средневековой культуры порождает и многое другое, что весьма затруднительно анализировать (а тем более цитировать) в формате академического текста. Достаточно упомянуть порнографию как феномен уж какой-никакой, но культуры, заметить, сколь далека она от легких и радостных эротических сюжетов, характерных для Древней Греции (радующейся Эросу без теней в душе, а не получающей, в отличие от Средневековья, удовольствия от копания в том, что считается грязным), и признать, что именно Средневековье приложило руку к оформлению традиции скабрезности как таковой. Как точно выразился Ф. Ницше, «христианство дало Эросу выпить яду: он, положим, не умер от этого, но выродился в порок» [6, с. 309].

Вот и первая в ряду приемлемых для Средневековья форм адаптации чувственности и сексуальности: *скабрезность как адаптация от противного* (от совсем, извините, противного). Какие же еще?

Одной из наиболее широко распространенных из них является, если можно так выразиться, *инвективa со смакованием, или фарисейская адаптация*: обрушивая громы и молнии на дьявольский соблазн и искушение сладострастием, авторы не только светской, но и религиозной литературы входят в такие подробности и детали критикуемого предмета, которым позавидовал бы самый раскованный натурализм XXI в.

В качестве экземплификации в данном случае могут с равным успехом служить как концептуализированные трактаты («Молот ведьм» Я. Шпренгера и Г. Институриса, корпус текстов Бурхарда Вормского, философско-богословские поэмы Алана Лилльского и т. п.), так и предназначенные для обыденно-повседневного употребления сборники *exempla*, с большой откровенностью перечисляющие все возможные детали прегрешений в сфере *luxuria*: от всевозможных способов нарушения супружеской верности и незаконного сожительства до широкого спектра перверсий, изнасилований и совращения малолетних.

Так, «Молот ведьм» содержит целые главы, где подробно рассматривается, как и «какими демонами совершается инкубат и суккубат» [7, с. 83–87]; как «демоны с помощью чародейств и телесно берут человека в обладание» [7, с. 216–224]; каким именно способом «ведьмы предаются демонам и инкубам», причем авторы входят в детали вопроса о том, «бывает ли половое наслаждение с демонами-инкубами, принявшими телесный вид, больше или меньше, чем с… мужчинами, имеющими природное тело» [7, с. 188–197] и т. п.

Определяя епитимьи за грехи, «Постановление» (1008–1012) Бурхарда Вормского столь конкретно и подробно описывает возможные прегрешения, что входит в детали, способные смутить даже современного читателя. Если представить себе среднестатистического средневекового исповедующегося, то эта детализация скорее может рассматриваться как средство расширения его эротического кругозора. Несмотря на официальный статус этого документа, цитировать его непросто, так как исповедующимся мужчинам следовало задавать весьма конкретные вопросы: например, «совокуплялся ли ты с женой или другой женщиной, как собака? Если да, то десять дней епитимьи на хлебе и воде» [цит. по: 8, p. 207].

Алан Лилльский в поэме «Плач природы» чрезвычайно подробно анализирует, какими именно способами грешники могут надругаться над девственной природой человека, причем иносказания текста вполне прозрачны: «юноши… облаченные в честную красоту, опьяняются влечениями к золоту и свои венерины молоты обращают в венерины наковальни. <…> Люди эти, изучая грамматику Венеры, иные на себя принимают только мужеский род, иные – женский, иные же совмещают в себе обоюдный или смешанный род… причем по обо-

[1]Мы еще вернемся к анализу фаблио, шванков и фацетий в контексте сравнения традиций трубадуров и менестрелей, где будем говорить о том, что их толкование сугубо в духе скабрезности тоже достаточно прямолинейно. Однако из песни слова не выкинешь: и натурализм, и скабрезность, безусловно, имеют место в их содержании, да еще как имеют…

им склонениям неправильно. Другие же из этих людей, споря о венериной логике, в выводах своих взаиморасположения подлежащего и сказуемого определяют единственно своим усмотрением: иные, заняв место подлежащего, вместо сказуемого познают одно несказуемое; иные же, будучи сказуемыми, не желают ведать, законным ли образом подлежит им подлежащее; иные же, гнушаясь вступать в дионины чертоги, лишь у порога их играют свою достослезную игру…» [9, с. 341].

На этом, пожалуй, должно остановиться. Как говорил о некоторых средневековых текстах И. Н. Голенищев-Кутузов, их неловко цитировать даже полатыни [10].

Но, как и следовало ожидать, авторы спешат отмежеваться от написанного, реабилитироваться, продемонстрировав чистоту помыслов при создании выразительных описаний.

Так, например, Алан Лилльский четко оговаривает: «…не удивляйся же, что в речах моих звучит неслыханное нечестие, ибо дела этих нечестивцев еще нечестивее в дерзком их буйстве. Речи сии изрыгаю я с отвращением, и для того лишь, дабы стыдливые люди напоминанием о стыде пристыдились, а бесстыдные от блудилищ бесстыдства отвратились» [9, с. 341].

Аналогичным образом реабилитирует себя в глазах читателей и Хротсвита Гандерсгеймская:

Сие не раз заставляло меня стыдиться
и густым румянцем заливаться,
ибо, по велению
сего рода сочинения,
и ненавистное влюбленных безумие,
и пагубно-сладкое оных общение,
к коему даже наш слух
должен оставаться глух,
часто в уме обсуждала
и перу писать препоручала.
Ибо, если бы я стыда ради сие опустила,
то и задачи своей бы не свершила,
и невинности хваления
не воздала бы в меру своего умения.
<…> Когда же я
невежества своего жалкие писания…
…в драматический ряд увязала,
то все же прелести
языческой мерзости
ничуть не подпала [11, с. 84–85].

Наряду с этим в средневековой литературе может быть обнаружена и своеобразная *спекулятивно-рассудочная адаптация* эротики в культуре, связанная с феноменом «овидианского возрождения», пробудившего к жизни многочисленные переводы Публия Овидия Назона. Последние осуществлялись, как правило, в монашеской среде как наиболее образованной и владеющей латынью.

В контексте подавленной ортодоксальной аскезой эротической составляющей культуры литературные занятия, связанные с античными лирикой и буколикой, обретают специфический статус: по признанию Гвиберта Ножанского, «я дошел… до того, что, увлекаемый своим легкомыслием, имел притязание подражать поэтическим трудам Овидия и буколикам и хотел воспроизводить всю нежность любви в созданиях собственного воображения и в сочинениях, которые писал. Мой дух, забыв всякую строгость, которой он должен был подчиняться, и отбросив всякий стыд религиозной профессии монаха, так много питался обольщениями отравляющей распущенности, что и занялся только… стихосложением… не обращая внимания на то, как оскорбительны были для устава нашего священного ордена подобные упражнения. <…> Я был весь проникнут той страстью и так помрачен обольстительными выражениями поэтов, что многое додумывал собственным воображением; иногда эти выражения производили во мне такое волнение, что я чувствовал дрожь по всему телу. <…> Дух мой был постоянно возбужден, и я забывал всякое воздержание…» [12, с. 368–369].

Как это ни парадоксально, но именно подавленность эротического компонента средневековой культуры приводит к его гипертрофии. И пусть бы эта гипертрофия проявлялась только в знойных поэтических опытах монахов-аскетов.

Однако эта гипертрофия реализуется по большей части в иных формах, приводя – особенно с учетом перспективы – к существенным деформациям в интерпретации сексуальности европейской культурой.

Эта оборотная сторона медали представлена широко распространенными в средневековых культурных памятниках прецедентами, когда сюжеты, непосредственно завязанные вокруг сексуального

контакта, подаются авторами с полным игнорированием индивидуальной и вообще эмоциональной его составляющей: условно говоря, первую абсолютизацию секса как такового – вне индивидуальных чувств и отношений – мы встречаем именно в средневековой культуре.

Эта тенденция наглядно репрезентирована, например, в исторической хронике Саксона Грамматика «Деяния датчан», в частности в саге о Гамлете (источник XII в., к которому восходят многочисленные литературные вариации, включая В. Шекспира).

Враги ютландского принца, желая проверить, действительно он безумен или его мнимое сумасшествие – только тактическая уловка, готовят ему ловушку: «для разоблачения его хитрости, говорили они, ничего не может быть лучше, как вывести ему навстречу в каком-либо уединенном месте красивую женщину, которая воспламенит его сердце любовным желанием. Ибо естественная склонность к любви столь велика, что скрыть ее искусно невозможно; эта страсть слишком пылка, чтобы быть преодоленной хитростью. Поэтому, если тупость его притворна, он не упустит случая и тотчас уступит порыву страсти» [13, с. 61].

Чем дальше приведенный текст от религиозно-официального и чем ближе к тенденции гипертрофирования сексуальности, тем более он показателен в плане глубины проникновения деформирующей парадигмы интерпретации любви в массовое сознание. Отрывок не только демонстрирует средневековую редукцию секса к бесконтрольному животному импульсу, но и имплицитно содержит предположение, что если человек не сумасшедший, то в любой момент времени его интерес только на *luxuria* и направлен.

Исходная посылка автора хроники (критерий здравомыслия: если не сексуальный маньяк, то душевнобольной) вполне подтверждается дальнейшими действиями Гамлета: «…и вот он повстречался с женщиной, подосланной… и будто случайно оказавшейся на его пути в темном месте, и овладел бы ею, не подай ему безмолвно его молочный брат знака о ловушке. <…> Встревоженный подозрением о засаде, он обхватил девушку и отнес подальше к непроходимому болоту, где было безопаснее. Насладившись любовью, он стал просить ее весьма настойчиво никому не говорить об этом» [13, с. 62–63].

Это даже не *veni, vedi, vici*, а *проходил, увидел, овладел* – ситуация для героя (а, стало быть, и для автора) не предполагает даже заслуживающих упоминания переживаний или хотя бы особых эмоциональных состояний.

Соответственно, и женщина в описываемой ситуации предстает неодушевленным перетаскиваемым предметом: мотив ее отношения к происходящему начисто отсутствует в сюжете. Более того, из заключительных слов эпизода читатель узнает о том, что девушка согласилась хранить молчание по той причине, что «в детстве у обоих были одни и те же попечители и эта общность воспитания соединила тесной дружбой Гамлета и девицу» [13, с. 63], однако это обстоятельство всплывает случайно и на периферической линии сюжета – факт знакомства героя с девушкой, казалось бы, столь значимый в контексте описываемых событий, автор не считает даже достойным упоминания.

Приведенный отрывок очень нагляден для демонстрации такой оформившейся в средневековой культуре тенденции, как *абсолютизация сексуальности при ее примитивизации*: с одной стороны, сексуальное желание понимается как постоянно действующая доминанта любого индивидуального сознания, с другой – это желание мыслится как сугубо физиологичное. Речь даже не об обездуховливании сексуальных проявлений человека, а вообще о лишенности их в глазах Средневековья какой бы то ни было эмоциональности и понятой в человеческом регистре чувственности.

Такая тенденция обездуховливания сексуальности человека, сведения ее к примитивному инстинкту имеет своим логическим завершением формирование предельно редуцированного представления о сексе (хотя средневековая культура еще и слова-то этого не знает): *любовь земная* сведена к физиологическому акту, последний же интерпретируется как личностно не значащий эпизод.

Разумеется, формирование в европейской культуре обрисованных векторов не могло не сказаться на дальнейших деформациях интерпретации феномена сексуальности в европейском менталитете: это и оформление зачатков гривуазной традиции (фаблио, шванки и фацетии), и инвективы в адрес сексуальности (которые тем не менее выступают своеобразной, пусть и мутной формой бытования последней в культуре), и уж совсем грязная традиция скабрезности (в предельном своем проявлении приводящая к оформлению феномена порнографии), и сильнейшая тенденция примитивизации сексуальности.

***

Таким образом, усилиями ортодоксальной аскезы Средневековья неэлиминируемая из человеческого бытия сексуальная сфера аксиологически дискредитируется, представляясь чем-то постыдным и грязным, пагубным для души и тела, и загоняется в своего рода подполье культуры.

На этой основе оформляется целый спектр неадекватных форм осмысления (возможной адаптации) феномена сексуальности средневековым сознанием, что порождает и неадекватные формы социокультурного бытования сексуальности:

• скабрезность как адаптация от противного;

• инвектива со смакованием как фарисейская адаптация;

• «овидианское возрождение» как спекулятивно-рассудочная адаптация;

• абсолютизация сексуальности при ее примитивизации и обездуховливании.

Безусловно, оформившиеся в начале XX в. теории не отягощенного отношениями и прочими сложностями секса (знаменитая теория *стакана воды* и аналоги) имели корни и детерминанты в современном им культурном контексте, однако формирование в средневековой Европе описанных нами неадекватных форм осмысления (а соответственно, и проявления) сексуальности также сыграло свою роль, заложив основы для генерации и восприятия подобных теорий в европейском менталитете.

Порожденная Средневековьем разорванность сознания европейца, равно как и предложенные им деформированные версии интерпретации любви оказали (и в определенном смысле продолжают оказывать) существенное влияние на разворачивание европейской культурной традиции. И те искаженные формы интерпретации любви, которые были сформированы этим разорванным сознанием в контексте средневековой аксиологии, продолжают бытовать в современной культуре, давно и далеко ушедшей от ценностей Средневековья и наивно уверенной, что ушедшей без последствий, остаточных явлений и рудиментов.

Библиографические ссылки

1. *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / отв. ред. С. С. Аверинцев. М. : Наука, 1988.

2. *Фаблио*. Старофранцузские новеллы. М. : Рус. путь, 2004.

3. Немецкие шванки и народные книги XVI века. Антология / сост. Б. И. Пуришев. М. : Худ. лит., 1990.

4. *Браччолини П.* Фацетии. М. : Терра, 1996.

5. *Бебель Г.* Фацетии. М. : Наука, 1970.

6. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2. С. 238–406.

7. *Шпренгер Я., Инститорис Г.* Молот ведьм: руководство святой инквизиции. М. : Алгоритм, 2016.

8. *Eisler R.* Sacred Pleasure: Sex, Myth and Politics of the Body. San-Frrancisco : Harper, 1995.

9. *Алан Лилльский.* Плач природы // Средневековая латинская литература X–XII вв. / ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспарова. М. : Наука, 1972. С. 333–347.

10. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Средневековая латинская литература Италии. М. : Наука, 1972.

11. *Хротсвита Гандерсгеймская.* Предисловие к драмам // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспарова. М. : Наука, 1972. С. 83–85.

12. *Гвиберт Ножанский.* О своей жизни // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспарова. М. : Наука, 1972. С. 367–369.

13. *Саксон Грамматик.* Деяния датчан // Зарубежная литература средних веков / сост. Б. И. Пуришев. М. : Просвещение, 1974. С. 60–68.

References

1. Huizinga J. [Autumn of the Middle Ages: An Investigation of the Forms of the Life-Style and Forms of Thinking in the Fourteenth and Fifteenth Centuries in France and the Netherlands]. Moscow : Nauka, 1988 (in Russ.).

2. Fablias. [Old French novels]. Moscow : Russkii put', 2004 (in Russ.).

3. Purishev B. (ed.). [German Schwank and folk books of the XVI century]. Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1990 (in Russ.).

4. Bracciolini P. [Facetias]. Moscow : Terra, 1996 (in Russ.).

5. Bebel G. [Facetias]. Moscow : Nauka, 1970 (in Russ.).

6. Nietzsche F. [On the other side of good and evil]. In: F. Nietzsche. [Compositions] : in 2 vols. Moscow : Mysl', 1996. Vol. 2. P. 238–406 (in Russ.).

7. Sprenger J., Institoris G. [Hammer of witches: the leadership of the Holy Inquisition]. Moscow : Algoritm, 2016 (in Russ.).

8. Eisler R. Sacred Pleasure: Sex, Myth and Politics of the Body. San-Francisco : Harper, 1995.

9. Alan from Lille. [Crying of nature]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparova (eds). [Monuments of Medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow : Nauka, 1972. P. 333–347 (in Russ.).

10. Golenishchev-Kutuzov I. N. [Medieval Latin literature in Italy]. Moscow : Nauka, 1972 (in Russ.).

11. Hrotswita from Gandersheim. [Preface to the drama]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparova (eds). [Monuments of medieval Latin literature X–XII centuries]. Moscow : Nauka, 1972. P. 83–85 (in Russ.).

12. Guibert from Nogent. [About his life]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparova (eds). [Monuments of Medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow : Nauka, 1972. P. 367–369 (in Russ.).

13. Saxon Grammatic. [Acts of the Danes] In: B. I. Purishev (ed.). [Foreign Literature of the Middle Ages]. Moscow : Prosveshchenie, 1974. P. 60–68 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 22.11.2017.
Received by editorial board 22.11.2017.

В конспект социолога

Synopsis of a sociologist

УДК 316.752:316.334.52(476)

ТРЕТЬЯ ВОЛНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЕКТА «ПОКОЛЕНИЯ И ГЕНДЕР»: НОВЫЕ ПОДХОДЫ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ СТАРТ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ)

Д. Г. РОТМАН[1)]***, А. А. БЕЛОВ***[1)]***, А. К. ВОДНЕВА***[1)]***, О. В. ИВАНЮТО***[1)]***, В. В. ПРАВДИВЕЦ***[1)]***, Л. А. СОГЛАЕВА***[1)]***, Л. В. ФИЛИНСКАЯ***[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Образец цитирования:
Ротман Д. Г., Белов А. А., Воднева А. К., Иванюто О. В., Правдивец В. В., Соглаева Л. А., Филинская Л. В. Третья волна международного проекта «Гендер и поколения»: новые подходы (экспериментальный старт в Республике Беларусь) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 168–175.

For citation:
Rotman D. G., Belov A. A., Vodneva A. K., Ivanyuto O. V., Pravdivets V. V., Soglaeva L. A., Filinskaya L. V. The third wave of the international project «Generations and gender»: new approaches (an experimental start in the Republic of Belarus). *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 168–175 (in Russ.).

Авторы:
Давид Генрихович Ротман – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований.
Андрей Александрович Белов – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор А. Н. Данилов.
Александра Константиновна Воднева – кандидат философских наук; ведущий специалист Центра социологических и политических исследований.
Оксана Владимировна Иванюто – старший научный сотрудник Центра социологических и политических исследований.
Виктор Владимирович Правдивец – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник Центра социологических и политических исследований.
Лариса Алексеевна Соглаева – кандидат философских наук, доцент; ведущий специалист Центра социологических и политических исследований.
Лариса Владимировна Филинская – кандидат философских наук; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:
David G. Rotman, doctor of science (sociology), full professor; director of the Center for Sociological and Political Researches.
dgrotman@rambler.ru
Andrei A. Belov, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
belov88@tut.by
Aleksandra K. Vodneva, PhD (philosophy); principal specialist at the Center for Sociological and Political Researches.
AVodneva@tut.by
Oksana V. Ivanyuto, senior researcher at the Center for Sociological and Political Researches.
ivanuto@rambler.ru
Victor V. Pravdivets, PhD (sociology); principal researcher at the Center for Sociological and Political Researches.
vpravd1@gmail.com
Larisa A. Soglaeva, PhD (philosophy), docent; principal specialist at the Center for Sociological and Political Researches.
lsoglaeva@gmail.com
Larisa V. Filinskaya, PhD (philosophy); associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
ilinskalv@gmail.com

Рассмотрены вопросы организации международного социологического исследования по проблемам семьи. Разработана система управления проектом. Описаны функции каждой структуры, осуществляющей проведение полевого этапа исследования: сбор эмпирических социологических данных, хранение и передача полученной информации, контроль качества полевых работ.

Ключевые слова: стратегическое управление проектом; оперативно-тактическое управление исследовательскими работами; методологическая группа проекта; международный консультативный совет; сбор социологической информации; внутренний контроль качества сбора информации; внешний контроль качества сбора социологической информации.

THE THIRD WAVE OF THE INTERNATIONAL PROJECT «GENERATIONS AND GENDER»: NEW APPROACHES (AN EXPERIMENTAL START IN THE REPUBLIC OF BELARUS)

***D. G. ROTMAN*[a], *A. A. BELOV*[a], *A. K. VODNEVA*[a], *O. V. IVANYUTO*[a], *V. V. PRAVDIVETS*[a], *L. A. SOGLAEVA*[a], *V. V. FILINSKAYA*[a]**

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: D. G. Rotman (dgrotman@rambler.ru)

The authors consider the issues of organization of the international sociological study on family problems. The article examines the developed system of project management, describes the functions of each project structure, which realizes the fieldwork: collection of empirical sociological data, data storage and transfer of the collected information, quality control of the fieldwork.

Key words: strategic project management; tactic management of research work; methodological project group; international advisory council; sociological data collection; internal quality control of data collection; external quality control of data collection.

К социологическим проектам, проводимым по новым современным технологиям, можно отнести исследование «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемости в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов». Изучение проблемы осуществлялось в рамках проекта «Поддержка реализации национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2016–2020 гг.» и проводилось по методологии международной программы «Поколения и гендер» (*Generations and Gender Programme*). Данная программа представляет собой инфраструктуру научных исследований в области социальных наук, предоставляющую данные на микро- и макроуровне, которые значительно улучшают базу знаний для социальных наук и разработки политики в области народонаселения. Программа действует в 23 странах, включающих в себя основные европейские государства, а также Австралию и Японию. Инфраструктура управляется институтами с сильными научными традициями в области исследований политики народонаселения и семейных изменений, а также методологии проведения опросов.

Координирующей организацией программы является Междисциплинарный демографический институт Нидерландов (*NIDI*). Научное руководство проектом осуществляет профессор Энн Готье.

Целью данного социологического исследования является анализ динамики становления и развития института семьи и семейных отношений в Беларуси, репродуктивной ориентации и поведения белорусов, тенденций рождаемости в меняющихся социально-экономических условиях, а также оценка эффективности национальной демографической политики, включая семейную, и разработка научно-обоснованных рекомендаций по ее усовершенствованию.

Подготовка социологического исследования осуществлялась в рамках проекта международной технической помощи «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2016–2020 гг.». Помимо Фонда ООН в области народонаселения в подготовке принимали участие Детский фонд ООН и Департамент по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН.

Осуществление первого замера, в ходе которого должны апробироваться некоторые изменения в содержании инструментария, новые способы и подходы к сбору и фиксации информации, поручено Республике Беларусь, в частности ЦСПИ БГУ.

Следуя технологии подготовки к стартовым исследовательским действиям, разработанной ЦСПИ БГУ на базе многолетнего опыта работы, была сформирована методологическая группа, функциями которой стали:

• предварительный анализ целей и задач проекта;

• изучение предложенного инструментария для сбора социологической информации, который применялся в предыдущих волнах исследования;

• ознакомление с проблемами и сложностями в работе предыдущих исполнителей в других государствах;

• подготовка плана полевых работ, включая пилотаж;

• разработка подходов к организации управления проектом;

• определение подходов к проведению информационной кампании для ознакомления общественности Беларуси с целями реализации проекта и демонстрации значимости результатов исследования;

• разработка технологий специальной подготовки участников исследования к выполнению своих функций в проекте.

Работа названной группы позволила выявить определенные сложности в последующей реализации исследования. В их числе:

• большой объем выборочной совокупности (10 000 респондентов);

• значительная продолжительность интервью (до полутора часов);

• большое количество вопросов, носящих личный, интимный характер и вызывающих по этой причине негативную реакцию респондентов;

• наличие вопросов, предполагающих при ответах обобщение, суммирование данных и т. д. (например, вопросы о заработке респондентов или их семей за определенный срок);

• применение для отбора респондентов адресной выборки (практически во всех описанных ранее исследованиях использовалась стратифицированная маршрутная выборка. Кроме того, списки адресов, представленных социологам, были сформированы по результатам последней переписи населения в Республике Беларусь, проводившейся в 2009 г., следовательно, нуждались в корректировке, которая, в свою очередь, должна была согласовываться с заказчиком исследования, что требовало затрат времени);

• фиксация информации на планшетных компьютерах (при непредсказуемых возможных сбоях работы программного обеспечения);

• передача собранных сведений на сервер в страну, которая является организатором мониторинга (это усложняет контроль качества информации и устранение возможных ошибок интервьюеров);

• создание панели для проведения очередных волн проекта в будущем, что требует фиксации конфиденциальных данных респондентов;

• определенная негативная реакция потенциального респондента на информацию интервьюера о содержании предстоящей беседы, что приводило либо к отказу от интервью, либо к его прерыванию по инициативе респондента.

Начало полевых работ позволило выявить еще одну проблему, которая не могла остаться без внимания исследователей. Ряд респондентов негативно реагировали на сам факт применения планшетных устройств и отказывались от участия в интервью. Кроме того, нельзя оставить без внимания такую важную проблему, как мера достижимости потенциальных участников опроса в различное время года. Летний период оказался непродуктивным в наибольшей степени. Об этом свидетельствует реальная работа интервьюеров в ходе сбора информации. Данное замечание требует особого внимания будущих исполнителей национальных проектов.

Можно говорить и о других, менее значимых проблемных ситуациях. Названные проблемы требуют решения. Без этого невозможен успех в реализации проекта в современных условиях. Вместе с тем информация чрезвычайно важна для реализации программ обеспечения демографической безопасности в любой стране мира, в том числе и в Республике Беларусь.

Методологическая группа разработала концепцию управления исследовательским консорциумом в условиях применения новых подходов к сбору социологической информации.

Руководители исследования пришли к выводу о том, что эффективность решения названных проблем зависит от степени специальной подготовки социологов, выполняющих различные функции в проекте, а следовательно, от всей системы управления исследованием. Примененная ЦСПИ БГУ модель управления проектом представлена на рисунке.

К управлению консорциумом, осуществляющим реализацию исследовательских задач, было определено два ключевых подхода:

• стратегическое управление;

• оперативно-тактическое управление.

Стратегическое управление проектом предполагает систему действий, направленных на решение ключевых задач, связанных с созданием оптимальных условий для работы всех структур консорциума на базе единой социологической методологии, разработанной заказчиком исследования и адаптированной национальной командой к реальностям и особенностям белорусского исследовательского поля, на обеспечение взаимодействия всех структур консорциума в целях достижения высокого результата исследования, т. е. получения надежной, объективной и репрезентативной информации в установленные рабочим планом сроки.

Стратегическое управление исследовательским консорциумом осуществляет методологическая группа проекта. Она участвует в разработке всех

Модель управления исследовательскими работами в рамках проекта:
«Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость
в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов»

Research management model in the frameworks of the project:
«Family formation, stability of family relationships and birth-rate of the Belarusians
in the changing socioeconomic living conditions»

документов сопровождения проекта, утверждает их, организует тренинги-семинары для всех категорий исследовательских групп, поддерживает постоянные контакты с руководством международного проекта «Поколения и гендер» в целях согласования возможных стратегических и тактических изменений в методологии. Эта группа утверждает принятую модель выборочной совокупности и контролирует степень ее реализации, определяет возможности корректировки модели и способы ремонта выборочной совокупности. Группа рассматривает и утверждает стратегии и возможности снижения уровня недостижимости респондентов, устанавливает объемы сбора информации, еженедельно анализирует ход полевых работ, контролирует информационно-пропагандистскую кампанию, проводит диспетчерские онлайн-конференции с управляющими структурами полевых работ, определяет пути повышения интенсивности и качества работы интервьюеров, супервайзеров и кураторов регионов, анализирует ход внутреннего контроля качества сбора информации.

Учитывая важность данного проекта, его международное и национальное значение, руководство методологической группой проекта осуществляет директор ЦСПИ БГУ. Он же является научным руководителем организации–исполнителя работ. В состав группы входят: руководитель республиканской опросной сети, специалист по выборке, специалист по обработке социологической информации, специалист по работе с планшетными компьютерами, специалист по коммуникациям.

Для обеспечения высокого уровня научно-исследовательских работ создан *международный консультативный совет*, который участвует в обсуждении на экспертном уровне различных проблем, возникающих в процессе сбора социологической информации. В его состав вошли известные специалисты некоторых европейских государств, в частности представители методологического комитета Всемирной ассоциации по изучению ценностей.

Оперативно-тактическое управление предполагает решение локальных задач: руководство процессом сбора информации, контроль за соблюдением условий выборки исследования, консультирование интервьюеров по работе с планшетами, анализ промежуточных результатов опроса, выяв-

ление возникающих в ходе полевых работ проблем, а также определение эффективных путей и способов их быстрого решения. Деятельность специалистов оперативно-тактического управления осуществляется в рамках трех рабочих блоков:

1) техническое сопровождение НИР;

2) сбор социологической информации;

3) внутренний и внешний контроль качества сбора информации.

Первый рабочий блок, «Техническое сопровождение научно-исследовательских работ», возглавляет *руководитель группы технического сопровождения исследования*. Его задачами являются координация работ по всем составляющим блока, оперативное выявление сложных ситуаций и определение возможностей их решения. Он проводит экспресс-совещания со специалистами группы, находится в постоянном контакте с руководителем исследования, а также республиканской опросной сети.

В состав группы входят также специалисты:

- по сопровождению работы планшетных компьютеров;
- первичной обработке информации;
- контролю и корректировке выборки;
- документации исследования;
- финансовому и организационному обеспечению исследования;
- коммуникациям.

Обязанностью *специалиста по сопровождению работы планшетных компьютеров* является консультирование интервьюеров опросной сети, осуществляющих сбор социологической информации с использованием названных электронных устройств, а в случае необходимости и их обучение правилам использования планшетных компьютеров, проверка качества работы этих устройств, а также обеспечение надежности функционирования программного обеспечения. В его обязанности входит также определение причин отсутствия связи с головным сервером и выявление причин задержек передачи собранной в ходе опросов информации. Специалист по сопровождению работы планшетных компьютеров получает обобщенную информацию по результатам работы за неделю и готовит отчет выполнения плана полевых работ по регионам и по стране в целом. Он должен сделать все возможное для выявления возникающих затруднений, определения причин их появления и быстрого их разрешения.

Специалист по первичной обработке информации на базе данных, переданных головной организацией в формате *SPSS* после выгрузок недельных результатов замеров, осуществляет обработку полученной части массива, строит динамическую таблицу изменения ситуации в демографической статистике опросных данных и передает полученную информацию специалисту по выборке.

Специалист по контролю и корректировке выборки регулярно отслеживает промежуточные результаты опроса, фиксирует возможные отклонения социально-демографических показателей в собранных данных по сравнению со статистическими. Вносит согласования с головной организацией проекта, предложения по способам корректировки или ремонта выборки.

Специалист по документации исследования осуществляет проверку правильности заполнения интервьюерами и руководителями опросной сети основных документов сопровождения опроса, формирует их архив, создает адресную панель для проведения последующих волн проекта.

Специалист по финансовому и организационному обеспечению исследования по представлению руководителя проекта, а также руководителей опросной сети центра осуществляет расчеты материального вознаграждения участников работ разного уровня. Он также отслеживает и согласует возможности компенсации различных технических расходов на реализацию исследовательского проекта в рамках годового рабочего плана, подписанного заказчиком работ и организацией-исполнителем.

Специалист по коммуникациям отвечает за расширенные контакты со СМИ, общественными организациями и представителями властных структур. Эта работа является крайне важной для успешной реализации проекта, так как показатели достижимости респондентов, несостоявшихся или прерванных интервью во многом зависят от уровня осведомленности людей о реализации важнейшего международного проекта, результаты которого позволят получить информацию, направленную на улучшение жизни граждан, рост их личного благосостояния, укрепление института семьи и в конечном счете стабильности в стране и обществе.

Второй рабочий блок, «Сбор социологической информации», является важнейшей составляющей любого социологического исследования, включая те замеры, в ходе которых применяются современные подходы к получению данных, позволяющих осуществить объективный анализ изучаемой ситуации, разработать комплекс рекомендаций, направленных на эффективное решение проблем, которые стали предметом социологического изучения. Этап сбора информации в профессиональной социологической среде называется полевым. Ключевую роль в реализации целей и задач данного этапа играет опросная сеть, которая является неотъемлемой частью любой профессиональной социологической службы, проводит опросы респондентов, соблюдая при этом все требования и правила, установленные применяемой для данного исследования выборочной моделью.

Структура опросной сети, которая напрямую подчиняется научному руководителю исследования, выглядит следующим образом:

• руководитель республиканской опросной сети;
• кураторы регионов;
• руководители региональных отделений опросной сети (супервайзеры);
• интервьюеры.

Руководитель республиканской опросной сети координирует работу всех уровней управления процессом сбора социологической информации. Он несет ответственность за работу кураторов регионов, выходит на прямой контакт и принимает отчеты супервайзеров, осуществляет по необходимости консультирование интервьюеров, организует работу супервайзеров по формированию региональных групп интервьюеров опросной сети; готовит сведения о проделанной работе интервьюеров для оплаты их труда каждый месяц; контролирует работу кураторов регионов; принимает отчетные документы исследования в целом по стране; готовит соответствующий раздел в технический отчет о ходе полевых работ; организует тренинги по специальной подготовке кураторов регионов, супервайзеров и интервьюеров опросной сети. Руководитель опросной сети выбирается из числа сотрудников социологической службы, имеющих достаточный опыт работы по сбору информации. Желательно, чтобы он ранее сам как принимал участие в сборе информации в качестве интервьюера, так и осуществлял координацию и контроль полевых работ как супервайзер или куратор региона. Наличие подобного опыта важно для принятия быстрых, эффективных и обоснованных управленческих решений.

В обязанности *куратора региона* входят:
• подготовка списка адресов для курируемого региона;
• проведение тренингов интервьюеров в регионах;
• консультации региональных супервайзеров и интервьюеров, в том числе по работе с планшетами;
• прием и обработка сопроводительных документов исследования;
• контроль за ходом полевых работ;
• контроль качества сбора информации;
• подготовка отчета о ходе полевых работ в регионе каждые две недели;
• ежемесячная подготовка сведений по оплате труда супервайзеров и интервьюеров.

В системе управления полевыми работами действуют *супервайзеры*. Представители данной полевой группы отвечают:
• за подбор интервьюеров и их возможную ротацию;
• подготовку конкретного задания для каждого интервьюера (моделирование маршрутов, выборка);
• постоянное консультирование интервьюеров;
• координация деятельности интервьюеров;
• контроль за ходом проведения полевых работ в регионе;
• прием и проверка качества заполнения отчетных документов исследования;
• составление отчета о ходе полевых работ по своему региону;
• подготовка сведений о проделанной работе интервьюеров для ежемесячной оплаты их труда;
• контроль за использованием и сохранностью планшетов.

В случае необходимости супервайзеры должны вступать в контакт с представителями местной власти в целях разъяснения им сути и содержания проводимых социологических исследований, а также сообщать о возникновении внештатных ситуаций в ходе сбора социологической информации кураторам регионов, руководителю опросной сети ЦСПИ БГУ или непосредственно научному руководителю проекта.

Кураторы регионов и супервайзеры, как и руководитель опросной сети, должны иметь достаточный опыт организации и проведения социологического исследования, включая навыки работы с интервьюерами. Представители этих групп обязаны разбираться в методологических проблемах проведения социологических исследований: знать принципы построения выборочных моделей, формирования вопросов и ответов на них, уметь налаживать психологический контакт с людьми, представляющими разные социально-демографические группы населения. Главным для руководителей полевых работ разных уровней является умение разъяснять своим подчиненным важность проводимых исследований.

Важнейшей составляющей республиканской опросной сети являются *интервьюеры*. Именно они по специфике своей деятельности вступают в прямой контакт с респондентами. От интервьюеров зависит, состоится или не состоится интервью, а также насколько откровенен и последователен будет согласившийся на беседу респондент. Нельзя не отметить и то, что от интервьюера зависит правильность отбора респондента в соответствии с требованиями выборки, четкость фиксации ответов опрашиваемого, особенно в условиях использования планшетных компьютеров, своевременное отправление собранной информации на головной сервер, заполнение всех сопроводительных документов.

Успешная работа интервьюера зависит прежде всего:
• от желания работать, участвовать в исследовании;
• знания особенностей функционирования электронных устройств, на которых фиксируется собираемая информация;
• умения вступать в контакт с респондентами;

• умения общаться с интервьюированным, вплоть до завершения опроса;

• умения получать ответы респондента без давления на него, а также без подсказок и намеков;

• умения грамотно говорить, четко формулировать свои мысли;

• умения правильно, не вызывающе одеваться;

• хорошего знания как содержания инструментария, так и целей исследования;

• умения вызвать симпатию собеседника.

Наличие всех названных качеств должно определяться в процессе отбора сотрудника, который должен участвовать в опросах. Наличие профессиональной опросной сети является важнейшим условием успешной деятельности социологической службы. ЦСПИ БГУ имеет в своем составе две профессиональные опросные сети. Численность интервьюеров превышает 450 чел. Однако с учетом особенностей и сложностей данного исследовательского проекта в состав опросной группы должен быть включен и оперативный резерв для возможных замен исполнителей. Набор интервьюеров на первой стадии формирования опросной сети осуществляется с учетом их желания работать. При этом не должно быть никакого давления со стороны заинтересованных в формировании сети людей. После отбора желающих принимать участие в исследованиях осуществляется психологическое тестирование респондентов на наличие у претендентов тех личностных качеств, от которых зависит успешность работы интервьюера. После завершения отбора претендентов организуется тренинг – обучение интервьюеров. На его первом этапе будущим интервьюерам предоставляется информация о данной социологической службе. Подробно рассказывается о ранее проведенных исследованиях, партнерах, с которыми приходилось работать социологам данной организации. В процессе тренинга будущим сотрудникам опросной сети разъясняется роль и значение социологического исследования в современном обществе, описываются подходы к сбору и анализу информации. Обучаемые знакомятся с целями и задачами исследования. Им разъясняется важность получения объективных результатов для решения различных проблем жизни государства и общества. В процессе тренинга слушателям освещают подходы к сбору репрезентативной и объективной информации, они знакомятся со структурой опросной сети, органами управления социологической службой. Слушатели получают подробные сведения о своих будущих обязанностях. В заключение первой части обучения претенденты дают обязательства работать в будущем только на одну социологическую структуру и подписывают документ о конфиденциальности собираемой социологической информации. Вторая часть стартового тренинга посвящается прямым обязанностям интервьюеров в данном проекте. Их знакомят с правилами отбора респондентов, содержанием инструментария, предлагают дать ответы на все поставленные в бланке интервью вопросы. Далее проводится тренировка работы с планшетными компьютерами. В ходе тренинга интервьюеры опрашивают друг друга. В заключение участники занятий изучают содержание всех сопроводительных документов и порядок их использования в процессе следования по адресам, обозначенным в специальных картах.

Следующим этапом подготовки опросной сети является пробный опрос, причем каждый из подготовленных интервьюеров должен провести пилотные интервью не менее чем с пятью респондентами.

В заключение тренинга осуществляется короткий опрос интервьюеров для определения успешности и эффективности тренинга. Может быть проведен и анализ возможных ошибок, допущенных участниками занятий.

В ходе реализации проекта могут возникать ситуации, требующие замены некоторых интервьюеров как по их желанию (наличию личных объективных причин), так и по причине неудовлетворительного выполнения ими профессиональных обязанностей. В этом случае подбор новых сотрудников и их обучение осуществляется по описанной ранее методике.

Следует отметить, что в исследовательском проекте участвовали семь кураторов регионов, 14 супервайзеров и до 500 интервьюеров. Следует также подчеркнуть, что наибольшее доверие респондентов вызывали интервьюеры старшего возраста (более 50 лет).

Рассмотрим третий рабочий блок «*Внутренний контроль качества сбора информации*». Так, во многих международных и национальных проектах, проводимых ЦСПИ БГУ, контролировалось качество сбора информации. Технология контроля, разработанная сотрудниками ЦСПИ БГУ, предполагает проверку работы интервьюеров опросной сети методом «повторного посещения» респондентов с использованием данных, зафиксированных в адресных картах или маршрутных листах. Определено два вида контрольных действий: внутренний и внешний контроль. Внутренний контроль – комплекс проверочных действий, направленных на выявление недостатков в оформлении сопровождающих опрос документов и подтверждение факта его проведения. Он осуществляется кураторами регионов при участии специалистов по документации исследования, контролю и корректировке выборки. К проведению контрольных действий могут привлекаться и другие специалисты социологической службы,

а также региональные супервайзеры. Внутренний контроль предполагает проверку всех сопроводительных документов исследования, а также повторное посещение как минимум 50 % респондентов методом телефонного контакта. В случае выявления неточностей или отсутствия контакта с респондентами к разбору проблемных ситуаций могут привлекаться интервьюеры опросной сети. При неудовлетворительной оценке работы конкретного интервьюера его результаты аннулируются и проводится повторный опрос по обозначенному адресу. На допустившего брак в работе интервьюера могут налагаться штрафные санкции. Результаты внутреннего контроля сообщаются супервайзерам на еженедельных диспетчерских совещаниях, проводимых в онлайн-режиме (скайп-конференция) научным руководителем исследования, руководителем опросной сети и специалистами по выборке.

Внешний контроль качества сбора социологической информации осуществляется представителями заказчика. В контрольную группу не должны входить сотрудники того же учреждения, в составе которого находится подразделение, осуществляющее сбор социологической информации. Внешний контроль, так же как и внутренний, осуществляется методом повторного посещения респондентов, т. е. телефонными звонками. Проверяется не более 10 % респондентов по случайно отобранным адресным картам. В отличие от внутреннего внешний контроль проводится на финише полевых работ.

Описанные особенности организации исследовательского консорциума, правила его работы в целом, а также основные направления деятельности отдельных групп сотрудников социологической службы неоднократно подтверждали на практике свою состоятельность.

Следует отметить, что для выполнения работ на должном уровне и в определенные рабочими планами сроки необходимо обеспечение следующих условий:

• достаточное количество планшетных компьютеров. В условиях применявшейся модели выборочной совокупности и с учетом особенностей менталитета населения небольшой восточно-европейской страны для опроса 10 000 респондентов требуется 150 планшетов;

• рациональная численность опросной сети должна составлять около 450 человек, т. е. в среднем по три интервьюера на один планшет.

• формирование опросной сети по принципу максимального отсутствия необходимости переездов из одного населенного пункта в другой. Сотрудники, осуществляющие сбор информации, должны проживать в тех населенных пунктах, которые попали в выборочную совокупность;

• заранее разработанное и апробированное программное обеспечение для планшетных компьютеров;

• пилотаж инструментария и внесение в него (по согласованию с заказчиком) возможных поправок до начала основных полевых работ;

• организованная перед началом проекта пропагандистская, разъяснительная кампания о проекте в СМИ и интернете.

С учетом сказанного оптимальный временной график работ должен выглядеть следующим образом:

1) разработка и апробация программного обеспечения планшетов – 60 дней;

2) пилотаж и согласование инструментария – 30 дней;

3) тренинги и семинары по подготовке к сбору информации – 10 дней;

4) сбор социологической информации (проведение опроса населения) – 250 дней;

5) возможный ремонт выборочной совокупности, проверка и корректировка документов, сопровождающих исследовательский процесс, – 30 дней.

Описанные технологии управления проектом позволили провести исследовательские работы в срок, в полном объеме и на должном уровне.

P. S. *Научный сотрудник ЦСПИ БГУ, кандидат философских наук, доцент Лариса Алексеевна Соглаева 20 декабря 2017 г. отметила юбилей. Лариса Алексеевна – из плеяды легендарной Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ, сотрудникам которой выпало большое счастье – быть свидетелями и непосредственными участниками возрождения социологии в СССР. Л. А. Соглаева принадлежит к поколению исследователей, которые на личном опыте вкусили романтику научного поиска и счастье познания профессионального совершенства. Поздравляем, Вас, Лариса Алексеевна, с юбилеем!*

Коллектив факультета философии и социальных наук БГУ 16 ноября 2017 г. поздравлял с юбилеем кандидата философских наук, доцента Ларису Владимировну Филинскую. Как профессиональный социолог она сформировалась в стенах Харьковского национального государственного университета им. В. Н. Каразина. Л. В. Филинская – прекрасный преподаватель, участник многих международных проектов, пользуется заслуженным авторитетом среди коллег и студентов. Поздравляем Вас, Лариса Владимировна, с юбилеем и награждением Знаком Министерства образования «Отличник образования Республики Беларусь»!

Желаем нашим дорогим юбилярам крепкого здоровья, счастья, благополучия и новых творческих свершений!

Редколлегия

Статья поступила в редколлегию 22.11.2017.
Received by editorial board 22.11.2017.

Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. P. 176–180
Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2017. No. 4. P. 176–180

УДК 316.42

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. Г. ЧЕРНЯК [1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Представлено теоретическое обоснование понятия «социальный потенциал». Рассматриваются особенности формирования социального потенциала молодежи, факторы и условия его реализации, а также причины изменения качественных характеристик представителей молодого поколения. Обосновывается необходимость социологического изучения социального потенциала молодежи. Определяется значение его исследования в практике социального управления.

Ключевые слова: молодежь; социальный потенциал; социальное развитие.

SOCIAL POTENTIAL OF YOUTH: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF RESEARCH

Y. G. CHERNYAK [a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezależnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article presents the theoretical substantiation of the concept of «social potential». Features of forming the social potential of young people, factors and conditions affecting its implementation, as well as the reasons for changing the qualitative characteristics of representatives of the younger generation are considered. The necessity of sociological study of social potential of youth is substantiated. The importance of his research in the practice of social management is determined.

Key words: youth; social potential; social development.

Одним из важных вопросов современной гуманитарной науки является определение перспектив развития общества. Актуальность решения этой задачи обусловлена не столько необходимостью определения характера течения социальных процессов и явлений в будущем, сколько потребностью субъектов социального управления в информации о средствах и методах достижения запланированного в соответствии с нормативными целями состояния социальной системы. Основная сложность при этом заключается в том, что в процессе социального планирования и проектирования не всегда учитываются возможности управляемых систем и объектов в условиях преобразований.

Показателем социального развития общества является переход всех его процессов к качественно новому состоянию, а именно преобладание положительных изменений во всех его подсистемах. В свою очередь, направленность этих изменений детерминируется не только доминирующими в обществе социальными отношениями и процессами, но и теми характеристиками и качествами, которыми обладают ключевые для этого процесса социальные субъекты.

Молодежь традиционно считается социальной группой, которая занимает важное место в структуре общества. Доминирующей позицией в современной науке является понимание молодого поколения как источника инноваций, динамики, прогресса, воспроизводства социальной структуры и т. д. По мнению представителей концепции социального развития молодежи (В. И. Чупров,

Образец цитирования:
Черняк Ю. Г. Социальный потенциал молодежи: теоретические и методологические основания исследования // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 176–180.

For citation:
Chernyak Y. G. Social potential of youth: theoretical and methodological bases of research. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 176–180 (in Russ.).

Автор:
Юрий Геннадьевич Черняк – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:
Yuri G. Chernyak, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
sociologist@tut.by

Ю. А. Зубок и др.), данная социальная группа в ходе жизнедеятельности выполняет инновационную, трансляционную и воспроизводственную функции, в результате чего осуществляется развитие как самой молодежи, так и общества в целом [1].

Такая методологическая установка, являясь вполне обоснованной и аргументированной, активно используется субъектами социального управления при определении перспектив развития общества и его подсистем. Однако понимание молодежи как своеобразного социального ресурса без анализа ее реальных качественных характеристик объективно не позволяет достичь тех результатов, которые ожидаются в ходе преобразовательной деятельности.

Главной причиной этого является учет преимущественно явных, фактических характеристик молодежи. При этом вне поля зрения оказываются потенциальные возможности их раскрытия и использования. Так, например, вполне очевидно, что высокий уровень образования молодежи не может считаться абсолютной гарантией ее участия в наукоемких отраслях экономики без соответствующей стимуляции и создания необходимых условий. В частности, анализ положения представителей молодого поколения на рынке труда позволяет зафиксировать, что приобретение квалификации специалиста в ходе обучения в учреждении высшего образования не гарантирует соответствующих преимуществ, особенно в плане доходов и социального статуса. Такая ситуация может повлечь за собой переход молодого специалиста из одной профессиональной сферы в другую. На первый взгляд, подобный профессиональный поиск не влечет за собой очевидных неблагоприятных последствий. Тем не менее издержки (материальные затраты и время на подготовку по основной специальности) как для общества, так и для молодого человека оказываются весьма значительными.

Потенциал социальных субъектов начал изучаться сравнительно недавно. Основным направлением исследования выступает определение потенциала какой-либо конкретной социально-демографической группы или региона [2–4]. Как правило, анализ проблемы ориентирован преимущественно на выявление и оценку перспективных возможностей по улучшению ситуации в той или иной сфере (например, в образовании, науке, экономике и т. д.). Очевидно, что такой подход является объективно необходимым с точки зрения решения узкоприкладных задач, но не позволяет комплексно оценить имеющиеся возможности для устойчивого развития как элементов социальной системы, так и всего общества.

В современной социологии доминирующим является понимание социального потенциала как совокупности материальных и духовных ценностей общества, позволяющих достигать предполагаемую или заданную цель развития. Как отмечают некоторые исследователи, социальный потенциал включает в себя нереализованные социально детерминированные возможности и социальные ресурсы, т. е. своеобразный неиспользуемый резерв социальной системы [5]. Такая методологическая установка эффективна и прагматична с точки зрения социального управления, поскольку позволяет не только выявить возможности действующих социальных субъектов, но и оценить готовность самой социальной системы к преобразованиям.

Развитие социальной системы детерминируется посредством активности человека, результаты которой распространяются на все ее элементы. Такая активность не всегда является конструктивной и определяется в большей степени качественными признаками, атрибутивными для действующего социального субъекта. Исходя из этого, социальный потенциал необходимо рассматривать как качественную характеристику той или иной социально-демографической группы. Он может быть реализован только при определенных предпосылках и условиях.

Одной из важных особенностей социального потенциала является то, что его раскрытие и реализация носят вероятностный, ситуативный характер. Это означает, что его реализация, с одной стороны, может быть обусловлена спецификой и направлением деятельности субъекта, а с другой – не зависеть от него. В соответствии с этим носителем (субъектом) социального потенциала следует понимать такого участника социальной жизни, результатом деятельности которого является качественное изменение социальной системы, а также возможность таких изменений. При этом вполне можно согласиться с В. Э. Филлиповым, который рассматривает потенциал с позиций возможности не только конструктивных, но и деструктивных трансформаций [6]. Речь идет о различного рода негативных социальных явлениях и процессах, инициированных социальными субъектами, которые могут дестабилизировать общество и замедлить его развитие.

Несмотря на возрастающий интерес исследователей к проблеме социального потенциала, нерешенными остаются вопросы, связанные с его показателями среди различных социальных групп, общностей, институтов. Это объясняется прежде всего тем, что каждый социальный объект имеет свою специфику. При этом, чтобы повысить качество исследований в данной сфере, существующие подходы к изучению социального потенциала необходимо рассматривать не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие.

Изучение социального потенциала современной молодежи объективно приобретает особую

значимость. Такая актуальность опосредуется особым социальным статусом и ролью представителей молодого поколения. Изменение общества, его переход к новому состоянию связан с инновациями во всех сферах социальной жизни. Их высокая интенсивность оказывает серьезное влияние на развитие молодого поколения. При этом трансформируются роль и значение молодого поколения как наиболее активной возрастной группы. Меняется и характер поведения молодежи.

Молодое поколение является одним из ресурсов общества, от мобилизации которого зависит жизнеспособность и развитие социума. Высокая интенсивность социальных, экономических, культурных и иных преобразований в современном мире оказывает серьезное влияние на раскрытие преобразовательных возможностей молодежи. Рассматривая молодежь как непосредственного участника воспроизводства социальной структуры, инноваций, трансляции накопленного опыта и знаний, необходимо учитывать специфику данной социальной группы. Социальный потенциал молодежи можно определить как возможность и способность представителей данной социально-демографической группы реализовывать социальные функции для решения перспективных задач развития социума.

По мнению некоторых исследователей, особенностью социального потенциала является то, что он отражает направленный характер качественных изменений общества и его элементов [7]. В процессе практического использования унаследованных социальных отношений каждое новое поколение обеспечивает не только функционирование общества, но и его трансформацию. При этом реализация имеющихся возможностей опосредуется степенью осознания действующими социальными субъектами (в том числе и самой молодежью) необходимости изменения существующих социально-экономических, социокультурных, политических и иных отношений и процессов. В связи с этим использование социального потенциала молодежи в практике социального управления должно предполагать учет не только ее социально-демографических характеристик, но и ценностных ориентаций.

Ценности, общественные интересы, содержание социальных ролей закрепляются в сознании индивидов с раннего детства и воспроизводятся ими в процессе освоения социальной действительности. По сути, создается своеобразный нормативный интервал, который наделяет социальные субъекты определенным типом поведения и интересами. Именно ценностные ориентации молодежи, мотивы ее деятельности во многом определяют эффективность реализации потенциала, наряду с объективными условиями могут способствовать или препятствовать самореализации молодого поколения. Очевидно, что в контексте модернизации современного общества эта характеристика молодежи приобретает особую важность. Как отмечает В. С. Стёпин, в ходе трансформации общества некоторые элементы традиционалистской культуры сохраняются, что может привести к проблеме адаптации к новым ценностям [8, с. 9]. В условиях ускоренных темпов социального развития такая ситуация может вызвать увеличение числа различного рода неблагоприятных и неконтролируемых явлений и событий во многих сферах общественной жизни.

Одним из важнейших факторов формирования социального потенциала молодежи является направленность изменений качественных и количественных характеристик в процессе ее становления как субъекта общественного воспроизводства, что, по сути, является показателем социального развития. При этом характерные молодежи социальные качества непосредственно связаны с объективными социальными условиями и уровнем развития общества. Соответственно, их трансформация приводит к возникновению прямых и обратных связей, причинных зависимостей и детерминант между качествами, которыми обладает молодежь, и существующими возможностями.

Вектор развития общества во многом определяется преобладающим типом личности. Очевидно, что социальные качества, характерные для действующих субъектов, не всегда будут соответствовать нормативным ожиданиям социальной системы. В такой ситуации реализация социального потенциала как одного из условий достижения целей развития общества объективно будет затруднена. В данном контекте вполне уместно обратиться к Э. Фромму, который утверждал, что для раскрытия интеллектуальных и эмоциональных потенций личности необходима активная и продуктивная деятельность [9].

Исследование социального потенциала молодежи должно предполагать не только его оценку, но и определение факторов его формирования. Очевидно, что именно социальная среда во многом обусловливает социализацию молодежи. В частности, в переходных обществах процесс социального воспроизводства претерпевает существенные изменения. В условиях, когда старые механизмы непрерывного возобновления качественных характеристик социальной системы утрачивают свою эффективность, а новые еще не сформированы, состояние неопределенности объективно актуализируется. Если представители старшего поколения в такой ситуации находятся в относительной зоне комфорта, то о молодежи этого сказать нельзя: она не имеет соответствующего социального и профессионального опыта, который бы позволил ей эффективно реализовать имеющиеся знания и удовлетворить сформированные потребности. Вступая в социальную жизнь, молодые люди уже обладают

определенным набором навыков. Тем не менее их качество и условия, в которых осуществляется деятельность, не всегда позволяют молодым людям реализовать свои потенциальные возможности.

Это нередко приводит к тому, что способность адаптироваться к социальным изменениям, а следовательно, и способность противостоять возникающей неопределенности у данной социально-демографической группы снижается. Одновременно снижается возможность раскрытия социального потенциала. Последствия этого могут проявляться на уровне всего общества. Так, например, неблагоприятная экологическая ситуация (которая может рассматриваться как ситуация риска), влияет на состояние здоровья населения в целом. В этих условиях уровень заболеваемости среди младших возрастных групп возрастает. Следовательно, вхождение во взрослую жизнь у представителей молодого поколения будет непосредственно связано с низким состоянием здоровья, что, в свою очередь, может проявляться в низкой адаптивности к внешним условиям и, соответственно, в низком потенциале.

Сферы, в которых проявляется социальный потенциал молодежи, разнообразны и опосредованы конкретными формами ее социальной активности. Однако следует отметить, что реализация социального потенциала возможна только в пределах социальной системы и тех ее компонентов, которые являются наиболее значимыми с точки зрения общественного развития. Данная исследовательская установка позволяет выделять такие виды потенциала, как образовательный, демографический, модернизационный, политический, трудовой и т. п.

Следует обратить внимание на то, что многие элементы социального потенциала молодежи как целостной системы являются взаимообусловленными. Это вполне естественно и объяснимо, поскольку социальный потенциал раскрывается в ходе развития общества и реализуется в процессе деятельности социальных субъектов. Так, например, успешность реализации экономического и трудового потенциала молодежи напрямую зависит от качественных характеристик ее уровня образования. В свою очередь, демографический потенциал во многом связан с качественными характеристиками здоровья представителей молодого поколения.

С познавательной точки зрения принципиальное значение приобретает разработка валидной системы показателей социального потенциала молодежи, включающей в себя фундаментальную и оперативную социологическую информацию. Несмотря на кажущуюся простоту, эта задача является достаточно сложной в силу ряда особенностей данной социальной группы. Тем не менее их учет позволит объективно отразить способность молодежи к преобразовательной деятельности, воспроизводству социальной среды и самореализации. В качестве наиболее значимых следует назвать следующие:

1) молодежь представляет собой достаточно большую социальную общность, которая характеризуется неоднородностью. В частности, различные ее группы (городская, сельская, учащаяся молодежь и т. д.) имеют свою специфику, касающуюся ценностных ориентаций, образа жизни, материального положения и проч., что влияет на возможности формирования и реализации потенциала;

2) динамика социальной жизни, высокая скорость социальных процессов и изменений затрудняют прогнозирование моделей поведения молодежи, в которых ее потенциал может быть раскрыт;

3) не все процессы, происходящие в обществе, могут быть оценены качественно и количественно (например, маргинализация представителей молодого поколения). При этом роль молодежи в них не может быть измерена по причине отсутствия соответствующих методик. Представители молодого поколения имеют собственные цели и интересы, которые не всегда совпадают с общественными и государственными и не всегда отвечают стратегии социального развития.

Учитывая специфику молодежи, в структуре факторов формирования ее социального потенциала можно выделить объективные и субъективные. С познавательной точки зрения их анализ позволяет рассматривать потенциал как результат взаимодействия объективной реальности и внутренней структуры личности, ее направленности. Группа объективных факторов характеризует воздействие внешней среды на молодежь и выражается в неопределенности такого влияния на данную социально-демографическую группу. К их числу можно отнести различного рода социальные противоречия в обществе.

Субъективные факторы отражают особенности молодежи как социального субъекта. На основании этих особенностей (ценностных ориентаций, интересов и проч.) дается оценка существующим социальным условиям и целям общественного развития. Различные опенки приводят к тому, что направленность деятельности одних представителей молодого поколения будет соответствовать стратегии социального развития (т. е. потенциал будет реализовываться), а других – диссонировать с ней, трансформируясь в деструктивные формы активности. В данном контексте вполне уместно обратиться к теории девиантного поведения Р. Мертона: в случае если провозглашаемые обществом цели и средства по их достижению будут признаваться социальным субъектом как неприемлемые, то его поведение может трансформироваться в девиантные формы. При этом Р. Мертон отмечал, что

социальные девиации не являются результатом абсолютного негативного отношения к доминирующим в обществе целям и средствам. По мнению американского социолога, социальные субъекты могут переходить от одной альтернативы к другой по мере включения их в различные виды деятельности.

Любая социальная система заинтересована в сохранении стабильности своего развития и локализации неблагоприятных социальных явлений на всех уровнях. Молодежь, обладая высокой степенью адаптивности к меняющимся условиям, является одним из тех социальных ресурсов, который при соответствующей поддержке и стимулировании сможет не только минимизировать последствия экономических и политических кризисов, ошибочных управленческих решений, но и осуществить вклад в развитие общества. Такая социальная роль молодого поколения объективно требует создания условий для развития и поддержки его потенциала. Эти условия должны не просто декларироваться, но и реализовываться в практике социального управления. Речь идет не просто о повышении эффективности социальных институтов и организаций, непосредственно взаимодействующих с молодежью, а о соответствии их деятельности тем целям, которые определены в качестве перспективных. Эффективность системы управления социальным потенциалом молодежи зависит не только от скорости оказания необходимой помощи представителям молодого поколения, но и от способности предотвратить наступление событий, негативно влияющих на развитие данной социальной группы. В связи с этим следует обратить внимание на то, что управление социальным потенциалом молодежи должно носить системно-комплексный характер, соответствовать научному и методическому обеспечению.

Таким образом, исследование социального потенциала молодежи, его структуры, видов и уровней представляет собой сложную познавательную задачу, решение которой имеет неоспоримое теоретическое и прикладное значение. Исследование должно включать в себя анализ не только процесса формирования, но и его реализации. Определение стратегических направлений качественных изменений общества и его элементов невозможно без социального развития молодого поколения.

Библиографические ссылки

1. *Чупров В. И.* Молодежь в общественном воспроизводстве // Социол. исслед. 1998. № 3. С. 93–106.
2. *Алтынбаев Р. З.* Социальный потенциал молодого города // Социол. исслед. 1998. № 11. С. 49–51.
3. *Задумкин К. А., Кондаков И. А.* Научно-технический потенциал региона: оценка состояния и перспективы развития. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2010.
4. *Петрушина Т.* Социальный потенциал инновационного экономического развития: анатомия определения понятий // Соціальні виміри суспільства. К. : Ін-т соціології НАН України, 2012. С. 168–180.
5. *Павлова В. Е.* Методологический анализ понятия «социальный потенциал» // Инновац. наука. 2015. № 7. С. 167–170.
6. *Филиппов В. Э.* Социальный потенциал молодежи как предмет социологического анализа. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialnyy-potentsial-molodezhi-kak-predmet-sotsiologicheskogo-analiza (дата обращения: 25.08.2017).
7. *Рожкова Л.* Социокультурный потенциал студенческой молодежи в условиях модернизации // Власть. 2013. № 9. С. 154–157.
8. *Стёпин В. С.* Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. 2011. № 2. С. 8–17.
9. *Фромм Э.* Человек для самого себя. М. : АСТ, 2010.

References

1. Chuprov V. I. Youth in social reproduction. *Sotsiologicheskie issled*. 1998. No. 3. P. 93–106 (in Russ.).
2. Altynbayev R. Z. Social potential of a young city. *Sotsiologicheskie issled*. 1998. No. 11. P. 49–51 (in Russ.).
3. Zadumkin K. A., Kondakov I. A. [Scientific and technical potential of the region: assessment of the state and development prospects]. Vologda : ISERT RAN, 2010 (in Russ.).
4. Petrushina T. [Social potential of innovative economic development: anatomy of definition of concepts]. *Social dimensions of society*. Kiyv : Institute of Sociology of the National Academy of Sciences Ukraine, 2012. P. 168–180 (in Russ.).
5. Pavlova V. E. [Methodological analysis of the concept of «social potential»]. *Innovatsionnaya nauka*. 2015. No. 7. P. 167–170 (in Russ.).
6. Filippov V. E. [Social potential of youth as a subject of sociological analysis]. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialnyy-potentsial-molodezhi-kak-predmet-sotsiologicheskogo-analiza (date of access: 25.08.2017) (in Russ.).
7. Rozhkova L. [Socio-cultural potential of student youth in conditions of modernization]. *Vlast'*. 2013. No. 9. P. 154–157 (in Russ.).
8. Stepin V. S. [Globalization and the dialogue of cultures: the problem of values]. *Vek globalizatsii* [Century of globalization]. 2011. No. 2. P. 8–17 (in Russ.).
9. Fromm E. [The man for himself]. Moscow : AST, 2010 (in Russ.).

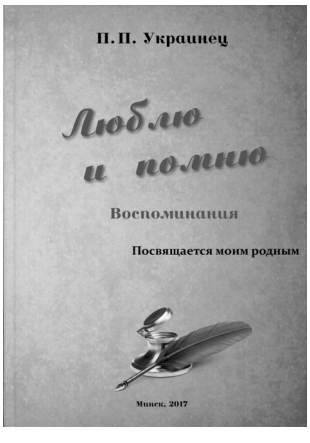
Статья поступила в редколлегию 20.11.2017.
Received by editorial board 20.11.2017.

Критика, библиография

Critics, bibliography

«И Я, ПАВЛА ПЕТРОВНА, В ЭТОМ МИРЕ…»

«AND I'M, PAVLA PETROVNA, IN THIS WORLD…»



В издательстве «Колорград» вышла книга известного белорусского историка, социолога и политолога, доктора исторических наук, профессора Павлы Петровны Украинец «Люблю и помню. Воспоминания. Посвящается моим родным» (Минск, 2017). Такие книги появляются нечасто и пишутся всю жизнь… В ней – переживания, трудности, радость побед, объяснения и признания, мудрость и опыт жизни, собранные в судьбе одного человека. Человека, бесконечно влюбленного в жизнь, родной край, людей, с которыми довелось встретиться, работать, дружить, человека, много повидавшего и пережившего…

О чем же книга Павлы Петровны? Автор отмечает: «Я попытаюсь рассказать о реальном богатом и интересном, достойном уважения жизненном опыте, который матушка-история подарила хоромцам – хозяевам деревни с уникальным и загадочным именем Хоромск» (с. 5). Родная для Павлы Петровны д. Хоромск Столинского района Брестской области не просто точка на карте Беларуси. Здесь ее истоки, начало всех начал: «…с какой бы стороны – с востока или запада, с юга или севера – вам ни случилось держать путь в Хоромск, вас непременно будут сопровождать уникальные легенды об истории края полешуков, о "тутэйшых" творцах и свидетелях богатых и светлых, а нередко и трагических событий. Вы встретите их потомков – горделивых и добрых, умеющих привечать и обогревать тех, у кого есть в том потребность, и смело "давать сдачи" тем, кто вздумает их унизить или обидеть» (с. 7).

Несколько слов об авторе. Павла Петровна Украинец – известный белорусский ученый, педагог, государственный и общественный деятель. Окончила Пинское педагогическое училище (1953), Белорусский государственный университет (1960), Минскую Высшую партийную школу (ВПШ) (1964), Академию общественных наук при ЦК КПСС (1971). Трудовую деятельность начала очень рано, как все сельские дети… С 1951 г. работала в редакциях газет «Полесская правда», «Чырвоны сцяг», «Ленінскі шлях», «Чырвоная Змена». С 1957 г. – на комсомольской и партийной работе: секретарь Брестского обкома ЛКСМБ, с 1965 г. – секретарь Пинского горкома КПБ, с 1971 г. – лектор, заведующий сектором, заместитель заведующего отделом культуры в аппарате ЦК КПБ. В 1971 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Взаимоотношения партийных и советских органов при социализме», в 1986 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Основные направления совершенствования партийного руководства идейно-воспитательной работой (на опыте партийных организаций Белоруссии)». С 1987 г. заведует кафедрой научного коммунизма, а затем – политологии и теории социализма Минской ВПШ. С 1991 по 2014 г. – профессор кафедры социологии БГУ. Отличник образования Республики Беларусь, лауреат премии им. В. И. Пичеты, автор интересных научных работ, учебников и учебно-методических пособий, прекрасный лектор, яркий оратор и публицист, необыкновенно интересный собеседник. И эта книга – о ее и нашем времени и, конечно, о себе самой…

Структура книги хорошо продумана и логически выстроена. Каждый из семи разделов освещает определенный период жизни автора. В заключительной части книги представлены материалы из архива Павлы Петровны: статья «Потребности и образ жизни: о новом подходе к исследованию» и киноповесть «Еще не падали каштаны». Всю книгу сопровождает с любовью подобранный и умело расположенный уникальный фоторяд. Фотографии, как свидетели времени, передают колорит жизни, ее ритм и повседневность. Это действительно впечатляет…

Названия разделов говорят сами за себя: «Чем славен путь в Хоромск», «Откуда "есть пошла" хоромская земля», «Хоромск официальный и публичный», «Хоромск военных лет глазами очевидцев», «После войны и позже»… Шестой и седьмой разделы посвящены размышлениям и воспоминаниям о своем роде и судьбе («Вы какого роду-племени?» и «Что принесли мы в этот мир»).

Содержание книги очень трудно передать в небольшой рецензии. Хотелось бы особое внимание уделить главе «И я, Павла Петровна, в этом Мире: штрихи к событиям и жизнедеятельности». Буквально до слез трогают авторские воспоминания и откровения… «Итак, пришел черед и о себе сказать. О, как это непросто! Но, видимо, каждому человеку на определенном этапе его жизненного пути следует это сделать. Ответить на вопросы, что для тебя значит тот или другой человек, то или иное событие, тот или другой город, где ты жил и трудился…» (с. 166). На долю Павлы Петровны выпала весьма насыщенная и интересная жизнь. «Многолетняя и многогранная учеба, журналистская, комсомольская и партийная работа позволили мне встретиться с прекрасными людьми, крупными специалистами в области политики и управления, культуры и искусства, науки и образования. У меня много друзей среди людей моего поколения и среди людей помоложе, моих учеников – тех, кому я в чем-то помогла, поддержала, и тех, кто мне помог…» (с. 166).

Словно на ладони в мгновениях, деталях раскрывается богатый, очень тонкий и ранимый внутренний мир Павлы Петровны Украинец. Это исповедь перед современниками. Здесь лежат истоки ее необыкновенного трудолюбия, обостренного чувства ответственности за выполняемую работу, профессионализма, тонкого художественного вкуса, любви к людям, открытости, необыкновенной жизненной энергии, патриотизма. «К учебе и нашим учителям мы относились как-то особенно – благоговейно, что ли…» (с. 171). «Всех своих преподавателей мы в меру почитали, уважали, с благодарностью принимали те знания, которые они нам несли, хотя могли (как нередко делают студенты) позволить себе и не выучить урок, и воспользоваться подсказкой соседа…» (с. 171–172). А каким душевным теплом веет от одного только названия подраздела: «"Чужие" добрые люди: спасибо Вам!» «Одновременно с учебой я вынуждена была работать: обеспечивать мое студенчество было некому. Отец умер в год моего окончания семилетки, один брат погиб в партизанах, второго призвали в Армию, мать-инвалид (во время войны ампутировали ногу)» (с. 174). «Мы все жадно тянулись к знаниям. Наверное, потому что война существенно обворовала многих в этом отношении. Даже послевоенные школы тогда не были обеспечены ни профессиональными учителями, ни учебниками, ни даже обычными школьными принадлежностями: тетрадями, ручками, карандашами и т. п. Мы долго ощущали себя недополучившими многого, жадно "проглатывали" все: и что давалось на лекциях, консультациях, и в театры, на стадионы, на массовые праздники – на все выкраивали время. Мне и теперь все интересно, даже то, что не имеет прямого отношения к моей жизни, работе» (с. 176).

Как точно написано: «…ноябрь 1957 года "вбросил" меня в комсомол. Дел было невпроворот, но работы я не боялась. <…> Адреналина всем хватало. <…> В те годы, как известно, главным лозунгом было: "Раньше думай о Родине, а потом о себе!". Так мы и жили. Если не все, то очень и очень многие» (с. 182). В феврале 1958 г. был учрежден День советской молодежи. По всей стране шли акции за акцией: трудовые будни сопровождались духовно-культурными фестивалями, празднествами… «Время нашего комсомола было весьма напряженно-трудовым: всесоюзные стройки, освоение целины, зарождение бригад коммунистического труда, широкие международные контакты, молодежные всемирные фестивали и т. д. А сколько будничных дел в своих районах, колхозах, на предприятиях! Комсомол везде поспевал!» (с. 189).

«С Москвой мне, конечно, повезло. Здесь я окончила Академию общественных наук (АОН. – *А. Д.*) при ЦК КПСС, защитила кандидатскую, а затем – докторскую. Здесь общались с выдающимися учеными Советского Союза» (с. 206). «Учеба и жизнь в АОН, – пишет Павла Петровна, – существенно расширили горизонты видения и понимания социально-экономических, духовно-культурных, художественно-эстетических проблем. Спецкурсы, посещение выставок, музеев, театров, встречи с известными актерами, художниками, учеными, изобретателями, экскурсии по историческим местам Подмосковья с огромной пользой заполнили наше свободное время» (с. 207). С интересом Павла Петровна вспоминает бурное обсуждение «Лекций по социологии» Ю. А. Левады, изданных в 1969 г., «где он "разошелся" с официальными взглядами на источники авторитарных режимов и других явлений. Общее собрание аспирантов и сотрудников Академии проводилось явно на "заданную тему", продиктованную вышестоящими инстанци-

ями, разворачивавшими критику и всевозможные обвинения в адрес автора» (с. 207). «Академические московские годы помнятся до сих пор, периодически очень! хочется туда, в Москву, на Садово-Кудринскую, на Вернадского…» (с. 208).

После окончания академии у П. П. Украинец наступает очень плодотворный период, как она называет его, «машеровский» – работа в аппарате ЦК КПБ. Об этом времени автор пишет по-особому, с искренней любовью, много места уделяет содержанию своей работы, людям, с которыми приходилось встречаться, и, конечно, своим коллегам. На наш взгляд, получилось убедительно и интересно… По прочтении возникает реальное видение огромной и напряженной работы, которую проводил главный политический штаб республики.

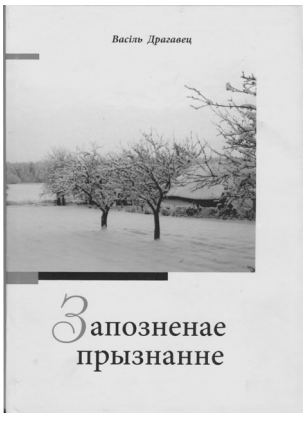
Конечно, рано еще ставить точку. Мы уверены, что появится продолжение книги. Но даже то, что профессор П. П. Украинец выдала на гора, заметно, значимо и убедительно. Это стало достоверным свидетельством эпохи, исторической летописи нашей страны. Книга написана хорошим литературным языком, читается на одном дыхании.

Масштаб проделанной автором работы столь велик, а содержание книги так насыщено знанием реальной жизни, что хочется рекомендовать всем, кому небезразлична история Отчизны, судьба человека. С уверенностью можно сказать, что оторваться от книги будет просто невозможно… Жаль, что тираж просто мизерный.

А. Н. Данилов[1]

«ДЫЯМЕНТЫ ПАМЯЦІ І АДКАЗНАСЦЬ ЗА БУДУЧЫНЮ»

«DIAMONDS OF MEMORY AND RESPONSIBILITY FOR THE FUTURE»



У выдавецтве «Беларуская навука» выйшла кніжка Васіля Драгаўца «Запозненае прызнанне» з падзагалоўкам – «Біяграфічны споведз». Узнікае пытанне: гэта споведзь ці прызнанне? З кнігі відаць, што ў аутара хопіць эмоцый і матэрыялу і на тое, і на другое, калі ўлічыць, што ў першыя гады суверэнітэта Рэспублікі Беларусь ён займаў высокія дзяржаўныя пасады і належаў да той невялікай тады групы высокіх дзяржаўных службоўцаў, што не дапусцілі да дяржаўных скарбніц і маёмасці хцівых і злоўмысных. Ім сёння трэба падзякаваць за тое, што ў Беларусі не нарадзіўся алігархічна-крымінальна-бюракратычны капіталізм, які сёння смокча сокі з многіх другіх краін постсавецкай прасторы. Праўда, падобна на тое, што аўтар і сёння яшчэ не лічыць магчымым распавядаць пра тыя цяжкія, няўдзячныя, драматычныя часіны.

Кніга В. Драгаўца прысвечана дзяцінству і можа быць названа прызнаннем у любові да сваёй вёскі і родных мясцін, да бацькі і маці, да Радзімы – Заходняй Беларусі – якая і ў сучаснасці захоўвае сваю гістарычна-культурную адметнасць. Яна пачынаецца з выдатнай прадмовы, напісанай вядомым грамадскім дзеячам і пісьменнікам Анатолем Бутэвічам. Ён згадвае тыя нясвіжска-клецкія сцежкі, па якіх Васіль і Толік маглі хадзіць разам, еднасць душ і ўспамінаў аб незабыўных гадах дзяцінства. Хочацца ўсклікнуць: «І я, і я хадзіў там і многае бачыў і чуў, а таксама перажыў, што і гэтыя два малыя рабінзоны!»

Аўтар гэтых кароткіх нататак нарадзіўся ў вёсцы Дамашы Ляхавіцкага раёна, якая знаходзіцца на самай мяжы з Нясвіжскім раёнам. Ён памятае, як у далёкім 1944 г. з гарэлых дамоў і сядзіб ляцеў попел нават да іх вёскі. Пачынаючы з 1951 г. ён правёў чатыры шчаслівыя гады падчас вучобы

[1] *Александр Николаевич Данилов* – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: *a.danilov@tut.by*

ў Нясвіжскім педагагічным вучылішчы. Канечне, гэта быў цяжкі час. Ісці дадому, а потым назад у Нясвіж часта прыходзілася пешшу. А гэта 30 кіламетраў! Часам падвозіў мяне на кані мой стрыечны брат Вячаслаў Рыгоравіч. Мы выязджалі а другой гадзіне ночы і па сноўска-нясвіжскай брукаванцы на золаку прыбывалі ў Нясвіж. Аб гэтым мы даведваліся, калі з цемры раптоўна высоўвалася адна з нямногіх уцалеўшых цагляных будынін, у якіх сёння размешчаны музей Нясвіжа. Паколькі я быў старэйшы за абодвух аўтараў, у мяне на памяці засталіся і трагічныя наступствы першых гадоў калектывізацыі (у Заходняй Беларусі масавая калектывізацыя пачалася напрыканцы 1940-х гг.).

Вёска жыла бедна. Не хапала хлеба, і сяляне гуртамі ездзілі ў гарады, выстойвалі доўгія гадзіны ў чэргах, каб прынесці дамоў пару ўжо счарствелых буханак. Падчас вандровак пешшу ў Нясвіж прыходзілася бачыць жудасныя караваны: нямоглыя галодныя калгасныя коні цягнулі на санях напаўжывых калгасных кароў – тыя з голаду ўжо не маглі стаяць на нагах, таму іх адпраўлялі на бойню. Было і многае другое, аб чым нават сёння, ужо ў вельмі сталым веку, нават цяжка гаварыць. Аднак жыццё паступова наладжвалася, і дзяцінства нашых аўтараў прыпадае на больш светлы час.

Мне вельмі сугучны матыў прымірэння і ўзаемапаразумення, які Васіль Драгавец прапануе як лейтматыў сваіх «запозненых прызнанняў»: ёсць добрыя і злыя людзі, ёсць гожыя справы людзей, а ёсць і не вельмі. Трэба ўмець зразумець і прабачыць. Гэта вельмі няпроста, але кожны раз, калі гэта ўдаецца зрабіць, колькасць зла ў свеце паменшаецца. В. Драгавец валодае ўменнем убачыць гераічнае ў выкананні свайго доўгу перад Богам, Айчынай, сваімі блізкімі, бацькамі, дзядзькамі, суседзямі, знаёмымі, проста беларусамі. З эмацыянальнага, глыбока асабістага ўспрымання Беларусі і беларусаў у Васіля Драгаўца паўстае магутны культурна-ідэнтыфікцыйны маральны код Бацькаўшчыны. Цывілізацыя Беларусі сфарміравалася на сялянскай аснове, якая, дарэчы, уласціва ўсяму ўсходнеславянскаму абшару. Цяжкая сялянская праца разгортвалася ў залежнасці ад пары года. У гэтым – яе прамая сувязь з Космасам і выхад на яго наймацнейшую і найменей вядомую нават сёння сілу – Бога. Сцэны малітвы малога Васіля і яго бацькоў напярэдадні нараджэння Спасіцеля – найбольш моцныя ў кнізе. Такія ўспаміны ёсць у многіх суайчыннікаў, у тым ліку і мяне. На жаль, не хапае ўмення сказаць аб гэтым уражліва і кранальна. Варта, аднак, адзначыць, што вера большай часткі беларусаў – праваслаўе, і гэта яднае нас з рускім светам, асновай якога з'яўляецца праваслаўе ў яго візантыйскім, самым строгім і патрабавальным варыянце хрысціянства.

Канечне, і мне хацелася б, як і аўтару прадмовы, прайсціся з касой ці сярпом па ніве. Але, братка Анатоль, дзе сёння тыя косы ці сярпы? Сёння на нашу ніву выходзяць другія людзі з другімі сродкамі. Беларусь сялянская неяк незаўважна для нас, старэйшых, саступіла месца Беларусі гарадской, дзе і пражывае сёння большасць нашых суайчыннікаў. Але кніга Васіля Драгаўца якраз і напамінае, ненавязліва і ў стылі прыгожага аповеду, аб той мінуўшчыне, дзе многа гора, слёз і пакут. Але і тады было і шчасце любові, працы, здабыткаў. Нашы сем'і выпраўлялі сваіх дзетак у свет з любоўю і малітвай. Гэта дапамагала ім пераадолець цяжкасці, вучыла цаніць працу, вернасць, дружбу, разумець, што толькі чэснае жыццё дасць чалавеку магчымасць, азірнуўшыся назад, сказаць: «Я зрабіў усё, што мог. Хай другія зробяць лепей». – «Дзякуй табе, Васіль!»

І. І. Антановіч[1]

[1]*Иван Иванович Антонович* – доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук.

Ivan I. Antonovich, doctor of science (philosophy), full professor; principal researcher at the Institute of Socio-Political Researches, Russian Academy of Sciences.

Email: *iantonovich@mail.ru*

Юбилеи

Jubilees

Вячеслав Яковлевич КОЧЕРГИН

Vyacheslav Yakovlevich KOCHERGIN

Исполнилось 70 лет известному белорусскому социологу, ведущему научному сотруднику Института социологии Национальной академии наук Беларуси кандидату философских наук Вячеславу Яковлевичу Кочергину.

В. Я. Кочергин родился 12 ноября 1947 г. в г. Новогрудке Гродненской области в семье кадрового офицера, участника Великой Отечественной войны. Детство прошло в военных гарнизонах СССР (России, Узбекистана, Беларуси). С 1963 г. Вячеслав Яковлевич живет в Минске. В 1971 г. окончил отделение философии исторического факультета Белорусского государственного университета, был распределен в сектор социологии Института философии и права Академии наук БССР. С 1976 г. работал в Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ в секторе проблем студенческой молодежи. Участвовал в исследованиях в области социального планирования, промышленной социологии, социологии образования, молодежи и социологии науки. С 1986 г. преподавал на кафедре философии Минского государственного педагогического университета им. М. Горького (сегодня – Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка), с 1994 г. – на кафедре гуманитарных дисциплин факультета коммуникаций и права Минского института управления (сегодня – Минский инновационный университет), а с 2001 г. руководил ею. В 2007 г. В. Я. Кочергин возглавил созданную в Белорусском государственном экономическом университете кафедру экономической социологии, многое сделал для ее методологического и кадрового обеспечения. Затем работал доцентом этой кафедры и по совместительству доцентом на кафедре социологии факультета философии и социальных наук БГУ. В настоящее время – ведущий научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

В 1981 г. В. Я. Кочергин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Влияние характера научной деятельности на профессиональные ценностные ориентации ученых» по специальности «Прикладная социология». Круг его научных интересов – социальная философия, экономическая социология,

социология культуры, образования и науки. В научных трудах Вячеслава Яковлевича значительное место уделено исследованию сущностных характеристик профессиональной культуры и социальных технологий, их взаимодействия.

В. Я. Кочергин – автор более 150 научных публикаций, среди которых: «Устойчивость и развитие производственного коллектива» (1975, в соавторстве), «Студент и его деятельность» (1978, в соавторстве), «Социология» (2006, под его общей редакцией в соавторстве), монография «Профессиональная культура и социальные технологии» (2007). Ученый публикуется в ведущих российских журналах «Социологические исследования» и «Теория и практика управления». Вячеслав Яковлевич является членом редколлегии и постоянным автором нашего журнала.

В 2004 г. В. Я. Кочергин за исследования в области профессионального образования и достижения в развитии социологической науки и социологического образования удостоен звания лауреата премии им. А. Г. Неболсина Фонда профессионального образования им. А. Г. Неболсина (Санкт-Петербург, Россия).

Белорусское общественное объединение «Социологическое общество», кафедра социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, друзья и коллеги искренне поздравляют Вас, уважаемый Вячеслав Яковлевич, с юбилеем. Крепкого Вам здоровья, благополучия, новых творческих успехов.

Редколлегия

Памяти ученого

To the memory of scientists

Николай Григорьевич ЮРКЕВИЧ

Nikolai Grigor'evich YURKEVICH

3 декабря 2017 г. на 90-м году жизни умер Николай Григорьевич Юркевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, участник Великой Отечественной войны…

Николай Григорьевич Юркевич родился 18 января 1928 г. в с. Сергеевичи Пуховичского района Минской области в крестьянской семье. До Великой Отечественной войны окончил шесть классов Сергеевичской средней школы.

Семья Юркевичей в полном составе сражалась за Родину. С 1942 г. Н. Г. Юркевич – в партизанской борьбе. Воевал в отряде им. Суворова, бригаде им. Пономаренко Второй Минской партизанской бригады, вместе со взрослыми выполнял задания командования, участвовал в рельсовой войне. Награжден Орденом Трудового Красного Знамени, Орденом Великой Отечественной войны II степени, медалями «Партизану Великой Отечественной войны» I и II степени, «За победу над Германией», юбилейными медалями.

После войны Н. Г. Юркевич с золотой медалью окончил школу и в 1946 г. поступил в Минский юридический институт. Здесь в 1950 г. в очной аспирантуре начал научную карьеру. В 1955 г. в Харьковском юридическом институте защитил кандидатскую диссертацию на тему «Правоспособность гражданина СССР по советскому гражданскому праву». В 1967 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Брак и его правовое регулирование в СССР (по материалам Белорусской ССР)». Ученая степень доктора юридических наук по специальности «Гражданское право и гражданский процесс» присуждена в 1969 г., ученое звание профессора – в 1970 г. Долгое время он был самым молодым доктором наук в Беларуси.

С именем Николая Григорьевича Юркевича связано развитие белорусской социологии. Он стоял у истоков белорусской научной школы социологии семьи. С 1978 г. возглавлял сектор проблем семьи легендарной Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина, а затем и всю лабораторию. Под руководством Н. Г. Юркевича сотрудники лаборатории внесли значительный вклад в подготовку Методологических рекомендаций по разработке

Плана экономического и социального развития Минска на 1976–1980 гг. За эту работу профессор был удостоен золотой медали ВДНХ СССР. Профессиональные знания в области социологии позволили ему на высоком уровне читать спецкурс «Социология права» на юридическом факультете БГУ.

Еще в конце 1960-х гг. профессор Н. Г. Юркевич создал при кафедре гражданского права и процесса юридического факультета БГУ социологический кружок для студентов, который стал его собственной научной школой в области изучения брака и семьи социологическими методами. Идеи профессора, его энтузиазм и увлеченность социологией помогали членам сообщества постигать науку на эмпирическом уровне. Под руководством Николая Григорьевича студенты занимались сбором информации для курсовых и дипломных работ по проблемам семьи, используя социологические методы: анкетные опросы, интервью, опросы экспертов.

Николай Григорьевич постоянно поддерживал научные связи с учеными-правоведами и социологами не только СССР, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, но и с представителями других стран, прежде всего Польши, Германии, Болгарии. В 1956 г. в его переводе на русский язык вышла монография профессора Н. Мевораха «Семейное право». Под руководством Николая Григорьевича соискателями из Беларуси, Польши и Вьетнама подготовлено и защищено свыше 20 кандидатских диссертаций в области права и социологии.

Н. Г. Юркевич успешно совмещал научно-педагогическую деятельность с юридической практикой. С провозглашением суверенитета Беларуси он занимался организацией Международного арбитражного суда и возглавлял его с момента создания в апреле 1994 г. Входил в состав рабочей группы, которая разработала проект Конституции Республики Беларусь 1994 г. Им разработана концепция нового Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь. Под его руководством разработаны также первоначальные тексты проекта нового Гражданско-процессуального кодекса Республики Беларусь и проекта Закона Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде». Также он являлся главным редактором созданного им журнала «Промышленно-торговое право» (издается с 1996 г.), был заместителем председателя совета по защите диссертаций БГУ. До последнего времени принимал посильное участие в законопроектных работах.

Монография Н. Г. Юркевича «Советская семья: функции и условия стабильности» (1970) стала заметным явлением не только в республике, но и в научных кругах Советского Союза. Ученый был инициатором и одним из авторов многократно издававшегося труда «Энциклопедия молодой семьи» и справочного пособия «Сексология», которые были очень востребованы в стране. В 1980-х гг., когда в СССР проводился эксперимент по внедрению в школьную программу курса по подготовке учащихся старших классов к семейной жизни, Н. Г. Юркевич стал научным редактором и одним из авторов книги для учителей «Этика и психология семейной жизни» (1989), а также серии брошюр для учащихся о семейной и брачной жизни.

В памяти коллег Н. Г. Юркевич навсегда останется прекрасным специалистом, беспредельно преданным своему делу, энциклопедически образованным, исключительно внимательным, добрым и отзывчивым человеком. Нам, хорошо знавшим Николая Григорьевича, сегодня особенно тяжело. Мы скорбим вместе с родными и близкими, прощаемся с ученым, практиком, коллегой, старшим товарищем и обещаем, что будем продолжать его дело, развивать его научное направление – социологию семьи.

Хорошим напутствием для молодых звучат сегодня слова Николая Григорьевича: «Летом далекого 1945 г., уже будучи студентом одного из московских вузов, на вокзале я встретил своего боевого партизанского командира. Он убедил меня в важности работы юриста, и я поступил в Минский юридический институт. Это позволило всю жизнь заниматься любимым делом – юриспруденцией. Не меньшее удовлетворение принесло и второе призвание – социология. Выход за пределы привычного дал возможность посмотреть на многие вещи другими глазами – не просто юриста, а человека, видящего за цифрами современные тенденции развития личности, общества и государства. В определенный момент каждому хочется применить свои знания на практике. Не бойтесь это делать…»[1].

Не бойтесь выходить за пределы привычного…

Мы, будем помнить Вас, дорогой Николай Григорьевич…

Редколлегия

[1] *Юркевич Н. Г.* Избранные труды. Минск, 2015. С. 17.

ДИССЕРТАЦИИ ПО СОЦИОЛОГИИ, УТВЕРЖДЕННЫЕ ВАК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 2017 г.

DISSERTATIONS ON SOCIOLOGY, VALIDATED BY THE HAC OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN 2017

Мартинович Владимир Александрович. «Новые религиозные движения в Беларуси: историко-методологический аспект» (специальность 21.00.01 – теория, методология и история социологии), Минск, Белорусский государственный университет. Научный руководитель – А. Н. Данилов, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси.

Хамдан Алаа Дин Саид. «Социологический анализ роли политического лидера Сирийской Арабской Республики Хафеза Асада в развитии сирийского общества» (специальность 22.00.05 – политическая социология), Минск, ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси». Научный руководитель – И. В. Котляров, доктор социологических наук, профессор.

Пинчук Игорь Викторович. «Институционализация государственно-частного партнерства в Республике Беларусь: социологический анализ» (специальность 22.00.08 – социология управления), Минск, Белорусский государственный университет. Научный руководитель – Е. А. Кечина, доктор социологических наук, профессор.

Тишкевич Михаил Яковлевич. «Технология связей с общественностью в местном управлении и самоуправлении (на примере Гомельской области)» (специальность 22.00.08 – социология управления), Минск, Белорусский государственный университет. Научный руководитель – Д. Г. Ротман, доктор социологических наук, профессор.

Рысюкевич Наталья Сигизмундовна. «Формирование личностных качеств и ценностных ориентаций лидеров в командных видах спорта: социологическое измерение» (специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы), Минск, ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси». Научный руководитель – И. В. Котляров, доктор социологических наук, профессор.

Посталовский Александр Владимирович. «Трансформация информационного поля Республики Беларусь: социологический анализ» (специальность 22.00.01 – теория, методология и история социологии), Минск, Белорусский государственный университет. Научный руководитель – Д. Г. Ротман, доктор социологических наук, профессор.

Дилекчи Румейха (Турция). «Трансформация современной турецкой семьи в условиях модернизации: социологический аспект» (специальность 22.00.01 – теория, методология и история социологии), Минск, Белорусский государственный университет. Научный руководитель – С. Н. Бурова, кандидат юридических наук, доцент.

Домасевич Ирина Владимировна. «Формирование лидеров общественного мнения в среде студенческой молодежи» (специальность 22.00.08 – социология управления), Минск, Белорусский государственный университет. Научный руководитель – С. В. Лапина, доктор социологических наук, профессор.

Фаблинова Ольга Николаевна. «Интернет-досуг студенческой молодежи Беларуси: состояние и тенденции развития» (специальность 21.00.01 – теория, методология и история социологии), Минск, Белорусский государственный университет. Научный руководитель – Е. М. Бабосов, доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2017 г.

INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN 2017

	№	С.
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА		
Данилов А. Н. Мечты сбываются…	3	4
ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ…		
Антонович И. И. Внешняя политика Республики Беларусь: вчера, сегодня, завтра	3	48
Бабосов Е. М. Возрастающая роль креативной личности в развитии сетевого общества	1	4
Бурак Т. В. Визуальные формы игровых практик повседневности интернет-форумов	4	66
Зборовский Г. Е. Междисциплинарность и плюрализм методологических подходов в социологическом исследовании	2	25
Злотников А. Г. Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси	3	59
Карпенко И. В. Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь	3	44
Кобяк О. В. Методологические основы социологического моделирования поведения социальных субъектов в контексте теории М. Вебера	2	17
Мартинович В. А. Идентификация новых религиозных движений в печатных СМИ Беларуси	4	56
Нарбут Н. П., Пузанова Ж. В., Ларина Т. И. Восприятие принадлежности определенной религии в контексте освещения терроризма в СМИ	4	50
Плащинский А. А. Парадигма нового мирового порядка во внешнеполитической стратегии США: формирование и развитие	1	11
Погосян Г. А. Белорусский вектор армянской молодежной миграции	4	44
Соколова Г. Н. Рынок труда малого города в региональном контексте Республики Беларусь	4	34
Шавель С. А. Методологические основания исследования роли неэкономических факторов в системном развитии общества	2	4
Щербин В. К. Постановка предельных проблем в различных отраслях знаний как показатель растущей строгости жизненного мира личности и общества	1	19
БИОГРАФИИ УЧЕНЫХ		
Антонович И. И. Столетие русских революций 1917 г. (статья первая)	1	38
Данилов А. Н. Многие его оценки, выводы и прогнозы сегодня звучат пророчески… (к 80-летию со дня рождения Ивана Ивановича Антоновича)	1	36

К сожалению, причастны и виновны все… 1 49

Максимчик А. Н. Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946) 2 65

От редколлегии 1 48

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Антонович И. И. Столетие русских революций 1917 г. (статья вторая)..... 2 41

Горшков М. К. Российское общество в условиях кризисной реальности: внутренние и внешние факторы 3 24

Данилов А. Н. Новые геополитические реалии будущей цивилизации 4 4

Ежи Вятр. Сравнительный анализ старого и нового авторитаризма 4 26

Кочетков В. В. Социологическое измерение международных отношений..... 4 13

Мартинович В. А. Стигматизация новых религиозных движений..... 1 73

Михайловский В. М. Развитие марксизма: методологические возможности синергетики..... 2 52

Плащинский А. А. К вопросу о новом мировом порядке: подводя итоги 4 19

Стёпин В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития..... 3 6

Сульжицкий И. С. К обоснованию дюркгеймианской программы в современных *memory studies*: коммеморативный ритуал и амбивалентность памяти 1 64

Титаренко Л. Г. Фрагментация социологического рынка России: размышления и выводы… 2 32

Шавель С. А. Расширенный порядок как манифест рыночного фундаментализма..... 1 52

Шавель С. А. Сферная когерентность общества как императив его устойчивости и прогресса 3 12

Шуман А. Н. Роевая рациональность и искусственные сети филаментов актина..... 2 59

ДИСКУССИЯ

Берков В. Ф. На путях преодоления методологического кризиса в социально-гуманитарных науках 2 87

Гигин В. Ф. Октябрьская революция и самопровозглашение Беларуси 4 87

Данилов А. Н., Гигин В. Ф., Рубанов А. В., Богданович А. Б., Плащинский А. А., Ванькевич А. И., Можейко М. А., Безнюк Д. К., Михайловский В. С., Толкачев В. И., Мысливец Н. К., Грищенко Ж. М., Посталовский А. В. Социология революции (к 100-летию Октябрьской революции): Республиканский круглый стол 4 77

Злотников А. Г. Сальдо миграции Беларуси: положительное или отрицательное?..... 1 91

Мельников А. П. Проблемы революции и социальной справедливости в современном мире 3 69

Скворцов Н. Г. Национальный вопрос и формирование российской национальной идентичности 4 101

Чарота І. А. Не хавацца ад ісціны: да скарыназнаўства без зыходнай зададзенасці..... 3 75

Шамякина Т. И. Прогресс как социальная парадигма и здравый смысл..... 1 82

Шамякина Т. И. Социально-психологические паттерны в массовом сознании постсоветского общества (статья первая)..... 3 84

Шимов В. В. 100 лет Октября: предпосылки революции и причины ее неудач..... 4 106

КУРС ПО ВЫБОРУ

Можейко М. А. Любовь как феномен европейской культуры: от экстаза к аскезе 1 98

Можейко М. А. Женщина глазами средневековой культуры: антифеминизм как фобия . 2 128

Можейко М. А. От богинь к суккубам: исторические корни демонизации женщины в медиевальной культуре 3 130

Можейко М. А. Оборотная сторона медали, или Эротическое подполье средневековой культуры 4 162

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

Белов А. А. Урбанизация и образование как факторы возрастной специфики репродуктивного поведения 2 119

Гаврилик О. Н. Монетарное мышление населения Республики Беларусь. 2 95

Данилов А. Н., Грищенко Ж. М., Щелкова Т. В. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры 1 109

Ирдам Д., Азарова А., Шейринг Г., Кинг Л. Массовая приватизация и смертность в малых и средних индустриальных городах России и Беларуси 1 119

Карасева С. Г., Шкурова Е. В., Шатравский С. И. Вовлеченность в религию как жизненная ценность: результаты исследования религиозного населения Беларуси 2 103

Кобяк О. В. Развитие въездного туризма в г. Минске: социологическое моделирование . 4 145

Кучко Е. Е., Левицкая И. В., Веремеева Н. П. Современные практики в области социального предпринимательства: опыт Беларуси 3 102

Масленченко С. В. Троллинг как социально-политический феномен 1 127

Осадчая Г. И. Мигранты из стран Евразийского экономического союза на московском рынке труда: социально-профессиональный профиль 3 111

Паньков И. Административные элиты: автономия или подчинение? 2 111

Посталовский А. В. Традиционные СМИ против интернет-ресурсов: направления трансформации национального информационного поля 4 123

Терборн Й. Заключение. Глобальная столица, будущее национальных столиц и их людей 3 126

Титаренко Л. Г. Городская социология Йорана Терборна 3 120

Тощенко Ж. Т. От пролетариата к прекариату (о возникновении нового класса). 3 95

Щербинин С. Н. Принятие управленческих решений руководителями малых предприятий: анализ основ и стратегий 4 133

Яковлева И. А. Дополнительное образование детей и молодежи как институциональное пространство и фактор приращения социального капитала в современном белорусском обществе 4 151

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Заключение 3 149

Ежи Вятр. Открытый марксизм и возрождение социологии: роль Юлиана Хохфёльда и Зигмунта Баумана 3 138

Сульжицкий И. С. Комментарий к переводу заключения книги Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» 3 146

Сульжицкий И. С. Становление и развитие *memory studies*: социологический проект М. Хальбвакса 4 112

В КОНСПЕКТ СОЦИОЛОГА

Ротман Д. Г., Белов А. А., Воднева А. К., Иванюто О. В., Правдивец В. В., Соглаева Л. А., Филинская Л. В. Третья волна международного проекта «Гендер и поколения»: новые подходы (экспериментальный старт в Республике Беларусь) 4 168

Черняк Ю. Г. Социальный потенциал молодежи: теоретические и методологические основания исследования 4 176

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Андрос И. А. Сурмач М. Ю. Социология медицины: предмет, методология и сфера применения в Республике Беларусь 2 139

Антановіч І. І. «Дыяменты памяці і адказнасць за будучыню» 4 183

Данилов А. Н. «Парадигмальные прививки» и научные революции XVII–XIX веков: история и философия медицины 3 166

Данилов А. Н. «И я, Павла Петровна, в этом Мире…» 4 181

Жизненный мир российского крестьянина. Взгляд из Беларуси (рецензия на коллективную монографию под редакцией Ж. Т. Тощенко «Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа)») 1 133

Кузеванова А. Л. Кобяк О. В. Экономическое поведение: принципы и методы социологического моделирования 2 141

Смирнова Р. А., Смирнов В. Э. «Сон разума рождает чудовищ» 3 169

Шилина С. А. Знать, чтобы предвидеть… Социологические этюды 1 140

ЮБИЛЕИ

Вячеслав Григорьевич Рудь 1 143

Вячеслав Яковлевич Кочергин 4 185

Николай Николаевич Чурилов 3 180

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Николай Григорьевич Юркевич 4 187

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ…

Данилов А. Н. Владимир Абушенко: исполнилось бы 60… 2 143

Аннотации депонированных в БГУ работ 1 145

Аннотации депонированных в БГУ работ 2 145

Диссертации по социологии, утвержденные ВАК Республики Беларусь в 2017 г. 4 189

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Данилов А. Н. Новые геополитические реалии будущей цивилизации 4
Кочетков В. В. Социологическое измерение международных отношений 13
Плащинский А. А. К вопросу о новом мировом порядке: подводя итоги 19
Ежи Вятр. Сравнительный анализ старого и нового авторитаризма 26

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

Соколова Г. Н. Рынок труда малого города в региональном контексте Республики Беларусь 34
Погосян Г. А. Белорусский вектор армянской молодежной миграции 44
Нарбут Н. П., Пузанова Ж. В., Ларина Т. И. Восприятие принадлежности определенной религии в контексте освещения терроризма в СМИ 50
Мартинович В. А. Идентификация новых религиозных движений в печатных СМИ Беларуси 56
Бурак Т. В. Визуальные формы игровых практик повседневности интернет-форумов 66

ДИСКУССИЯ

Данилов А. Н., Гигин В. Ф., Рубанов А. В., Богданович А. Б., Плащинский А. А., Ванькевич А. И., Можейко М. А., Безнюк Д. К., Михайловский В. С., Толкачев В. И., Мысливец Н. К., Грищенко Ж. М., Посталовский А. В. Социология революции (к 100-летию Октябрьской революции): республиканский круглый стол 77
Гигин В. Ф. Октябрьская революция и самоопределение Беларуси в 1917 г. 87
Скворцов Н. Г. Национальный вопрос и формирование российской национальной идентичности 101
Шимов В. В. 100 лет Октября: предпосылки революции и причины ее неудач 106

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Сульжицкий И. С. Становление и развитие *memory studie*s: социологический проект М. Хальбвакса 112

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

Посталовский А. В. Традиционные СМИ против интернет-ресурсов: направления трансформации национального информационного поля 123
Щербинин С. Н. Принятие управленческих решений руководителями малых предприятий: анализ основ и стратегий 133
Кобяк О. В. Развитие въездного туризма в г. Минске: социологическое моделирование 145
Яковлева И. А. Дополнительное образование детей и молодежи как институциональное пространство и фактор приращения социального капитала в современном белорусском обществе 151

КУРС ПО ВЫБОРУ

Можейко М. А. Оборотная сторона медали, или Эротическое подполье средневековой культуры.. 162

В КОНСПЕКТ СОЦИОЛОГА

Ротман Д. Г., Белов А. А., Воднева А. К., Иванюто О. В., Правдивец В. В., Соглаева Л. А., Филинская Л. В. Третья волна международного проекта «Гендер и поколения»: новые подходы (экспериментальный старт в Республике Беларусь) 168
Черняк Ю. Г. Социальный потенциал молодежи: теоретические и методологические основания исследования 176

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Данилов А. Н. «И я, Павла Петровна, в этом мире...» 181
Антановіч І. І. «Дыяменты памяці і адказнасць за будучыню» 183

ЮБИЛЕИ

Вячеслав Яковлевич Кочергин 185

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Николай Григорьевич Юркевич 187

Диссертации по социологии, утвержденные ВАК Республики Беларусь в 2017 г. 189

Указатель статей, опубликованных в 2017 г. 190

CONTENTS

ARTICLES AND REPORTS

Danilov A. N. New geopolitical realities of future civilization 4
Kochetkov V. V. Sociological dimension of international relations 13
Plashchinsky A. A. To the problem of the new world order: summing up 19
Jerzy Vyatr. New and old authoritarianism in a comparative perspective 26

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

Sokolova G. N. Labour market of small city in the regional context of the Republic of Belarus 34
Poghosyan G. A. The Belarus vector of Armenian youth migration 44
Narbut N. P., Puzanova Zh. V., Larina T. I. Perception of demonstration of belonging to a certain religion in the context of media representation of terrorism 50
Martinovich V. A. Identification of new religious movements in printed media in the Republic of Belarus 56
Burak T. V. Visual forms of gaming practices in online forums daily life 66

DISCUSSION

Danilov A. N., Gigin V. F., Rubanau A. V., Bohdanovich A. B., Plashchinsky A. A., Van'kevich A. I., Mojeiko M. A., Bezniuk D. K. , Mikhailovski V. S., Tolkachev V. I., N. L. Myslivec, Grishchenko Zh. M., Postalovsky A. V. Sociology of revolution (toward 100th anniversary of October revolution): Republican round table 77
Gigin V. F. The October revolution and self-determination of Belarus in 1917 87
Skvortsov N. G. The national question and formation of the Russian national identity 101
Shimov V. V. 100 years of October revolution: historical preconditions and causes of failure 106

SOCIOLOGICAL HERITAGE

Sulzhytski I. S. Formation and development of *memory studies*: the sociological project of M. Halbwachs 112

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

Postalovsky A. V. Traditional media vs internet-resources: directions of transformation of the national information field 123
Shcharbinin S. N. Management decision-making by leaders of small enterprises: analysis of basics and strategies 133
Kabiak A. V. Development of inbound tourism in Minsk: sociological modeling 145
Yakovleva I. A. Non-formal education of children and the youth as institutional field and factor of social capital acquisition in the modern belarusian society 151

OPTION COURSE

Mojeiko M. A. The flip side of coin, or the erotic underground of medieval culture 162

SYNOPSIS OF A SOCIOLOGIST

Rotman D. G., Belov A. A., Vodneva A. K., Ivanyuto O. V., Pravdivets V. V., Soglaeva L. A., Filinskaya L. V. The third wave of the international project «Generations and gender»: new approaches (an experimental start in the Republic of Belarus) 168
Chernyak Y. G. Social potential of youth: theoretical and methodological bases of research 176

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

Danilov A. N. «And I'm, Pavla Petrovna, in this world...» 181
Antonovich I. I. «Diamonds of memory and responsibility for the future» 183

JUBILEES

Vyacheslav Yakovlevich Kochergin 185

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Nikolai Grigor'evich Yurkevich 187

Dissertations on sociology, validated by the HAC of the Republic of Belarus in 2017 189

Index of articles published in 2017 190

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал Белорусского государственного университета. Социология. № 4. 2017

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск.
Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637, 220004, г. Минск.
Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного университета. Социология» издается с сентября 1997 г. До 2017 г. выходил под названием «Социология» (ISSN 2071-0968).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технические редакторы *Т. А. Караневич, Ю. А. Тарайковская*
Корректоры *О. С. Гладкова, М. А. Подголина*

Подписано в печать 03.03.2018.
Тираж 275 экз. Заказ 90.

Республиканское унитарное предприятие «Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2017

Journal of the Belarusian State University. Sociology. No. 4. 2017

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave., Minsk 220030.
Correspondence address: 9 Kaĺvaryjskaja Str., office 636, 637, Minsk 220004.
Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Sociology» published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editors *T. A. Karanevich, Y. A. Taraikouskaya*
Proofreaders *O. S. Gladkova, M. A. Podgolina*

Signed print 03.03.2018.
Edition 275 copies. Order number 90.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
6 Čyrvonaarmiejskaja Str., Minsk 220030.

© BSU, 2017